РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Ю. МАРТЫНОВА

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС: НАРОДЫ И ПОЛИТИКА

МОСКВА, "СТАРЫЙ САД", 1998

Книга подготовлена при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
Проект № 96-06-80077а

Балканский кризис: народы и политика. - М., Старый сад. 1998. 466 с.
ISBN 5-201-13730-х

Одному из актуальнейших вопросов сегодняшнего дня: драматическому разделу территории многонационального государства, рождению новых обществ в Восточной Европе, бурным событиям девяностых годов XX в. посвящена эта книга. В ней дается анализ событий, связанных с распадом Югославской федерации и созданием на ее основе новых государств, исследуются истоки кризиса, суть военных столкновений в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово, межэтнические противоречия в других районах Балкан, первые шаги существования независимых государств.
Для этнологов, историков, юристов, политологов, а также всех, интересующихся современными этническими процессами.

ISBN 5-201-13730-х

© Институт этнологии и антропологии РАН, 1998
© М. Ю. Мартынова, 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ		5
ЧАСТЬ I.	**ОСОБЕННОСТИ ЮГОСЛАВСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И РАСПАД СФРЮ**	13
Глава 1.	**Этнодемографические особенности страны**	14
Глава 2.	**Югославский федерализм и национальная политика**	31
Глава 3.	**Лингвистические аспекты межэтнических отношений**	53
Глава 4.	**Религиозный фактор в системе регулирования межэтнических отношений**	63
Глава 5.	**Межэтнические браки как индикатор уровня этнической толерантности**	90
Глава 6.	**Национализм в югославской федерации и этнизация политических процессов**	117
Глава 7.	**Борьба новых элит и распад СФРЮ**	137
ЧАСТЬ II.	**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ НА БАЛКАНАХ**	147
Глава 8.	**Этнополитические процессы в Республике Словении**	149

Глава 9. **Этнополитические процессы в Республике Хорватии** 165
Глава 10. **Война в Республике Боснии и Герцеговине** 199
Глава 11. **Республика Босния и Герцеговина после Дейтона** 238
Глава 12. **Этнополитические процессы в Республике Македонии** 269
Глава 13. **Этнополитические процессы в Союзной Республике Югославии** 292

Часть III. **ЮГОСЛАВСКИЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ОПЫТА** 355

Глава 14. **Распад федераций и этнические конфликты: общее и особенное** 357
Глава 15. **Национальные государства или мультикультурализм? Поиск мирных решений** 377

Заключение 417

Summary **Ethnic Conflicts in the Post-Soviet and Post-Yugoslav Regions: Comparative Studies** 441

ВВЕДЕНИЕ

В данной монографии с позиций этнолога рассматривается сложный процесс распада Социалистической Федеративной Республики Югославии и становления новых государств на Балканах. Коренные политические и экономические преобразования, произошедшие в Восточной и Центральной Европе в последние годы, сделали этнический фактор одним из решающих аспектов современной жизни. Политически мобилизующая роль активизировавшегося национализма, "взбунтовавшаяся этничность" последних лет показали, что не оправдались теории, согласно которым прогнозировалось, что скоро этническое самосознание станет анахронизмом в мире технологического прогресса, в ходе социальных и культурных процессов отдельные этнические группы постепенно исчезнут, а формирование интеграционных структур будет нивелировать этнические различия и усилит космополитизм.

Исторический опыт свидетельствует, что национальный вопрос стал краеугольным камнем социальной и политической мобилизации и превратился в сильнейшую общественную силу. Развитие современной государственности происходит в условиях двух диалектических тенденций. С одной стороны - рост глобализации, взаимозависимости и целостности человечества, с другой - усиление этнического самосознания и стремление сохранить культурную самобытность.

Переосмысление концепций развития и функционирования государственной системы привело к тому, что европейский

регион стран "социалистического лагеря" практически одновременно охватил процесс обстоятельной перестройки социальных отношений, трансформации общественной системы, преобразований на принципах перехода к рыночной экономике.

Глубокие кардинальные изменения охватили многие сферы жизни отдельных стран и мировое сообщество в целом: политическую, экономическую, социальную, а также этническую. Последняя в наибольшей степени затронула страны, возникшие на развалинах федераций, поскольку трансформация государственной системы, пересмотр политических границ явились катализатором целого ряда процессов этнического характера, среди них миграции населения, изменение этнической структуры стран и регионов, возникновение новых меньшинств и др. Все молодые демократические образования в ходе государственно-общественной трансформации оказались перед необходимостью большое внимание уделять межэтническим отношениям.

Новые тенденции в мировом развитии, рост этнического самосознания, прогрессирующее движение по пути суверенитетов породили проблемы в межэтнической сфере. Поскольку национальная идея сплачивает лишь часть общества, противопоставляя ей иные этнические группы, такое направление развития общества особенно опасно для государств со сложным этническим составом. Трудности охватили все молодые государственные образования, но с наибольшей силой затронули полиэтничные страны, само существование которых оказалось в прямой зависимости от национальной проблематики.

Становление национального самосознания, национально-культурное возрождение оказались лейтмотивом эпохальных преобразований, но при всем своем положительном эмоциональном заряде они породили противостояние на этнической, культурной, языковой, религиозной основе. Множество спорных вопросов, обнажившиеся узлы противоречий увеличили опасность столкновений как между вновь возникшими госу-

дарствами, так и между отдельными этносами внутри них, что стало одной из наиболее серьезных сфер напряженности на планете.

В результате изменения геополитической карты Европы распались три федерации - СССР, СФРЮ и ЧСФР - и образовались новые государства. Это явление, безусловно, имело свои объективные предпосылки, которые очень сложны и многообразны. Одной из ключевых причин дезинтеграционных процессов явилось стремление отдельных этносов реализовать право на самоопределение и создать свое "национальное" государство. Вновь возникшие державы концепцию своего устройства в большей или меньшей степени базируют на этническом принципе, хотя при этом и признают полиэтничную структуру общества, конституционно провозглашая свое государство в качестве гражданского.

Этнические сюжеты во многих странах мира представляют собой одну из самых существенных социально-политических проблем. Актуальность и острота этой проблемы в государствах, формирующихся на территориях бывших СССР и СФРЮ, выдвигают ее в ряд самых значимых как в настоящее время, так и в обозримом будущем. Она является предметом постоянного внимания и обсуждения в законодательных и исполнительных органах власти на разных уровнях, в средствах массовой информации. Вопрос о положении тех или иных этнических групп занимает важное место на государственных переговорах бывших республик распавшихся союзных государств, в заключенных между ними договорах и в принимаемых декларациях и заявлениях.

Процесс общественной трансформации потенциально конфликтогенен. Еще больше опасностей и спорных моментов несет в себе распад государств. Глубочайшим противоречием современного периода явилось сочетание принципа нерушимости границ, основополагающего принципа европейской безопасности, и права наций на самоопределение, являющегося международно признанной юридической нормой.

Реализация последнего из них, подстегиваемая стремлением к созданию моноэтничных государств, тенденцией к размежеванию по этническому принципу спровоцировала в ряде случаев территориальные претензии, проблемы этнических меньшинств и другие сложности. Если раздел Чехословакии прошел спокойно, то бурно и драматично протекал процесс дефедерализации в постсоветских и постюгославских республиках. В ряде случаев было трудно найти нужный баланс между этническими территориями и политическими границами.

Кризис СФРЮ, межреспубликанские противоречия в этой стране достигли своего апогея к 1991 г., когда оказалось нереальным дальнейшее существование единого государства. Союзные органы власти прекратили деятельность в мае 1991 г., в июне же из Союзной Скупщины были отозваны делегаты Словении и Хорватии. Началом распада страны явились решения Скупщины Словении и Сабора Хорватии выйти из состава Югославии, что затем было подкреплено официальным провозглашением в июне 1991 г. независимых государств. После некоторых колебаний курс на создание самостоятельных государств взяли еще две республики Югославии - Босния и Герцеговина и Македония.

Лишь Сербия и Черногория хотели сохранить Югославию. При сложившихся обстоятельствах правопреемницей СФРЮ объявила себя федерация - Союзная Республика Югославия, состоящая из двух суверенных республик.

Таким образом, на территории распавшейся СФРЮ возникло пять независимых государств: Союзная Республика Югославия, Республика Босния и Герцеговина, Республика Македония (название которой уточняется), Республика Словения, Республика Хорватия.

В числе причин, предопределивших распад прежней югославской федерации - СФРЮ, наряду с такими факторами, как большие экономические трудности, кризис политической си-

стемы (сползание федерации к конфедерации, рост сепаратистских тенденций в большинстве республик, развал Союза Коммунистов Югославии), важнейшим обстоятельством стало разрастание межэтнических конфликтов, обострение отношений между югославскими республиками, вылившиеся в ряде регионов в прямые военные столкновения. В Боснии и Герцеговине и части Хорватии это привело к кровопролитной гражданской войне, прекратившейся в конце 1995 г. лишь в результате вмешательства мирового сообщества. Ожесточенные бои, взаимные обстрелы населенных пунктов, этнические чистки вызвали большие разрушения, многочисленные жертвы, особенно среди гражданского населения, потоки беженцев разных национальностей. Все это поставило под угрозу само существование людей в затронутых войной районах, разрушило экономические, культурные, научные и прочие связи, привело к значительному спаду жизненного уровня населения, а в дальнейшем потребует огромных затрат на возрождение экономики.

Процесс распада федерации и становления новых государств на постюгославском пространстве протекал болезненно и сложно, правовые и конституционные нормы решения подобных вопросов отсутствовали, на повестку дня встали всевозможные территориальные претензии, носившие характер межэтнических противоречий. Раздел страны вызвал кризис во многих сферах жизнедеятельности, среди которых важное место заняли этнические аспекты, рассмотрению которых и посвящена данная монография.

Углубленное исследование протекающих на Балканах явлений имеет не только научно-познавательное, но и политическое, общественное, гражданское значение. Оно необходимо еще и потому, что может служить делу разрешения спорных вопросов, кризисных ситуаций, многие из которых в немалой степени обязаны своим появлением недостаточной или искаженной информации, плохой изученности тех или иных сюжетов.

Главное внимание в монографии уделено переломному периоду в истории Балкан: 1991-1995 годам. Кроме того, в фокус внимания попадают и более ранние факты, без которых нельзя понять многие процессы, протекавшие на территориях новых суверенных государств в момент их становления. Поскольку после тех кризисных лет уже прошло какое-то время, а мы являемся очевидцами сложнейших явлений в жизни общества, то в некоторых случаях анализируются и совсем недавние события, в целом выходящие за заданные хронологические рамки.

Эмпирическую базу исследования составили данные переписей населения СФРЮ 1948, 1953, 1961, 1981, 1991 г., статистические материалы и государственные акты СФРЮ и постюгославских государств, официальные документы (заявления правительств, резолюции международных организаций, тексты конституций, программы и уставы партий и объединений), публикации в современных общественно-политических изданиях (газеты, журналы). Оно основано на результатах собственной полевой работы автора, многочисленных интервью экспертов и данных опросов населения. Кроме того, монография базируется на широком круге источников и литературы по этнологии, этнографии, истории, социологии, демографии, политологии, статистике, экономике и др.

Целью исследования является:

1. анализ особенностей этнической структуры региона, его этнодемографическая характеристика;

2. изучение специфики этнокультурных, языковых и этнопсихологических процессов, которые наряду с другими факторами вызвали дезинтеграцию государства; их типологической сущности и специфических проявлений;

3. исследование межэтнических отношений во вновь созданных постюгославских государствах, их позиций по спорным

моментам, порожденным дезинтеграцией федерации; проблема пересмотра государственных границ;

4. освещение природы и политической роли этнического фактора и национализма на Балканах;

5. анализ этнических конфликтов, их динамика; выявление воздействия конфликтов, охвативших регион, на этнические процессы;

6. разработка вопроса нынешнего положения и перспектив развития этнических меньшинств, как одного из конфликтогенных факторов; место среди них проблемы новых меньшинств; соотношение тенденций аккультурации и историко-культурной преемственности, трансформации и консервации культурных традиций; проблемы территориальных и культурных автономий;

7. исследование особенностей политики государств в этнической сфере;

8. поиск возможностей для управления этническими конфликтами, выявление историко-культурных факторов, позволяющих ускорить процесс выхода из кризиса.

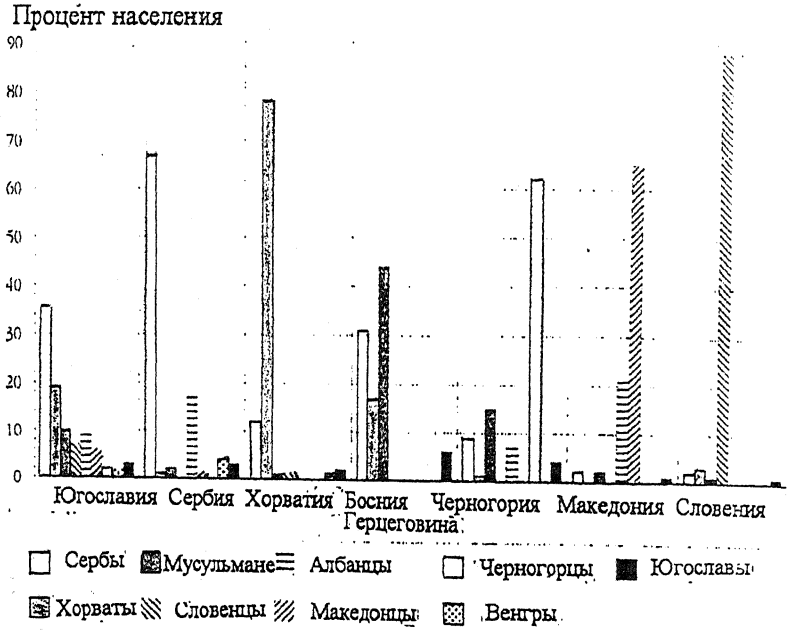
МОЗАИКА ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СФРЮ

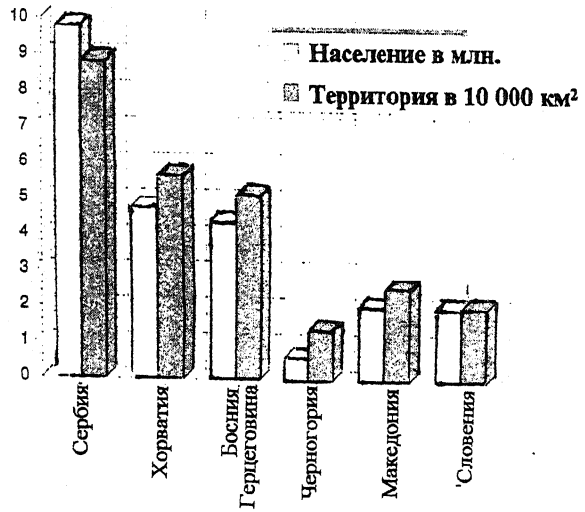

По данным переписи 1981 г.

Часть I

ОСОБЕННОСТИ ЮГОСЛАВСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И РАСПАД СФРЮ

Процент населения
90
80
70
60
50
40
30
20
10
0
Югославия
Сербия
Хорватия
Босния и Герцеговина
Черногория
Македония
Словения
Сербы
Мусульмане
Албанцы
Черногорцы
Югославы
Хорваты
Словенцы
Македонцы
Венгры

10
9
8
7
6
5
4
3
2
1
0
Население в млн.
Территория в 10 000 км²
Сербия
Хорватия
Босния и Герцеговина
Черногория
Македония
Словения

Глава 1

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАНЫ

Социалистическая Федеративная Республика Югославия представляла собой страну чрезвычайно пеструю в этническом, религиозном, лингвистическом и культурном отношениях. Полиэтничный состав населения и межнациональные отношения, несшие в себе печать сложной истории, были характерными определяющими чертами этого федеративного государства. Формированию современной структуры его населения способствовал целый ряд факторов, а история данной части Европы имеет много специфического.

Испытывая влияния разных культур, Балканский полуостров часто в своей истории был разобщен в силу внешних интересов, которые сталкивались здесь и противостояли друг другу. Именно в этом регионе и по-соседству зародились древнейшие цивилизации - эллинская и римская. В ранней истории Балканского полуострова в его юго-восточной части преобладало эллинское, а впоследствии византийское воздействие, тогда как на западе одерживали верх контакты с Римом. В период средневековья здесь пролегала новая разобщающая межа, на этот раз между христианскими догмами - восточной, православной, и западной, католической. Спустя три столетия на Балканах был установлен еще один рубеж. Волна османского проникновения из Азии разделила южнославянские народы на две части, которые в течение нескольких веков находились в составе различных, непрерывно противостоящих друг другу сфер.

Предками современных жителей Балканского полуострова были романизированное иллирийское и фракийское население, а также переселившиеся сюда славянские племена. Созданные ими средневековые государства просуществовали недолго. Затем югославянские народы в течение многих веков не имели своей государственности (в XIX веке исключение составляли Сербское и Черногорское государственные образования) и были разделены между отдельными державами. Этот факт обусловил существование региональных особенностей в экономике, культуре, религии, правовом положении, менталитете населения. К концу XIX - началу XX вв. наиболее заметные различия выявлялись между западными регионами югославянских земель, входившими в состав Австро-Венгрии, и восточными, покоренными османами.

В начале нашего столетия Йован Цвиич, известный югославский географ, выделил на Балканском полуострове несколько культурных регионов и типов цивилизации: византийско-православный на востоке, латино-католический на западе и азиатско-исламский в центральных и южных областях.

Можно сказать, что Югославия вступила на путь своего возникновения со сложным историческим наследием, оно же в значительной степени осложнило постфедеративную реальность Балкан. Поэтому именно с освещения ее этнического состава, языковой и религиозной ситуаций в регионе, а также принципов административного устройства страны, уровня социально-экономического развития республик и краев, краткого обзора основных конституционных установок, касавшихся положения народов и народностей страны, развития их культуры, функционирования того или иного языка необходимо начать исследование причин югославского кризиса.

Численность населения СФРЮ составляла на январь 1991 г. 23,5 млн. человек. Все этносы Югославии по Конституции этой страны подразделялись на народы, "обладавшие нациеобразующей функцией" и имевшие свою государственность в виде союзных республик, и народности или национальные меньшинства, принадлежность к которым определялась не численностью, а наличием своей государственности за пределами

СФРЮ[1]. Таким образом по официальной статистике в СФРЮ проживало шесть южнославянских народов - *македонцы* (1 млн. 341,6 тыс. чел. или 6% всего населения), *мусульмане*** (1 млн. 999,9 тыс. чел. - 8,9%), *сербы* (8 млн. 140,5 тыс. чел. - 36,3%), *словенцы* (1 млн. 753,6 тыс. чел. - 7,8%), *хорваты* (4 млн. 428 тыс. чел. - 19,8%), *черногорцы* (579 тыс. чел. - 2,6%). Более 30 % населения составляли народности: *албанцы* (1 млн. 730,9 тыс. чел. - 7,7%), *австрийцы* (1,4 тыс. чел.), *болгары* (36,2 тыс. чел. - 0,16%), *чехи* (19,6 тыс. чел.), *греки* (16 тыс. чел.), *итальянцы* (15,1 тыс. чел.), *евреи* (1,4 тыс. чел.), *венгры* (426,9 тыс. чел. - 1,9%), *немцы* (8,7 тыс. чел.), *поляки* (3,04 тыс. чел.), *цыгане* (168,2 тыс. чел. - 0,7%), *румыны* (54,2 тыс. чел. - 0,24%), *русские* (4,4 тыс. чел.), *русины* (23,3 тыс. чел.), *словаки* (80,3 тыс. чел. - 0,35%), *турки* (101,3 тыс. чел. - 0,5%), *украинцы* (12,8 тыс. чел.), *влахи* (32,07 тыс. чел.).

Таким образом в число народностей входили представители этносов, пограничных с экс-Югославией государств, а также других европейских стран. Среди них были достаточно крупные этнические группы, например численность албанцев была больше, чем македонцев и черногорцев и почти такая же как словенцев и славян-мусульман. Кроме того, статистика выделяла группы населения, которые отнесли себя к категории *югославов* (1 млн. 219 тыс. чел. - 5,4%) или назвали лишь свою региональную принадлежность (25,7 тыс. чел.)[2]. Здесь и в таб. 1 приведены данные переписи 1981 г., поскольку она считается наиболее полным источником статистической информации о СФРЮ. Хотя последняя перепись населения в этом государстве проводилась в 1991 г., она менее точная в связи с начавшимися военными действиями и в силу того, что бойкотировалась некоторыми этническими группами. Этнический состав по переписи 1991 г. приведен в таб. 2.

Этнический состав и исторические традиции, сложившиеся у населения тех или иных регионов, служили основным критерием при образовании республик СФРЮ. Югославская федерация состояла из шести республик: Боснии и Герцеговины,

** В данном случае термин мусульмане обозначает этноним одного из народов Югославии. Подробнее см. ниже.

Таблица 1

Этнический состав СФРЮ по республикам (перепись 1981 г.)

	СФРЮ	Босния и Герцеговина	Черногория	Хорватия
Всего	**224227585**	**4124008**	**584310**	**4601469**
черногорцы	579043	14114	400488	9818
хорваты	4428043	758136	6904	3454661
македонцы	1341598	1892	875	5362
мусульмане	1999890	1629924	78080	23740
словенцы	1753571	2753	564	25136
сербы	8140507	1320644	19407	531502
албанцы	1730878	4394	37735	6006
австрийцы	1404	52	6	267
болгары	36189	180	24	441
чехи	19624	689	52	15061
греки	1641	36	21	100
итальянцы	15132	616	45	11661
евреи	1384	343	5	316
венгры	426867	945	238	25439
немцы	8712	460	107	2175
поляки	3043	609	45	758
цыгане	168197	7251	1471	3858
румыны	54955	302	159	609
русские	4467	295	96	758
русины	23286	111	19	3321
словаки	80334	350	33	6533
турки	101291	277	67	279
украинцы	12813	4502	16	2515
влахи	32071	49	1	16
остальные	17645	629	368	1553
нац. не определились	46701	17950	368	1553
югославы	1219024	326280	31243	379057
региональная принадлежность	25730	3649	1602	8657
неизвестные	153545	26576	4338	64737

Таблица 1 (продолжение)

Македония	Словения	Сербия		Косово	Воеводина
		всего	без авт.краев		
19012257	**1891864**	**9313677**	**5694464**	**1584441**	**2034772**
3940	3217	147466	77134	27028	43304
3349	55625	149368	31447	8718	109203
1281195	3288	48989	29033	1056	18897
39555	13425	215166	151674	58562	4930
667	1712445	12006	8207	343	3456
44613	42182	6182159	4865283	209498	1107378
377726	1985	1303032	72484	1226736	3812
32	180	867	757	22	88
1984	105	33455	30769	161	2525
164	433	3225	1170	43	2012
709	18	757	392	25	340
96	2187	527	358	23	146
28	9	683	395	9	279
281	9496	390468	4965	147	385356
288	380	5302	1402	92	3808
223	204	1204	581	27	596
43223	1435	110959	57140	34126	19693
98	94	53693	6387	17	47289
363	194	2761	1603	112	1046
24	54	19757	447	5	19305
67	144	73207	3621	37	69649
86691	87	13890	1182	12513	195
68	192	5520	512	7	5001
6392	17	25596	25535	4	57
740	577	3778	1993	684	11101
508	2975	7834	4340	133	3361
14240	26263	441941	272050	2676	167215
956	4018	6848	4941	264	1643
4037	10635	43222	38662	1373	3187

Этнический состав республик по переписи 1991 г.*

Босния и Герцеговина	**Всего**	**4364574**
	мусульмане	1905829
	сербы	1369258
	хорваты	755895
Македония	**Всего**	**2033964**
	македонцы	1314283
	албанцы	427313
	турки	97416
	сербы	44159
Словения	**Всего**	**1962606**
	словенцы	1718318
Сербия	**Всего**	**9791475**
	сербы	6428420
	албанцы	1686661
	венгры	345376
	мусульмане	237358
	черногорцы	140024
	хорваты	109214
Хорватия	**Всего**	**4760344**
	хорваты	3708308
	сербы	580762
Черногория	**Всего**	**615267**
	черногорцы	380484
	мусульмане	89932
	сербы	57176
	албанцы	40880

*Данные Союзного статистического ин-та (взято из "Югославия в огне" М., 1992. С.14)

Македонии, Сербии с автономными краями Воеводина и Косово и Метохия, Словения, Хорватия и Черногория. Во всех республиках Югославии, за исключением Боснии и Герцеговины, преобладающее большинство составлял один народ, по которому и носит название республика. В Черногории черногорцы составляли примерно 61,5% всего населения; в Хорватии хорваты - 77,9%; в Македонии - македонцы - 64,5%; в Словении - словенцы - 87,6%; в Сербии - сербы - 65,8% (в Сербии без автономных краев - 87,3%) , в Боснии и Герцеговине мусульмане составляли 43,7% населения, сербы - 31,4% и хорваты - 17,3%[3]. Наиболее пестрой в этническом отношении являлась Сербия, где проживало около 3/4 общей численности народностей страны.

Зависимость государственного устройства от этнического фактора стала причиной того, что многие вопросы политической, экономической, культурной жизни рассматривались сквозь призму межэтнических отношений. Это же обстоятельство влияло на особенности демографической ситуации в стране, которая в свою очередь являлась важным аргументом в идеологии республиканских национальных движений.

Основной тенденцией демографического развития СФРЮ на протяжении всего периода ее существования было возрастание доли населения менее экономически развитых республик и краев в общей численности жителей страны и соответственно снижение доли развитых (об официальном их подразделении на таковые будет сказано дальше). Так, Хорватия уменьшила долю своего населения в Югославии с 27,3% в 1921 г. до 20,5% в 1981 г. Словения также снизила свою долю с 10,3% в 1921 г. до 8,4% в 1981 г. В то же время, Босния и Герцеговина, относившаяся к менее развитым республикам, увеличила свой процент с 15,1 в 1921 г. до 18,4 в 1981 г. ; Черногория за те же годы - с 2,5% до 2,6; Македония - с 6,5% до 8,5%; Сербия включая автономные края - с 38,4% до 41,5%; Сербия без автономных краев - с 22,7% до 25,4%, и, наконец, Косово, наименее развитый регион, за шестьдесят лет удвоил свой удельный вес в населении экс-Югославии с 3,5% до 7,1%.

Таблица 3 выявляет *различия в динамике роста населения* Югославии. На крайних позициях находятся показатели по Воеводине и Косово. Из таблицы видно, что для увеличения в

Таблица 3

Население республик и областей Югославии в послевоенный период (в тыс.)*

	1948	1953	1961	1971	1981
Югославия	15722	16937	18549	20523	22428
Босния и Герцеговина	2565	2848	3278	3746	4124
Македония	1153	1305	1406	1647	1912
Словения	1392	1466	1592	1727	1892
Сербия	6528	6979	7642	8447	9314
Сербия без авт.краев	4137	4458	4823	5250	5694
Воеводина	1663	1713	1855	1953	2035
Косово и Метохия	728	808	964	1244	1584
Хорватия	3757	3919	4160	4426	4601
Черногория	37	420	472	530	584

* Составлено по: Статистический ежегодник Югославии, 1990. Белград, 1990

** Указано число лет, необходимое для увеличения численности населения в два раза при условии приведенного в данной таблице коэффициента естественного прироста населения.

*** То же, в основе данные 86-88 гг.

два раза населения Косово и Метохии потребуется 28-29 лет, тогда как население Воеводины сможет удвоиться лишь через 3500 лет. Уровень рождаемости также очень низок в Сербии без автономных краев, Хорватии и Словении.

Босния и Герцеговина, Македония, Черногория и Косово характеризуются естественным приростом населения выше среднего по Югославии (6,2%). В 1988 г. в Сербии без автономных краев было 53 общины с отрицательным индексом прироста населения, в Воеводине - 30, в Хорватии - 59.

Схожей была ситуация в юго-восточной и восточной Сербии. В целом по республике естественный прирост населения составил в 1952 г. 115188 чел. Доля Сербии без автономных краев равнялась 63,7%, Воеводины - 17,4%, Косово и Метохии - 18,9%. В 1988 г. естественный прирост населения в Сербии составил 142796 чел. или на 24% больше, чем в 1952 г. Вместе с

Таблица 3 (продолжение)

индекс 1981/48 1948=100	Средний годовой показатель роста 1948-1981	1971-1981	Период удвоения**	Средний годовой показатель естествен. прироста с 1986-1988 гг.	Период удвоения***
142	10,7	8,9	78,2	6,2	112,1
161	14,5	9,7	71,8	9,5	73,3
166	15,4	15,0	46,6	11,5	60,6
136	9,3	9,2	75,7	3,1	233,9
143	10,8	9,8	71,1	6,2	112,1
138	9,7	8,2	84,9	2,5	277,6
122	6,1	4,1	169,4	0,2	3466,1
218	23,8	24,5	28,6	24,5	28,6
122	6,2	3,9	178,1	1,4	495,5
155	13,4	9,7	71,8	10,5	66,4

тем, территориальные показатели коренным образом изменились. Доля Косово и Метохии - 76,9%, Сербии без автономных краев - 22,6%, Воеводины - 0,5%. В этот год в Сербии без автономных краев естественный прирост составил 13540 чел., в Воеводине только 315 чел., а в Косово и Метохии - 46026 чел. Согласно общеюгославским данным, доля Косово и Метохии в приросте населения подскочила с 7,2% в 1952 г. до 32% в 1988 г. Это означает, что каждый третий житель Югославии в 1988 г. был рожден в Косово и Метохии.

Соответственно менялась и *плотность населения*, что было заметно в первую очередь в тех же менее экономически развитых регионах. Так в Боснии и Герцеговине плотность заселения 1 кв. км возросла с 37,0 в 1921 г. до 80,7 в 1981, в Черногории с 22,5 до 42,3, в Македонии с 31,5 до 74,2. Более всего увеличилась концентрация населения в Косово - с 40,3 до 145,5. Перемены в более развитых

республиках несущественны. Но в целом вышеописанная демографическая динамика изменяла распределение населения в стране, а также влияла на структуру населения отдельных республик[4].

В таблице 4 приведена динамика изменения этнического состава населения Югославии на основе послевоенных переписей. Численность отдельных национальностей изменялась неравномерно. Уменьшение доли сербов намечалось после 1961 г. Она сократилась во всех республиках и краях за исключением Словении. Этому способствовал ряд причин, главные среди них - низкий уровень рождаемости, ассимиляция, идентификация себя в качестве "югославов". А в Боснии и Герцеговине, Косово и Метохии, а также Хорватии еще одной причиной была эмиграция в Сербию и за границу.

Условия, повлиявшие на динамику численности хорватов, сходны с сербскими. В самой Хорватии пропорция хорватов снизилась с 79,2% от всего населения республики в 1948 г. до 75,1% в 1981 г. , там же сербов было 14,5%, а стало 11,6%, при этом нужно учесть, что в 1981 г. доля югославов в населении Хорватии стала составлять 8,2%. Если сравнить эти показатели с данными 1991 г., то видно, что доля хорватов к этому моменту возросла до 78,1%, а сербов до 12,2%, тогда как процент югославов упал до 2,2%.

Для словенцев характерен постоянный абсолютный рост численности, хотя относительная численность их стала меньше. В Словении заметно уменьшение процента словенцев с 97 в 1948 г. до 90,5 1981 г. и увеличение численности несловенцев.

В общеюгославском масштабе численность македонцев возросла и абсолютно, и относительно. Однако, их относительная численность уменьшилась в самой Македонии, так как там начала резко увеличиваться численность албанцев. Численность мусульман (в этническом смысле) стала резко возрастать с 1961 года, т. е. со времени провозглашения их в качестве самостоятельной нации. Их доля в населении Боснии и Герцеговины резко увеличилась с 0,1% до 13,4%. Тогда как между 1948 и 1981 г. сербов и хорватов в Боснии и Герцеговине стало меньше. На численность черногорцев влияло то, что многие из них при переписи относили себя к сербам или югославам. В силу этих и других

Этнический состав населения Югославии по данным послевоенных переписей (в тыс. чел.)*

	1948	1953	1961	1971	1981	индекс 1981-71 71=100
сербы	6547	7066	7808	8143	8143	100,0
хорваты	3784	3976	4294	4527	4428	97,8
мусульмане	808	999	973	1730	2000	115,6
словенцы	1415	1487	1589	1678	1754	104,5
македонцы	810	893	1046	1195	1342	112,3
черногорцы	426	466	514	509	579	113,8
албанцы	750	754	915	1310	1731	132,1
венгры	496	562	504	477	427	89,4
цыгане	73	85	32	78	168	214,3
турки	99	260	183	128	101	78,2
словаки	84	85	86	84	80	96,0
румыны	64	60	61	59	55	93,8
болгары	61	62	63	59	36	61,7
влахи	103	37	9	22	32	145,8
итальянцы	80	36	26	22	15	69,4
югославы	—	—	317	273	1219	446,4
другие	172	109	129	229	320	139,7
Всего	**15772**	**16937**	**18549**	**20523**	**22428**	**109,3**

*Составлено по: Popis stanovništva... 1981. С.8

причин пропорция черногорцев в населении Черногории упала с 90,7% в 1948 г. до 68,5% в 1981 г.

Наиболее многочисленными, как уже отмечалось, среди неславянских народов Югославии были албанцы. В 1981 г. их

доля среди национальных меньшинств (по югославской терминологии) составляла 63,2% (2739924 чел. или 12,2% населения всей страны). Численность албанцев имеет тенденцию резкого роста, она удвоилась за период 25-30 лет (за время одного поколения). Доля венгров была 15,6%, цыган - 6,1%, турок - 3,4%.

Прочие этнические меньшинства могут быть поделены на две группы. К первой относятся те народы, численность которых под влиянием современных социально-политических обстоятельств не претерпела существенных перемен. Это венгры, словаки, румыны, болгары. Их общая численность уменьшалась в послевоенный период, особенно за последние 20-30 лет. Основная причина этого низкий уровень рождаемости, естественная ассимиляция и эмиграция за границу.

Другую группу представляют собой этнически нестабильные народы, численность которых менялась под влиянием политических, экономических и социальных причин. Это прежде всего цыгане, влахи, турки. Например, турецкое население в начале 50-х годов резко возросло в Македонии и Косово, так как многие албанцы, цыгане и славяне-мусульмане стали записываться турками, поскольку появилась возможность для эмиграции в Турцию.

Еще одним важным показателем, свидетельствовавшим об открытости этноса к контактам, а также влиявшим на характер межэтнических отношений по стране в целом, является *степень концентрации отдельных народов* в той или иной области и республике Югославии. Так, оказывается, что в 1981 г. только 2,3% словенцев, живущих в Югославии, проживали за пределами Словении, 4,5% македонцев - вне Македонии, 9,7% венгров - вне Воеводины. Наиболее дисперсными из всех югославских народов были черногорцы (30,8% вне Черногории) и сербы (24,1% вне Сербии и ее автономных краев и 40,2% вне собственно Сербии). В 1981 г. 1958 тыс. сербов проживало за пределами республики, а 3275 тыс. вне собственно Сербии.

В 1981 г. в Боснии и Герцеговине была 81 "национальная" община, к которым относятся общины, имеющие более 50% представителей одной национальности. Из них 35 были мусульманскими. В остальных 28 общинах ни одна национальность не была доминирующей.

Сербы преобладали в Западной Боснии и Восточной Герцеговине, мусульмане - в центральной и восточной Боснии, хорваты - в западной Герцеговине. Согласно данным 1991 г. в Боснии и Герцеговине было 43,7% мусульман (в этническом смысле) (35,9% в 1981 г.), 31,3% сербов (32%), 17,3% хорватов (18,4%), 5,5% югославов (7,9%), 2,2% - прочих национальностей. Мусульмане имели наивысший естественный прирост, наименьшую тенденцию к эмиграции за пределы Боснии и Герцеговины[5].

Данные о внутренних миграциях в СФРЮ (см. таб. 5) свидетельствуют о том, что сербы и хорваты (наиболее многочисленные народы СФРЮ) мигрировали больше всех прочих этнических групп. Наивысший уровень миграций - у сербов, которые по переписи 1981 г. составляли 36,3% населения страны и 48,8% от всех мигрантов. Хорваты при доле в населении 19,8% насчитывали 16% от всех мигрантов. Относительно мало переезжали словенцы и албанцы. Данные переписи 1991 г. иллюстрируют продолжение миграций сербов. Перепись свидетельствует также о росте миграций мусульман и сербов из Боснии-Герцеговины в Словению[6]. Внутренние миграции оказывали существенное влияние на изменение демографической структуры страны, способствовали перемешиванию населения. Годы существования в совместном государстве способствовали переселению жителей из одной республики в другую, тесным контактам этнических групп, взаимовлиянию их культур, распространению межэтнических браков и многим другим формам взаимодействия.

Примечания

[1]Конституция СФРЮ. Белград. 1974.

[2]Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 1981 godini. Nacionalni sastav stanovništva po opštinama. Konaćni rezultat // Statistićki bilten. Beograd. 1982. Br. 1295. S. 8, 18.

[3] Подсчитано по: Popis ... S. 8-9.

[4]Yugoslavia 1918-1988, Statistical Yearbook, Federal Bureau of Statistics, Belgrade. 1989; Statistical Yearbook of Yugoslavia 1991.

[5]Там же.

[6]Jugoslavia. The Former and Future. Belgrade. 1992.

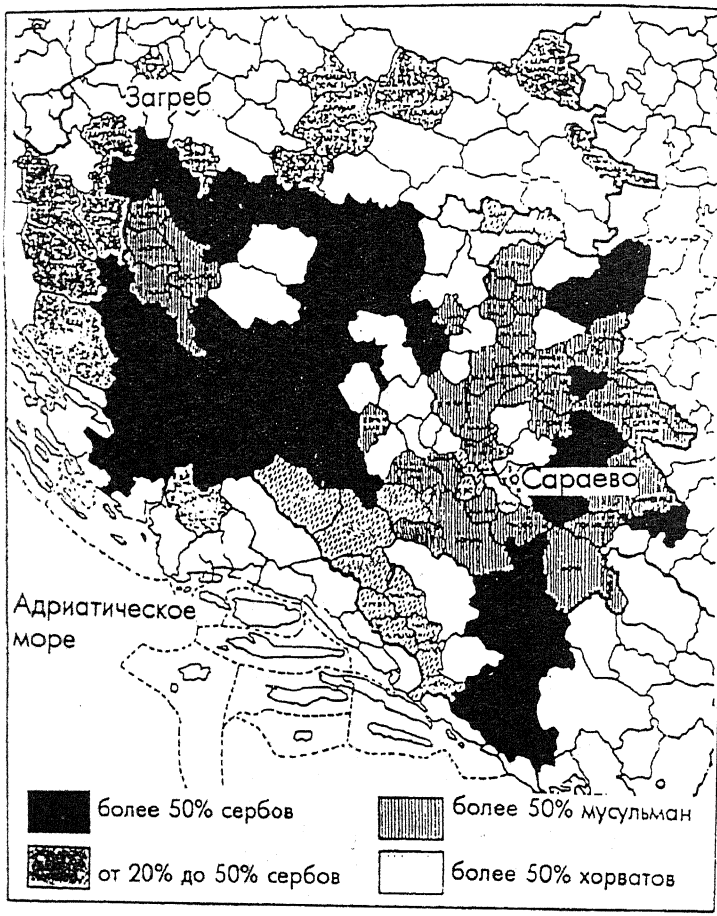
Таблица 5

Внутренние миграции лиц разных национальностей в республики СФРЮ 1946-1981 г. (в %)

	Югославия	Босния Герцеговина	Македония	Словения	Хорватия	Черногория	Сербия всего	собственно Сербия	Воеводина	Косово
всего населения	100,0	18,39	8,51	8,44	20,52	2,61	41,53	25,39	9,07	7,07
всего миграций	100,0	8,03	4,39	6,36	20,95	2,56	57,72	30,56	21,73	2,87
1971-1981	30,79	37,06	23,68	48,38	32,93	41,43	27,27	30,07	22,16	33,67
указали национ.	87,23	81,07	95,12	88,53	82,60	83,97	89,16	86,70	91,68	98,47
1971-1981	26,71	29,99	22,27	41,87	26,82	34,63	24,53	26,73	20,04	33,10
албанцы	3,40	1,98	24,70	1,17	1,06	2,75	3,09	1,65	0.,57	38,86
1971-1981	1,32	0,93	5,47	0,83	0,60	1,55	1,37	0,68	0,29	17,57
венгры	0,83	0,46	0,24	0,51	0,97	0,38	0,94	0,60	1,55	0,19
1971-1981	0,19	0,14	0,08	0,22	0,23	0,13	0,19	0,13	0,29	0,06
македонцы	2,96	0,83	21,47	1,71	0,89	1,17	2,82	3,33	2,24	1,36
1971-1981	0,84	0,36	4,89	1,13	0,32	0,56	0,77	0,95	0,51	0,63
мусульмане	4,97	19,04	11,24	7,80	4,07	8,41	2,39	2,42	0,64	15,36
1071-1981	2,10	7,85	2,31	5,80	1,96	3,39	0,87	0,93	0,27	4,83
сербы	48,75	34,18	25,26	23,34	20,98	19,97	66,72	64,86	74,85	26,55
1971-1981	14,42	12,69	6,51	15,01	7,74	9,89	17,82	19,70	16,43	6,67

словенцы	2,68	1,04	0,50	19,82	4,40	0,63	0,66	0,88	0,37	0,30
1971-1981	0,50	0,20	0,10	4,29	0,73	0,16	0,10	0,13	0,05	0,10
хорваты	16,02	17,35	2,51	31,39	47,64	4,93	4,19	3,72	5,29	1,20
1971-1981	4,84	5,54	0,64	13,09	14,51	1,58	0,49	0,74	0,90	0,42
черногорцы	5,75	5,09	2,46	1,63	1,27	44,06	6,47	7,39	4,33	12,08
1971-1981	1,93	1,84	0,59	0,98	0,37	16,59	2,07	2,88	0,86	1,76
югославы	11,05	17,35	3,84	7,26	14,82	12,62	9,70	11,60	7,93	1,13
1971-1981	3,43	6,43	1,11	4,00	5,07	5,62	2,44	2,89	2,01	0,47
прочие	1,87	1,10	6,74	0,16	1,32	1,66	1,89	1,84	1,87	2,58
1971-1981	0,56	0,44	1,68	0,53	0,37	0,77	0,56	0,59	0,44	1,07

Источник: Yugoslavia 1918-1988, Statistical Yearbook, Federal Bureau of Statistics. Belgrade. February 1989. P. 44.Рассчитано в Центре экономической информации и статистики Экономического института (г. Загреб).

Некоторые особенности этнического состава населения Боснии и Герцеговины и Хорватии

Глава 2

ЮГОСЛАВСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Зарождение югославизма

Идея югославизма возникла в XIX веке как стремление к воссоединению этнически близких южных славянских народов для борьбы против господства на Балканах Австро-Венгерской и Оттоманской империй. Созреванию этой идеи способствовало осознание того, что после распада империй небольшие национальные государства на Балканах вряд ли смогли бы обеспечить себе самостоятельное существование. Концепция югославизма разрабатывалась не только сербами, но хорватами и словенцами, причем даже в большей степени. Югославская идея связана с движением иллиризма, во главе которого стояли Людевит Гай (хорват), Иван Мажуранич (хорват), Станко Враз (словенец). Одним из воплотителей идеи был хорватский религиозный деятель епископ Иосип Юрий Штроссмайер, основавший в конце XIX века в Загребе Югославскую академию наук и искусства. В период, предшествовавший созданию государства (1918), ведущая роль в этом вопросе принадлежала (при поддержке католической церкви) "народному движению" в Истрии (Хорватия). В связи с этим уместно будет отметить, что Югославский комитет из г. Триест занимал видное место в подготовке и создании нового государства. Правда, уже в первые годы существования Югославии доминировать в процессе реализации югославской идеи стал наиболее многочисленный и государственно организованный этнос в стране - сербы.

Ключевым моментом в истории Балкан был 1918 г., когда произошло объединение большей части югославянских земель в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев(с 1929 г. - Королевство Югославия). До создания первого югославского государства про-югославские программы носили преимущественно централистский характер, федералистская концепция в них присутствовала крайне слабо. Но в связи с полицентрическим характером югославского движения тенденция к федерализму была вполне естественной.

Сразу после создания нового государства сформировалось два политических течения, одно из которых было хорватским, а другое сербским. Хорватское концентрировалось вокруг Хорватской крестьянской (республиканской) партии, во главе с братьями Радич. Сербское ассоциировалось с Сербской радикальной партией под руководством Николы Пашича. Эти движения имели различные представления о принципах устройства государства. Хорватская крестьянская партия выступала за создание децентрализованного федерального государства, а Сербская радикальная партия пропагандировала централизованное унитарное государство. Политическая философия сербской стороны в тот момент победила, популяризировалась концепция "трехименного народа", согласно которой сербы, хорваты и словенцы объявлялись единой нацией. Королевство было поделено на 33 области и формально внутренние исторически сложившиеся границы между народами ликвидировались. Кульминационным моментом в эскалации отношений стал 1928 г., когда лидер ХКП, Степан Радич, был убит в парламенте. Таким образом разногласия между сербами и хорватами были обозначены уже с первых дней существования страны.

После смерти Степана Радича король Александр I в 1929 г. распустил парламент и запретил политические партии на этнической базе. Королевство СХС было переименовано в Королевство Югославию, что как предполагалось, должно было сплотить страну на неэтнической основе. Тогда же был веден новый принцип территориального устройства страны, которая была поделена на 9 административных единиц - бановин. Однако, в 1939 г. под влиянием требований хорватской стороны пришлось смягчить политику национальной гомогенизации. В результате компромисса была создана Хорватская бановина, единственная провинция выделен-

ная по этническому принципу. Это событие может рассматриваться как первый шаг на пути к федерализации Югославии.

Представляется, что с момента создания югославянского государства и вплоть до настоящего времени существуют два основных фактора, являющиеся своего рода постоянно действующими катализаторами, обуславливающими напряженность межэтнических отношений в регионе. Один из них связан с экономической сферой (традиционная и до сих пор непреодоленная неравномерность экономического развития отдельных народов), другой - с этнической.

Надо отметить, что и в довоенной, и в федеративной Югославии тот факт, что главный город Сербии Белград был столицей и всей Югославии, а сербы составляли более трети всего населения страны, приводил к тому, что все, что исходило из центра, подчас совершенно неоправданно ассоциировалось с Сербией, с ее специфическими интересами. Это служило дополнительным фактором сохранения, а нередко и обострения, межнациональных и межреспубликанских отношений.

В королевской Югославии национальный вопрос не был урегулирован ни в политическом, ни в экономическом, ни в культурном аспектах. Уже само первоначальное название этой страны - Королевство сербов, хорватов и словенцев - свидетельствовало о том, что лишь эти три народа были признаны равноправными в полиэтничном государстве. Положение национальных меньшинств имело свою специфику. Черногорцы автоматически были включены в состав сербов, проводилась сербизация Вардарской Македонии (ее называли Южной Сербией).

Так называемая "первая" Югославия исчезла во время Второй мировой войны. Провозглашенная в 1945 г. Федеративная Народная Республика Югославия получила чрезвычайно тяжелое наследие во всех сферах жизни: экономической, политической, культурной, этнической.

А многообразие ее традиций и исторических условий развития, огромный этнический и культурный плюрализм не раз использовались в качестве разобщающего фактора самыми разными как внутренними, так и внешними силами.

ЭВОЛЮЦИЯ ЮГОСЛАВСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Послевоенная, так называемая "вторая" Югославия стала федеративным государством. Следует подчеркнуть, что, хотя руководство страны было убеждено в нерушимости родившегося в годы освободительной войны лозунга "Братство и единство", в глубокой заинтересованности народов и народностей в упрочении межреспубликанских и межэтнических связей, национальному вопросу, за редкими исключениями, уделялось большое внимание с момента рождения федерации.

Одним из первых документов новой Югославии стало постановление II сессии Антифашистского Веча Народного Освобождения Югославии (АВНОЮ) от 29 ноября 1943 г. "Об образовании Югославии на федеративных началах". Провозглашенный в нем принцип федеративного устройства страны был законодательно закреплен Конституцией страны 1946 г. Выражением национального суверенитета югославских народов стали шесть республик, составивших югославскую федерацию (Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория); кроме того, вскоре в составе Сербии выделились два автономных края: Воеводина, где пять национальных меньшинств представляли более одной трети населения, и Косово (первоначально оно было автономной областью), где албанцы составляли подавляющее большинство населения.

Согласно Конституции Югославии 1946 г. страна являлась "союзным народным государством республиканской формы, объединением равноправных народов, которые на основе права на отделение выразили свою волю совместно жить в федеративном государстве"[1]. Вскоре каждая из республик приняла свою конституцию. Важно подчеркнуть, что все шесть конституций в своем первом параграфе назвали республики "народными государствами, имеющими республиканскую форму правления".

Ретроспектива политического и экономического развития Югославии свидетельствует о том, что ее внутренней политике были присущи колебания между централизмом и автономизмом. В послевоенные годы межреспубликанские противоречия

еще не были заметны. В этот период Югославия представляла собой сильно централизованное государство, а "национальный" вопрос казался ее руководителям навсегда решенным.

Но уже в 1959 г. под влиянием требования албанского населения возникла необходимость урегулировать статус этнических меньшинств, что привело к реорганизации отношений между народами Югославии. Этому способствовали и начавшиеся в 60-е годы споры между республиками по некоторым экономическим и политическим вопросам. Наметилась тенденция к пересмотру принципов югославского союза.

Именно на этот период приходятся первые массовые выступления, объединившие их участников по этническому принципу. В 1968 г. произошли волнения албанцев в Косово, а в 1971 г. Хорватию охватило националистическое движение, вошедшее в историю под названием "*Хорватская весна*". Направленные против федеральных властей, оба выступления вели к обострению отношений с сербским населением, ассоциировавшимся с политикой центра.

В 1967-1971 г. был принят ряд поправок к Конституции 1963 г., поощрявших регионализм в югославской политической жизни. Радикальная реформа федерации была проведена в результате принятия в 1974 г. новой Конституции СФРЮ. Ее сутью было перенесение всей полноты решений по важнейшим вопросам экономического, политического и социального характера на республиканские и краевые органы власти при сохранении за федерацией лишь ограниченных компетенций.

Автономные края Косово и Воеводина уравнивались в правах с остальными республиками, хотя и сохраняли прежний статус. Это решение, как показала жизнь не оказалось безобидным и однозначно положительным. Оно вызвало непонимание и несогласие с разных сторон. В частности, сохранение статуса автономного края давало повод для развития местного сепаратизма. С 1974 г. лозунг "Косово - республика!" стал лаконичным требованием албанцев изменить их юридическое положение в стране.

Ослабление позиций центра имело и другие негативные последствий для единства страны. Наиболее серьезным оказался тот факт, что ограничение роли государства произошло на

уровне федерации, а не на уровне республик, автономных краев. Последние настолько усилили свои прерогативы, что стали руководствоваться местными интересами, игнорируя интересы страны в целом.

Принципы национальной политики по Конституции 1974 г.

В Конституции СФРЮ указывалось, что народы и народности осуществляют свою суверенность и самоуправление в первую очередь в своих республиках и автономных краях. Республики и края наделялись большой самостоятельностью в экономической, административной, культурной и других сферах жизни. Центральным вопросом дальнейшего развития "нового типа отношений в федерации" являлся, по мнению авторов Конституции, "уровень развития самоуправления в республиках и краях". Особенно важным, как отмечалось в Конституции, было "новое и не имеющее прецедента решение, на основании которого республиканские скупщины"[2] выполняют функции федерации во всех важнейших вопросах экономической политики.

Кроме того, согласно Конституции, республики и автономные края могли принимать свои законы, если это требовалось в интересах осуществления ими своих прав и обязанностей (ст. 268), которые однако не должны были противоречить союзному закону (ст. 207).

Республики и автономные края могли поддерживать сотрудничество с органами и организациями других государств и международными организациями в рамках установленной внешней политики СФРЮ и международных договоров. Налаживать контакты с международными организациями могли также общины, организации объединенного труда и другие самоуправляемые организации (ст. 271)[3].

Свидетельством большой самостоятельности республик и автономных краев в общегосударственных масштабах являлся принцип их паритетного представительства в высших органах власти федерации, Скупщине и Президиуме СФРЮ. Так, в состав одной из палат Скупщины СФРЮ - Союзное Вече входило по 30 делегатов от каждой республики и по 20 делегатов от каж-

дого края. В состав другой палаты - Веча республик и краев входило по 12 делегатов от Скупщины каждой республики и по 8 делегатов от краев (ст. 291-292)[4]. Вместо многопалатной скупщины вновь была введена двухпалатная система. Обе палаты были равноправны, однако Вече республик и краев имело ряд особых функций, связанных с координированием интересов отдельных республик и краев. Например, право предлагать принятие законов и одобрять предложения о принятии законов после того, как Скупщины республик дали свое согласие по этому вопросу.

В Конституции фиксировалось, что Вече республик и краев принимает решения на заседании, если на нем представлены делегации всех республик, а решение считается принятым, если за него проголосовали все делегации Веча (ст. 295)[5].

Опыт, однако, показал, что чрезмерное увлечение хозяйственной и политической самостоятельностью республик наносило вред интересам федерации в целом, вело к ее фактическому превращению в конфедерацию, нарушению связей между республиками. Одним из наиболее слабых звеньев в системе межреспубликанских отношений стала так называемая система взаимосогласования подчас весьма противоречивых интересов республик. Наделение республиканских скупщин широкими полномочиями в области экономической политики на практике стало одной из причин резкого обострения межреспубликанских и соответственно - межнациональных отношений в 80-е годы.

Аналогичное положение сложилось и на уровне взаимоотношений республики Сербии и входивших в ее состав автономных краев. Особенно острый, а нередко даже драматичный характер, эти противоречия приобрели между Сербией и автономным краем Косово. В последнее десятилетие существования СФРЮ конфликты носили открытый характер и являлись одним из факторов резкого обострения межнациональной обстановки в стране в целом.

В соответствии с Конституциями СФРЮ и Сербии 1974 года автономные края получили права, во многом равные тем, которыми обладала республика Сербия. Очевидно, этот факт также сыграл определенную роль в самой возможности такого

Изменение статуса Косово и Метохии в составе Югославии

Название	Область 1946-1968	Автономный край Косово и Метохия 1963-1968	Автономный край Косово 1968-1990	Автономный край Косово и Метохия 1990
Конституционный акт	Статут 1946-1968	Конституционный закон 1968-1971	Конституция 1971-1990	Статут 1990
Статус в республике и стране	Составная часть республики 1946-1971	Составная часть республики и паритетная часть федерации 1971-1990		Составная часть республики 1990
Терминологическое обозначение албанского населения	Национальное меньшинство, наделенное всеми правами 1946-1968	Национальное меньшинство становится "народностью", права народа и народности выравниваются 1968-1990		Национальное меньшинство, наделенное всеми правами 1990

развития событий, которое сопровождалось террористическими актами, репрессиями, забастовками, введением чрезвычайного положения, роспуском краевых органов власти и др. Сложившаяся на основе нечетких положений Конституции трактовка автономных краев как конституционных элементов федерации и в то же время составных частей республики Сербии объективно вызвала усиление стремления руководства этих краев к полной независимости от республики, фактическому приобретению краями равного статуса с республиками. Возникла парадоксальная ситуация, когда края могли наложить вето на принятие республиканских решений, но за республикой не признавалось аналогичного права в отношении краев. Именно это обстоятельство, неравноправное положение Сербии по сравнению с другими республиками в том смысле, что она фактически не была властна над всей своей территорией, привело к внесению поправок в Конституцию 1974 г., устанавливавших, вернее восстанавливавших определенную иерархичность в отношениях республика - автономный край. Это касалось полномочий власти в автономных краях, законодательства, судопроизводства, армии, милиции и т. д.

Забегая вперед скажем, что в новой Конституции Сербии, принятой в сентябре 1990 г., в специальной статье подчеркивалось положение автономных краев лишь как формы территориальной автономии. Статья 6 этой Конституции гласит: "В республике существуют Автономный край Воеводина и Автономный край Косово и Метохия как формы территориальной автономии"[6]. В статье 4-й этого же документа провозглашено, что "территория Республики - единая, неделимая и неотчуждаемая"[7].

ЮГОСЛАВЫ - НОВАЯ КАТЕГОРИЯ ГРАЖДАН

В личных документах граждан СФРЮ национальность не указывалась. В Югославии было конституционно закреплено право граждан страны свободно определять свою национальную принадлежность или вообще не определять ее. Статья 170 Конституции СФРЮ, принятой в 1974 г., гласила: "Гражданину гарантируется свобода определения своей национальной при-

надлежности... Гражданин не обязан высказываться о том, к какому народу или какой народности он принадлежит, не обязан определять свою принадлежность к какому-либо народу или какой-либо народности"[8].

Право, закрепленное конституционными гарантиями, было внесено в Закон о переписи населения страны в 1991 г. и зафиксировано на бланке переписного листа[9]. Данная мера была направлена на то, чтобы избежать возможного давления переписчиков на население или значительно уменьшить его.

Еще раньше одним из элементов государственной национальной политики было решение о выделении такой категории населения, как югославы. Используя конституционное право, часть населения называла себя югославами (Југословени). При этом в публикациях материалов переписей фиксировалось, что то население, которое относит себя к югославам, так же как и лица, называющие лишь свою региональную принадлежность, поступают в соответствии с Конституцией СФРЮ: эти две категории населения страны объединялись в группу лиц, не определивших своей национальности[10]. Надо также сказать, что часть людей, называвших себя югославами, делали это, руководствуясь идеями югославянства, и из убеждения в том, что в будущем неизбежно постепенное слияние народов Югославии в одну югославскую нацию.

Югославы впервые появились как специфическая группа в 1961 г. В этот период их было 317 тыс., в 1981 г. численность югославов увеличилась до 1 млн. 219 тыс., что составляло 5,4% населения страны. В 1981 г. большинство их проживало в Хорватии (379 тыс.), Боснии и Герцеговине (326 тыс.) и Центральной Сербии (272 тыс.), что составляло в Хорватии - 8,2% населения, Воеводине - 8,2% , Боснии и Герцеговине - 7,9%. В Косово и Метохии было лишь 2,5 тыс. югославов (0,2%), Македонии - 14 тыс. (0,7%), Словении - 26 тыс. (1,45%). В основе решения называть себя югославами часто лежали национальные причины, так как это давало политическую, экономическую и социальную безопасность. По этой причине некоторые сербы в Хорватии относили себя к югославам.

Статистические данные свидетельствовали об увеличении группы населения, считающего себя югославами. За десятилетие с 1971-1981 гг. наибольший рост числа югославов имел место в Хорватии - с 1,95% до 8,2%, но и во всех других регионах очевидна тенденция возрастания популярности общеюгославской идентичности. Она увеличилась в автономном крае Воеводина - с 2,4% до 8,2%, в Черногории - с 2,1% до 5,3%; в Сербии - с 1,5% до 4,7%, в Сербии без автономных краев - с 1,4% до 4,8%[11].

Мы не располагаем данными об этническом, социальном и возрастном составе населения СФРЮ, объявившего себя югославами. Однако, отдельные публикации в специальной и периодической печати, а также собственные наблюдения, свидетельствуют о том, что чаще всего к югославам относили себя люди, вступившие в этнически-смешанные браки, особенно их потомки; представители национальных меньшинств, проживавшие в иноэтничной, по преимуществу однородной в национальном отношении среде; представители молодежи; люди с высшим образованием - больше всего это были ученые и деятели искусства; офицеры; работники государственного сектора; члены Союза Коммунистов Югославии. Есть также основание полагать, что фактически людей, считавших себя югославами, было больше, чем по данным переписей. Возможно, это обуславливалось и чисто политическими факторами, в частности тем, что стартовые позиции людей, объявивших себя югославами, в том числе, политических и общественных деятелей, значительно снижались в стране, где в представительных и исполнительных органах, например, соблюдались паритетные доли участия республик и автономных краев, соответственно населяющих их народов и народностей[12]. Характерно, что проведенный еще в 1967 году опрос среди студентов Загребского университета, показал, что 70% опрошенных высказалось за возможность использования термина югословен и в качестве этнонима национальной принадлежности[13].

В свое время в СФРЮ поднимался вопрос о том, чтобы группа населения, считающая себя югославами, рассматривалась в качестве определенного этнического образования, а не

как лица, не определившие своей национальности, т. е. не имеющие ее. Однако вопрос этот разрешения так и не получил[10].

Мусульмане - один из народов Югославии

Специального разъяснения требует возникновение такой группы населения, как мусульмане. В данном случае мусульмане - это этноним одного из народов Югославии. В переписи 1948 г. они фигурировали как неопределившиеся мусульмане, в 1953 г. - югославы неопределившиеся, в 1961 г. - мусульмане (этническая принадлежность), в 1971 г. - мусульмане в смысле народности, в 1981 и 1991 г. - мусульмане[15]. Лишь учет факторов, связанных с этнополитической историей, конфессиональной ситуацией и, вследствие этого, со спецификой культуры этой группы населения, помогает понять, почему стало возможным формирование этого особого народа.

Прежде данную группу населения обычно называли босанцы, боснийцы или босняки. К боснийцам чаще всего относили лиц, исповедующих ислам; большинство их было южнославянского происхождения. В СФРЮ этноним босанец официально не был признан, хотя в повседневной жизни, даже в выступлениях политических деятелей, до последних лет встречалось и наименование босанец. В нашей отечественной литературе наиболее употребительным был термин боснийцы. Этноним мусульмане был зафиксирован в официальных документах, в том числе и в переписях населения, хотя и с некоторыми вариациями. Это вносило определенную путаницу, тем более, что и сам термин мусульмане традиционно отождествляется с вероисповеданием, а в эту этническую группу входят как люди религиозные - приверженцы ислама, так и атеисты.

Большинство мусульман (немногим более 80% - перепись 1981 г.) проживало в Боснии и Герцеговине[16]. Этот народ сформировался в основном именно на данной территории, где политика исламизации Балканского полуострова, проводившаяся Османской империей, принесла наиболее ощутимые результаты. Населением этого региона, исповедовавшим ислам, первоначально стали поселившиеся здесь в период османского господ-

ства турки, арабы, выходцы с Кавказа и другие лица, обладавшие властью и наделенные привилегиями. И хотя переселенцев было сравнительно мало, воздействие их на культуру и быт местного населения имело конструктивное значение.

Как известно, во время османского господства на Балканах часть христианского населения перешла в ислам. Целью этого явления было стремление сохранить и приумножить прежние привилегии (феодалами, чиновниками, торговцами) или получить их (крестьянами, ремесленниками). Подобный процесс имел место не только в Боснии и Герцеговине, но в отличие от других югославянских регионов исламизация здесь охватила и часть крестьянства, т. е. была более массовой. Кроме того, с конца XVII в. и до последней четверти XIX в. шел приток в Боснию и Герцеговину мусульман из различных югославянских краев (Боки, Далмации, Лики, Славонии, Сербии и др.), освобождавшихся от османского гнета.

В результате в Боснии и Герцеговине больше всего сконцентрировалось лиц югославянского происхождения, взамен христианства (православия и католицизма) принявших ислам. Именно они и составили основу современного народа, который в Югославии стали называть мусульманами. Нередко новую религию в начале воспринимали как бы формально, считая отступничество от веры отцов временным явлением. Потомки, воспитанные по канонам исламского права, уже не стремились к возврату к прежней вере. Вместе с принятием ислама в жизнь этой группы населения более широко, чем в жизнь остального населения Балкан, проникала так называемая восточная культура. Большую роль в ее распространении сыграл шариат, отразивший концепции мусульманской религии и фактически регламентирующий всю жизнь мусульманских обществ и их отдельных индивидуумов.

В то же время среди исламизированного населения, значительная часть которого проживает смешанно с христианским, продолжали, а отчасти продолжают и теперь сохраняться традиционные народные обычаи или их отдельные рудименты, характерные для доисламского периода жизни населения этого региона. Прослеживая различные стороны современной культуры и быта населения этого региона, можно найти фактическое

подтверждение достаточно широко распространенного тезиса о развитии культуры как органического единства и преемственности элементов ее прошлого и новых черт, возникших в местной среде или заимствованных. Только комплексное сопоставление и анализ всех факторов (исторических, социальных, культурных, правовых, конфессиональных) позволяет выявить генетические корни и своеобразие культуры и быта части населения Боснии и Герцеговины, сложившейся в отдельный народ - мусульмане[17].

ФОРМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ

Для обсуждения, согласования национальных интересов и проблем межэтнических и межреспубликанских отношений в СФРЮ широко использовался институт комиссий по межнациональным отношениям, создававшихся на союзном, республиканском и краевом уровнях. Существовали Комитет по вопросам развития экономически недостаточно развитых республик и автономных краев в Вече республик и краев Скупщины СФРЮ, соответствующие комиссии в ряде республиканских Скупщин. В случае необходимости образовывались также различные временные союзные и межреспубликанские комиссии, рабочие группы (например, по проблемам Косово) и т. п.

В каждой республике были созданы специальные Управления развития культурных процессов, которые осуществляли аналогичную работу в трех направлениях: отслеживание и прогноз реально протекавших процессов, выявление их объективной направленности, выработка рекомендаций в плане свободного развития той или иной национальной культуры, а также гармонизация взаимодействия разных культур. В республике Сербия в таком управлении в 1990 г. работало 24 ответственных сотрудника, в том числе 13 докторов и магистров наук, их усилия сосредотачивались на анализе таких проблем, как культура и экономика, культура и традиции, культура и язык. Были подготовлены соответствующие издания монографического характера.

Вопросами межэтнических отношений в том или ином аспекте занимался ряд научных учреждений СФРЮ, в том числе специальный НИИ в Любляне, Институт по изучению миграций народностей в Загребе.

Что касается обеспечения прав этнических меньшинств (народностей по югославской терминологии), не имеющих национально-территориальных образований, то создание условий для их реализации мыслилось через политико-территориальное разделение страны на общины и расширение их компетенций.

Равноправное положение этой части населения страны неоднократно регулировалось в конституционно-правовом отношении. Особое внимание этнополитике стало уделяться с конца 50-х годов. В 1959 г. было принято специальное постановление о некоторых вопросах жизни этнических меньшинств (народностей). Конституции 1963 г., а затем и 1974 г. особо гарантировали их равноправное положение.

Во вводном разделе Конституции СФРЮ специально подчеркивалось, что "Народы Югославии, совместно с теми народностями, вместе с которыми они живут..., на основании свободного волеизъявления... объединились в союзную республику свободных и равноправных народов и народностей и создали социалистическое федеративное содружество трудящихся - Социалистическую Федеративную Республику Югославию, в которой в интересах каждого народа и народности в отдельности и всех их, вместе взятых, они осуществляют и обеспечивают: национальную свободу и независимость, братство и единство народов и народностей..."[18]. В ст. 247 оговаривалось, что "каждой народности гарантируется право в целях выражения своей народности и культуры свободно пользоваться своим языком и письменностью, развивать свою культуру, учреждать организации и пользоваться другими, предусмотренными конституцией, возможностями"[19].

Согласно Конституции, "помимо прав, которые им обеспечиваются Конституцией в других общественно-политических содружествах, народности осуществляют суверенные права и в общине, как самоуправляемом и основном общественно-политическом содружестве"[20].

Эти основные конституционные начала получили отражение в Конституциях республик и в конституционных законах автономных краев. Статуты общин, трудовых и других организаций также конкретизировали способы осуществления прав и обязанностей в этой области в тех или иных трудовых и территориальных общественных содружествах.

Общим законом о школах, а также принятыми на базе его дополнительными союзными положениями и республиканскими законами определялись условия и способ осуществления прав на образование на родном языке. Согласно положениям этого закона, в районах, где проживали меньшинства, обеспечивалось обучение на их языках для детей дошкольного возраста, в восьмилетних школах, гимназиях, специальных школах и университетах, а также подготовка преподавателей для этих видов обучения. Закон предусматривал и право открытия школ с двуязычным обучением. Республиканские законы и краевые положения подробно разрабатывали формы претворения в жизнь этого права. Так, например, в 1986/87 учебном году в СФРЮ работало 1570 основных школ и 272 средних школы с преподаванием на языках народностей (в их число были включены и те школы, в которых имелись лишь отдельные классы с преподаванием на языках народностей). Больше всего таких школ составляли школы с албанским (1221 - основных и 165 - средних), а также с венгерским (152 основных и 66 средних), турецким (соответственно 62 и 13), румынским (31 и 7), болгарским (31 основная школа), итальянским (27 и 11), словацким языками (26 и 7); кроме того, в ряде школ велось преподавание на чешском, русинском и украинском языках[211]. В университетах функционировали специальные отделения, где преподавание велось на языках национальных меньшинств.

Право на развитие своей национальной культуры предусматривало создание культурно-просветительных и художественных обществ и объединений или национальных секций при организованных на территориальной основе обществах для развития самодеятельности в области культуры на родном языке, работу профессиональных и народных театров, народных университетов, образовательных центров, издательскую деятельность, радио- и телевизионные передачи и т.д. Так, например, в

1988 г. на албанском языке была издана 351 книга, на венгерском - 116 книг, на чешском и словацком - 74, на итальянском - 59, на румынском - 53, на турецком - 25, на русинском - 12, на болгарском - 7[22]. Кроме того, на этих языках печатались также газеты и журналы - в 1987 г., например, 94 газеты и 65 журналов - из них больше всего изданий было опубликовано на албанском (соответственно 35 и 14) и венгерском (соответственно 32 и 18) языках[23].

В целом можно сказать, что определенная политическая линия прослеживалась по отношению к каждому этническому меньшинству. К примеру, цыгане составляли в стране одну из самых многочисленных этнических групп. В Югославии издавались две газеты, велись радио- и телепередачи на цыганском языке, были разработаны грамматика, словарь, букварь цыганского языка. В Югославии существовала определенная социальная программа по развитию культуры, экономическому и правовому обеспечению этой народности. Данные меры нашли поддержку международных организаций, принявших в 1988 г. решение о создании специального фонда ООН для эмансипации цыган.

Можно еще раз подчеркнуть, что все югославские конституции (1946, 1963, 1974 гг.) гарантировали равноправие народов и народностей, населяющих Югославию, равноправие их языка и письменности (ст. 245, 246). Каждому народу и народности гарантировалось право свободно пользоваться своим языком и письменностью, развивать свою национальную культуру и самобытность (ст. 247). Статья 154 Конституции, как бы суммируя по разным параметрам равенство граждан СФРЮ, гласила: "Граждане равны в правах и обязанностях, независимо от национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, образования или общественного положения. Все равны перед законом"[24].

В Конституциях, различных партийных и государственных документах, выступлениях руководящих югославских деятелей неоднократно подчеркивались основополагающие принципы в области национальной политики - равенство всех народов и народностей страны.

Однако, реалии жизни в СФРЮ были далеки от полного совпадения с конституционными и программными положениями.

Экономические аспекты национальной политики

Воплощение в жизнь юридически провозглашенного равенства народов СФРЮ мыслилось при условии проведения разнообразных мер, в частности экономического характера, направленных на уменьшение разрыва в уровне развития народного хозяйства республик, так как этот разрыв постоянно поддерживал определенную степень накала межэтнических отношений.

Важно также отметить, что в Югославии существовали ощутимые территориальные различия в уровне экономического развития, особенностях отраслевой структуры хозяйства регионов. Республики и автономные края страны официально подразделялись на экономически более развитые (Словения, Хорватия, Сербия без Косово) и менее развитые (Босния и Герцеговина, Македония, Черногория и автономный край Косово).

К моменту возникновения югославского федеративного государства существовали довольно заметные различия в уровне социально-экономического и культурного состояния западных и восточных регионов его земель. Сразу же после провозглашения федерации здесь начались радикальные преобразования - была проведена аграрная реформа, приняты законы о национализации промышленности, банков, торговли, транспорта, средств связи и т. д. Комплекс мероприятий, в том числе и экономического характера, в целом обусловил превращение за четыре с половиной десятилетия отсталой аграрной страны, какой была Югославия в годы, предшествовавшие второй мировой войне, в развитое аграрно-индустриальное государство. Хорошо известно, что экономические реформы в экс-Югославии начались намного раньше, чем в других социалистических странах. Их начало связано с разработкой в начале 50-х годов концепции рабочего самоуправления. С тех пор народное хозяйство страны знало и периоды взлета, и периоды падения, сопровождавшиеся

многолетней безработицей, глубочайшей инфляцией и девальвацией динара.

За время существования федерации было сделано немало для ликвидации различий во всех областях жизни ее народов; особое внимание уделялось культурному и экономическому факторам. Уже с первых лет, наряду с перспективой восстановления разрушенного войной хозяйства страны и его развития в целом, была поставлена задача роста экономики с опережающими темпами в ранее экономически отсталых аграрных регионах - Косово, Черногории, Боснии и Герцеговине, Македонии - и постепенного сближения их экономических показателей с состоянием более развитых республик. Для осуществления этой цели была разработана система мероприятий, включающая такие меры, как выделение дополнительных средств из специального инвестиционного фонда, дифференцированная налоговая политика и т. д. Эта политика оказалась достаточно действенной и в слаборазвитых регионах имел место определенный рост экономики, приведший к развитию там промышленности, изменению в народном хозяйстве соотношения между сельскохозяйственным и промышленным производством в пользу последнего и соответственно к изменению социальной структуры, более высоким темпам роста национального дохода, опережающим среднеюгославские показатели. Однако, несмотря на эти достижения, относительная разница в уровне развития народного хозяйства, его структуре, наличии квалифицированных кадров, материальной обеспеченности трудящихся оставалась довольно высокой, а по некоторым аспектам даже возрастала.

За 20-25 лет Словения существенно вырвалась вперед, в Боснии и Герцеговине тоже были видны позитивные сдвиги, а отставание Македонии, Черногории и Косово усиливалось, ниже среднеюгославских стали показатели в Сербии. Весьма интересны в этом отношении данные о национальном доходе, о производстве общественного продукта на душу населения, о производительности труда, занятости работоспособного населения, уровне безработицы и т. п. Для иллюстрации можно привести некоторые факты: так, например, занятость трудоспособного населения, также как и общественный продукт на душу населения были стабильно выше среднеюгославских показате-

лей в экономически развитых регионах и соответственно ниже - в экономически отсталых[25].

Неодинаковый уровень экономического развития отдельных регионов неизбежно сказывался на величине личных доходов трудящихся. Статистические данные свидетельствуют, что личные доходы рабочих и служащих были устойчиво выше в экономически развитых регионах[26].

По данным агентства ТАНЮГ в октябре 1989 г. средняя заработная плата рабочих и служащих в Словении составила 154% по отношению к среднеюгославскому уровню, в Воеводине - 107,32%, в Хорватии - 101,34%, тогда как в Косово она достигла всего лишь 58,98%, а в Македонии - 68,3%; в этом же месяце средняя заработная плата в Словении была в 2,25 раза выше, чем в Македонии и в 2,61 раза выше, чем в Косово[27].

Непреодоленный разрыв в уровне развития народного хозяйства прежде всего экономически отсталых регионов по сравнению с лидирующими неизбежно приводил к различиям в уровне национального дохода на душу населения разных республик и краев, в личных доходах рабочих и служащих и их заработной плате, что, в свою очередь, влияло на жизненный уровень в целом и вызывало серьезные противоречия между народами.

Политика выравнивания экономического развития объективно тормозила и замедляла темпы роста экономически продвинутых регионов. Только 1,8 и 2,4% общественного продукта страны инвестировались в Хорватии и Словении, тогда как в Косово инвестиции составляли 15,6%. Уже в начале 50-х годов экономисты, в частности из Загребского института экономики, обратили внимание на эту проблему, которая в полиэтничной стране вызывала не только экономические, но и политические последствия.

Республиканско-краевые разногласия стимулировал принцип формирования и распределения средств Фонда федерации по кредитованию недостаточно развитых республик и края Косово. Черногория, Македония и Косово требовали увеличения своей доли за счет снижения ее для Боснии и Герцеговины. Сербия, ссылаясь на то, что значительная часть ее территорий относится к разряду неразвитых, добивалась уменьшения своих от-

числений. Хорватия и Словения считали, что даже те отчисления, которые они делают, слишком велики.

Центробежные тенденции усилил вспыхнувший в начале 80-х годов экономический кризис. Экономика страны перестала функционировать как единый хозяйственный комплекс. Националистические настроения, распространившиеся в конце этого десятилетия, сказались и на экономических отношениях, в частности бойкот товаров из конфликтующего региона был одним из аргументов в политической борьбе. Последней попыткой спасти федеративную Югославию была экономическая реформа 1990 г., направленная на расширение рыночных отношений при повышении эфективности регулирующей роли государства.

Примечания

[1]Устав ФНРЈ. Београд. 1946.

[2]Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. Белград, 1974, С. 47.

[3]Конституция..., ст. 268, 207, 271. С. 208, 238, 239.

[4]Конституция..., ст. 291, 292. С. 267, 268.

[5]Конституция..., ст. 295. С. 269.

[6]Устав Републике Србије. Београд, 1990, Члан 6.

[7]Там же, Члан 4.

[8]Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. Белград. 1974. Ст. 170. С. 195-196.

[9]Мијалковић А. У сусрет попису становништва 1992. // Политика.13.V.1989.

[10]См., например, Popis ... 1981. S.8; Конституция ..., ст. 170. С. 195-196.

[11]Popis ..., 1981. S.8-11, 14,15,17.

[12]Кашуба М. С., Мартынова М. Ю. Новая этнополитическая карта Балкан. М. 1995.

[13]Зукович М. Югослав. Кто это? // Югославские новости. 1988, №11; Т. М. Откуд толико Југословена? // Политика, 9.III.1989, А шта је Југословени? // Политика, 11.II.1990 и др.

[14]Boluha. Obgovor bez predrasuda // Vjesnik u srijedu. Zagreb, 6. VI. 1967.

[15]Кашуба М. С., Мартынова М. Ю. Указ. раб.

[16]Подсчитано по: Popis ... S. 8-9.

[17]Кашуба М. С. К проблеме югославянских и восточных компонентов в семейном быту населения Боснии и Герцеговины// Bosna i Hercegovina u tokovima istorijskih i kulturnih kretanja u Jugoistočnoj Evropi. Sarajevo, 1989. S. 15-23.

[18]Конституция..., ст.61, 62.
[19]Конституция..., ст. 247. С. 225.
[20]Конституция..., ст. 248. С. 225.
[21]Statistićki godišnjak Jugoslavije 1989. Beograd, 1989. S. 373.
[22]Statistićki godišnjak...,1989. S. 394.
[23]Statistićki godišnjak..., 1989. S. 393.
[24]Конституция ..., ст. 245, 246, 247, 154. С. 189, 224-225.
[25]Милић А. Претња обуставом помоћи за неразвијене // Политика. 16.01.1990; Statistički godišnjak Jugoslavije. Beograd. 1989. S. 419.
[26]Statistički godišnjak Jugoslavije. Beograd. 1989. S. 475.
[27]Из Савезног Завода за статистику // Политика. 16. XII. 1989.

ГЛАВА 3

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Лингвистический плюрализм и лингвистическая политика

С полиэтничным составом населения Югославии связано использование в стране нескольких языков. Подавляющее большинство населения на территории прежней Югославии говорит на южнославянских языках - сербском, хорватском (ранее - сербскохорватский или хорватско-сербский язык), словенском и македонском. Следует отметить, что в Хорватии в процессе борьбы за суверенизацию отказались от прежних договоренностей (*Новосадский договор* 1951 г.) и стали называть свой язык хорватским. Это нашло отражение и в поправках, принятых к Конституции 1974 г., и в новой Конституции 1990 г. и, кстати, послужило одним из поводов к конфронтации между хорватами и сербами, проживавшими в Хорватии.

На сербскохорватском (хорватско-сербском) языке говорило почти 70% всех жителей страны - сербы, хорваты, черногорцы, мусульмане. Это сочеталось с до сих пор существующими локальными диалектными особенностями языков всех народов региона и двуязычием этнических меньшинств, которые нередко помимо своего родного языка знали и язык окружающего их населения.

Представляется, что можно говорить о трех уровнях лингвистических контактов в Югославии. Первый уровень - официальной государственной политики и общественной жизни - ох-

ватывал взаимоотношения на федеральном уровне как между федеральными органами и республиками (автономными краями), так и прямые отношения между республиками (краями). В этом контексте наибольшего внимания заслуживают связи между тремя славенскими языками: сербскохорватским, словенским и македонским. Второй уровень, региональный, касался взаимодействий языков народов и народностей Югославии на территории проживания этносов, говорящих на них, т. е. этнического большинства и меньшинства, что проявлялось в каждодневной жизни, работе и общении. Третий уровень может быть обозначен как форма контактов между основной языковой общиной региона с отдельными иноязычными мигрантами из других республик и краев.

Социолингвитические показатели демонстрируют важную роль лингвистической политики в Югославии как компонента направления межэтнических отношений. С момента создания суверенного Югославского государства языковой вопрос был одним из ключевых при выработке концепции гармоничного существования народов в стране и в различные периоды решался он по-разному. Еще задолго до возникновения первой Югославии, 28 мая 1850 г. в Вене крупнейшие сербские, хорватские и словенские ученые подписали так называемое *литературное соглашение*. Его авторы выступали против смешения различных наречий и признавали наиболее целесообразным пользоваться только одним из них. Лингвистическая ситуация в первые годы существования Югославии отражала централистскую концепцию устройства страны.

В 1951 г. в городе Нови Сад было подписано еще одно *соглашение о литературных нормах сербско-хорватского (хорватско-сербского) языка*. С позиций лингвистической политики и особенно легального и политического статуса языков в СФРЮ уделялось внимание как взаимоотношениям южнославянских языков, так и языков этнических меньшинств. Эта политика базировалась на территориальном принципе, но при этом уважала право каждого гражданина пользоваться родным языком.

В Конституции СФРЮ подчеркивалось, что "языки народов и народностей и их письменности равноправны на территории Югославии. В СФРЮ официально применяются языки народов, а языки народностей - в соответствии с настоящей Конституцией и союзным законом. При помощи закона обеспечивается равноправие и официальное применение языков и письменностей народов и народностей на тех территориях, где живут отдельные этносы, и определяются порядок и условия обеспечения их равноправия" (ст. 246)[1]. Аналогичные положения содержались и в республиканских конституциях.

Принцип равноправия языков народов Югославии применялся и в международном общении, на любом из них могли заключаться международные договоры (ст. 271)[2]. Обычно язык документа с югославской стороны определялся родным языком подписывающего договор. Следует особо оговорить, что в Югославии не было единого государственного языка.

До принятия Конституции 1974 г. единственное исключение делалось для Югославской народной армии, где официальным языком был сербскохорватский. В соответствии же с Конституцией 1974 г. в вооруженных силах, как и во всех прочих сферах жизни страны, должно было обеспечиваться равноправие языков и письменности народов и народностей Югославии, при этом указывалось, что в процессе командования и обучения может применяться один из языков народов Югославии, а в воинских частях - языки народов и народностей[3]. В практике повседневной жизни армии общепринятой нормой было ведение делопроизводства на сербскохорватском языке (письменность - на основе латинской графики), на этом же языке отдавались команды.

Равноправное употребление языков народов и народностей страны обеспечивалось разными способами: так, в Скупщинах СФРЮ, республиканских и краевых, осуществлялся синхронный перевод; при проведении первых многопартийных выборов в Сербии (декабрь 1990 г.) в многоэтничном автономном крае Воеводине избирательные бюллетени были напечатаны на пяти языках - сербско-хорватском, венгерском, словацком, румынском и русинском[4]. В многонациональных регионах на разных языках издавались законодательные акты и решения раз-

личных государственных органов, писались официальные названия государственных органов и учреждений, велось судопроизводство. В республиках и краях печатались газеты, журналы, велись радио и телепередачи на языках проживавших там национальных меньшинств.

Историческое развитие языков как элемент национального вопроса

Известно, что в период обострения межэтнических отношений любое проявление неуважительного отношения к тем или иным сторонам культуры определенного народа (или народов), вызывает особенно резко выраженную негативную реакцию и становится одним из факторов углубления конфронтации. При этом имеет место своего рода цепная реакция, следствием которой является возникновение особого интереса именно к этим элементам культуры в среде их обитания. Язык в данном случае оказывается одним из наиболее наглядных факторов выражения и проявления межэтнических отношений.

Для лучшего понимания современной ситуации показательна эволюция вариантов названий языка, на котором говорят четыре южнославянских народа - хорваты, сербы, черногорцы и мусульмане. В Конституциях республик 1946 г. в пределах этого лингвистического региона официальными были следующие языки: "сербский" и "хорватский" в Боснии и Герцеговине, "сербский", "хорватский" и языки народностей, "хорватский" или "сербский" в Хорватии, "сербский" в Черногории. С принятием Конституций 1963 г. язык стал называться "сербохорватским" в Конституциях Боснии-Герцеговины, Сербии, Черногории и "хорватско-сербским" в Конституции Хорватии. Согласно Конституциям 1974 г. в Сербии говорили на "сербохорватском", в Боснии и Герцеговине на "сербо-хорватском" или "хорватско-сербском". В Хорватии официально использовался "хорватский литературный язык - стандартная форма национального языка хорватов и сербов, живущих в Хорватии, который называется хорватским или сербским". Конституция Черногории вообще не упоминала официальный язык.

Следует отметить, что использование в политических целях, в том числе и для выяснения межэтнических отношений, различных лингвистических проблем постепенно стало традицией в СФРЮ. В частности, одной из такого рода акций еще в конце 1960-х гг. явилась так называемая "*Декларация о названии и статусе хорватского литературного языка*", опубликованная в 1966 г. от имени 140 хорватских интеллигентов и 18 хорватских научных и культурных центров. В этой Декларации специально подчеркивалось отличие хорватского литературного языка от сербского, хотя исследования лингвистов говорят о том, что они сравнительно невелики, во всяком случае значительно меньше, чем диалектные различия на территории Хорватии. Подоплека этого документа имела политический характер - Декларация не была направлена на сближение хорватов и сербов, цель ее была совершенно противоположной. Сразу после появления Декларации на своем годовом собрании 42 сербских писателя подписали так называемые *Предложения для размышления*, в которых предлагали считать Венское и Нови-Садское соглашения о языке утратившими силу, а сербский и хорватский языки должны были развиваться впредь независимо друг от друга. В то время стремление разделить языки было оценено как националистическое действие и подавлено политическими мерами.

Однако, в конце 80-х гг. споры по этому вопросу вспыхнули с новой силой. Бурное обсуждение вызвал вопрос о внесении поправки в статью Конституции Хорватии, касавшейся названия официального языка. Статья гласит, что в Хорватии находится в "употреблении хорватский литературный язык - стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии, который называется хорватский или сербский". Была предложена поправка, согласно которой в "СР Хорватии официально употребляется хорватский или сербский язык, стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии, который называется и хорватским литературным языком, а также литературным языком сербов в Хорватии"[5].

После двухгодичного обсуждения двучленное название языка все-таки не было принято[6].

Предпринятое в Хорватии разделение сербскохорватского (хорватско-сербского) языка на сербский и хорватский и официальное признание лишь хорватского языка вызвало негативную реакцию, особенно резкой она была в среде сербов, проживающих в Хорватии.

В июле 1990 г. Сербская демократическая партия обратилась в Конституционный суд Югославии, а также в Скупштину СФРЮ, Союзное исполнительное Вече, Сабор СР Хорватии и его конституционную комиссию, выступая за единство сербского и хорватского языков и требуя изменить статью Конституции Хорватии, в которой зафиксировано, что "хорватский литературный язык является языком и сербов в Хорватии"[7].

Политизировались лингвистические вопросы и в других регионах Югославии. В частности, в Черногории вспыхнула борьба за чистоту национального языка, сопровождавшаяся известной долей агрессивности по отношению к другим. Иногда в подходе к языкам побеждала так называемая "объединительная" тенденция: был, например, поднят вопрос об "объединении южного албанского и северного албанского языков".

Еще одним направлением общественных акций было, несмотря на официальное равенство языков всех народов Югославии, недовольство словенцев и македонцев степенью распространенности своих языков в стране. Вполне естественно, что в Югославии, как и в любом другом государстве, был необходим единый язык общения. В силу того, что большинство населения говорило на сербско-хорватском или хорватско-сербском языке, именно он стал доминировать в официальном общении, в средствах массовой информации и т. д. Функции словенского и македонского языков сокращались не только на федеральном уровне, но и на территориях своих республик.

У ряда словенцев, а вслед за ними и македонцев вызывало недовольство то, что названия государственных учреждений писались на двух языках, инструкции к товарам, титры фильмов и т. д. были на сербско-хорватском. Сербско-хорватский язык был обязательным предметом в школах на всей территории страны, тогда как словенский и македонский не изучался даже факультативно в сербско-хорватском лингвистическом ареале. В начале 70-х годов словенцы добились включения в школьные

программы приграничных городов своего языка. Кроме того шла борьба за обеспечение конституционного равенства языков народов Югославии на государственном уровне.

Все эти действия вызывали весьма неоднозначную реакцию у населения. Кое-кто считал их просто излишними, а распространение сербско-хорватского языка объективной необходимостью, другие же расценивали как демонстрацию сепаратистских настроений.

Тем не менее и Македония присоединилась к словенским попыткам повысить статус своего языка. Дискуссии привели к тому, что Поправки к Конституции страны 60-х годов, а также Конституция 1974 г. еще раз урегулировали отношения между языками народов Югославии, сербско-хорватским, словенским и македонским, и провозгласили их равенство. Албанский и венгерский также сохраняли свои функции. В СФРЮ провозглашалось гарантированное Конституцией равноправие народов и народностей страны в самых различных его проявлениях, в том числе и в области языка и письменности (статьи 245, 246). Словенская Конституция 1974 г. обозначила словенский язык как служебный на своей территории (и в этнически смешанных регионах, населенных итальянцами и венграми) и лишила сербско-хорватский язык положения языка общения в республике.

К сожалению, непонимание и конфликты между различными сторонами не только продолжались после 1974 г., но и обострялись. В средство выяснения отношений между народами превратились многие казалось бы чисто лингвистические проблемы. Такое явление наблюдалось, например, с письменностью на кириллице, которой пользуются сербы, черногорцы, македонцы, частично - мусульмане). Следует отметить, что в последние десятилетия в сфере служебной переписки и документации, в Сербии, так же как и в других республиках, написание латинским шрифтом было распространено довольно широко. В этой связи и в периодической печати и в научной литературе появился целый ряд публикаций о письменности на латинице и кириллице. Здесь не место оценивать взгляды различных авторов, выступавших "за" и "против" использования той или иной письменности у народов, для которых кириллица была традиционной, в частности, вопрос о том, какая из них больше соответст-

вует фонетическим особенностям языка. Однако очевидно, что совершенно недопустимы те крайности, к которым нередко прибегают сторонники латиницы или кириллицы, когда первые, например, объявляют употребление кириллицы одним из проявлений великосербского национализма, а вторые призывают к полному отказу от латинской письменности и письму только на кириллице, считая ее определенным символом сербской культуры и не учитывая, что она, с некоторыми изменениями, распространена и среди других народов. При этом вопрос о целесообразности применения той или иной письменности, ее распространенности и т. п. вышел за рамки научной дискуссии и использовался как один из аргументов в политической борьбе. В частности, сербские националисты достаточно широко пропагандировали тезис об ущемлении права пользоваться письменностью на кириллице и подавлении ее латиницей как одном из показателей неравноправного положения в СФРЮ сербской культуры в целом[8].

В последние годы существования СФРЮ в периодической печати нередко появлялись сообщения, свидетельствовавшие о несоблюдении местными чиновниками положений Конституции о равноправии языков. В частности, на пограничных пунктах Словении с Австрией имелись случаи, когда служащие таможни, отделений банка, агентства "Компас" и др. отказывались принимать, или принимали после долгих и унизительных препирательств, в качестве уплаты таможенного сбора чеки только потому, что они были заполнены кириллицей, а не латиницей (в Словении пользуются письменностью на латинице). Такие поступки имели место по отношению к жителям Сербии, Македонии и др.[9]

В Хорватии и Словении были нередки случаи, когда в типографиях отказывались печатать продукцию на кириллице, хотя в республиках существовала полиграфическая база, позволявшая выпускать такую продукцию, причем достаточно высокого качества. В частности, была сорвана попытка напечатать плакаты на кириллице, приуроченные к созданию Сербского культурного общества "Саво Мркаль" в Кордуне и Бании (Хорватия)[10]. К концу 80-х гг. выпуск печатных изданий на кириллице в этих республиках почти полностью прекратился. В ряде школ Хорватии учителя не хотели обучать детей письменности на кирилли-

це, ссылаясь при этом на их нежелание. Учебники на кириллице не являлись обязательными даже в тех местностях, где в школах учились в основном сербские дети[11].

В хорватском городе Сплите и его окрестностях, где проживало около 40 тысяч сербов, практически невозможно было заказать на кириллице надпись на надгробном памятнике - ее или писали латиницей, или заказывали в Книне - в 100 км от Сплита[12]. Так проявлялось недружелюбное отношение к лицам другой национальности. Вышеперечисленные факты свидетельствуют о существенной эскалации напряженности между титульными этносами страны.

Что касается этнических меньшинств (народностей), то их языки имели статус официальных, или в крайнем случае равных на территориях распространения. С другой стороны, языковая политика общественного и индивидуального билингвизма поощрялась как необходимое условие общения, поскольку языки малочисленных этнических сообществ не могли быть включены во все сферы общения по демографическим и экономическим причинам. Эта практика подвергалась сомнению в регионах концентрации больших этнических общин, относимых по югославской терминологии к народностям. В частности, наиболее активно этому сопротивлялись албанцы, впрочем их политическая борьба - предмет дальнейшего специального анализа.

Примечания

[1]Конституция СФРЮ. Белград, 1974. Ст. 246. С. 225.
[2]Конституция..., ст. 271. С. 239.
[3]Конституция..., ст. 243. С.221-222.
[4]Избори су свуда протекли у демократском расположењу, мирно и достојанствено // Политика. 10. 12. 1990.
[5]Арсенић Р. Одложена одлука о називу језика // Политика. 22. 06. 1989.
[6]Там же.
[7]Четник М. Вратити српски језик // Политика. 11.07. 1990.
[8]Лукић Р. За и против ћирилице // Политика. 25. 02. 1989; Павловић П. Рачунари нису разлог за потискивање ћирилице // Политика. 19. 08. 1989; Пејин Ј. Ћирилица није заборављена, али се тихо потискује // Политика. 6. 08. 1989.

[9]Вујић М. Пожељна двојезичност // Политика. 7. 1. 1989; Цебаловић М. Устав СФРЈ не важи у Словенији!? // Политика. 15. 04. 1989; М.К. Словеначки царинице опет не признају ћирилицу // Политика. 18. 05. 1989 и др.

[10]Дмитровић Р. Срби у Хрватској више не пристају на неравноправност // Политика. 18. 03. 1990.

[11]Арсенић Р. Учење ћирилице зависи од воље наставника // Политика. 22. 10. 1989.

[12]Кашуба М. С., Мартынова М. Ю. Новая этнополитическая карта Балкан. М., 1995.

Глава 4

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

При оценке религиозной ситуации в Югославии необходимо учитывать, что на территории этой страны существовало много конфессиональных объединений, среди которых наиболее крупными, как по численности, так и по роли в историческом развитии, являлись православие, католицизм и ислам. Эти религии оказывали большое воздействие на культуру отдельных этносов, брали на себя роль выразителей национальных интересов, веками служили составной частью политической, экономической, культурной, этнической, моральной и семейной сфер общественной жизни, оказывая на них мощное влияние. В послевоенные годы конфессиональные объединения потеряли ведущие позиции в югославском обществе, однако не утратили определенных политических амбиций.

На территории Югославии религиозная принадлежность определялась преимущественно этническим происхождением. Религия была ключевым фактором этнической идентификации. Православными были в основном сербы, черногорцы и македонцы. Однако в районах, прилегающих к Адриатике проживали и сербы - католики. В свою очередь, хорваты и словенцы почти все католики, имелись лишь небольшие вкрапления православных, особенно по линии старой границы Хорватии, где при Габсбургах поселялись сербы, бежавшие от турок. В Боснии и Герцеговине состав населения смешанный: католики-хорваты, православные сербы и славяне-мусульмане. Последние

являются потомками тех, кто принял мусульманство во время османского владычества на Балканском полуострове в XV-XVI веках. Протестантские церкви объединяют прежде всего венгров, немцев, чехов и словаков.

Переплетение этнического и религиозного факторов усложняло решение проблемы взаимоотношений государства и церкви, делало еще более опасным любое проявление религиозной нетерпимости, что сразу отражалось на межэтнических отношениях.

До второй мировой войны в Югославии были официально разрешены только шесть вероисповеданий. В 80-е годы XX века действовало уже около 35, а по некоторым сведениям около 40 религиозных объединений, которые насчитывали от нескольких десятков до нескольких миллионов верующих. В стране имелось около 20 тыс. профессиональных служителей культа и почти 20 тыс. действующих церквей, монастырей, мечетей и молитвенных домов. Это свидетельствует о довольно внушительном влиянии, какое еще продолжала оказывать религия в СФРЮ.

В Югославии, исходя из принципа свободы вероисповедания, не велся официальный подсчет численности верующих. Последняя перепись, которая устанавливала религиозную принадлежность, проводилась в 1953 г. Согласно этой переписи, верующие в стране составляли 87,5% населения, а атеисты - лишь 12,5%. В послевоенной Югославии развивается процесс секуляризации. Например, проведенные в 1975 г. исследования показали, что в Словении верили в бога около 60% населения[1]. По данным белградского Института общественных исследований, в 1968 г. приблизительно 39% населения страны были религиозны[2]. Тот же институт, изучая в 1974 году социальную структуру в Сербии, опубликовал следующие цифры: число неверующих в республике - 88%, верующих - 5%, колеблющихся - 7%[3]. Эта самая низкая степень религиозности, которая была выявлена по сравнению с другими исследованиями. В то же время сербский ученый Э.Чимич считал, что к этим данным надо относиться с большой осторожностью, ибо 30 лет - слишком небольшой срок для столь радикальных изменений[4]. Вообще данные по религиозности населения, приводившиеся в разных публикациях, весьма противоречивы. Как правило, они

базировались на локальных опросах, были ограничены кругом анкетируемых лиц, и поэтому могут быть приняты лишь условно.

Религиозность, как отмечали югославские исследователи, в значительной степени была связана с определенной социопрофессиональной и классовой принадлежностью: более низким социальным статусом, образовательным уровнем, квалификацией, худшим материальным положением. Особенно высока доля верующих среди крестьян старшего возраста, неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих и ремесленников. Среди женщин примерно вдвое больше верующих, чем среди мужчин. В бога и загробную жизнь, согласно анкетным данным, верили меньше 0,1% опрошенных с высшим образованием[5].

Исследования во всех республиках и краях подтверждали, что молодежь, независимо от того, к какой группе принадлежала, менее религиозна. В Сербии, по некоторым данным, верило в бога 7% молодежи. При этом больше всего верующих среди лиц, окончивших менее восьми классов (22%), затем, среди молодых неквалифицированных рабочих (14%), сельскохозяйственных работников (13%)[6]. В то же время другие авторы отмечали, что молодежь посещала религиозные храмы гораздо чаще, чем можно было бы ожидать[7]. И в этом плане немалую роль играло стремление церкви приблизиться к молодежи, путем попыток решения некоторых волнующих ее проблем. Так, используя безработицу в стране, церковь стала даже предлагать молодежи рабочие места[8]. Она уделяла внимание и проблеме свободного времени, что было особенно актуально для небольших населенных пунктов. При этом церковь обновляла методы своей пропаганды. В частности, в церквах Хорватии и других районах страны устраивались диско-вечера, организовывались спортклубы, проводились на льготных условиях посещения монастырей и другие экскурсии.

Югославские ученые различали приверженность части населения церковным традициям и глубокую веру в бога. Так, в районе Загреба убежденные верующие составляли не более 1%, тогда как религиозные праздники отмечали многие тысячи людей[9].

Православие

Самой многочисленной в стране являлась *православная* религиозная община. Согласно переписи 1953 г. православные верующие составляли 41,5% от всего населения. Перед II мировой войной сербская православная церковь (СПЦ) имела более 4200 церквей и 220 монастырей. Многие из них в военные годы были разрушены. С 1945 по 1970 г. была построена 181 церковь, обновлены более 800. Восставлены также 48 монастырей и построены еще восемь[10]. В этот период СПЦ имела 28 епархий (21 в стране и 7 за рубежом), около 24 тыс. церковных приходов, примерно 180 монастырей, 2500 священников, монахов и монахинь. Подготовка духовенства осуществлялась на богословском факультете в Белграде, в 4 средних духовных семинариях и монашеской школе. В 1979/80 году на богословском факультете обучалось около 100 студентов, в семинариях - примерно 450 учеников. Сербская православная церковь вела широкую издательскую деятельность. Ею выпускалось 10 газет и журналов. Органом патриархии являлся журнал "Православле" (тираж 30 тыс. экземпляров)[11].

Сербская православная церковь автокефальна с 1219 года, а с 1346 г. имеет достоинство патриархии. Правда, в существовании патриархии за более чем шестивековой период были перерывы. Последний раз она была восстановлена в 1920 г. В межвоенный период СПЦ имела статус государственной церкви.

После победы Югославии в войне, она первой вошла в официальные контакты с властями, видя в курсе лояльности к новому строю возможность укрепления своих позиций. Многие годы СПЦ имела традиционно хорошие отношения с государством. В то же время тот факт, что до войны она пользовалась привилегиями государственной церкви, в определенной степени сказывался на ее деятельности.

Эта церковь функционирует, опираясь на устав, принятый в 1947 г. В нем сформулированы основные принципы ее организации и управления. Раз в год собирается Святой архиерейский собор, на котором присутствуют все 25 владык. Они выбирают

синод, по существу исполнительный орган, который заседает во главе с патриархом. Последний считается первым среди равных и является членом синода пожизненно. Остальные четыре его члена избираются на год.

Сербская православная церковь имеет семь епархий за рубежом: три в США и Канаде, по одной в Западной Европе, Австралии и Новой Зеландии, Румынии и Венгрии. Есть стремления отделить три американские епархии с целью формирования самостоятельной заграничной церкви. Часть духовенства настроена оппозиционно к югославскому государству.

Одним из открытых вопросов, в некоторой степени осложняющих отношения государства с сербской православной церковью, является неурегулированность отношений между нею и македонской православной церковью.

В 1967 г. македонская православная церковь (МПЦ) в одностороннем порядке провозгласила свою самостоятельность (автокефальность), что до сих пор не признано ни сербской, ни другими православными церквами. Сербская православная церковь получила юрисдикцию над македонскими епархиями путем откупа этого права от Никейской патриархии в 1919 году. После окончания войны борьбу за самостоятельность македонской церкви возглавил инициативный комитет МПЦ. Это движение встретило отпор со стороны духовенства, которое продолжало относиться к Македонии как к "южной Сербии", а македонцев рассматривала как "этническую группу" южных сербов[12]. В 1958 г. решением Второго македонского церковно-народного собора было провозглашено восстановление Охридского архиепископства и избран глава македонской церкви архиепископ Доситей. В то же время македонская церковь согласилась считать патриарха сербской православной церкви своим главой. В 1959 г. эти решения были санкционированы Святым архиерейским собором. Однако в дальнейшем отношения двух церквей развивались по линии ухудшения. Если сербская православная церковь рассматривала свое согласие на автономию македонской церкви как вынужденную уступку, то для руководства последней это было лишь началом борьбы за полную само-

стоятельность. В 1967 г. синод македонской православной церкви провозгласил ее автокефальность в одностороннем порядке, чему резко воспротивилось сербское духовенство.

Государство оказывало поддержку стремлению македонской церкви к самостоятельности, рассматривая этот вопрос в контексте так называемой "македонской проблемы". Автокефальность МПЦ была призвана еще раз подчеркнуть самобытность македонской нации, ее исторического развития. "Все, чего достигла и чего достигает македонская православная церковь, - заявил ее глава архиепископ Ангеларий, - является результатом очень хороших отношений с государством и всеми его органами"[13]. На заседании Президиума СР Сербии 26 сентября 1981 г. при рассмотрении осуществления политики в отношении религиозных общин было отмечено, что признание самостоятельности македонской православной церкви имеет принципиальное значение для дальнейшего успешного развития отношений между церковью и государством[14].

Вероятно, в более или менее близком будущем эта проблема будет урегулирована, ибо сербская православная церковь, подвергавшаяся в данном вопросе давлению с разных сторон, заинтересована в ликвидации напряженных отношений. Есть признаки того, что решение конфликта сдвинулось с мертвой точки. В последние годы осуществлялись контакты между сербской и македонской православными церквами с целью улучшения отношений, правда, особого успеха они не принесли. Планировалась постановка этого вопроса на повестку дня Святого архиерейского собора.

В настоящее время македонская православная церковь имеет 5 епархий в стране и 2 за границей, 225 церковных приходов, 102 монастыря и около 250 священников. Духовенство обучается на богословском факультете в Скопле (приблизительно 100 студентов в 1980/81 году) и 1 средней духовной семинарии (также 100 учеников). Официальным органом является двухмесячник "Вестник" (3 тыс. экземпляров)[15].

Католицизм

Католическая церковь в Югославии была составной частью мировой католической организации и являлась второй по числу верующих религией в стране. Согласно переписи 1953 г. католики составляли 31,8%.

Поскольку часть католического духовенства была связана с оппозицией, в 1952 г. Югославия разорвала с Ватиканом дипломатические отношения. Лишь в 1960 г. начался процесс нормализации отношений католической церкви с государством. Приход папы Иоанна XXIII и поворот в деятельности церкви, который вызвал II Ватиканский собор, способствовали постепенному смягчению состояния напряженности и недоверия во взаимоотношениях между церковью и государством. В октябре 1960 года католическое духовенство направило правительству меморандум, в котором заявляло о своей лояльности к существующему строю и сделало ряд конкретных предложений. Этот меморандум стал основой для диалога государства и католической церкви Югославии, что, в свою очередь, способствовало началу переговоров с Ватиканом с целью нормализации отношений. Инициатива проведения этих переговоров исходила из самой апостольской столицы еще во время II Ватиканского собора. Они получили свое правовое и политическое завершение в "Протоколе о соглашении между Югославией и Ватиканом", подписанном 25 июня 1966 года. В соглашении Ватикан признавал существующий в стране правопорядок, принцип отделения церкви от государства, деполитизации религиозных общин и их равноправности. Более того, Ватикан обязался предпринимать меры против священников, которые будут участвовать в каких-либо антигосударственных акциях.

Подписание Протокола ускорило процесс эволюции и адаптации католической церкви в Югославии к общественно-политическому устройству. Принципиальное значение имели послания папы Павла VI национальному епископату, в которых католические священники призывались к лояльному отношению к государству и к активной поддержке развития общества. Однако часть клира, составлявшая консервативное те-

чение в католической церкви, выступила с демонстративной критикой Протокола. Она рассматривала это соглашение как "капитуляцию" Ватикана перед социалистической Югославией. Учитывая чувствительность других религиозных организаций, особенно сербской православной церкви, отношения между СФРЮ и Святым Престолом были установлены сначала на уровне посланников. В Югославии всячески стремились подчеркнуть, что Протокол не является конкордатом и не дает никаких привилегий католической церкви по сравнению с другими религиозными общинами. Дальнейшее развитие контактов привело к восстановлению в 1970 г. дипломатических отношений между СФРЮ и Ватиканом.

Дольше всего оставался нерешенным вопрос о церковном управлении в областях вдоль итальянско-югославской государственной границы. Окончательное его решение последовало лишь после ратификации в 1977 г. Осимских соглашений между Италией и Югославией, регулирующих государственные границы. Булла Павла VI "Prioribus saeculi XIX annis" от 7. 10. 1977, осуществила церковное объединение хорватской части Истрии в одну епархию, которая стала составной частью католической церкви Хорватии и отделялась от итальянской церковной организации. Предварительно апостолическая столица определила границы между триестской и горицской (копарской) епархиями в соответствии с государственными границами между Италией и СФРЮ, а также между поречской и копарской, поречской и риекской епархиями согласно границам между СР Словенией и СР Хорватией. Эта булла сыграла важную роль не только для церковной, но и для национальной истории Югославии.

В югославской печати часто отмечались хорошие отношения, существовавшие между папским престолом и СФРЮ. В то же время некоторые публикации свидетельствовали о том, что не всегда все было гладко в этих отношениях. Так, в связи с косовскими событиями Радио-Ватикан допустило ряд проалбанских выступлений[16]. Однако, в том что, в Югославии на подобных случаях не стремились акцентировать внимание, было видно желание не осложнять, исходя из внешнеполитических интересов страны, отношений с Ватиканом.

Контакты государства с католической церковью были довольно сложные, имели место и эксцессы. По характеру своей деятельности эта церковь являлась наиболее экспансионистской религиозной организацией, стремившейся к расширению своего влияния на общественно-политическую жизнь в стране.

Важнейшие звенья католической церкви непосредственно подчинены Ватикану. Во второй Югославии они включали в себя 5 метрополий, 8 архиепископий, 13 епархий, 4 апостолических администратуры. Согласно статистике, здесь имелось 2702 церковных прихода, 182 мужских и 415 женских монастырей, 4121 священника, 1416 монахов и 6587 монахинь. На двух богословских факультетах (в Загребе и Любляне) в 7 коллегиях и 12 семинариях обучалось около 1300 человек. Часть духовенства получала подготовку также за границей, в основном в Италии, Австрии и Западной Германии. Общий тираж всех изданий и газет превышал 700 тыс. экземпляров. Самый большой тираж имели двухмесячник "Глас концила" (102 тыс. экз.), ежемесячник для детей "Мали концил" (60 тыс. экз.), еженедельник "Дружина" (105 тыс. экз.), издававшийся на словенском языке[17].

Ислам

Мусульмане, как славяне, так и албанцы, составляли около 11% населения (по переписи 1953 г.). Они проживали преимущественно в Боснии и Герцеговине, Македонии, а также в автономном крае Косово.

Мусульмане - это весьма хорошо организованная община со своей иерархией. Резиденция духовного главы мусульман - реис-уль-улемы находилась в Сараево. Мусульманская община делилась на 4 округа, их обслуживало около 1600 религиозных служителей[18].

"Могу совершенно категорически утверждать, - отмечал реис-уль-улема Я. Хаджиабдич,- что мусульманская община действительно интенсивно развивает свою активность в связи с постройкой религиозных объектов... Мусульманская община имеет сегодня религиозных объектов больше, чем когда-либо"[19]. В 80-е годы их было около 3 тысяч. На богословском факульте-

те в Сараево в 1979/80 году обучалось 35 студентов, в двух средних учебных заведениях - 366 учеников. Кроме того, 62 ученицы посещали женскую богословскую коранскую школу. Определенное число мусульманских священников обучалось за границей.

Протестантизм

К протестантам относили себя около 1% населения. Протестанты представлены прежде всего лютеранами и реформатами. Лютеранская церковь включала словацкую евангелическую церковь аугсбурского исповедания (около 57 тыс. верующих, 32 общины, обслуживаемые 18 пасторами); евангелическую церковь аугсбургского исповедания в Словении (25 тыс. верующих, 13 общин, 7 пасторов); евангелическую церковь в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Воеводине (5 тыс. верующих). Все они объединялись в Союз лютеранских церквей.

Христианская реформаторская церковь имела 30 тыс. последователей, в основном среди венгров Воеводины. Кроме того в стране встречались небольшие группы адвентистов (17 тыс. верующих), пятидесятников (5 тыс.), баптистов (4 тыс.), методистов (3 тыс.), назарян, свидетелей Иеговы, а также старокатоликов (9 тыс. верующих).

Иудаизм

С византийской эпохи на территории страны существовали *иудейские* общины. В начале II мировой войны в Югославии было около 76 тыс. евреев, однако не менее 60 тыс. погибло в концлагерях, а из оставшихся примерно половина уехала в Израиль. Иудаисты объединялись в 36 общин[20].

Церковь и общественная жизнь

Определенное развитие в стране получило экуменическое движение. В межвоенное время в Югославии под экуменизмом подразумевались действия, направленные на то, чтобы в королевстве был "один народ, говорящий на трех языках", а также

одна церковь. Согласно стремлениям великосербской буржуазии эту роль должна была играть православная церковь. Сербская православная церковь поддерживала эту концепцию и выражала претензии на создание "православных Балкан".

Когда католическая церковь во главе с папой Иоанном XXIII стала включаться в экуменическое движение, сербская православная церковь сдержанно восприняла этот поворот. Во время одной из конференций православных церквей делегация сербской церкви заявила, что ее верующие выразили свое "антиримское" настроение и обращала внимание на негативный опыт отношений между православными и католиками во время II мировой войны[21]. В дальнейшем позиция сербской православной церкви несколько смягчилась. На четвертом заседании II Ватиканского Собора была и ее делегация. Позже в Югославии было предпринято достаточно много шагов в области экуменического движения, но без особых результатов. Ряд экуменических контактов имел место между Ватиканом и македонской православной церковью. Они способствовали укреплению ее авторитета как в Югославии, так и в международном плане. В 80-е годы в стране экуменизм переживал кризис, а процесс сближения католической и православной церквей серьезно замедлился.

В то же время надо отметить, что проблемы экуменизма в Югославии имели особое значение, поскольку речь шла о чувствительном вопросе, который касался области межэтнических отношений и единства страны. "На католицизме и православии у нас строилась политика, взаимоотношения, рождались травмы и катаклизмы... Поэтому к вопросам экуменизма мы не можем быть равнодушны", - отмечалось на дискуссии по вопросам церкви и религии, организованной летом 1981 редакцией загребского журнала "Наше теме"[22].

Отношение югославского государства к религии, базировалось на принципах свободы совести и вероисповедания, отделения церкви от государства и школы от церкви, запрещения использования религии и религиозной деятельности в политических целях, что отражалось в конституциях 1946, 1963, 1974 годов. Совокупность вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций, их юридическим положением, правами и

обязанностями, ролью и местом в правопорядке, получила отражение в принятом 27 мая 1953 г. законе "О правовом положении религиозных организаций".

В финансовом отношении церкви были самостоятельны. Государство определило размеры земельной собственности, которой могли владеть церковные организации. Согласно закону об аграрной реформе 1945 г. им разрешалось оставить во владении до 10 га пахотных земель, садов, виноградников, пастбищ, лесов. Этот максимум мог быть повышен до 30 га обрабатываемой земли и 30 га лесов в зависимости от значимости того или иного религиозного института и его исторической и культурной ценности. Важное значение для религиозных организаций имело то, что национализация находящихся в частной собственности зданий и строительных участков не коснулась построек, находящихся в церковном владении. Духовенству разрешалось совершать за плату различные религиозные акции по желанию отдельных граждан. Церковные организации имели также право собирать пожертвования на религиозные цели. В некоторых случаях государство оказывало им помощь, прежде всего для содержания культурно-исторических памятников. Субсидии получали и профессиональные объединения священников. В этом случае религиозные организации должны были представить отчет о том, как данная дотация была использована. Церквам не запрещено было получать помощь из-за рубежа. Однако о размерах ее говорить трудно, поскольку она не регистрировалась государством.

В Югославии много писали о недопустимости сохранения сектантского отношения к церкви у некоторых государственных функционеров, а проявлялось оно по-разному: иногда неоправданно долго или вообще не давались разрешения на строительство некоторых религиозных объектов, противозаконно отбиралась территория некоторых монастырских или церковных владений, например, для постройки дорог, кооперативов, школ, что далеко не всегда было оправдано, и т. п.[23]. Однако публикации на эту тему, которые носили скорее пропагандистский характер, мало влияли на суть дела.

Начиная с 1981 г. западная печать много писала об ухудшении отношений между церковью и государством в СФРЮ.

В Югославии также признавалось усиление клерикально-националистических тенденций в церкви, стремление к ее политизации. В частности, журнал "Недельне информативне новине" отмечал: "Является фактом то, что в последнее время участились недоразумения с частью духовенства... Из-за неприемлемых тенденций в церкви последовала и определенная реакция общества"[24].

Не случайно вышеуказанные процессы усилились после смерти И. Броз Тито, когда страна оказалась в тяжелой экономической ситуации, усугубляемой кризисом межэтнических отношений, а также другими кризисными явлениями. Утрата стабильности неизбежно вела к возрастанию амбиций церковной иерархии. В принципе, этот процесс имел место в католической церкви и несколько раньше, в начале 70-х годов, когда, например, в Хорватии наблюдалось националистическое брожение.

Активизация церкви способствовал также целый ряд причин внешнего порядка: общее осложнение международной обстановки, кризис разрядки, события в Польше и та роль, которую сыграла в них польская католическая церковь. Сказалось и избрание новым папой кардинала Войтылы и появление новых моментов в политике Ватикана (прежде всего его курс на создание монолитной, дисциплинированной католической церкви, игравшей все большую роль в повседневной жизни). Что касается ислама, то здесь имели значение события в странах с мусульманским населением (победа Иранской революции, ближневосточный кризис, ирано-иракский вооруженный конфликт).

Для всех крупных религиозных объединений в большей или меньшей степени были характерны следующие направления усиления активности:

1) стремление превратить себя в полноправного политического партнера государства, участвующего наряду с ним в решении важных проблем общественной жизни;

2) внедрение тезиса, что именно церковь сохраняет дух нации и является хранителем исторических традиций;

3) создание как можно более массовой базы для своей деятельности путем привлечения новых верующих, прежде всего из числа молодежи.

В 80-е годы речь шла прежде всего о вышеуказанных тенденциях в католической церкви. Так, председатель комиссии по отношениям с религиозными объединениями исполнительного веча Сабора Хорватии И. Лалич отмечал, что те силы, которые привели к нормализации отношений между Ватиканом и Югославией, подвергаются в настоящее время все усиливающемуся давлению со стороны части католического епископата[25]. Эти круги концентрировали свою деятельность вокруг архиепископа Ф. Кухарича, главы католической церкви, и журнала "Глас концила". Представители реакционного духовенства, связанные с националистическими кругами, постоянно поднимали вопрос о правах и свободах человека, что расширяло сферу деятельности оппозиционных сил. Они избегали прямых контактов с представителями власти, избирая, как правило, письменный путь диалога с ними, демонстративно уклонялись от присутствия на общественных манифестациях, когда им посылались приглашения. Так, верхи хорватского епископата стремились любым способом избежать участия в траурных заседаниях по поводу годовщины смерти президента Тито в мае 1981 г. Более того, ни одна католическая газета в стране, кроме люблянской "Дружины", не посвятила годовщине ни слова[26]. Это свидетельствовало об ориентации католического духовенства, прежде всего хорватского, на конфронтацию с государством.

В ситуации, когда произошло ухудшение взаимоотношений с католической церковью, отдельные священники, а также представители церковной иерархии использовали возможности для того, чтобы лишний раз подчеркнуть свою антиправительственную и антиюгославскую позицию. Показательны в этом отношении интервью епископа Кокши итальянской газете "Ревио актуалита" осенью 1981 г., выступления Ф. Кухарича во время визита в Австралию в 1980 г. и др. В прессе отмечались случаи давления со стороны епархий на тех священников, которые лояльно относились к существовавшему строю.

Можно говорить о нескольких направлениях, по которым шла конфронтация католической церкви с государством. Так, определенные клерикальные круги выступали не против социализма вообще, а против "атеистического социализма". Суть подхода была коротко сформулирована в одной из радиопере-

дач Ватикана на хорватском языке: "Если я верующий - то не могу быть солидарным с политическими системами, которые отрицают бога"[27]. В журнале "Црква у свету" (№ 3, 1980 г.) этот тезис объяснялся подробнее: "...Религия и церковь ни в коем случае не должны свою теологию ставить на службу строительства современного (атеистического) самоуправленческого социализма. Они должны в своей общественной жизни ясно дистанцироваться от него; пусть марксисты и называют это в сегодняшней ситуации богомольным элементом, мистицизмом или даже клерикализмом..." И дальше утверждалось, что "...самоуправление, в том виде, как оно есть, в своей теоретической основе, - из-за связи с марксизмом-ленинизмом - враждебно по отношению к религии". При этом христианство преподносилось как единственный страж истины, свобод, как единственно "верная идеология"[28].

Другая тенденция клерикальной пропаганды заключалась в стремлении доказать, что лишь католическая церковь является подлинным защитником интересов хорватского народа, ставя знак равенства между христианством и хорватской нацией. При этом существовавший строй представлялся как антинациональный, антихорватский. Было стремление превратить католическую церковь в полигон деятельности националистических сил. С этой целью делались заявления типа:

"...Церковь хорватского народа служит этому народу и его интересам", ".. чтобы вести его в светлое будущее, чтобы показать ему дорогу" ("Глас концила").

Указанные тенденции в определенной степени влияли на верующее население. Например, летом 1981 года широкую известность получили события, происшедшие в одном из районов Герцеговины. Поводом для них послужило "чудо", когда в небольшом местечке Читлук шестерым детям якобы явилась дева Мария. После этого сюда потянулись толпы паломников. Вокруг стали появляться националистические и усташские лозунги. Югославские газеты отмечали, что по "единодушному мнению местной общественности это явление богородицы было не случайным. Оно запрограммировано из единого центра и инспирировано отдельными представителями католической иерархии"[29].

Православная церковь была более восприимчивой и более лояльно относилась к государству. Сербская православная церковь всегда зависела от государства, в частности, при избрании патриарха и епископов. К тому же она не имеет зарубежного центра, подобно католической. Однако процесс политизации в 80-е годы наблюдался и в этом религиозном объединении. Общим и постоянным тезисом для клерикалов всех конфессий являлось отождествление религиозного с этническим и этнического с религиозным. Например, "Православле" писало: "Православие глубоко соединилось со всем, что серба делает сербом, сербская национальная непоколебимость есть не что иное, как непоколебимость веры". Эти идеи особенно явственно зазвучали после событий в Косово, которые православная церковь стремилась использовать для более тесного сплочения сербов и православных с целью самоутверждения в качестве политического фактора и партнера государства, выразителя сербских национальных интересов.

События в Косово стали предметом обсуждения на заседании Святого архиерейского собора, состоявшегося в мае 1982 г. В связи с событиями стала появляться все большая агрессивность в выступлениях определенного числа православных священников. Кульминационным моментом этой кампании стал опубликованный в январе 1982 г. в журнале "Православле" "Призыв в защиту сербского населения и его святынь в "Косово", который был оценен "Политикой" как опасный шаг, ведущий к агрессивному национализму. В "Призыве" было высказано недовольство мерами, принятыми общественно-политическими органами с целью нормализации условий жизни православного населения в Косово, прекращения переселения из автономного края сербов и черногорцев, а также в области возмещения ущерба, нанесенного православной церкви (в частности, по оказанию помощи в ликвидации последствий пожара в монастыре Печской патриархии). "Сербский народ, - говорилось в "Призыве", - сражается до сегодняшнего дня на своей Косовской битве... И, судя по всему вековой косовский бой закончится в наши дни - третьим и последним переселением сербов, то есть окончательным поражением, самым страшным в истории этого народа и этой страны"[30].

В 80-е годы наблюдалось оживление богомольного движения, так называемых "братств христианской общины". Официальное отношение к ним православной церкви таково: это не секта, а верующие православной церкви, которые отличаются особой ревностью в посещении церквей исполнении религиозных обрядов, причащении и т. д. Начало своих организованных действий они ведут с довоенного и послевоенного времени. Их активизация наблюдалась после решения Святого архиерейского собора на майском заседании 1991 года "уделить внимание работе братств православной христианской общин и осуществлять взаимное сотрудничество епископов в этом деле"[33]. Условием приема в эти братства является прекращение любой общественной деятельности и признание приверженцев других вероисповеданий "врагами православия", что несовместимо и с самим Уставом Сербской православной церкви.

Однако, если говорить в целом, то отношения сербской православной церкви и государства характеризовались обоюдным желанием дальнейшего развития сотрудничества, даже когда возникали какие-либо недоразумения и конфликты.

Что касается мусульманской религиозной общины, то в 80-е годы особенно после Иранской революции наблюдалась ее активизация, стремление распространить свое влияние. И хотя в целом она имела хорошие отношения с государством, в ней также существовали сепаратистские тенденции.

Выдвигались идеи ислама как универсальной, самой чистой религии, как религии перспективы, которая в основе своей несет все те ценности, которые провозглашал социализм. Проповедовались также теории о "неделимости" ислама и общества, чем, по существу отвергался принцип отделения религии от государства. В некоторых публикациях было заметно стремление представить создание государственности в Боснии и Герцеговине в контексте мусульманского развития, мусульмане рассматривались как единственный автохтонный народ этой территории, развивалась теория "доброкачественности" мусульманского национализма. На религиозной основе объяснялось общественное развитие славян-мусульман и их формирование в особый народ. В религиозной печати все чаще встречались выражения "исламский народ", "исламская культура", "исламская

литература", когда речь шла о культуре и литературе мусульман Боснии и Герцеговине.

Более того, определенная часть мусульманских священников выступала за создание чистой в религиозном и этническом отношении республики, выдвигая лозунг: "Босния и Герцеговина для мусульман". Так, в начале апреля 1983 г. было арестовано 11 человек, которые принадлежали к группе, выступавшей именно с таких позиций. Вдохновителями ее были мусульманские священники. Действуя нелегально, группа готовилась к активным действиям, стремясь для начала к осуществлению широкого влияния, особенно на молодежь и верующих[34].

Были попытки на религиозной основе объяснить отношения Югославии с некоторыми странами Азии и Африки, в которых исповедуется ислам, соответствующим образом истолковать внешнюю политику неприсоединения, вновь выдвигались идеи создания мирового исламского союза. Все более частыми стали предложения и требования создать европейский исламский центр, при этом нередко подразумевалась Босния и Герцеговина[35].

В то же время важно отметить, что мусульманское духовенство не поддержало, например, косовских событий.

"... Ни один религиозный служащий мусульманской общины в Косово, - заявил реис-уль-улема К. Хаджиабдич, - как и ни один ученик Алаудин медресе в Приштине не участвовал во враждебных и контрреволюционных акциях в Косово... Старейшины мусульманской общины, собор и объединение священников мусульманской общины Косово решительно осудили упомянутые события"[36].

Религиозный вопрос в принципе не определяет сущности косовских событий, но в то же время национализм проявлялся и в форме межрелигиозной нетерпимости. Так, в коммюнике заседания Святого архиерейского собора Сербской православной церкви в мае 1982 г. говорилось, что в Косово "уже годами все чаще совершаются нападения на церкви и монастыри, православные кладбища, священников и верующих" [37].

Государство остро реагировало, как на страницах печати, так и в практической деятельности, на любые действия представителей религиозных объединений, выходящие за рамки за-

конности. Так, в 1981 году, согласно официальным данным, были арестованы десять священников, обвиненных в разжигании религиозной и национальной нетерпимости и связи с враждебной эмиграцией[38]. Но, если сначала складывалось впечатление, что югославское руководство не придавало большого значения активизации церкви, возможно, умышленно не желая акцентировать на этом внимание общественности, то размах, который она затем приняла, заставил провести несколько совещаний по вопросам религии, на которых было сочтено необходимым повторить, на какой основе должны строиться отношения церкви и государства; было ужесточено преследование антизаконной деятельности духовенства.

В то же время священникам не запрещалось вообще заниматься политикой. Как граждане, они и должны это делать в рамках делегатской системы, но не через церковь", отмечал Р. Самарджич, будучи секретарем Комиссии СИВ по отношениям с религиозными объединениями[31]. Например, на делегатских выборах 1978 г. в различные органы СФРЮ было избрано: 116 священников в Хорватии, 164 - в Сербии, 245 - в Боснии и Герцеговине[32]. Профессиональные объединения священников являлись коллективными членами ССТНЮ. Союз объединений православных священников включал 83% всего православного духовенства. В него входили священники сербской и македонской православных церквей, а также значительное число священников румынской православной церкви, которые проживали и работали на территории СФРЮ. Кроме того, в Югославии существовали аналогичные объединения и в рамках других религиозных орагнизаций.

Таким образом, проблемы религии и деятельности конфессиональных объединений в Югославии были весьма сложны, разнообразны и противоречивы. Хотя роль церкви в Югославии, степень ее воздействия на массы несравнима, скажем, с ролью последней в Польше.

Главная опасность заключалась в том, что церковь в своей пропаганде смыкалась с национализмом, широко использовала националистические лозунги. А в ситуации, когда националистические настроения и без того в большей или мень-

шей степени присутствовали практически в каждой республике и представляли собой серьезную угрозу существованию югославской федерации (события в Косово являлись тому примером), последствия подобной пропаганды для усиления этих настроений были особенно существенны.

Религиозный фактор в югославском конфликте

Анализ сущности и движущих сил югославского конфликта наталкивает многих исследователей и политиков на мысль о религиозной природе его развития. К этому выводу их приводит тот факт, что в югославский кризис вовлечены три крупнейшие религии: православие, католицизм и ислам. А поскольку вероисповедание на Балканах кореллируется с этнической принадлежностью и лежит в основе этнической идентификации сербов, хорватов и боснийских мусульман связь между религией и прочими культурными факторами в этом регионе оказалась очень тесной. В силу этого вероисповедание играло энергетическую роль в этнических конфликтах.

К сожалению, в годы кризиса религия больше разъединяла, чем объединяла население. Война дает множество примеров вандализма с уничтожением религиозных символов и утверждениями о поступках от имени бога. Разрушение монастырей, церквей, религиозных школ стало частью политики "этнических чисток" и подтвердило значимость религиозных чувств.

Религиозный фактор был важным элементом во внутригосударственном и международном контекстах боснийского кризиса. Все три участника конфликта находили поддержку со стороны единоверцев, как моральную, так и материальную. Так, мусульманские страны и их неправительственные организации оказывали боснийским мусульманам финансовую и военную помощь. Можно также говорить о своеобразном православном интернационализме, поскольку Греция, Россия, Румыния, Болгария, Македония так или иначе проявляли внимание к событиям на территории экс-Югославии. Не остался в стороне и католический мир. Причем каждая религиозная община имела свое субъективное видение событий и оценивала их в значительной степени сквозь призму религиозной веры.

Страны, населенные приверженцами ислама, воспринимали войну в Боснии как репрессии против мусульман и считали их основными жертвами ущемления религиозных чувств и "этнических чисток". Глава Боснийской исламской общины Мустафа Церич описывает войну в республике "как крестовый поход против ислама". Сербская православная церковь в свою очередь обвинила мусульманских фундаменталистов и Ватикан в войне против православия. А Хорватский президент Франьо Туджман сказал как-то во время визита в Париж, что на Балканах ожили старые религиозные и культурные конфликты[39].

Война привела к радикализации религиозного фактора и вызвала рост его влияния на жизнь общества. Толерантность уступила место разделению по этническому и религиозному принципам. Тем не менее, это не означает, что кризис на Балканах вызван религиозной нетерпимостью и противостоянием. Постюгославское пространство - печальный пример использования религии в политических целях. В переходный период доминирующие националистические стратегии молодых государств привлекли религию к политике и политику к религии. Все церкви и религии были вовлечены в противоборство.

Например, нет сомнения, что католическая церковь играла активную роль в становлении государственной политики Хорватии. Она поддержала ее националистическую тактику, идею мононационального и монокультурного государства. Епископ г. Дубровника Земир Пулич во время сербско-хорватского конфликта сказал, что "борьба за Хорватию есть борьба за католицизм"[40].

Ватикан с энтузиазмом воспринял отделение Словении и Хорватии. Он защищал право своих единоверцев на реализацию принципа самоопределения. Несколько иным был подход к ситуации в Боснии, где хорваты-католики составляют лишь часть населения республики. Как отметил исследователь Срджан Врчан в своей работе "Церковь и постюгославская война", в этот период наметились три политических стратегии католической церкви. Первая направлена на поощрение раздела Боснии, вопреки цене этого, включающей "гуманитарное переселение" хорватов из Боснии или сохранение их как этнического

меньшинства в мусульмано-доминируемом Боснийском государстве. Вторая точка зрения представляет собой некий компромисс между мононациональными государствами и реальности смешения этнических территорий, который ведет к этническому бантустану. Третья позиция выступает за сохранение полиэтничной и многокультурной Боснии для сербов, хорватов и боснийцев[41].

Постепенно католическая церковь дистанцировала себя от хорватского национализма. Так, хотя война и принесла страдания хорватам центральных районов Боснии, духовенство выступило против экстремальных форм национализма. Более умеренной стала позиция церкви и по отношению к событиям в Хорватии, о чем свидетельствует высказывание кардинала Кухарича против выселения сербов из своих домов. Важную роль в формировании подхода католической церкви к межэтническим трениям сыграл визит папы Иоанна Павла II в Хорватию 10-11 сентября 1994 г. Тогда он дал критическую оценку националистическим и догматическим позициям хорватского руководства, попыткам Ф. Туджмана манипулировать церковью[42].

В то же время католическая верхушка всячески осуждала поведение сербов в конфликте. В частности после их победы под Сребреницей в 1995 г. папа Иоанн Павел II распространил обращение к мировой общественности, в котором призвал разоружить сербов[43].

А у сербов был свой религиозный защитник - православная церковь. С самого начала кризиса она была связана с сербским национальным движением, вдохновляла его и подпитывала. Вместе с тем, развитие событий на постюгославском пространстве и политическая борьба в сербском обществе вели к выработке духовенством самостоятельной позиции, к неоднозначности оценок поведения центральных властей и текущих явлений. Альянс между президентом Сербии Слободаном Милошевичем и православной церковью длился недолго. Первые признаки дистанции между ними появились в 1993 г., в период разногласий между максималистской и минималистской программами национального движения в Сербии. Победа умеренной позиции вызвала недовольство церкви[44].

А когда в Боснии ситуация стала оборачиваться против сербов, церковь заняла позицию последнего оплота сербского народа. В марте 1995 г. внимание мировой общественности было привлечено к выступлению владыки Герцеговины и Захумлья Афанасия, который докладывал в парламенте Республики Сербской. Он вспомнил языческого бога Марса и призвал сербов бороться. В 1995 г. Верховный Синод опубликовал документ, в котором выступил против признания Хорватии и Боснии в современных границах[45]. Тем временем, старый патриарх Павел призвал сербов не забывать, что "другие, наши братья, тоже умирают" и что нужно "вести себя более гуманно, потому что бог все видит", но сторонники войны не услышали его[46].

Критика сербского национализма церковью стала появляться лишь на позднем этапе конфликта, причем преимущественно среди интеллектуалов и в клерикальных кругах. Плюрализм взглядов в православных верхних эшелонах получил дальнейшее развитие после заключения Дейтонских соглашений. Часть церковной верхушки по-прежнему поддерживала националистическое движение, другая же склонилась к компромиссам[47].

В то же время у боснийских сербов православие стало составной частью государственной политики. Высшие церковные чины обычно сидят в первом ряду на заседаниях парламента республики. Военнослужащие и полицейские Республики Сербской носят на погонах не звезды, а крестики. Гимн королевской Югославии "Боже правды" избран РС в качестве нынешнего государственного гимна, против чего протестуют мусульмане и в парламенте Боснии и Герцеговины, и в городских органах власти[48].

Особенно активна Сербская Православная Церковь в Косово. Епископ Призрена и Рашки (Косово и Метохия находятся под юрисдикцией этой Епархии) Артемий принимает активное участие в разрешении проблемы этого региона. Церковь была одним из главных организаторов Пансербской Ассамблеи, состоявшейся в январе 1997 г. и инициировала т. наз. Сербско-Сербский диалог о Косово в январе 1998 г. Патриарх Павел обратился напрямую к албанцам в своем Рождественнском послании в январе 1998 г. Епископ Артемий и Момчило Трайкович,

Председатель Сербского движения сопротивления в Косово предпринимают попытку добиться международной поддержки косовских сербов[49].

Что касается ислама, то в отличие от православия и католицизма, в начале кризиса у него не было доминирующей стратегии по созданию гомогенного этнического государства. Отчасти это объясняется тем, что исламская община постюгославского пространства представляет собой этнически различные группы, включая албанцев и турок, а не только славян-мусульман. Кроме того, в Боснии и Герцеговине мусульмане составляют собой лишь часть населения. В любом случае в начале переходного периода боснийские мусульмане не были сильно заинтересованы в независимости. Но как и в других республиках СФРЮ углубление политического и экономического кризиса связало этническую политику с религией.

Движение имамов 1988 г. и созданная в 1990 г. мусульманская Партия демократического действия проповедовали исламское возрождение. Первоначально оно было направлено лишь на восстановление ислама в мусульманском обществе. А. Изетбегович поощрял тенденцию к усилению религиозности боснийских мусульман, которая традиционно была слаба и незначительна в их привычках. Однако, постепенно набирало силу течение, подчеркивавшее связь между Боснийским государством и мусульманским вероисповеданием[50].

Религиозно ориентированная политика, проводимая благодаря монополии Партии демократического действия, связывала с религией не только административную жизнь, но и другие сферы, включая бизнес. Она укрепляла зависимость мусульманской идентичности от религии, культуры, истории населения.

Ключевую роль в росте влияния религиозных институтов на ситуацию в Боснии сыграли перемены в верхах боснийской религиозной общины. В середине войны А. Изетбегович предпринял решительный шаг по смене ее руководства.

С 1990 по 1993 г. пост реис-ул-улемы занимал македонец Якуб Селимовски. Он выступал против дезинтеграции страны и к 1993 г. трения между Боснийским правительством и Якубом

Селимовским достигли своего апогея, включая симпатии последнего к оппоненту А. Изетбеговича Фикрету Абдичу. По этой причине в апреле 1993 г. так называемая обновленная Ассамблея исламской общины сместила Селимовского с должности и восстановила автономию Боснийской исламской общины, ликвидированной в 1930 г.[51]

Новым реис-ул-улемой был назначен Мустафа Церич, получивший образование в Каире, живший некоторое время в Малайзии и служивший затем верховным имамом в Загребе[52]. Относительно молодой, новый реис-ул-улема стал проводить политику консолидации религиозной жизни. Были восстановлены теологические школы в г. Тузла, Царин, Травник, Мостар[53]. С приездом М. Церича началась исламизация многих сфер жизни, в том числе полиции и армии. Он сделал более тесной связь правительства с религиозной верхушкой.

Непонимания начались, когда реис-ул-улема стал брать на себя роль арбитра в стране. Он требовал введения религиозного обучения в школах, отказа от "европейской дряни" - алкоголя, наркотиков, проституции, запретил продажу свинины, проводил кампанию против этнически смешанных браков. Типичной частью повседневной жизни стало закрывание женщинами лица, никогда ранее невиданное в Боснии. Эти действия вызвали недовольство населения. Многие боснийские мусульмане, особенно живущие в городах, противились введению исламских традиций, чувствовали их чуждость современной ментальности.

Противоречивым стало и отношение правящей партии к исламской идеологии. С одной стороны, руководители партии будучи политиками, являлись также военными предводителями и лидерами в религиозных органах. С другой стороны, осознав, что Запад озабочен политикой исламизации Боснии, А. Изетбегович подчеркнул, в частности, в интервью газете "The Times": "Я за объединенную Боснию. Поскольку она полиэтнична, она не может идентифицироваться как мусульманское государство. Это будет означать разделенную Боснию."[54]

К сожалению, после учреждения мусульмано-хорватской федерации в 1994 г. и подписания Дейтонских соглашений в 1995 г. влияние религиозно ориентированной политики лишь

усилилось. Тем не менее, религиозные общины могут играть важную роль в возрождении межэтнического общения. Первым визитом деятелей церкви через границы этнических регионов стала поездка митрополита Николая в январе 1996 г. в контролируемую Боснийским правительством часть Сараево для поздравления прихожан с православным рождеством. Постепенно восстанавливаются религиозные контакты на высшем уровне и в других новых балканских странах, например, в Хорватии[55].

Примечания

[1]НИН. 1980, № 1567. С. 54.
[2]Долгих Н. СФРЮ: общество и церковь // Наука и религия. 1979, № 3. С. 57.
[3]НИН. 1980, № 1567. С. 54.
[4]Там же.
[5]Долгих Н. Указ. раб. С. 57.
[6]Политика. 25. 05. 82. С. 7
[7]Mladost. 9. 11. 79. С. 3.
[8]Политика. 6. 05. 83. С. 6.
[9] Долгих Н. Указ. раб. С. 57.
[10]НИН. 1980, № 1549. С. 18.
[11]НИН. 1981, № 1596. С. 21.
[12]См. Илиевски Д. Смислата на некои отпори против автокефалията на македонската православна црква. Скопје, 1970. С. 127.
[13]Политика. 5. 10. 81. С. 6.
[14]Политика. I. 06. 82. С. 7.
[15]НИН. 1981, № 1596. С. 21.
[16]См. Danas. 25. 01. 83. С. 38.
[17]НИН. 1981, № 1596. С. 21.
[18]Там же.
[19]Там же.
[20]См. Jugoslovenski pregled. 1977, № 3. С. 106.
[21]См. Mlivončić I. Katolička crkva za vrijeme pontifikata Pape Pavla VI (1963-1978) // .Naše teme. 1979, № 1. С. 141.
[22]Mlivončić I. Crkva I dijalog // Naše teme. 1981, №7-8. С. 1127.
[23]НИН. 1981, № 1605. С. 24.
[24]НИН. 1981, № 1605. С. 24.

[25]См.: Политика. 21.10. 81. С. 6.
[26]См.: Vjesnik. 13. 06. 81.
[27]См.: Политика. 21.10. 81. С. 6.
[28]См. там же.
[29]Наука и религия. 1982, № 8. С. 53.
[30]Danas. № 15, I. VI. 82. С. 23.
[31] НИН. 1981, № 1596. С. 24.
[32] См. материалы пресс-конференции председателя Комиссии СИВ по вопросам отношений с религиозными объединениями А.Фиры // Борба. 20. I. 82.
[33] Интервью с патриархом Германом // НИН. № 1637, 16. V. 82. С. 18.
[34]См. Vjesnik. 10. 04. 83.
[35]См.: Kurtović T. Crkva i religia u socialističkom samourpavnom društvu. С. 66.
[36]НИН. 1981, № 1596. С. 23.
[37]Политика. I. VI. 82. С. 17.
[38]См. материалы пресс-конференции председателя Комиссии СИВ по вопросам отношений с религиозными объединениями А. Фиры // Борба. 20. I. 82.
[39]Цит. по: Partos G. Cause or Consequence? // War Report. Apr. 1996. P. 20.
[40]Partos G. Op. cit. P. 20.
[41]Vrcan S. The Cherch and the Post Yugoslav War. Holland, 1995.
[42]Цит. по: Pecnik J. From Nationalism to Reconciliation // War Report. Apr. 1996. P. 37.
[43]Pastos G. Op. cit. P. 20.
[44]Partos G. Op. cit. P. 20; Vrcan S. Faith Under Challenge // War Report. Apr. 1996. P. 25.
[45]Цит. по: Djordjevic M. Serbia's Ark in the Eye of the Storm // War Report. Apr. 1996. P. 29-30.
[46]Там же.
[47]Vrcan S. Op. cit. P. 27.
[48]Замятина Т. Калинцев Н. Православные сербы и черногорцы готовятся к празднованию Пасхи // ИТАР-ТАСС. 18. 04. 1998.
[49]Report on Human Rights in Serbia in 1997. Belgrade, 1998. P. 35-36.
[50]Vrcan S. Op. cit. P. 25-27; Partos G. Op. cit. P. 20.
[51]Belic G. The State Religion // War Report. Apr. 1996. P. 31.
[52]Belic G. Op. cit; Balic S. Building Faith... , P. 31-33.
[53]Balic S. Op. cit.
[54]цит. по: Belic G. The State religion... P. 34-35.
[55]Partos G. Op. cit. P. 21.

Таблица 1

Доля межэтнических браков у лиц разных национальностей (в %)

годы	средн.	50-53	56-57	58-59	60-62	63-65	70-72	73-75	76-78	79-81
всего	11,5	8,8	9,2	10,6	12,0	12,3	11,8	12,6	13,8	13,4
албанцы	5,5	4,6	7,5	7,5	8,8	2,3	4,9	4,7	4,1	4,2
болгары	34,5	21,4	29,1	-	34,4	39,5	36,7	37,3	38,9	40,0
венгры	24,9	19,9	20,4	22,8	23,6	26,4	28,2	29,7	29,5	26,6
итальянцы	71,3	54,7	64,6	63,4	65,7	75,7	85,8	87,8	89,9	87,4
македонцы	9,7	7,9	8,0	7,8	10,2	11,0	8,5	10,0	9,9	9,3
мусульмане	7,0	7,2	7,9	8,8	8,7	6,7	6,0	7,1	7,0	7,6
румыны	29,0	28,9	18,6	21,7	24,0	27,8	27,8	37,7	38,4	42,6
русины (до 71 г. вместе с украинцами)	60,3	36,5	37,2	43,5	50,4	59,7	59,6	60,2	63,2	60,6
сербы	9,1	6,2	7,7	5,4	9,1	10,1	9,4	9,8	10,4	11,9
словаки	29,4	19,8	20,2	22,8	27,9	29,1	32,1	35,2	38,2	32,7
словенцы	7,9	8,5	7,2		7,6	8,0	9,1	9,1	8,0	8,4
турки	16,6	7,9	11,6	11,3	24,7	25,1	21,1	19,5	18,3	18,5
хорваты	12,7	11,0	10,2	9,2	13,1	14,1	14,0	13,9	13,8	12,7
цыгане	7,4	6,2	9,4	5,9	8,5	12,7	13,8	7,1	7,0	7,8
черногорцы	25,1	19,4	21,1	23,6	27,9	28,9	28,9	27,9	27,7	28,1
чехи	70,7	60,1	-	-	-	-	68,9	73,7	77,1	81,8
югославы	26,8	-	-	-	20,0	18,8	18,9	32,0	32,0	29,4

Рассчитано по: Марксистичка мисао, 1985, № 3.

Глава 5

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ КАК ИНДИКАТОР УРОВНЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Социально-экономические процессы все в большей мере, все более широким фронтом соприкасаются с этническими, вступают с ними в синтез. При этом семья, брачные отношения, являются весьма важным (хотя, конечно, далеко не единственным) объектом, полигоном взаимодействия этнокультурных, социально-экономических и политических процессов. В значительной степени это касается межэтнических браков. Масштабы их распространения, направления и тенденции развития в полиэтничной стране обусловлены многими факторами.

Данная проблема может показаться вторичной, достаточно далекой от конфликтной ситуации, сложившейся в настоящее время на Балканах. В действительности же семья - носитель весьма инерционного заряда традиций, стандартов, мотиваций и комплексов поведения. Какие процессы будут характерны для этого социального института в сложной экономической и межэтнической обстановке во многом зависит от потенциала воспитания, ценностей и представлений, заложенных в семье. Будут ли члены этнически-смешанных семей ощущать себя изгоями или полноправными членами обеих

контактирующих этнокультурных сообществ - во многом определяет здоровье и прочность общества в целом.

С другой стороны, брак - это отношения между людьми, которые уже на раннем этапе развития человечества были общественно регулируемы и институционализированы. Виды брака и отношения супругов по сей день обусловлены обычаями, традициями, религией, юридическими нормами и т. д. И в наши дни, когда выбор супруга или супруги стал личным делом, он во многом зависит от влияния не только семьи, но и окружения, общественного мнения. Априорная свобода выбора брачного партнера отнюдь не всегда фактически является таковой. Она зачастую осуществляется в пределах фиксированного круга людей, определяемого этническими, демографическими, религиозными и другими факторами. Выбор брачного партнера, как правило, ограничивается довольно узкой общественной группой: социальным слоем, религиозным кругом, этносом. В силу объективных и субъективных условий, даже когда каждый в отдельности индивид не придает особого значения этнической и социальной прринадлежности жениха или невесты, чаще всего заключаются однонациональные браки.

Согласно статистике, этническая принадлежность при выборе супруга имеет большее значение, чем даже уровень образования, профессия и место жительства. Так, например, по данным югославского социолога В. Милича, в начале 60-х годов около 66% браков заключалось между людьми одной специальности, около 62% - одного образовательного уровня, 60% - среди проживающих в одном населенном пункте, тогда как среди лиц одной национальности регистрировалось около 87% браков[1].

Исследование межэтнических браков, как одного из проявлений отношений между культурно-историческими группами, имеет особое значение. Этнически смешанные браки могут указывать на позиции того или иного этноса в обществе, свидетельствовать о степени его субъективных и объективных связей с другими народами, характеризовать уровень этнического самосознания его представителей и ту роль, которая этому самосознанию придается. Они могут также являться показателем этнокультурной близости народов. Анализ этнически-сме-

шанных браков, заключавшихся в СФРЮ, представляет несомненный интерес, т. к. они фокусировали в себе особенности межэтнических отношений в стране.

На наш взгляд, условия этнической гетерогамии очень многочисленны, однако среди них могут быть выделены несколько основных:

1. Территориальные особенности расселения: это прежде всего этническая структура населенных пунктов и территориальная возможность вступить в контакт с представителями других этносов. В силу этого урбанизация и миграционная подвижность населения имеют существенное значение для распространения межнациональных браков.

2. Демографические условия, т. е. численность и половозрастная структура этносов. Чем многочисленнее группа, тем больше шансов заключить брак с индивидом той же национальности; у малочисленных же этносов увеличиваются вынужденные контакты с представителями других этносов и, следовательно, возрастает вероятность этнически-смешанного брака (хотя ориентация может быть противоположной).

3. Правовые представления о браке и правовое положение отдельных этносов, их место в общественной структуре распределения труда и т. д.

4. Этнокультурные особенности отдельных этносов. Прежде всего таковыми являются язык, религия, ее традиционное воздействие на человека. Сказывается приверженность к определенному образу жизни; кроме того, поскольку этнокультурные особенности влияют на отношения в семье, возникает определенный стереотип представлений о том, каким бывает муж или жена той или иной национальности.

Интенсивность распространения межэтнических браков по республикам

Рассмотрим динамику распространения в Югославии межэтнических браков за последние 40 лет. В 1950-53 гг. в стране заключалось 15,7 тыс. межэтнических браков в год, в 1956-64 гг. - 17,3 тыс., 1962-1965 гг. - 20,8 тыс., 1970-1976 гг. - 20,0 тыс., 1977-79 гг. - 22,9 тыс. ежегодно. О тенденции увеличения числа по-

добных браков в этот период свидетельствует их доля в общей численности регистраций: в 1950-1957 гг. она составляла 9%, в 1959-1976 гг. - 11-12%, в 1977-1981 гг. - 13%[2].

Как видим, в целом по стране до начала 80-х годов происходил постоянный рост численности и доли этнически-смешанных семей. Какова же была ситуация в отдельных регионах Югославии? Проанализируем особенности распространения межэтнических браков в шести бывших республиках Югославии.

Черногория оказалась в пятидесятые - первой половине 60-х годов республикой с наиболее высоким уровнем межэтнической брачности. За пятнадцать лет этот уровень существенно повысился и доля межэтнических браков в их общей сумме подскочила с 13,3% до 17,4%. Со второй половины шестидесятых годов доля смешанных браков относительно падает и стабилизируется на более низком уровне, чем в предыдущие годы - примерно 12-15%.

Проведенный югославскими исследователями анализ причин этого явления показал, что снижение доли этнически-смешанных браков в республике было обусловлено, во-первых, изменением установок при выборе брачного партнера у наиболее многочисленной группы населения - черногорцев. Во-вторых, оно было вызвано тем, что в семидесятые годы произошли заметные перемены в этнической структуре населения региона за счет возрастания численности этнических групп, характеризуемых низким уровнем межэтнической брачности: албанцев и мусульман (в этническом смысле). В результате этого наиболее высокая в стране численность межэтнических браков, характерная ранее для черногорцев, снизилась и стала соответствовать общеюгославскому уровню.

На втором месте среди республик Югославии по распространению этнически-смешанных браков в пятидесятые - первой половине шестидесятых годов была Хорватия. Причем численность таких браков в республике систематически и быстро росла и составила в 1956 г. 4,3 тыс. или 10,9% от числа заключенных браков, а в 1965 г. уже 6,2 тыс. или 15,5%. Тенденция к росту численности и доли межэтнических браков не преостановилась и в последующие годы. Так к 1972 году процент сме-

шанных браков подскочил до 17%, в силу чего Хорватия вышла на первое место среди республик по удельному весу межэтнических браков.

Резко изменилось отношение к смешанным бракам в рассматриваемый период в Македонии. С 1956 г. по 1965 г. доля этих браков стремительно росла и увеличилась с 7,7% до 14,4%; к 1970 г. она вновь снизилась и составила только 9,7%. С этого времени наблюдается устойчивая тенденция к дальнейшему снижению доли межэтнических браков. Удельный вес их составил в 1981 г. лишь 6,2% от общей численности зарегистрированных в республике браков. В 1956-1965 гг. Македония была на третьем месте по степени распространенности межэтнических браков, тогда как к концу 80-х г. оказалась на последнем. При этом число смешанных браков снизилось как у македонцев, так и среди албанцев и турок.

Словения в 1956-1965 гг. была республикой с самым низким уровнем распространенности межэтнических браков. Вместе с тем доля последних в указанный период неуклонно увеличивалась и выросла с 4,6% в 1956 г. до 8,7% в 1965 г. Эта тенденция сохранялась вплоть до конца 70-х годов, достигнув в 1978 г. 12,2%, лишь позднее процесс замедлился. Как представляется, подобная динамика смешанных браков, помимо общих для всех республик причин, объясняется также и тем, что Словения - наиболее однородная в этническом плане республика Югославии, где словенцы всегда составляли большинство населения.

Несколько иная картина динамики межэтнических браков прослеживалась в Боснии и Герцеговине, республике со специфической этнической структурой. Здесь проживали три крупных этноса: сербы, хорваты и мусульмане (в этническом смысле). Тем самым объективно республика имела большие возможности для распространения этнически-смешанных семей. Но у двух наиболее многочисленных народов республики, сербов и мусульман, уровень межэтнической брачности был ниже общеюгославского. Правда, в десятилетие с 1956 по 1965 г., как и во всей Югославии популярность смешанных браков захватила и Боснию-Герцеговину. Однако, здесь рост их числа был самым медленным в стране и продолжался лишь до 1962 г. Затем до 1971-

1972 гг. распространение национально смешанных браков в республике снижалась, а в семидесятые годы стабилизировалось на 12% от общего количества браков.

Еще одна республика со сложной этнической структурой - Сербия. В целом по республике доля межэтнических браков выросла с 1950 по 1964 г. с 7,5% до 11,8%, держалась на этом уровне до 1973 г., в последующем сохраняла среднеюгославский уровне, а в 80-е годы стала падать.

В различных частях республики отношение к этнически-смешанным бракам разное. В собственно Сербии, где в 1981 г. 85,4% населения составляли сербы, условия для заключения межэтнических браков невелики и их доля всегда была ниже, чем в целом по стране. Даже в наиболее благоприятные моменты она не превышала 10%, в восьмидесятые же годы еще больше сократилась.

Очень низким с постоянной тенденцией к снижению являлся уровень межэтнической брачности в автономном крае Косово и Метохия. За десятилетие 1956-1965 гг. доля смешанных браков снизилась с 9-10% до 8-9%, сокращаясь и в последующие годы. Это объясняется, во-первых, тем, что доля албанцев, которые редко вступают в смешанные браки, в населении края возросла за период с 1948 по 1981 г. с 68,5% до 77,4%. Кроме того на интенсивности заключения межэтнических браков в Косово сказалось ухудшение отношений между албанцами и другими группами населения. Вероятно, воздействием этого фактора можно обьяснить также снижение числа межэтнических браков в Македонии и Черногории.

Противоположная ситуация сложилась в автономном крае Воеводина, отличающемся пестрым этническим составом (сербов - 54,7%, кроме них в крае живут венгры, словаки, румыны, русины и др.). Здесь всегда были популярны межэтнические браки, которые еще в 1956 г. составляли 17,3% от числа зарегистрированных, т. е. каждый шестой брак был межэтническим. Воеводина - единственный регион в стране, где не было снижения межэтнической брачности за весь период пятидесятых - семидесятых годов. Так в 1972 г. доля этих браков составляла 25%, а в 1981 г. - 27,3%.

Югославская ученая Р. Петрович выделяет три периода в распространении межэтнических браков в стране. Наиболее интенсивный рост их происходил в пятидесятые - первой половине шестидесятых годов, причем во всех республиках одинаково быстро. Для страны это было время существенных перемен в общественном строе, сопровождавшееся индустриализацией в экономике, урбанизацией, складыванием более современной социальной структуры населения и ростом его образованности.

Во второй половине шестидесятых годов произошло изменение взглядов населения на смешанные браки, что несомненно явилось одним из следствий происходившего в Югославии осложнения региональных и национальных отношений. В 70-80 гг. распространенность смешанных браков еще более снизилась. При этом обращают на себя внимание существенные республиканские различия в динамике изменения взглядов на выбор брачного партнера, интенсивности распространения межэтнических браков, которые во многом объясняются региональными особенностями этнического состава населения Югославии. Рассмотрим более подробно популярность межэтнических браков у народов и народностей Югославии в последние тридцать лет существования страны.

Специфика отношения к смешанным бракам у разных народов Югославии

Наиболее высокую степень межэтнической брачности имели итальянцы (71,3% от всех заключенных ими браков), чехи (70,7%), русины (60,3%). Очень часто вступали в смешанные браки болгары (34,5%), словаки (29,,4%), румыны (29,0%), югославы (по самоопределению) (25,8%), черногорцы (25,1%), венгры (24,9%). В брачном поведении этих групп достаточно ярко была выражена закономерность связи численности народа с активностью межэтнической брачности: чем малочисленнее этнос, тем чаще заключались смешанные браки.

Среди других национальностей эта закономерность не прослеживалась. Быть может это указывает на более сильную значимость для них социальных причин. Это наглядно видно на примере турок и хорватов, которые имели межэтническую

брачность выше общеюгославского уровня: турки - 18,5%, хорваты - 12,75. При этом хорваты, исходя из их численности, должны были бы занимать предпоследнее место среди этносов Югославии по числу смешанных браков. Турки же, напротив, малочисленная группа населения, которая при условиях аналогичных тем, которые имели ранее описанные народы, должна иметь 24-29% смешанных браков, а не 18,5%.

Прочие народы, населявшие Югославию, гораздо реже, чем в среднем по стране, вступали в межэтнические браки (см.табл.1). В ряде случаев это объяснялось компактностью проживания этноса (сербы, словенцы) и в силу этого ограниченностью контактов с представителями других национальностей, в других же - влиянием особенностей этнической культуры и религии.

Объективные причины различий в отношении к межэтническим бракам у разных этносов в какой-то степени объясняются этнокультурными особенностями народов, такими как язык, религия, традиция и т. д. Но сказывались и другие факторы. Это прежде всего касалось цыган: хотя численно они равны словакам, в смешанные браки вступали в два раза реже. Исключением из правила также являлись черногорцы и венгры, этносы численностью превышающие пятьсот тыс., но имевшие высокую долю межэтнических браков.

Для наглядности расчетов югославский исследователь Р. Петрович употребила коэффициент открытости этноса, полученный путем соотношения числа людей данной национальности, заключивших смешанный брак к числу заключивших однонациональный брак. Общий для всего населения Югославии коэффициент 12,9 показывает, что на каждые 100 однонациональных браков заключалось около 13 смешанных, а у итальянцев на каждые 100 гомогенных 214 межэтнических. Чем больше коэффициент, тем больше открыт этнос для межэтнических браков.

Тезис о соотношении численности этноса с числом межэтнических браков у его представителей подтверждается. Но при рассмотрении смешанных браков по республикам и областям выясняется еще одна закономерность: этнос имеет

наименьшее число межэтнических браков на территории, где проживает его бóльшая часть.

Таблица 2

Соотношение величины этноса и его открытости к межэтническим бракам

Этнос	Коэффициент величины	Коэффициент открытости
Сербы	72,7	9,9
Хорваты	30,1	15,2
Словенцы	9,3	8,7
Македонцы	5,9	11,1
Черногорцы	2,7	38,7
Мусульмане	7,5	9,4
Албанцы	5,5	8,5
Венгры	2,7	31,0
Турки	0,9	32,7
Словаки	0,4	38,7
Румыны	0,3	32,7
Болгары	0,3	52,2
Итальянцы	0,1	214,7
Русины	0,1	101,7
Цыгане	0,4	13,7
Влахи	0,1	42,8
Всего:	-	12,9

Источник: Petrovic R. Etnički mešoviti brakovi u Jugoslaviji // Sociologija. Beograd.

В таблице 2 приведены данные о соотношении процента межэтнических браков с долей этноса в населении республик и областей. Из этой таблицы видно, что сербы в Сербии (без автономных краев), хорваты в Хорватии, венгры и словаки в Воеводине имели наименьший процент межэтнических браков. При этом очевидна разница между общей степенью открытости каждого этноса к межэтническим бракам на всей территории Югославии и на территории, где проживает основная часть его представителей. Так, черногорцы в три раза реже заключали межэтнические браки в Черногории, чем в других республиках,

сербы и словенцы в своих республиках - в два раза реже, чем в других. Наибольший процент межэтнических браков этнос имеет там, где проживает его наименьшая часть, исключение составляли лишь мусульмане (в этническом смысле), наименьшая часть которых проживала в Косово, а наибольшее число межэтнических браков ими заключалось в Македонии. Поведение представителей всех остальных этносов соответствует общему правилу: сербы заключали наибольшее число межэтнических браков в Черногории, словенцы в Косово, македонцы в Словении. При этом разница в проценте межэтнических браков на основной территории и территории, где проживает наименьшая часть этноса, очень велика. Словенцы имели только 3,3% межэтнических браков в Словении, а в Косово - 95%, венгры в Воеводине - 18,9%, а в Сербии (без автономных краев) - 88,4%, албанцы в Косово 4,3%, а в Боснии и Герцеговине - 85,2%[4].

Это наводит на мысль, что влияние размера этноса осуществляется не через его общую численность, а через степень ее концентрации на определенной территории.

При этом надо учитывать, что часто представители какого-либо этноса живут вне территории, занятой основной частью этноса, но при этом являются автохтонным населением в том или ином регионе. Такова ситуация с частью сербов, проживающих в Боснии и Герцеговине, Воеводине, Хорватии, хорватов в Словении, албанцев в Черногории и т. д. В случае, если представители какого-либо этноса, имеющего свою административную территорию, проживают в компактных поселениях другого региона как автохтоны, число межэтнических браков у них гораздо меньше, чем в случае недавнего их переселения в регион, особенно если это переселение носит единичный характер, а не связано с массовой миграцией. Именно поэтому у черногорцев меньше процент смешанных браков в Воеводине, чем в центральной Сербии. Ведь в Воеводине проживают компактные группы черногорцев, составляющих иногда целые поселения. Тогда как в Сербии представители данного этноса встречаются главным образом в городах. Хорватов в Словении меньше, чем в Сербии, меньше и межэтнических браков, при этом отдельные представители хорватов в Словении живут издревне, в Сербии же это мигранты недавнего времени.

Таблица 3

Территориальная концентрация этноса (Э) и процент межэтнических браков (Б) в республиках и краях

этническая принадлежность	Сербия без автоном. краев		Воеводина		Косово		Хорватия		Словения		Македония		Черногория		Босния и Герцеговина		Югославия	
	Б	Э	Б	Э	Б	Э	Б	Э	Б	Э	Б	Э	Б	Э	Б	Э	Б	Э
албанцы	17,0	5,6			4,3	71,3					30,3	20,0	30,7	2,8	85,2	0,3	7,8	100,
венгры	88,4	1,3	18,9	87,7			55,7	8,3	31,6	2,0							23,6	100
македонцы	78,1	1,8	46,9	1,4	87,7	0,1	86,8	0,4	96,6	0,0	6,2	96,1	83,6	0,0	83,0	0,2	10,1	100
мусульмане	13,3	7,4	59,6	0,3	41,7	0,1	65,8	1,4	60,5	0,2	91,2	0,3	66,3	2,5	7,2	86,9	8,6	100
сербы	3,6	55,8	15,4	12,9	9,7	2,9	27,0	8,2	72,1	1,4	66,7	0,5	73,7	0,1	9,7	18,2	9,1	100
словаки			16,9	85,4			55,4	9,4									27,8	100
словенцы	90,0	0,9	90,2	0,3	95,0	0,0	83,5	2,5	3,2	96,9	89,0	0,0	81,8	0,0	10,0	0,3	7,5	100
турки					41,2	14,0					23,3	71,9					24,4	100
хорваты	82,4	1,0	50,4	3,3	38,7	0,1	8,2	78,2	79,4	0,7	87,0	0,0	63,5	0,2	12,8	16,5	13,0	100
черногорцы	80,8	6,0	75,4	6,7	44,2	7,3	89,6	1,4	92,2	0,2	67,1	0,6	9,2	75,3	80,4	2,5	27,8	100

Источник: Petrović R. Etnički mešoviti brakovi // Sociologija. 1966. N 3. S.97.

Таким образом мы видим, что для частоты заключения межэтнических браков имеет значение не просто численность этноса, а степень его концентрации на определенной территории и в связи с этим этническая структура поселения. (См. таб. 3). При высокой степени концентрации и монолитной этнической структуре поселения, межэтнические браки будут редки, т. к. нет объективной возможности для контактов представителей разных этносов. Реалии выбора брачного партнера определяются средой, в которой вращается человек и тут всегда будут иметь преимущество представители крупных этносов.

При том несомненном влиянии, которое оказывает этническая структура поселения на заключение браков, процесс урбанизации и связанные с ним миграции населения имеют большое значение для увеличения числа межэтнических браков. Вместе с тем нельзя сводить причины межэтнических браков только к территориальной близости. Это лишь одна из объективных необходимостей для заключения смешанных браков, но далеко не единственная. На брачном выборе сказываются также экономические, профессиональные, религиозные, образовательные и этнические факторы (язык, мораль, обычаи, культура), осознание своей этнической принадлежности и то значение, которое этим особенностям придается. Существует определенный стереотип предпочтительности супругов тех или иных национальностей.

Стереотипы предпочтения национальности брачного партнера

В силу всех этих причин количество смешанных браков между представителями отдельных национальностей неодинаково. Многочисленность сербов и хорватов стала причиной того, что 30,6% из общего числа заключивших смешанный брак в Югославии в послевоенный период имели супруга или супругу сербской национальности, а 22,4% - хорватской, т. е. более половины смешанных браков заключалась с сербами и хорватами.

При этом хорватско-сербские браки были наиболее частыми из всех межэтнических браков в стране. Правда, число их постепенно снижалось во всех регионах. Так, в 1958-59 гг. 64,4%

межэтнических браков в Хорватии составляли браки между сербами и хорватами, а спустя 20 лет их доля равнялась лишь 54%[5].

Сербы чаще всего вступали в брак с хорватами, черногорцами, мусульманами (по этническому признаку), македонцами, югославами (по самоопределению), болгарами, венграми, словаками, румынами, словенцами. Хорваты в первую очередь предпочитали словенцев, сербов, итальянцев, чехов, затем мусульман, югославов, черногорцев, русинов, венгров, румын, словаков. В силу территориальной близости велика связь итальянцев с хорватами и словенцами, болгар с сербами и македонцами, турок с албанцами и македонцами[6]. Влияние этнической культуры, религиозные воззрения учащали браки между албанцами, турками и мусульманами.

Интересно, что брак итальянка-словенец был гораздо более редким явлением, чем брак словенка-итальянец. Браки между сербами и чехами главным образом состояли из браков чешка-серб, а между хорватами и черногорцами - хорватка-черногорец. Число браков между хорватками и сербами было больше, чем браков сербка-хорват[7]. У итальянцев, румын, черногорцев, турок, сербов, албанцев мужчины чаще женщин вступали в смешанные браки, у всех других народов Югославии преобладала обратная картина. Половые различия в степени популярности межэтнических браков малы у русин, болгар, цыган. У некоторых этносов картина со временем изменялась, так у сербов, венгров, словаков, румын, хорватов межэтническая брачность в 50-годы была выше у мужчин, в 80-е - у женщин.

То, что мужчины и женщины разной этнической принадлежности неодинаково часто вступали в смешанные браки не раз отмечалось в литературе[8]. Причины этого обычно заключаются не в несоответствии численности мужчин и женщин каких-либо национальностей, а имеют социальные и этнокультурные корни (различное социальное положение полов, структура их профессий, разный уровень образования, активность и территориальная мобильность). Играет роль также общественное мнение, стереотипы представлений о том, какими бывают муж и жена определенной национальности, религиозные верования этносов. Как известно, ислам запрещал браки мусульманок с мужчинами, исповедовавшими другие религии, мужчины же

могли жениться на женщинах любого вероисповедания. Поэтому естественна малая распространенность межэтнических браков среди турчанок и албанок. Сказывается и их низкая мобильность.

С ростом образования возрастает и число смешанных браков, женщины становятся менее консервативными и охотнее выходят замуж за представителей других этносов[9].

Таблица 4

Заключенные и расторгнутые браки лицами разных национальностей

Этническая принадлежность	Межэтнические браки в общем числе браков, %	
	заключенных	расторгнутых
Албанцы	7,8	23,4
Болгары	34,3	50,2
Венгры	23,6	23,5
Влахи	24,1	40,7
Итальянцы	68,3	57,9
Македонцы	10,1	15,8
Мусульмане	8,6	10,3
Румыны	24,2	31,4
Русины	50,5	50,5
Сербы	6,1	9,4
Словаки	27,8	33,0
Словенцы	7,5	12,5
Турки	24,4	23,7
Хорваты	13,2	16,0
Цыгане	12,1	9,0
Черногорцы	27,9	28,4

Источник: Petrovic R. Etnički mešoviti brakovi. S.91.

Стабильность браков

При исследовании межэтнических браков важен вопрос об их стабильности. Сопоставление числа заключенных и

расторгнутых межэтнических браков показывает, что доля смешанных браков выше при разводах, чем при заключении браков. (См. таб. 4). Т. е. гомогенные браки стабильнее межэтнических. Нам представляется это вполне естественным, т. к. на прочности супружества сказываются этнокультурные традиции супругов, различие взглядов у отдельных национальностей на отношения в семье, бытовые установки и т. д.

Таблица 5

Стабильность браков у лиц разных национальностей

Этническая принадлежность	Коэффициенты стабильности браков		
	всех	моноэтничных	полиэтничных
Сербы	14,4	14,4	15,0
Хорваты	12,9	12,1	15,2
Словенцы	11,6	10,5	18,5
Македонцы	8,5	7,5	12,6
Черногорцы	11,7	11,6	11,8
Мусульмане	12,9	12,4	15,1
Албанцы	4,0	2,7	10,5
Венгры	20,6	20,7	20,6
Турки	10,1	10,3	9,9
Словаки	14,5	13,0	16,6
Русины	16,2	17,5	15,0
Болгары	6,5	4,4	8,5
Итальянцы	20,9	29,6	18,9
Румыны	19,1	13,9	23,4
Цыгане	9,0	10,3	7,4
Влахи	8,3	5,7	12,5
Все население	12,9	12,4	17,1

Источник: Petrovic R. Etnicki mesoviti brakovi. S. 100.

Вместе с тем надо учитывать, что на стабильность браков влияет не только то, моноэтничный он или смешанный, но и какова национальность супругов. Поскольку у лиц разных национальностей как при заключении гомогенного, так и смешанного брака число разводов различно. Проанализировать ситуацию помогает таблица 5, в которой приведены данные о стабильно-

сти гомогенных и смешанных браков у разных народов Югославии.

При рассмотрении стабильности браков у разных этносов Югославии видно, что самыми нестабильными являлись браки итальянцев. Коэффициент прочности их браков (отношение числа разведенных к числу заключенных) 20,9, что означает, что расторгается каждый пятый брак. Наиболее стабильны браки албанцев (с коэффициентом 4,0), т. е. расторгается лишь каждый двадцать пятый.

Промежуточное положение занимают три группы этносов. Редко разводились болгары, влахи, цыгане, македонцы. Относительно стабильны браки у турок, словенцев, черногорцев, хорват, мусульман, часто расторгались браки у русин, румын, венгров.

Различна степень стабильности браков и моноэтничных. Здесь крайние позиции также заняли браки итальянцев и албанцев, с коэффициентами 26,9 и 2,7. Эти данные свидетельствуют о том, что браки албанцев были в десять раз стабильнее итальянских. Порядок постоянства моноэтничных браков практически совпадал с уровнем стабильности всех браков, заключенных данной национальностью. Это означает, что главную роль при разводах межэтнических браков играет все-таки национальная принадлежность супругов и отношение к расторжению браков у данного этноса.

Как уже отмечалось, в большинстве случаев моноэтнические браки были стабильнее смешанных. Между тем у итальянцев, русин и цыган гомогенные браки расторгались чаще смешанных. Противоположная ситуация у албанцев, болгар, влахов и словенцев, у которых гомогенные браки стабильнее смешанных, причем у албанцев в три раза, а у остальных - в два.

При рассмотрении стабильности смешанных браков видно, что наиболее устойчивы браки цыган с людьми иной национальности.

Так, они в три раза прочнее по сравнению с румынскими, отличающимися наибольшей непрочностью среди смешанных браков всех народов Югославии (коэффициент 7,4 у цыган и 23,4 у румын). Стабильны смешанные браки с коэффициентом

до 9,0 только у цыган и болгар. Относительно редко разводились вступившие в смешанный брак турки, албанцы, черногорцы, влахи и македонцы. У всех же остальных этносов Югославии межэтнические браки давали большое число разводов. Нестабильность смешанных браков по сравнению с моноэтничными особенно велика у сербов, хорватов, македонцев, турок, словаков.

Ярко выражена нестабильность межэтнических браков по сравнению с моноэтничными (при этом речь идет не о числе разводов, а о соотношении их в этих двух группах семей) у албанцев, болгар, влахов, словенцев. Чем же можно объяснить нестабильность межэтнических браков, заключенных представителями этих этносов, особенно если сравнить ее с частотой заключения такого рода браков? Браки албанцев и особенно албанок с представителями других национальностей крайне редки и межэтнические браки, заключенные ими нестабильны. Югославская исследовательница Р. Петрович приводит данные, согласно которым из 3232 межэтнических браков представителей албанской национальности лишь 731 был заключен албанками в основном с сербами и черногорцами, тогда как албанцы женились главным образом на турчанках и мусульманках (в этническом смысле). Доля мужчин среди разведенных также больше (319 к 29), коэффициент стабильности у албанок 3,9, а у албанцев 12,3[10]. Это дает возможность предположить, что брак албанки с представителем другой национальности являлся улучшением ее социального положения, чего нельзя сказать о браке представительниц других национальностей с албанцем.

Что касается влахов, то у них очень распространены нерегистрированные связи, тогда как межэтнический брак обычно законный. Может быть в силу этого статистика не отражает реального положения с разводами у представителей этой национальности.

На положение болгар, группы открытой для межэтнических браков и имеющей довольно стабильные браки, влияет интенсивная урбанизация в восточной Сербии.

У черногорцев и венгров стабильность смешанных и моноэтнических браков приблизительно одинакова, это дает повод предположить, что этническая принадлежность не имела

для них особого значения при заключении брака, тем более, что представители этих этносов заключали межэтнические браки достаточно часто.

Оба этноса большую часть таких браков заключали с сербами, черногорцы - 65%, а венгры - 46,6%. Если сербы и черногорцы близки по своей этнической культуре и историческим связям, то о венграх и сербах этого сказать нельзя.

И, наконец, русины, итальянцы и цыгане имели межэтничные браки более стабильными, чем моноэтничные. Итальянцы, которые большую часть межэтнических браков заключали с хорватами и словенцами, расселены дисперсно, главным образом вдоль северной части Адриатического побережья, почти полностью урбанизированы и в значительной мере поэтому этническая принадлежность супругов имеет для них второстепенное значение. Для цыган, у которых смешанные браки крайне редки и которые по своим экономическим особенностям существования выделяются среди прочих жителей сельских местностей, где они главным образом и живут, такое поведение указывает на то, что представителям данного этноса для заключения межэтничного брака приходится преодолевать определенный социально-психологический барьер и поэтому они тщательно оберегают новый социальный статус, т. к. с вступлением в смешанный брак попадают в более "привилегированную" категорию.

Вышеприведенный материал показывает, что стабильность межэтничного брака определяется целым комплексом причин. При этом ни одна из них не является доминирующей. В некоторых случаях религиозный фактор (а следовательно и культурный) играет существенную роль, например, при браках между албанцами и турками, албанцами и мусульманами (в этническом смысле). В других же случаях он не имеет значения.

Мы рассмотрели различия в стабильности моноэтничных и смешанных браков в экс-Югославии. Анализ свидетельствует, что за исключением албанцев, влахов, словенцев и румын, для всех остальных этносов, живущих на территории Югославии, эта разница была не столь уж и существенна. Стабильность межэтничных браков в значительной степени определялась об-

щей стабильностью браков у этих этносов, а не тем, моноэтничные они или смешанные.

Для того, чтобы до конца определить связь этнического состава семейной пары со стабильностью брака, необходимо рассмотреть отношение к разводам у этих национальностей. Стабильность брака должна рассматриваться не только по этническим группам, но и внутри них, по продолжительности брака, числу детей и т. д. При этом надо иметь в виду, что чаще всего расторгается браки продолжительностью до 5 лет, без детей или с одним ребенком.

Важно также наряду с этническими сравнить социальные и иные характеристики отдельных этносов. Известно, что у представителей различных профессий и лиц разного образовательного уровня число разводов существенно различается. Крестьяне реже разводятся, чем горожане, с повышением уровня образования также растет число разводов.

Этносы, населявшие экс-Югославию находились на различных уровнях социально-экономического развития, существенна была разница в их профессиональном и образовательном составе, что особенно наглядно видно при сравнении словенцев, черногорцев с албанцами и цыганами. Поэтому и различия в отношении к межэтническим бракам и разводам могут быть объяснены не только этническими особенностями, но также образовательными и социально-профессиональными факторами.

Отношение к смешанным бракам и последствия их существования

Только после исследования всего комплекса причин можно говорить о влиянии чисто этнических особенностей на открытость или изоляцию отдельных народов в сфере брачно-семейных отношений. Вместе с тем как социальные характеристики отдельных этносов постепенно сближались, влияние данного фактора при выборе брачного партнера постепенно уменьшалось, но тем не менее предпочтение вступления в моноэтничные браки сохранялось. Все это дает основание считать, что специфика этнической культуры того или иного этноса имеет важную роль при выборе брачного партнера. В связи с этим нельзя не

согласиться с А. А. Сусоколовым, который при исследовании межэтнических браков в СССР пришел к выводу, что "чем более существенны межэтнические различия в бытовой поведенческой культуре, тем реже заключаются межнациональные браки"[11].

В работе Ю. В. Бромлея и М. С. Кашубы "Брак и семья у народов Югославии"[12] отмечается, что отрицательное отношение к смешанным бракам особенно характерно для наиболее отсталых областей с ярко выраженным патриархальным укладом жизни. Согласно данным югославских исследователей, приведенным в этой работе, в селах Пологa (Македония), где живут македонцы, албанцы и турки, абсолютное большинство глав семей - всего было опрошено 890 человек из 131 села (95% македонцев и албанцев и 84% турок) высказались против женитьбы своих сыновей на девушках другой национальности. И вместе с тем больше половины опрошенных заявили, что они примирились бы с фактом вступления их детей в национально смешанные браки[13]. Иная картина наблюдалась в одном из поселений Воеводины - Челарево, население которого очень пестро по национальному составу и занято в основном в промышленности. Большинство опрошенных здесь глав семей положительно отнеслись к возможности вступления в брак кого-либо из членов семьи с лицами иной национальности[14].

При анализе частоты заключения межэтнических браков интересны исследования в регионах смешанного или пограничного проживания разных этносов, когда традиции соседних этносов взаимно знакомы. Насколько часто в этом случае заключаются смешанные браки?

Вполне понятно, и об этом уже говорилось выше, что в силу культурно-религиозных традиций редко вступают в межэтничные браки исповедующие ислам албанцы и мусульмане (в этническом смысле) даже в тех районах, где они живут по соседству с представителями других вероисповеданий. Более часты браки между лицами, исповедующими различные направления христианства. Но брачная эндогамия существует даже в случае одного вероисповедания у разных этносов. Рассмотрим для примера хорватско-словенские браки, заключавшиеся в районе пограничного проживания этих двух этносов. Из общего числа межэтничных браков в приграничных селах три четверти было

заключено в шестидесятые-семидесятые годы. Процент смешанных браков в этот период составлял 8,9% от общего числа браков, а с 1981 г. он вырос до 20,3%[15]. До шестидесятых годов такие браки были редкостью, что объясняется социальными мотивами. Не способствовали этому и постоянные экономические контакты населения. Известно, что до войны хорватские крестьяне работали в хозяйствах более зажиточных словенцев, а хорватки прислуживали в их домах. В целом, словенцы были богаче хорватов, приданное словенских невест больше хорватского[16], а это являлось тормозящим моментом для заключения смешанного брака. Не одобряли такие браки родители и родственники молодых, причем как со словенской, так и с хорватской стороны[17].

Ранее не приветствовался межэтнический брак во многих областях Югославии, например, в селах Неготинской Крайны (Сербия), Горной Ресавы (Сербия), Скопской Черногории (Македония), на острове Крк (Хорватия) и т. д.[18].

Характерно, что заключение межэтнического брака было достаточной причиной для перемены места жительства и обычно на такой брак решались те, кто мог переехать[19]. Среди вступивших в смешанный брак, как правило, люди достаточно мобильных специальностей: столяры, портнихи, поварихи[20].

В 80-е годы, вследствие частичного исчезновения традиционного образа жизни, ослабления влияния родственников при выборе супругов заключение межэтнических браков стало более обыденным явлением. Молодежь, особенно в городах, не придавала значения вопросу о национальности будущего супруга. Согласно анкетному опросу в Сараевском университете 77,4% опрошенных заявило, что национальность брачующихся второстепенна, 15,3% считают этот критерий важным, 6,2% - необходимым и 1,4% не дали ответы[21].

Создание семей, смешанных в национальном отношении, оказывало воздействие на этнические процессы, происходившие в стране. Влияние на культурные характеристики этносов осуществлялось через людей, заключивших межэтничный брак и их потомков. Супруги вступившие в такой брак, в большей или меньшей степени воспринимают язык и традиции, характерные для национальности каждого партнера. Такие семьи часто бы-

вают двуязычны. Исследование в пограничных хорватско-словенских районах показало, что хорваты, живущие в Словении, дома говорят по-хорватски, а на работе в кругу словенцев - по-словенски, при этом свободно переходят с одного языка на другой в зависимости от национальности собеседника[22].

Двуязычными бывают и дети в таких семьях, и связи с заключением смешанных браков встает вопрос о выборе национальности детьми в случае разной национальной принадлежности супругов. Этот вопрос решался в Югославии родителями, причем, как правило, критерием являлось место проживания ребенка. Так, если семья жила в Словении, то дети при родителях словенской и хорватской национальностей становились словенцами[23]. В Воеводине, например, если отец поляк, а мать венгерка, то детей считали поляками, если отец поляк, а мать сербка, или отец серб, а мать полячка, то дети всегда сербы[24].

Следует отметить, что сравнительный анализ материалов по нашей стране и Югославии подтверждает, например, правильность наблюдения А. А. Сусоколова. По его мнению роль потомков от межнациональных браков не ограничивается количественным влиянием на численность отдельных групп... К какой бы национальности ни причислялся человек, родившийся в межэтническом браке, он, как правило, несет культурные навыки обоих "родительских этносов"[25].

Подводя некоторые итоги анализа классификации межэтнических браков у народов бывшей Югославии, интенсивности и тенденций в их динамике, необходимо отметить, что это весьма сложный феномен, представляющий собой как бы равнодействующую очень большого и неоднородного комплекса причин и явлений. Действительно воздействие и переплетение экономических, социальных, культурных, национальных, религиозных и т. п. характеристик этносов, не говоря уже о социально-психологических и индивидуальных особенностях, при анализе межэтничных брачных отношений столь плотно, что вычисление, распутывание этого ребуса представляет собой большую сложность. Однако, опираясь на весь опыт изучения данной проблематики как в отечественной, так и в югославской литературе, можно выделить, как представляется, ряд ключевых моментов.

Межэтнические браки как индикатор уровня толерантности

Прежде всего реальная практика межэтнической брачности свидетельствует, что на уровне этносов - это явление в первую очередь ассимиляции крупными этносами дисперсных представителей и групп других национальностей. Данный процесс в разных условиях протекал по-разному: интенсивнее в городе, чем на селе. Малые этнические единицы (главным образом представители этносов, основная часть которых проживала вне страны (итальянцы, болгары, чехи и т. п.) были весьма активно включены в процесс межэтничных брачных отношений. Крупные этносы, особенно имевшие свою государственность и компактное расселение в рамках Югославии, более устойчиво сохраняли брачную эндогамию. Причем в равной мере это относилось к экономически высокоразвитым этносам (словенцы) и к наиболее слаборазвитым (албанцы, мусульмане). Для последних еще характерно соблюдение религиозно-культурных традиций, препятствовавших распространению межэтнических браков.

В то же время те представители крупных и средних по численности этносов, которые проживали вне пределов своих республик и краев и таким образом являлись национальными меньшинствами в той или иной республике или регионе, в свою очередь более интенсивно вступали в межэтничные браки, чем их соплеменники в рамках своей основной территории. Далее, и среди представителей этих меньшинств интенсивность заключения межэтнических браков также была различна: проживающие компактно автохтонные группы менее расположены к смешанным бракам, чем недавние переселенцы.

Весьма ощутимо в вопросах межнациональных отношений воздействие стереотипов национальной психологии, т. е. представлений о положительных и отрицательных чертах своей и всех прочих национальностей. Этими условностями во многом определяется выбор иноэтничного партнера, предпочтение, отдаваемое представителям того или иного этноса.

Вышеперечисленный комплекс причин оказывал воздействие на стабильность брака и, как свидетельствует статистика, стабильность межэтнических семей в среднем по Югославии была ниже, чем гомогенных.

В то же время количество браков, заключенных между сербами и хорватами, свидетельствует от отсутствии

противостояния между этими этносами в прежней Югославии. Анализ имевших место закономерностей при выборе брачного партнера скорее говорит о значимости фактора близости культур, территориальных контактов населения, а также религиозных традиций. В целом высокая межэтническая брачность, распространившаяся в СФРЮ, является показателем этнической толерантности всех ее народов, отсутствия вражды на личностном уровне.

Очевидно, что падение доли межэтнических браков в последнее десятилетие являлось отражением общего ухудшения межнациональных отношений в СФРЮ. Это подтверждается и динамикой распространения смешанных браков, когда после подъема 50-60-х годов наступила стагнация и постепенное снижение их популярности.

Таким образом можно считать вполне обоснованным тезис о том, что интенсивность межэтнических браков есть продукт и следствие определенной социально-экономической и этнической ситуации в стране. Следовательно, их исследование может служить одним из индикаторов межнациональных отношений в разных исторических, политических, социально-экономических ситуациях.

Межэтнические конфликты и смешанные браки

Насколько межэтнические конфликты и политизация общества влияют на смешанные браки? Статистические данные свидетельствуют о резком возрастании разводов национально-смешанных браков на территории прежней федерации в последние годы. Проиллюстрирую это на примере СР Югославии. Например, в Воеводине, где 25% браков было заключено между людьми разных национальностей, по новейшим сведениям расторгается каждый шестой брак, в противоположность этому в Косово и Метохии, в наиболее этнически гомогенной среде, отмечается высокая прочность семей: распадается каждая 87-я из них.

По данным 1993 г., которыми располагает Союзное бюро статистики, из 62 045 заключенных в СРЮ браков 89% были однонациональными и 19% смешанными. В центральной Сербии

91% браков однонациональные, а в Косово - 96%. Албанцы в Косово и Метохии лишь в двух случаях из ста заключают браки с представителями других национальностей, а расторгается в Косово 11 браков из 1000.

Наиболее часто гомогенные браки в Косово заключают албанцы, наряду с ними - сербы, цыгане, мусульмане, В отличие от них черногорцы выпадают из общей схемы. При этом черногорские браки на третьем месте по стабильности после албанских и мусульманских. Примечательно, что венгерские смешанные браки стабильнее венгерских однонациональных. Среди смешанных наименее стабильны браки хорватов и "югославов", поскольку каждый третий расторгается. По числу разводов в первых рядах браки хорватов с сербками: 297 из 1000. Очень нестабильны браки цыганок и мусульман - 286 из 1000, "югославов" и сербок - 270 из 1000, сербов и мусульманок - 245 из 1000, албанцев и сербок - 239 из 1000, хорваток и сербов - 229 из 1000, венгерок и черногорцев - 231. Значительно реже разводятся венгры с сербками - каждый шестой.

Если рассматривать брачных партнеров по отдельности в 1991 г., чаще всего разводились "югославки" - каждая вторая, "югославы" - каждый третий, за ними следуют венгерки, венгры, хорваты, хорватки, цыганки, цыгане. В то же время реже всего разводились албанцы, албанки, был расторгнут лишь каждый 37 из их браков. Черногорки, мусульманки, мусульмане и черногорцы имели наименьшую долю разводов. Исследования тех же параметров однонациональных браков свидетельствует о нестабильности венгерских, "югославских" и цыганских семей. Интересно, что хотя в 1994 г. браков было заключено на 2,5 тыс. меньше, чем в 1993 г., возросла их стабильность: в 1992 и 1993 г. браки показывают большую прочность, чем в 1991 г., а в 1994 г. эта тенденция росла повсеместно, кроме Воеводины[26].

Примечания

[1]Milić V. Sklapanje i razvod braka prema zanimanju // Statistička revija. Beograd, 1957, № 1.

[2]Петровић Р. Етнички мешовити бракови у Југославији // Марксистичка мисао. 1985, № 3. С. 53.

[3]Петровић Р. Указ. раб., с. 56-68.
[4]Petrović R. Etnički mešoviti brakovi // Sociologija. 1966, № 3. S. 95.
[5]Antonić M. V braku sa Jugoslavenom // Praktična Žena. 1988, 8 oct. S. 15.
[6]Марксистичка мисао. 1985, № 3.
[7]Antonić M. Op. cit. S. 15.
[8]Напр.: Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С. 94-105.
[9]Там же. С. 99.
[10]Petrović R. Op. cit. S.102.
[11]Сусоколов А. А. Указ. раб. С. 86.
[12]Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии. М., 1982. С. 64.
[13]Јосифовски И. Урбанизацијата и етноендогамијата - Годишник на Економскиот факултет. Скопје, 1975. Т. XVIII. С. 64-74.
[14]Бечин А. и др. Челарево. Социолошко истраживање. Нови Сад, 1974.
[15]Čapo J. Hrvatsko-slovenski brakovi // Zgodovine. Ljubljana, 1988. S. 125.
[16]Čapo J. Op. cit. S. 121.
[17]Там же. С. 129.
[18]Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Указ. раб. С. 60.
[19]Drljača L. Matične knige kao izvor // Giedišta. 1983, № 1-2. S. 85.
[20]Čapo J. Op. cit. S. 118.
[21]Цит. по Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Указ. раб. С. 65.
[22]Čapo J. Op. cit. S. 130.
[23]Там же.
[24]Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Указ. раб. С. 64.
[25]Сусоколов А. А. Указ. раб. С. 128.
[26]Подаци Савезног завода за статистику. Вечерње новости. 2. 04. 95.

Глава 6

НАЦИОНАЛИЗМ В ЮГОСЛАВСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЭТНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что в Конституции СФРЮ и других законодательных актах большое внимание уделялось национальным вопросам. Тем не менее именно проблемы межреспубликанских и межэтнических отношений, осложнившиеся на базе экономических трудностей и подогревавшиеся определенными кругами в своих политических целях, стали своего рода катализатором тех процессов, которые привели к распаду СФРЮ, смене общественного строя в бывших ее республиках.

Период 1980-1990 г. характеризовался продолжающимся экономическим кризисом и нараставшей борьбой за власть. Поскольку управленческие порядки были институционализированы как межреспубликанские (и республиканско-краевые) отношения, а последние в свою очередь использовали легитимность межэтнических отношений, в это десятилетие межэтнические трения развивались по нарастающей.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮГОСЛАСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Большинство авторов, описывающих крах СФРЮ, делает акцент на сепаратистских настроениях Словении и Хорватии. Хотя это явление рассматривается как длительный процесс, вне поля зрения остаются такие причины распада как события в Югославии 1986-1990 г., которые определили судьбу общего государства.

Между тем, открытое оспаривание устоев югославского государства началось в середине 80-х годов как недовольство сербской и словенской интеллектуальной элиты положением своих народов в стране. Хотя сербы и словенцы имели неодинаковые исходные позиции (самый многочисленный и самый малочисленный этносы, проживание в нескольких республиках и лишь в одной из них, этнически гетерогенная и относительно гомогенная республики...), их элиты с одинаковым запалом критиковали ситуацию в Югославии. Первые были недовольны "конфедеративным" разделением на автономные края, экономическим превосходством Словении и Хорватии, вторые - унитаризмом, "югославским национализмом", гегемонией Сербии. Эти видимые различия в ориентирах сербской и словенской элиты были сходны в одном - существующая Югославия не устраивала обе стороны, ее устои предполагалось изменить исходя из интересов не целой страны, а отдельных республик.

Событиями, которые открыли новый этап в подходе к "национальному вопросу" в Югославии, стали публикации *Меморандума Сербской Академии наук и искусств* в сентябре 1986 г. и *Приложения к Словенской национальной программе* в январе 1987 г[1]. Меморандум является коллективным трудом комиссии из 16 членов, утвержденной Президиумом САНИ на основании решения Собрания Академии. Его подписали 23 академика. Приложения к словенской национальной программе менее амбициозны. Хотя их тоже готовили 16 человек, они представляют собой авторские статьи, опубликованные в тематическом выпуске журнала. Меморандум объясняет необходимость такого рода разработки отсутствием сербской нацио-

нальной программы[2]. Редакция журнала, публикующего Приложения, тоже подчеркивает злободневность и актуальность темы.

Несмотря на разный уровень подготовки, документы имеют много общего. Их параллельное чтение свидетельствует, что и те, и другие авторы дают оценку югославскому сообществу, обеспокоены угрозой благополучию собственного народа, предлагают демократические преобразования на этническом уровне, при этом, увы, пренебрегают интересами народов, с которыми имеют общую территорию проживания и таким образом ставят под сомнение мотивы единства государства.

Различие документов выявляется в интерпретации причин неудовлетворительного состояния федеративных отношений в стране. Словения видела их в политической системе и устройстве югославского государства, а Сербия - в сепаратистских устремлениях албанцев, словенском и хорватском эгоизме, антисербской коалиции.

Национально-идеологические размышления сербских и словенских теоретиков 1986-1987 г. стали базисом югославских политических событий в последующие годы. Национальные интересы выразились в лозунгах "Все сербы в одной стране" и "Самостоятельная Словения". Их воплощение еще какое-то время мыслились путем преобразования югославского государства, а не его распада. Эволюция концепций привела к тому, что в Словении и Хорватии национализм обрел форму антикоммунизма, атаки на югославизм. Сербское национальное движение имело противоположные настроения. Оно формировалось как защита Югославии и югославизма, в противовес сепаратистским настроениям других членов федерации. Вирус национализма постепенно распространился на всей территории СФРЮ, ускорив ее крах.

Первые сигналы угрозы дезинтеграции. Сербско-албанский конфликт в Косово

Сбои в системе федеральной организации страны начали проявляться спустя год после смерти Иосипа Броз Тито. Причем кризис государственного устройства Югославии начался с

обострения этнополитической ситуации на республиканском, а не федеральном уровне. Одно из первых важнейших политических событий на пути посттитовской Югославии к дезинтеграции произошло в Косово. Как уже отмечалось, согласно Конституции страны 1974 г. Косово и Воеводина, два автономных края Сербии, получили право прямого участия при решении всех вопросов функционирования страны практически в том же объеме, что и республики. В 1981 г. косовские албанцы выступили за предоставление автономному краю de jure статуса республики. Массовые демонстрации прошли в столице Косово г. Приштине. Федеральное правительство ответило полицейскими мерами. Характерно, что в тот период албанское движение было оценено не как национальное (националистическое), а как контрреволюционное[3].

Еще одной попыткой изменить статус кво стала уже упоминавшаяся публикация в сентябре 1986 г. *Меморандума Сербской Академии наук и искусств*, в котором излагались основные претензии сербов к состоянию дел в Югославии. Члены Академии обращали внимание на "дискриминационную политику против Сербии в послевоенный период, фактическое разделение Сербии на три части - собственно Сербию и два автономных края, антисербскую политику в Косово". Авторы Меморандума считали, что Конституция 1974 г. de facto превратила Косово и Воеводину в республики в ущерб Сербии[4].

Положение Косово драматизировалось обеими сторонами. С одной стороны, для албанцев, принципиальным был юридический, но не фактический статус автономного края. С другой же стороны, фактический суверенитет Косово превратился в базис для мобилизации сербского популистского национального движения. Межэтнические отношения в этом регионе страны обострялись и накалялись.

Автономный край Косово населяют в основном албанцы, численность которых там по данным переписи 1991 г. составляла 1 млн. 607 тыс. человек или 82,2% всего населения края (в 1981 г. 77,4% - 1,2 млн. человек). Сербы, второй по численности народ этого региона, насчитывали 195,3 тыс. человек или 10% (в 1981 г. 13,2% - 209 тыс. человек). Всего же по подсчетам 1981 г. в

СФРЮ проживало 1 млн. 731 тыс. албанцев (7,7% населения страны), тогда как в 1948 г. их было 750,4 тыс. (4,8%).

Статистические данные свидетельствуют об активном процессе изменения в Косово соотношения между албанским населением с сербским и черногорским. В 1948 г. албанцы составляли 68,5% всего населения края, в 1953 г. - 64,9%, в 1961 г. - 67,2%, в 1971 - 73,7%, в 1981 г. - 77,4%, в 1991 г. - 82,2%. Доля сербов в первые послевоенные десятилетия была стабильной (1948 г. - 23,6%, 1953 г. - 23,5%, 1961 г. - 23,6%), а в 1971 г. она упала до 18,4%, в 1981 г. - до 13,2%, в 1991 г. - до 10%. Черногорцы среди населения края в 1991 г. составляли 1%. Процесс изменения структуры населения Косово объясняется прежде всего высоким естественным приростом албанского населения[5].

У албанцев традиционно самые высокие в стране показатели рождаемости. По данным 1981 г. она составляла 30,2 рождений на 1000 человек (тогда как минимальные показатели, которые имел Автономный край Воеводина - 12,8 рождений)[6]. Семьи, состоящие из 8-10 человек - обычное явление для албанцев. Высокая рождаемость, увеличение средней продолжительности жизни, уменьшение детской смертности обуславливают высокий естественный прирост населения.

Однако важной составляющей изменения соотношения албанского и славянского населения в регионе являлся также нараставший в последние 10-15 лет существования СФРЮ выезд сербов и черногорцев из Косово, имевший, как правило, вынужденный характер в том числе и из-за разного рода притеснений со стороны албанцев. Проблема эмиграции сербов и черногорцев из Косово была в фокусе сербских средств массовой информации. Согласно югославским источникам, в период с 1971 по 1981 г. 39 тыс. сербов и 6 тыс. черногорцев покинули край[7]. Этот процесс продолжался и в последующие годы. Так, по сообщению газеты "Югославские новости", за период с 1981 по 1988 гг. из Косово выехало около 30 тыс. сербов и черногорцев; по другим сообщениям к началу 1990 г. эта цифра достигла 50 тыс. человек; а всего с 1946 г. из автономного края эмигрировало 140 тыс. человек неалбанской национальности[8].

Чтобы представить картину современных межэтнических отношений в этом регионе и понять корни борьбы необходимо

учитывать особенности истории формирования его населения. Территория современного автономного края Косово еще до османского завоевания была заселена сербами, именно здесь с середины XVI в. и до 70-х гг. XVIII в. находилась сербская патриархия (Печская патриархия).

В период османского господства значительная часть сербов покинула эти края, переселившись в более северные области. На опустевшие земли в XVII-XVIII вв. имело место массовое поселение албанцев. Кроме того, в последней четверти XIX в., когда образовалось Сербское княжество, сюда же переселилась часть албанцев, проживавших на территориях, вошедших в его состав. Вследствие этих событий этническая карта Косово значительно изменилась. Отметим, что албанцы и в более раннее время, спускаясь с гор в долины, попадали на территорию современной Югославии, в том числе и в Косово, но их массовых расселений здесь до конца XVII в. не было.

После освобождения этого региона от Османского господства (начало XX в.) и включения его в состав образовавшегося в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, сюда вновь начался приток южных славян - сербов и черногорцев.

Уже около 20 лет Косово является зоной открытой межнациональной конфронтации между албанцами, с одной стороны, и сербами и черногорцами, с другой. В последние годы существования СФРЮ обстановка достигла почти предельной точки накала. Мысль о создании здесь этнически однородной (албанской) территории нашла многих приверженцев среди албанцев.

Пропаганда этнической чистоты, являвшаяся прямым нарушением конституционных законов, велась и в других республиках Югославии. В частности, на заседании Скупщины Боснии и Герцеговины в ноябре 1989 г. шла речь о сепаратистских стремлениях части мусульман превратить эту республику в мусульманское государство с этнически чистым населением[9]. Но особенно ярко тенденция к созданию моноэтничного региона проявлялась в этот период в автономном крае Косово.

Идеи так называемой этнической чистоты проникли во все сферы культуры и быта. И если можно как-то понять борьбу за "этнически чистые" кладбища, связав это с религиозными

представлениями, то попытки претворения в жизнь таких лозунгов, как, например, "этнически чистые" футбольные команды, "этнически чистые" классы в школах и т. п. доходили до абсурда. Так, воплощение в жизнь этого лозунга привело к тому, что в конце 80-х годов на студии "Косово-фильм" стали трудиться лишь албанцы и сербская речь там больше не слышна[10].

В Конституции СФРЮ было записано, что "... каждому гражданину на равных условиях доступны любое рабочее место и любая должность в обществе..."[11]. Однако, на практике это положение соблюдалось не всегда - бывало так, что на пути к осуществлению этого права воздвигались самые разные препоны, причем нередко они прямо были связаны с межэтническими отношениями. Так, например, осенью 1990 г. в Боснии и Герцеговине на транспортном предприятии "Фочатранс" было проведено перераспределение рабочих мест в зависимости от национальностей людей, занятых на предприятии. Эта акция, как сообщалось в печати, в целом явилась следствием имевших место в республике межэтнических трений между сербами и мусульманами, сказавшихся на деятельности администрации[12].

Особенно много случаев нарушения права на трудоустройство в зависимости от этнической принадлежности имело место за последнее десятилетие существования СФРЮ в Косово. Пресса сообщала, что в этом регионе лица неалбанской национальности различными путями вынуждались покидать свои рабочие места, или их прием на работу обставлялся условиями, нередко для них невыполнимыми. Так, например, албанские сепаратисты в течение ряда лет активно агитировали албанское население, чтобы они не обращались за медицинской помощью к врачам - сербам или черногорцам. При этом в ход пускались даже такие приемы, как распространение слухов о том, что эти врачи якобы способствовали физическому уничтожению албанцев, особенно детей-школьников, для чего вместо лекарств давали им отраву. Надо отметить, что эта агитация нашла отклик среди части албанского населения, причем ее воздействие в значительной степени было облегчено рядом факторов - низким культурным и образовательным уровнем населения, особенно сельского, этого региона, а также действительно имевшим место случаем массового отравления школьников (причиной которого

была недоброкачественная пища). В результате врачи и средний медперсонал сербской национальности оставались без пациентов, а значит - и без работы. Вместе с тем, в Косово образовался дефицит таких специалистов, так как количество врачей-албанцев совершенно недостаточно для оказания медицинской помощи населению края. Это, а также, например, проведенная в 1990 г. по призыву независимого профсоюза Косово и Метохии забастовка трудящихся албанской национальности, в которой участвовали и медики, привело к тому, что обращение за медицинской помощью стало возможным лишь в случае уплаты гонораров, при этом в суммах, доступных далеко не всем. И лишь после этого многие поняли истинную подоплеку этой акции и в конце 1990 г. стали возобновляться посещения албанцами клиник, независимо от национального состава их персонала[13].

В течение многих лет в Косово при приеме на работу предпочтение отдавалось людям, владеющим албанским языком, хотя формально выдвигалось требование знания двух языков - сербскохорватского и албанского - даже там, где знание последнего никак не было связано с производственной деятельностью (например, для няни в младшей ясельной группе). Как правило, это требование ущемляло права неалбанского населения, так как обычно оно албанского языка или совсем не знало, или владело им недостаточно, лишь на бытовом уровне.

Чтобы избежать такого положения во всех регионах страны, где проживало смешанное в этническом отношении население, говорящее на разных языках, была предпринята попытка ввести в начальных школах изучение языка окружающего населения, или, как его называли , "языка общения среды". Однако воплощение этого принципа на практике в ряде мест, особенно в Косово, встречало определенные трудности, связанные с отсутствием или недостаточной квалификацией кадров преподавателей, учебников, а часто и просто саботажем.

Характерно, что сложности с трудоустройством испытывали и преподаватели господствующей в том или ином регионе национальности. В частности, в Косово такая ситуация складывалась тогда, когда албанцы не скрывали своей югославской ориентации, считали себя югославскими албанцами[14]. А это, в свою очередь, вело к тому, что люди вынуждены были скрывать

свои истинные взгляды. Весьма показательным является рассказ случайного попутчика М. С. Кашубы, серба по национальности (1989 г.). Он родился и провел детство и юность в одном из сел Косово, где жили и сербы, и албанцы. Его жизнь сложилась так, что он, избрав военную карьеру, навсегда покинул это село и приезжал туда довольно редко. Когда он, уже демобилизовавшись по возрасту, в 1989 г. приехал на несколько дней в это село к своему старшему брату (это была единственная сербская семья, не выехавшая из этого села), то поздно вечером к ним пришел мальчик-албанец и передал просьбу его товарищей юности - албанцев, ночью посетить их. При встрече они объяснили гостю, что их жизнь очень бы осложнилась, если бы кто-либо из соседей узнал об этой встрече.

Особую остроту проблема межэтнических отношений приобрела именно в Косово. С одной стороны, албанские националисты, сторонники "этнически чистого Косово" для достижения этой цели прибегали к самым разным, часто очень жестоким действиям. Это, как было показано выше, трудности с устройством на работу для сербов, поджоги и разгромы жилых и хозяйственных построек, забрасывание камнями машин и автобусов, уничтожение посевов и скота, нанесение увечий людям, изнасилование женщин, в том числе пожилых, девочек, а также монахинь, осквернение православных кладбищ и храмов и т. п.[15]. Такая ситуация вынуждала людей сербской и черногорской национальностей покидать места своего постоянного жительства, отдавать себя под защиту милиции, временно переведенной сюда из других местностей Сербии, или с оружием в руках защищаться самим, нести охрану и днем и ночью; иногда это делали и женщины, чтобы защитить свой дом, свою семью и свою честь. В газете "Илустрована политика" была помещена фотография В. Рацич, когда она, держа на руках маленького ребенка, а на плече ружье, вместе с тремя другими детьми вышла в поле. Этот снимок, отражавший картину жизни одной сельской семьи в мирное время, стал широко известен во всем мире[16].

Если в начале 80-х годов албанские выступления в Косово рассматривались в основном как результат пропаганды Албании, то позднее возобладало мнение, что корни косовских собы-

тий лежат во внутренних свойствах югославской политической и экономической системы.

Так, согласно опросу общественного мнения, которое провело в августе 1989 г. агентство ТАНЮГ, лишь 1/4 участников опроса полагала, что в Косово имеет место контрреволюция, что албанцы хотят отделиться от Югославии; 3/4 опрошенных разделяли мнение, что корни событий в Косово лежали в сфере экономики, социальных проблем, отставания в хозяйственном развитии края, более 70% считали, что события в Косово - это последствия политики "сербского руководства по созданию Великой Сербии".

Наряду с действительно имевшими место фактами, свидетельствовавшими о том, что отъезд многих сербов и черногорцев был вынужденным актом, определенную роль сыграла и продолжает играть пропаганда сербских националистов, а также деятельность отдельных руководящих работников. На заседании политического актива Косово (февраль 1989 г.) возглавлявший тогда правительство Сербии С. Милошевич сказал, что... за состояние в Косово ответственны не только албанцы. Напротив, ответственны точно так же все в Югославии, кто своей деятельностью или бездействием способствовал проявлению таких шовинистических и сепаратистских идей и поведения, а больше всего ответственны те сербы в руководстве Сербии и Югославии, которые закрывали глаза на события, происходящие в Косово..."[17]. В этом выступлении С. Милошевич потребовал, чтобы лица, наделенные властью и сеявшие раздоры и ненависть между народами Косово, были лишены ее. Он призвал также албанцев как наиболее многочисленных жителей этого края предпринять определенные усилия по сближению народов, взять на себя ответственность за обеспечение нормальной жизни сербов и черногорцев, за безопасность их детей.

Вместе с тем, сербский лидер С. Милошевич использовал популистские настроения в Сербии. С великосербскими настроениями все шире выступали сербские националисты. Причем ими оказались заражены как правящие структуры, так и оппозиция. Под лозунгом восстановления сербской государственности, ее прав сербское руководство форсировало принятие новой республиканской конституции, обеспечивавшей Сербии независи-

мость от центральных властей. Хотя стремление сербов и встречало понимание многих, в то же время была заметна настороженность в связи с попытками фактически лишить всякой политической автономии албанцев в Косово и венгров в Воеводине.

С. Милошевич преуспел в расширении компетенции Сербии по отношению к входящим в ее состав автономным краям, а, следовательно, и сокращении объема институализованных рамок полномочий краевых лидеров, утвердив новую республиканскую Конституцию. Этот государственный документ пересмотрел вопрос об автономии краев и лишил их не только политического, но также экономического контроля над жизнью страны. Поправки к Конституции Сербии, отменяющие право вето автономных краев при голосовании в Скупщине Сербии, были приняты летом 1988 г. и утверждены официально в марте 1989 г. В середине ноября 1988 г. начались массовые (националистические) выступления албанцев.

В сложившейся ситуации не способствовали разрешению конфликта как новая Конституция Сербии, так и требования албанского населения предоставить Косово статус республики, аргументированные тем, что при численности свыше 2 млн. чел. они составляют нацию, а не народность. В целом они вызвали усиление сепаратистских тенденций как в крае, так и по всей стране.

Новая Конституция Сербии - стимулятор этнополитических баталий

Новая Конституция Сербии нарушила привычный баланс власти, на что незамедлительно отреагировали не только активисты внутри Сербии, но и лидеры других республик СФРЮ. Последние подчеркнули собственное право контроля над территориями своих республик и выразили протест против усиления роли Милошевича на общеюгославском пространстве (которая раньше ограничивалась возможностью вето со стороны двух автономных краев).

В борьбе за власть национализм казался наиболее удобной базой для критики "чужого" шовинизма, оправдывал необхо-

димость образования независимого государства и позволял глубоко воздействовать на сознание широких слоев населения.

На изменения в Сербской конституции первой отреагировала Словения. Милан Кучан, председатель СК Словении, в одном из своих выступлений сказал, что хотя Словения не хочет выходить из состава Югославии, у нее не будет другого выхода.

В 1989 г. разразился наиболее серьезный за послевоенный период кризис, в ходе которого политические дискуссии концентрировались вокруг возможных сценариев федеративного устройства Югославии. Националистические трения имели место по экономическим и политическим вопросам. В 1989 г. пресса страны была занята проведением так называемой национальной дискуссии. Страницы газет пестрили сообщениями о национальных выступлениях в разных регионах страны. В Косово в феврале всеобщая забастовка последовала за голодовкой албанских шахтеров. Им противостояли массовые протесты сербов в Книне, Белграде и других городах. В то же время Союз писателей Хорватии высказался против политики С. Милошевича в Косово[18].

В Словении несогласие было выражено в петиции, которую подписало 100 тыс. словенцев и митинге, собравшем 1 тыс. человек. *Люблянская декларация* от 1 марта 1989 г. призывала к утверждению политической, экономической и культурной автономии и равенству всех национальностей Югославии[19].

В свою очередь в Сербии студенты участвовали в массовых протестах и демонстрациях против поддержки Словенией этнических албанцев. Дальнейшие политические дебаты в поддержку Косово со стороны Хорватии и Словении взывали к соблюдению прав албанцев на основании международных норм и предлагали прямое федеральное управление Косово.

Эти факты свидетельствуют, что националистические настроения охватили как политическую, так и культурную элиту. В то же время вопрос Косово расколол югославских лидеров и общественность на два лагеря. В начале марта стали очевидными трения на всех уровнях управления - федеральном, республиканском и местном. Коллективный орган власти - Президиум СФРЮ - пытался призвать лидеров республик прекратить конфликтовать и как можно быстрее встретиться для выработки

линии поведения[20]. Тогда же *Декларация Организации югославских ветеранов* взывала к объединению всех народов и народностей Югославии[21]. Все югославские лидеры, включая премьер-министра, Президиум СФРЮ, СКЮ говорили о необходимости сохранить страну.

Но к середине года стало очевидным, что национализм в Югославии может привести к кровопролитию. В прессе, поддерживаемой правительством, цитировалось высказывание Председателя Скупщины Словении Мирана Потрча о том, что эскалация национализма ведет к "драматическим кровавым последствиям"[22].

28 июня этнические сербы собрались в Косово на празднование 600-й годовщины Косовской битвы 1389 г. Празднование широко освещалось в прессе. Но если в Сербии говорили об одном из важнейших событий в истории сербского народа, то в Хорватии и Словении писали об опасности сербского национализма.

Многие факты свидетельствовали об ухудшении отношений между республиками Словенией и Хорватией, с одной стороны, и Сербией, с другой. Разногласия на уровне лидеров сопровождались массовыми беспорядками с этническим подтекстом. Вслед за футбольным матчем в столице Хорватии Загребе в марте, когда сотни сербских и хорватских болельщиков кидали друг в друга камни, серия событий показала рост этнической нетолерантности и этнических конфликтов в Хорватии[23]. 9 июля произошел митинг этнических сербов в городе Книн, на котором выдвигались националистические лозунги. Около 500 тыс. сербов выступили против культурной и социальной политики хорватского руководства, которую они и другие сербы считали дискриминационной[24].

О несоблюдении конституционных гарантий о равноправии всех граждан (ст. 154), недопустимости и наказуемости любого произвола, ущемляющего права человека (ст. 198), право выбора места жительства и беспрепятственного перемещения граждан по всей территории страны (статья 183 гласит: "Гражданам гарантируется свобода передвижения и выбора местожительства...") и др.[25], свидетельствовали различные нарушения национального достоинства, которые имели место в

разных районах Югославии. Наиболее экстремистски настроенные националисты нередко допускали откровенно хулиганские поступки, угрожали физической расправой по отношению к лицам некоренной национальности. Так, например, в Хорватии случалось, что места отдыха взрослых и детей из Сербии забрасывали камнями; камни бросали в автобусы с сербской регистрацией, вследствие чего в них выбивали стекла, а иногда и ранили людей, в том числе и детей, разрезали шины и т. п.[26]. Отмечались также случаи, когда повреждали стены и двери православных храмов, оскверняли предметы культа, били стекла в окнах домов православных священников и т. п. В прессе сообщалось об этнических конфликтах между сербами и хорватами на побережье Адриатики в течение трех недель июля 1989 г. Драки между сербскими отдыхающими и местным хорватским населением произошли в населенных пунктах Рогозница, Омиш, Макарска, на острове Корчула. В г. Макарска были арестованы 12 сербских подростков из Белграда. Статьи под заголовками типа "Национализм не берет отпуск" появлялись во многих газетах[27].

Своеобразным прологом распада СФРЮ послужило складывание в стране не одного, а по сути дела нескольких параллельных конституционных порядков. В острых политических дуэлях, начавшихся в Югославии в начале восьмидесятых годов по вопросу о Конституции 1974 г., спор велся между двумя лагерями. В одном были те, кто обвинял Конституцию 1974 г. в том, что она способствовала конфедерализации и дезинтеграции Югославии. В этом лагере особенно выделялись политики Сербии, главным аргументом которых было то, что Конституция 1974 г. способствовала юридическому и фактическому обособлению двух сербских краев - Воеводины и Косово. Приветствовали же Конституцию 1974 г. новые политики Хорватии и Словении за то, что она передавала республикам и краям те прерогативы, которые раньше безраздельно имела федеральная власть, и видели в этом путь ослабления "сербского гегемонизма"[28]. Правда, в этой связи небезинтересно отметить, что в руководящих органах страны, в том числе и в дипломатических

кругах, а также в общественных организациях преобладающее большинство в тот период составляли хорваты, словенцы и представители национальных меньшинств - албанцы и др.

Оформлением нескольких параллельных конституционных порядков в Югославии стало принятие некоторыми республиками новых Конституций, провозгласивших их независимыми государствами, а также введение в этих республиках путем деклараций о независимости, плебисцитов и других политических актов принципа верховенства решений республиканских органов над решениями, принимаемыми федеральными властями, что прямо противоречило Конституции СФРЮ.

Конечно, острота межреспубликанских и межнациональных отношений вызревала в течение не одного года и даже десятилетия. Еще в конце 60-х гг. поднимался вопрос о замене федеративного устройства конфедеративным[29]. В частности, в период с 1963 по 1971 г. Хорватию охватило движение, вошедшее в историю как *Хорватская весна* (Hrvatsko proljeće). Его целью была реализация политических и экономических реформ, среди которых ограничение государственного регулирования в экономике, децентрализация доходов, большая самостоятельность республиканских союзов коммунистов[30].

Однако в последние десятилетия появилась уже реальная угроза существованию югославской государственности и всех составляющих ее структур. Призывы к изменению государственного устройства и даже государственной границы исходили в основном из двух республик - Словении и Хорватии. Наиболее националистически настроенные силы в этих республиках ставили вопрос не только о переходе к конфедеративному принципу построения государства или к принципу так называемой "асимметричной федерации", т. е. такого государства, в котором бы сочетались принципы конфедерации (для Словении и Хорватии) и федерации (для всех остальных республик)[31], но и о полном выходе из состава СФРЮ (Словения, затем и Хорватия). Наряду с этим сепаратистские силы из среды албанцев при поддержке определенных политических кругов за пределами Югославии и внутри нее (в основном опять-таки из Словении и Хорватии) активизировали работу, направленную в конечном итоге на выход автономного края Косово из состава Югославии

и создание так называемой Великой Албании, так как Косово, якобы, является ее этническим продолжением. Впрочем, как правило, эта цель маскировалась под лозунгом предоставления Косово прав и статуса республики в составе Югославии.

ДАЛЬНЕЙШИЙ ПЕРЕСМОТР РЕСПУБЛИКАНСКИХ КОНСТИТУЦИЙ И НОВЫЙ ВИТОК МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ТРЕНИЙ

В сентябре 1989 г. были приняты предложенные в июне поправки к Конституции Словении. Этот факт может рассматриваться как часть более глубоких событий, поскольку дискуссии вокруг их содержания велись во всех республиках, усиливая националистическую направленность общественных дебатов в стране. Политический раскол и раздоры все больше шли по республиканским(и краевым) а, как следствие, этническим линиям.

В конце сентября антисловенские демонстрации прошли в городах Сербии и Черногории[32]. Даже в Хорватии мнение по поводу поправок к Конституции Словении разделились. Некоторые хорватские лидеры высказывались в прессе по поводу того, что они означают конец союза[33]. Высказывалось мнение, что Словенская конституция играет на руку албанским сепаратистам[34]. В муниципалитете Обровац этнические сербы преимущественно критиковали словенские поправки за нарушение стабильности и целостности СФРЮ[35].

Дискуссии вокруг поправок все больше показывали желание и хорватского руководства изменить федеральное устройство страны и пересмотреть конституции всех уровней: государства, республик, краев. Ивица Рачан, глава ЦК СК Хорватии, высказался в том плане, что изменения политической системы должны исходить не из одного центра и рекомендовал провести дискуссию о разделении власти в СКЮ[36].

Процесс пересмотра конституций вызвал небывалый рост национализма во всех частях государства[37]. Не этничность сама по себе привела к националистической напряженности, но политизация и мобилизация этнического самосознания. Социологические опросы и публикации приводили мнения простых людей о том, что сербы и хорваты веками жили в мире и будут продолжать это в дальнейшем[38]. Что не народ разжигает нацио-

нальные страсти, а политические деятели[39]. В то же время некоторые лидеры писали, что нужно не допускать того, чтобы экономический и политический кризис в стране играл на национальных чувствах[40].

В русле борьбы части интеллектуалов против самоопределения на базе этничности велась дискуссия о праве называть себя югославом. Аргументом космополитов было то, что в стране, где около 30% браков были этнически смешанными, республики и автономные края не должны выбирать политические программы, в которых идентификация базируется на этничности[41].

Образы истории в этнополитике

Но при имевшем место стечении обстоятельств миролюбивые высказывания оказались лишь благими пожеланиями. Арсенал средств, используемый в борьбе за власть, с каждым днем становился все изощреннее. Одним из способов активизации этнического самосознания явилось манипулирование историей в целях политической пропаганды. Политика делалась с помощью символов и для того, чтобы лучше понять этносоциальные процессы важно проследить, как материализованные компоненты вплетались в политику, как ими манипулировали и делали базисом политической власти.

Характерным примером являются выступления за возвращение на центральную площадь Загреба демонтированной в 1974 г. статуи бана Елачича, хорватского лидера, сражавшегося на стороне австрийского императора против венгерских повстанцев в 1848 г. Он также боролся за никогда не осуществившуюся цель создания хорватской автономии под австрийской короной. В 1989 г. возвращение его памятника символизировало продолжение борьбы хорватов за автономию[42].

Другим фактом мобилизации истории в интересах националистической идеологии является празднование 900-летней годовщины смерти короля Звонимира, правившего средневековым хорватским государством с 1075 по 1089 г. Возвеличивалась его роль в том, что он вывел средневековое государство в Европу. Этот государственный континуитет, как отмечалось, играл

важнейшую роль в национальной истории Хорватии, а также в ее борьбе за независимость, поскольку Звонимир был последним хорватским королем, и его смерть завершила золотой век хорватской национальной истории[43].

Вышеприведенные примеры показывают, что в национальной борьбе использовались особенности ландшафта и исторических событий, даже спортивные мероприятия и памятные даты. Они также свидетельствуют о том, как сценарии церемоний и ритуалов помогают сохранению и возрождению традиций, как торжества и символы помогают поверить в преемственность абстрактного общества прошлого и современной судьбы, вызвать сентиментальные чувства и стремления. Эти факты демонстрировали наличие различных национальных идеологий в Югославии, объединительных и разделительных. Некоторые церемонии и символы являлись проявлением этнонационального движения (так называемого "республиканского национализма"), другие хранили в себе национальный либерализм народов и народностей Югославии, их "братство и единство", некоторые же несли обе идеологии сразу.

Примечания

[1]Nova Revija. N. 57. Lubljana, 1987. Januar.
[2]Milosavljević O. Upotreba autoriteta nauke // Republika. № 119-120. 1995. Jul.
[3]Sekelj I. Jugoslavija: strucrura raspadanja. Beograd. 1990.
[4]Reuters. 1987.
[5]Кашуба М. С., Мартынова М. Ю. Новая этнополитическая карта Балкан. М., 1995.
[6]Statistički godišnjak Jugoslavije. 1983. Beograd, 1983. S. 436; Popis... 1981. S. 16.
[7]Petrović R. Blagojević M. Seobe Srba i Crnogoraca sa Kosova i iz Metohije. Beograd. SANU. 1989. P. 87.
[8]Правда о Косово // Югославские новости. Белград. 1989. № 4; М.З. Срби и Црногорци се неће селити // Политика. 28. 01. 1990.
[9]Царић М., Ђурић М. Заседање Скупштине СР БиХ. Национализам траже упориште у Босни и Херцеговини // Политика. 8. 11. 1990.
[10]Стојановић Р. Између стрепње и наде // Политика. 7. 01. 1989.

[11]Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. Белград, 1974. Ст.160. С. 191-192.

[12]См., напр. Козић Г., Миловић Ф. Нема мира док су Муслимани у "Фочатрансу", а Срби на улици // Политика. 30. 10. 1990.

[13]Зејнели З. Отрежњавање је почело // Политика. 18. 11. 1990; Кашуба М. С., Мартынова М. Ю. Новая этнополитическая карта Балкан. Москва. 1995.

[14]Ђорђевић Н. Моје сеобе са Косова // Политика. 17. 01. 1989.

[15]За удружење универзитетских наставника и других научних радника СР Србије. Председник Стојанавић В. Истина о геноциду на Косову и Метохији. Отворено писмо Међународном удружењу универзитетских професора и доцената у светској научној, културној и политичкој јавности // Политика. 10. 02. 1990.

[16]Вострухов Е. И снова выстрелы в Косово // Известия. 30. 01. 1990; Антонијевић Ј. На нишану жена с пушком // Илустрована политика. 03. 10. 1989. Бр.1613; Ситуација на Косову // Политика. 01. 02. 1990 и др.

[17]Седница политичког актива САП Косова // Политика. 25. 02. 1989.

[18]Tanjug. 28. 02. 1989.

[19]Magas B. Jugoslavia: the Sphectre of Balcanization. // New Left Review, № 174. 1989, march-april. P. 28-29.

[20]Tanjug. 08. 03. 1989.

[21]Там же.

[22]Tanjug. 03. 07. 1989.

[23]Reuters. 22. 03. 1989.

[24]Radio-B. 30. 07. 1989.

[25]Конституция..., ст.154, 182, 198. С. 189, 200, 204.

[26]См., напр.: Копривница П. Ничим се не могу бранити напади на децу и туристе из Србије, дивљања над споменицима револуције, бацање војника у море... // Политика. 09. 08. 1989; Анушић А., Деветак Н. Учестали напади на Србе у Хрватској // Политика. 24. 05. 1990; Капор М. Срамно лето // Политика. 8. 07. 1990; Акценти из прексиноћне расправе на седници ЦК СК // Политика. 1. 08. 1989; Ћириловић М. Православни свештеници и цркве у Хрватској све чешће наложени нападима // Политика. 21. 04. 1990.

[27]См., например,; Борба. 20. 07. 1989.

[28]Петкович Р. Может ли выжить Югославия? // Международная политика. Белград. 20. 02. 1991. С. 1.

[29]Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985. С. 25.

[30]См. подробнее: Tripalo M. Hrvatsko proleće. Zagreb. 1990. S. 23.

[31]Фадеев К. Прощай федерация? // Правда. 3. 12. 1990.

[32]Radio-B. 29. 09. 1989.

[33]Družić I. Ono oko čega nema diskusije // Slobodna Dalmacija. 02. 10. 1989.

[34]Krvavi atak // Slobodna Dalmacija. 06. 10. 1989.

[35]Nužna objašnenja // Slobodna Dalmacija. 07. 10. 1989.

[36]Slobodna Dalmacija. 05. 10. 1989.

[37]Danas. 03. 10. 1989.

[38]См., например, Runjić A. Ne brinite se za naše jedinstvo // Slobodna Dalmacija. 10. 10. 1989; Danas, Večerni List, 1989.

[39]Večerni List 06. 11. 1989.

[40]Slobodna Dalmacija. 05. 10. 1989.

[41]Tomašević S. "Jugosloveni" - vreme nacionalnih podjela // Slobodna Dalmacija. 06. 11. 1989.

[42] Ogorčenje u Zagrebu; Ruže za Ban Jelačića // Slobodna Dalmacija. 08. 10. 1989; 09. 10. 1989.

[43]Mansić I. Počast kralju Zvonimiru // Slobodna Dalmacija. 08. 10. 1989.

Глава 7

БОРЬБА "НОВЫХ ЭЛИТ" И РАСПАД СФРЮ

Различия во взглядах республик на политическое устройство страны

Обстановка, сложившаяся в Югославии к 1990 г., характеризовалась многими признаками бессилия и парализованности федеративного руководства, потерявшего контроль за ситуацией в стране, фактическим распадом Союза коммунистов Югославии, победой на многопартийных выборах в ряде республик партий и движений, находившихся в оппозиции к коммунистам. Общеюгославские устои были серьезно подорваны, ситуация в стране вылилась в острейший политический кризис за всю послевоенную историю, поставивший под угрозу целостность федеративной Югославии. По вопросам возможности выхода из него мнения расходились самым решительным образом не только между республиками, но и внутри каждой из них. Тем не менее можно было говорить о двух концепциях, относительно будущего Югославии.

Большая часть общественного мнения в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине, Македонии придерживалась в тот период той точки зрения, что Югославию следует перестроить в современную федерацию. Сербия энергично поддерживала концепцию федеративного государства в силу исторических причин (она больше всего отдала делу строительства довоенной и послевоенной Югославии) и потому, что значительная часть сер-

бов проживает в других республиках. Безусловно также, что сербское руководство рассчитывало, что в федерации Сербия по-прежнему будет играть ведущую роль. По историческим и этническим мотивам Черногория в значительной мере отождествляла свои интересы с интересами Сербии и поэтому придерживалась аналогичных взглядов.

Для многоэтничной Боснии и Герцеговины сохранение страны было буквально вопросом жизни и смерти: считалось, что если Югославия распадется, то сомнительно, чтобы эта республика осталась целостной. Что касается Македонии, то были сильны опасения, что без поддержки федерации, она не сможет спокойно жить из-за потенциальной угрозы со стороны соседей - Болгарии, Греции и Албании.

Хорватия и Словения выступали за конфедерацию. Они были убеждены, что для них это единственный путь обрести полную государственность и суверенитет. Согласно "словенской" концепции выход для страны мог быть найден только при создании общества, опирающегося на рыночную экономику, при радикальной демократизации всей жизни. По мнению сторонников этой концепции, наиболее развитая республика Югославии - Словения не могла более развиваться в рамках модели государственного социализма, в то время как он оставался по-прежнему приемлемым для отсталых регионов. Поэтому одним из выходов словенцы считали "асимметричную федерацию".

В январе 1990 г. состоялся XIV, внеочередной съезд СКЮ и, как оказалось, последний в его истории. На нем ставилась задача достижения компромисса между республиками по вопросам дальнейшего развития страны. Делегация СК Словении заняла непримиримую позицию, предложив программу "асимметрии как основу утверждения других совместных задач" и превращения СКЮ в союз политических субъектов. Словенцев поддержала делегация Хорватии. Важно отметить, что линия на самостоятельность партийных организаций наметилась во всех республиках СФРЮ, кроме Сербии. Но дискуссия приняла конфронтационный характер, поскольку затрагивала вопросы государственного устройства Югославии. Намечалась явная угроза целостности страны. В тот период противостояние

еще шло между Словенией и Хорватией, с одной стороны, и остальными республиками, с другой. После жарких дебатов делегация Словении, а вслед за ней и Хорватии покинули съезд. Раскол в СКЮ свидетельствовал о сложности выработки единства позиций и приближал распад страны.

Введение многопартийной системы и политика новых республиканских лидеров

В 1990 г. в СФРЮ шло формирование многопартийной системы. К сентябрю в стране насчитывалось 119 политических партий и движений, из которых только 14 носили общеюгославский характер, а остальные имели национально-региональный, главным образом этнический базис[1].

В том же году в республиках СФРЮ впервые были проведены выборы в республиканские парламенты на многопартийной основе. В результате этих выборов в четырех республиках (Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине и Македонии) победу одержали партии, созданные по этническому признаку или даже представляющие националистические интересы. В Черногории победу одержали кандидаты от коммунистов - за них проголосовало 70% зарегистрированных избирателей[2]. На парламентских выборах в Сербии, где в предвыборной борьбе участвовали кандидаты от 44 партий, победили представители Социалистической партии Сербии (во многом ставшей преемницей Союза Коммунистов), выступавшей за единство всех народов и народностей Югославии, сохранение федерации, за плюрализм и демократию, равноправие всех видов собственности, рыночную экономику, парламентское правление. После второго тура голосования социалисты обеспечили в Скупщине не менее 195 депутатских мест из 250. Оппозиционные партии, объединившиеся после неудачи в первом туре, потерпели крупное поражение[3].

Противостояние взглядов после выборов усилилось. Националистическая эйфория, нагнетенная в момент выборов, нарастала в послевыборной риторике. Националистический компонент сосредотачивался в усилиях новых правительств еще больше оформить республиканские идентичности и осуществить формирование отдельных наций в традициях центральной

Европы. Характер и логика речей республиканских лидеров, их имидж и терминология, использовавшиеся для сплачивания наций, базировались на солидарности, основой которой была общая память, мифы и традиции народа. "Массовая сентиментальность" стимулировалась лозунгами, идеями, символами и церемониями.

В Хорватии, например, победила партия Хорватское демократическое содружество с националистической платформой. ХДС само себя характеризовало как "национальное движение, которое реализует объединение хорватского отечества и эмигрировавших хорватов и всех других категорий хорватского народа". Оно поддерживало идею "великой Хорватии", которая включала аннексию населенной хорватами части Боснии. Идея "великой Хорватии" родилась в противовес концепции "великой Сербии". Говоря об объединении народа в рамках единой территории, лидер партии Франьо Туджман - историк, генерал и политик- связывал этничность с определенными территориальными границами. 30 мая 1990 г. на праздновании национального праздника в Загребе Ф. Туджман сказал: "Мы хотим жить на нашей собственной территории и сами определять свою судьбу"[4].

Выборы 1990 г. были настоящим плебисцитом народа и в то же время ареной, на которой политическая и культурная элита активно вводила националистическую идеологию в политический дискурс. Поднимая вопрос о праве отстаивать, утверждать свою исключительную идентичность и превращение в отдельную нацию, политические дебаты помогли мобилизовать этнические чувства как базис новой политики. Другими словами разработка национальной идеи поддерживалась различными политическими партиями и лидерами.

Политика нового руководства Хорватии и Словении была направлена на максимальную самостоятельность республик, закрепление ее путем принятия республиканскими парламентами соответствующих законов. В числе первых шагов было изъятие из их названий определения "социалистическая", прекращение отчислений в фонд федерации, а также стремление к большей самостоятельности в вопросах обороны, внешней политики, вплоть до выражения намерения создать собственные

вооруженные силы, дипломатические представительства. В обеих республиках были разработаны новые конституции, в основе которых лежала концепция о конфедеративном статусе в рамках Югославии. При этом они совершенно не были склонны считаться с позициями и интересами партнеров по федерации.

Так, в соответствии с Конституцией СФРЮ (статья 258) существовал особый фонд федерации по предоставлению кредитов для экономического развития слаборазвитых республик, определялись источники его пополнения, условия и порядок расходования средств. Специально подчеркивалось, что для этих целей органы федерации могут устанавливать обязательные займы[5]. Однако в 1990 г. Словения по своей инициативе на 48,1% уменьшила ту сумму, которую она должна была выделить в этот фонд, сославшись при этом, что таким образом будет возмещен ущерб, понесенный ею в результате фактического свертывания экономических связей с Сербией[6]. В этой же республике (в Комиссии Скупщины по обороне Словении) был поставлен вопрос о создании своей армии, хотя в Конституции СФРЮ прямо говорилось (статья 240), что "вооруженные силы Социалистической Федеративной Республики Югославии составляют единое целое и состоят из Югославской Народной Армии как общей вооруженной силы всех народов и народностей, всех трудящихся и граждан"[7]. В 1990 г. правительство Хорватии приняло решение объявить обычным рабочим днем государственный праздник - День Республики (29 ноября); в то же время в таких регионах Хорватии, как, например, Далмация, многие партии осудили это решение[8].

Такие и подобные им действия служили своего рода пробными шарами. За ними последовали более решительные шаги по выходу этих республик из федерации и тем самым по развалу Югославии. На заседании Веча республик и краев Скупщины СФРЮ, состоявшемся в ноябре 1990 г., делегация Словении объявила, что она не будет участвовать в выборах членов Союзного Веча, что ее отношения как суверенного государства с другими республиками СФРЮ будут определены на основе словенского референдума и что, в случае принятия решения о проведении референдума по этому вопросу по всей стране, Словения не даст на это согласия. Референдум состоялся 23. 12. 1990 г.

и свыше 95% голосовавших высказались за самостоятельную и независимую Словению. В тот период парламент республики заявил, что это не означает автоматического выхода республики из состава федерации[9]. Однако, спустя полгода именно его результатами мотивировалось принятие решения о полной государственной самостоятельности Словении.

В соответствии с новой Конституцией Хорватии, принятой в декабре 1990 г., она также получила статус свободного и независимого государства. В отличие от Словении, народный референдум здесь в этот период не проводился, хотя позднее, в 1991 г. аналогичный референдум состоялся и в Хорватии. Реакцией на это положение Конституции Хорватии явилось провозглашение в г. Книн - центре десяти общин с преобладающим сербским населением - Сербской автономной области в составе Хорватии. При этом было заявлено, что, если СФРЮ распадется, то эта область провозгласит себя отдельным государством (расчет недвусмысленно делался на объединение в последующем этой области с Сербией).

ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

По решению Президиума СФРЮ в 1991-1992 гг. проходили переговоры с участием всех республик о будущем устройстве Югославии[10], состоялся ряд встреч Президиума СФРЮ с руководителями республик. Следует сказать, что в то время существовало достаточно сильное движение, направленное на сохранение Югославии в ее прежних границах. В этой связи необходимо отметить и появление в конце 1990 г. ряда новых общественно-политических организаций, действовавших в общеюгославском масштабе. К ним относился, в частности, *Союз реформаторских сил Югославии*, ставивший перед собой задачу защиты политических и экономических реформ, проводившихся в федерации[11], но не оправдавший возлагавшихся на него надежд.

В 1991 г. четко обозначился спектр расхождений между отдельными республиками еще существующей страны. Главным камнем преткновения был вопрос о взаимоотношениях цент-

ральных властей с республиканскими номенклатурами. Еще в начале года на федеральном уровне предпринимались попытки сохранить государство. В январе состоялись три заседания Президиума СФРЮ совместно с представителями республик и одиннадцать двусторонних встреч республиканских делегаций. Несколько позднее шесть раз официально встречались президенты республик.

Постепенно Македония и Босния-Герцеговина пересмотрели свои прежние позиции. В ходе переговоров рамки федерации постепенно сужались и на встрече президентов 6 июня 1991 г. К. Глигоров от имени Македонии и А. Изетбегович от имени Боснии и Герцеговины выступили за "союз югославских республик", заняв промежуточную позицию между Сербией и Словенией, а также поставив окончательное решение по вопросу о будущем страны в зависимость от концепции двух западных республик.

Последней, как оказалось, попыткой сохранить СФРЮ стала встреча в Белграде 12 августа президентов Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины, получившая название "*Белградская инициатива*".

Окончательная дезинтеграция страны

В ходе политических дебатов все больше обозначались расхождения во взглядах ее участников. Единственным конкретным результатом переговоров стало решение провести в каждой из республик референдумы о характере будущего союза, выбирая из двух формулировок "единое демократическое суверенное государство" и "союз суверенных государств". Как известно, референдумы в Словении (декабрь 1990 г.), Хорватии (май 1991г.), Македонии (сентябрь 1991г.), Боснии и Герцеговине (март 1992 г.) подтвердили желание большинства населения жить в независимых государствах. Лишь Сербия и Черногория выступили за сохранение федерации, законодательно провозгласив 27 апреля 1992 г. создание новой страны - Союзной республики Югославии.

Югославия в ее послевоенной форме (так называемая вторая Югославия) сошла со сцены. В силу ряда причин, в том чис-

ле не в малой степени из-за недальновидно жесткой позиции руководства СФРЮ и Сербии, шанс на сохранение федеративного образования был упущен. К сожалению, возобладали ультранационалистические силы и распад федеративной Югославии стал историческим фактом. Немаловажную роль в этом процессе сыграли и внешнеполитические факторы, изменение отношения США и других западных держав к югославскому кризису. Как известно, первоначально они выступали за сохранение целостности Югославии и ее границ. Однако затем, под воздействием ряда причин, переменили позицию и скоропалительно признали новообразованные государства, проводя откровенно антисербскую политику. Это прямо способствовало дальнейшему разжиганию конфликта, его перерастанию в гражданскую войну. Надо сказать, что такое развитие событий отнюдь не явилось неожиданным. Так, например, еще в октябре 1990 г. английская газета "Гардиан" отмечала, что, по мнению Запада, "распад Югославии мог бы представлять кровавую катастрофу, а ее последствия могли бы охватить целый регион"[12]. Можно констатировать, что прогноз полностью подтвердился.

Поскольку в ходе кризиса за единство страны последовательно выступали лишь сербы и черногорцы, причем не только в своих республиках, но и за их пределами, конфликт приобрел этнический характер и вылился в гражданские войны. В ряде районов драматический распад Югославии сопровождался военными столкновениями. На территории Хорватии война шла между хорватами и сербами, проживающими в Крайне, а в Боснии и Герцеговине за два с лишним года сражались и мусульмане против сербов, и хорваты - против мусульман, и мусульмане вместе с хорватами против сербов, и часть мусульман вместе с сербами против мусульман, и даже сербы вместе с хорватами - против мусульман. В эти события были непосредственно вовлечены и Сербия, и Хорватия.

Большую роль в югославском кризисе играли внешние факторы: ООН и ее миротворческие силы, Европейское сообщество, НАТО, США, Германия, Россия и ряд других стран. При этом, помимо миротворческих усилий ими явно преследовались собственные внешнеполитические интересы. Со стороны Запада вполне ощутимо стремление укрепить свои позиции в регионе,

заполнить образовавшийся здесь политический вакуум (откровенно говорилось, например, о "возвращении на Балканы" Германии), использовать активизацию "исламского фактора" (США, а также Турция и некоторые другие мусульманские страны), потеснить Россию из этой зоны ее "традиционных интересов и влияния". США, собственно, не скрывали, что были намерены любой ценой добиться свержения в Сербии С. Милошевича и Социалистической партии Сербии, которые рассматривались как "последний коммунистический режим в Европе". Видимо, не без основания многие западные наблюдатели полагали, что после прекращения гражданской войны в Боснии и Герцеговине, в Хорватии, взрывоопасный характер могли бы принять события в ряде районов Сербии, в частности в Косово и Санджаке. Как сложная оценивалась ситуация в Македонии.

С учетом этих обстоятельств представляется не случайным, что кровавые события в Югославии, развиваясь по нарастающей, катились с севера на юг, в направлении к наиболее чреватым взрывом районам.

События в Словении в свое время вызвали большую тревогу в Европе, но лишь потому, что это оказалось "первым звонком". Кроме того, словенское руководство сознательно драматизировало конфликт, чтобы получить поддержку международной общественности. Жизнь показала, что его было не так уж трудно урегулировать. На это повлиял и гомогенный состав населения республики, отсутствие там сколь либо значительных национальных меньшинств, уже сложившаяся экономическая, да и культурная обособленность Словении, ее тяга в сторону Западной Европы.

Более опасным и кровопролитным стал конфликт в Хорватии, потребовавший введения миротворческих сил ООН для обеспечения перемирия. Но он касался лишь сербскохорватских взаимоотношений и мало волновал внешние силы на Западе, стремившиеся использовать его для нажима на сербские власти.

Гражданская война в Боснии и Герцеговине вызвала многочисленные жертвы и разрушения, привела к расширению иностранного присутствия в этой республике, введению жестких экономических и политических санкций против Сербии и Черногории (односторонних и далеко не во всем оправданных) и,

наконец, к прямым военным ударам воздушных сил НАТО по боснийским сербам.

Новый виток конфликта между албанцами и сербами в Косово (который может сопровождаться и осложнением обстановки в Македонии со стороны тех же албанцев) тоже опасен, он заставит считаться с почти неизбежным вмешательством соседних стран (прежде всего, естественно, Албании).

Рассмотрим как развивались события после распада СФРЮ в каждой из республик бывшей федерации.

Примечания

[1]Pečujlić M., Milić V. Političke stranke u Jugoslaviji. Beograd, 1990.

[2]Вострухов Е. Югославские республики выбирают путь // Известия. 25. 12. 1990.

[3]Вострухов Е. Триумф левых сил // Известия, 13. 12. 1990; он же. Югославские республики выбирают путь.

[4]Vjesnik. 31. 05. 1990.

[5]Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. Белград, 1974. Ст. 258. С. 231.

[6]Милић Т. Претња обуставом помоћи за неразвијене // Политика. 16. 01.1990; Одлука о оснивању Словеначке војске // Политика. 15. 11. 1990.

[7]Конституция..., ст. 240. С. 221.

[8]Р.К. Да ли се влада одриче Истре и Далмације... // Политика. 15. 11. 1990.

[9]Седница Већа републике и покрајина Скупштина СФРЈ // Политика. 15. 11. 1990.

[10]Вострухов Е. Югославские республики...

[11]Фадеев Е. Решение под Рождество // Правда. 24. 12. 1990.

[12]Вострухов Е. Поможет ли Союз югославским реформам? // Известия. 3. 12. 1990.

Часть II

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ НА БАЛКАНАХ

Таблица 1

Этнический состав жителей Словении по данным переписей населения

	1953		1961	1971	1981	1991	
Всего	1466425	100%	1591523	1727137	1891864	1965986	100%
словенцы	1415448	96,52	1522248	1624029	1712445	1727018	87,84
венгры	11019	0,75	10498	9785	9496	8503	0,43
итальянцы	854	0,06	3072	3001	2187	3064	0,16
цыгане	1663	0,12	158	977	1435	2293	0,12
австрийцы	289	0,02	254	278	180	199	0,01
немцы	1617	0,11	732	422	380	546	0,03
евреи	15	0,00	21	72	9	37	0,00
хорваты	17978	1,23	31429	42657	55625	54212	2,76
сербы	11225	0,77	13609	20521	42182	47911	2,44
мусульмане	1617	0,11	465	3231	13425	26842	1,37
македонцы	640	0,04	1009	1613	3288	4432	0,23
черногорцы	1356	0,09	1384	1978	3217	4396	0,22
албанцы	169	0,01	282	1281	1985	3629	0,18
югославы			2784	6744	26263	12307	0,63
неопределившиеся				3073	2975	9011	0,46
регионал. этноним				2705	4018	5254	0,27
национ. неизвестна	211	0,01	1154	2964	10635	53545	2,72

Глава 8

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ СЛОВЕНИИ

Становление независимого государства

Словения заявила о своем выходе из состава СФРЮ и провозгласила себя суверенным государством 25 июня 1991 года на основании результатов плебисцита 23 декабря 1990 г., по которому 88,5% населения высказались за выход из СФРЮ, и *Декларации о независимости* от 2 июля 1990 г. Поскольку осуществление отделения было остановлено на три месяца во исполнение Брионских соглашений[1], официально Днем независимости Словении считается 8 октября 1991 г. В январе 1992 г. Словения, как и Хорватия, была признана всеми двенадцатью государствами, входившими в Европейское сообщество, а также другими государствами Европы, Америки, Азии. В марте 1992 г. обе республики стали полноправными членами ОБСЕ, а в мае 1993 г. Словения была принята в Совет Европы.

Правительство Словении, сформированное еще весной 1990 г. на основе выборов, в которых приняло участие 34 партии, а победил блок правых партий - демократическая оппозиция (DEMOS). Оно взяло курс на суверенитет, самостоятельность республики, что принесло свои плоды. Вместе с тем, коалиция партий, включавшая в себя Словенский демократический Союз, Социал-демократический союз Словении, Словенский крестьянский союз, партию Зеленые Словении и Словенских христианских демократов имела сходство позиций на этапе

борьбы за суверенитет, но раскололась при более четком определении своих программ и задач после обретения Словенией независимости. Правящая коалиция потеряла большинство в парламенте, поэтому в мае 1992 г. был избран новый кабинет министров, охарактеризованный как "правоцентристский" во главе с Янезом Дрновшеком[2].

Как прежнее, так и новое правительство имели своей целью скорейшее освобождение от всякой зависимости от Югославской Федерации, установление контактов с западными странами, развитие национальной идеи.

Сразу же после принятия Декларации о независимости началась подготовка к выходу Словении из состава Югославии, стали разрабатываться новые личные документы (удостоверения личности, водительские права и т. п.), собственная валюта, создаваться таможенные и пограничные пункты, полицейские отряды и т. п. С октября 1991 г. новые личные документы, в том числе удостоверения личности, были введены в действие, хотя в течение двух лет действовали и прежние. Были проведены банковские операции по обмену общеюгославской денежной единицы - динара на словенскую валюту - толары (менялась определенная сумма динаров, а за все, что ее превышало, выдавались ценные бумаги). Выпуск словенской валюты спровоцировал виток инфляции в других республиках Югославии и резкое падение курса динара там.

Сложные экономические проблемы встали и перед Словенией, самой развитой из бывших югославских республик. В 1991 г. в Словении инфляция достигла 23%, появилось более 50 тыс. безработных, так как закрытие границ с другими республиками отрицательно сказалось на экономике республики.

Десятидневная война

Наряду с внутренними проблемами Словения столкнулась с необходимостью решать вопросы взаимоотношений с государством, которое она покинула. Гражданская война в Югославии началась со Словении. СФРЮ сделала попытку силой сохранить государство в прежнем виде. Поводом для этого послужил вопрос о государственных границах, так как часть границ ново-

го словенского государства совпадала с общеюгославскими. Решение проблемы границ не обошлось без военного конфликта между вновь созданным словенским государством и Югославской народной армией, действия которой обычно мировое сообщество отождествляет с "центром", с его попыткой не допустить распад прежней федерации.

Суть конфликта состояла в том, что после установления Словенией своих пограничных и таможенных постов югославской народной армии было дано распоряжение навести порядок на границе, вернуть таблички с надписью СФРЮ, которые словенцы заменили на свои, а главное, вернуть таможню в руки Югославии. В Словению были посланы союзные таможенники, небольшие подразделения Министерства внутренних дел, кроме того им помогала армия. Союзные силы получили распоряжение занять пограничные пункты, что и было сделано. Предполагалось, что на этом инцидент будет исчерпан, но словенцы оказали серьезное сопротивление. Военный конфликт окончился безусловно в пользу словенцев, причем выигрыш оказался даже серьезнее, чем это первоначально ожидалось. Югославская армия сразу же после событий на границе стала выводить свои войска из Словении, хотя до начала их словенцы выступали с предложением о том, что Югославская народная армия будет находиться на территории республики в течение трех лет после провозглашения ею суверенитета. Победа Словении еще раз подтвердила нереальность дальнейшего сохранения югославской федерации в прежнем виде.

Этот конфликт явился первым вооруженным столкновением на территории бывшей Югославской федерации. К счастью, он не носил такого затяжного характера, какой он приобрел в Боснии и Герцеговине и Хорватии.

Все последующее становление независимого государства в Словении происходило мирным путем, вместе с тем война в Хорватии, а затем в Боснии-Герцеговине затронула интересы и Словении. Гражданская война на постюгославском пространстве дестабилизировала ситуацию в этой республике, создала напряженность в политической жизни, поэтому Словения принимала серьезные меры по прекращению войны на Балканском полуострове. Она поддерживала позицию Запада и высту-

пала за нанесение воздушных ударов по сербским военным объектам.

Отношения с Хорватией

Наряду с опосредованным воздействием югославского конфликта, кризис затронул по некоторым параметрам и эту, наиболее благополучную из всех республик бывшей Югославии напрямую. Так, например, распад Югославской федерации спровоцировал территориальные споры между соседними государствами. Не удалось избежать данной проблемы и Словении. Поскольку это сказывается на межэтнических отношениях в стране, а главным образом потому, что острейшие этнические конфликты в других постюгославских государствах связаны именно с переделом границ, коротко остановимся на некоторых пограничных противоречиях, затронувших Словению. Прежде всего у Словении, несмотря на общность целей по созданию независимых государств, возникли сложные отношения с Хорватией. Главный узел противоречий между Загребом и Любляной - Пиранский залив на Адриатическом море. Хорватия хочет его разделить пополам, Словения же настаивает, чтобы весь залив находился под ее юрисдикцией. И, поскольку береговая линия Словении простирается всего на 45 км, она не желает уступать Хорватии, имеющей и без того протяженное Адриатическое побережье.

Остаются спорными и другие вопросы хорватско-словенской границы. В октябре 1994 г. Словенский парламент принял решение о присоединении к своему государству четырех приграничных хорватских сел полуострова Истрия, населенных словенцами. Объясняется это тем, что жители этих сел ощущают себя словенцами, тесно связаны со Словенией. Большая часть селян там работает и учится, почту им приносит словенский почтальон, звонят они по телефону через телефонный узел, находящийся в Словении, пользуются оттуда элекроэнергией, но получили, вопреки этому, хорватское гражданство. Несмотря на вышеизложенные обстоятельства, решение словенского парламента вызвало протест у Хорватии, которая направила соответствующую ноту правительству Словении. Этот пограничный

спор до сих пор не улажен, хотя оба заинтересованные государства стараются по этому поводу не обострять отношения, тем более, что речь идет о небольших деревушках[3].

Отношения с Италией

Территориальные споры возникли у Словении и с другим ее ближайшим соседом - Италией. Это вызвано тем, что до сих пор окончательно не урегулировано итало-югославское противоречие о демаркации границы и компенсации ущерба итальянским беженцам. Истрийский округ Словении является постоянным предметом споров с Италией, поскольку у этого живописного региона сложная историческая судьба. После Первой мировой войны Австрия уступила полуостров Истрия Италии, а после Второй мировой войны он отошел к Югославии. Тогда регион покинули 350 тыс. итальянцев, предки которых проживали в прибрежных районах Словении и Хорватии в течение столетий. Многие из прежних жителей сегодня требуют возвращения принадлежавшей им собственности. Любляна не возражает против выплаты компенсации за нее, но недовольна требованием Италии позволить наследникам изгнанных итальянцев выкупить принадлежавшую им собственность. В Словении опасаются, что правые в Италии начнут добиваться пересмотра Озимского договора, подписанного Югославией и Италией в 1975 г. о признании существующих границ.

Вопрос о недвижимости итальянских граждан в Истрии был поднят в 1983 г. при подготовке Римского договора между Италией и Югославией, согласно которому последняя обязалась выплатить компенсацию за конфискованную собственность. Словения сразу согласилась принять на себя соответствующую часть выплат, но после провозглашения независимости Словении, итальянское правительство решило, что истрийские итальянцы должны принимать участие в планируемой в Словении приватизации.

Осенью 1994 г. итальянское правительство представило Словении ряд предложений, известных как Аквилейский документ. Италия предложила поддержать вступление Словении в качестве ассоциированного члена в Европейский Союз в обмен

Граница Югославии с Италией по договору 1947 года

на право преимущественной покупки недвижимости в Истрийском регионе. В ходе опроса общественного мнения 40% словенцев заявили, что Словения должна "проявить по отношению к Италии абсолютную твердость", а 75% словенцев не согласны с предоставлением преимуществ бывшим жителям стра-

ны итальянского происхождения. Возражал и словенский парламент, поскольку словенская Конституция запрещает иностранным гражданам иметь или приобретать собственность на территории Словении.

В конце концов Словения была вынуждена пойти на уступку и привести конституцию в соответствие с мировыми стандартами по этому вопросу, но во всех остальных оставалась непреклонной. В словенско-итальянских отношениях стала образовываться все более глубокая трещина. Премьер Словении Янез Дрновшек в свое время заявил, что Словения будет стараться придать мировую огласку своим спорам с Италией. При этом он надеялся на поддержку ряда европейских стран, особенно Германии. В ноябре 1995 г. Италия все-таки отменила свое вето и согласилась на вступление Словении в Европейский союз. Изменение позиций было связано главным образом со сменой правительства[4].

У Словении с Италией остаются непростые отношения. Словенцы жалуются, что словенцы в Италии и итальянцы в Словении оказались не в одинаковом положении. Около 80 тыс. этнических словенцев в Италии не имеют возможности обучать своих детей в словенских школах, тогда как 3 тыс. итальянцев Словении официально представлены в словенском парламенте, имеют теле- и радиопрограммы на родном языке, в районах их компактного проживания введено двуязычие.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

В целом Словения наиболее толерантно из всех бывших югославских республик подошла к решению этнических проблем, национальный вопрос в Словении малозначителен.

Не последнюю роль в этом играет и тот факт, что этнический состав республики достаточно однороден. Подавляющее большинство населения - словенцы, которые в 1991 г. составляли 87,84% населения. Среди немногочисленных национальных меньшинств в Словении преобладают хорваты (2,76%), сербы (2,44%), венгры (0,43%), итальянцы (0,16%), мусульмане (1,37%). В таб. 1 показана динамика изменения этнического состава населения Словении с 1953 по 1991 г. Можно заметить тенденцию

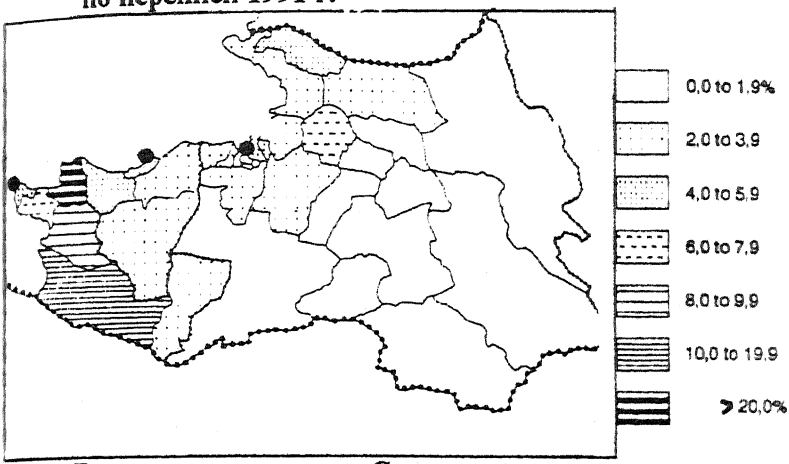
к увеличению доли представителей народов других югославских республик и некоторое сокращение доли словенцев в общем населении региона (в 1953 г. - 96,5%, 1991 г. - 87,84%).

Статистика также приводит данные об использовании родного языка и религиозной принадлежности, которые в ряде случаев не совпадают с этническим происхождением. Из общего населения Словении в 1991 г. (1 956 986) считали родным языком словенский - 1 727 360 чел., венгерский - 9 тыс., итальянский - 4 тыс., цыганский - ок. 3 тыс., хорватский - 52 тыс., хорватско-сербский - 3 тыс., сербско-хорватский - 81 тыс., упоминаются также немецкий, еврейский, македонский, албанский, более 52 тыс., затруднились ответить на этот вопрос. Религиозная принадлежность в 1991 г. распределялась следующим образом: католики - 1,4 млн., протестанты - 19 тыс., православные - 46,8 тыс., мусульмане - 29,7 тыс., все остальные относились к более мелким религиозным общинам или назвались атеистами[5].

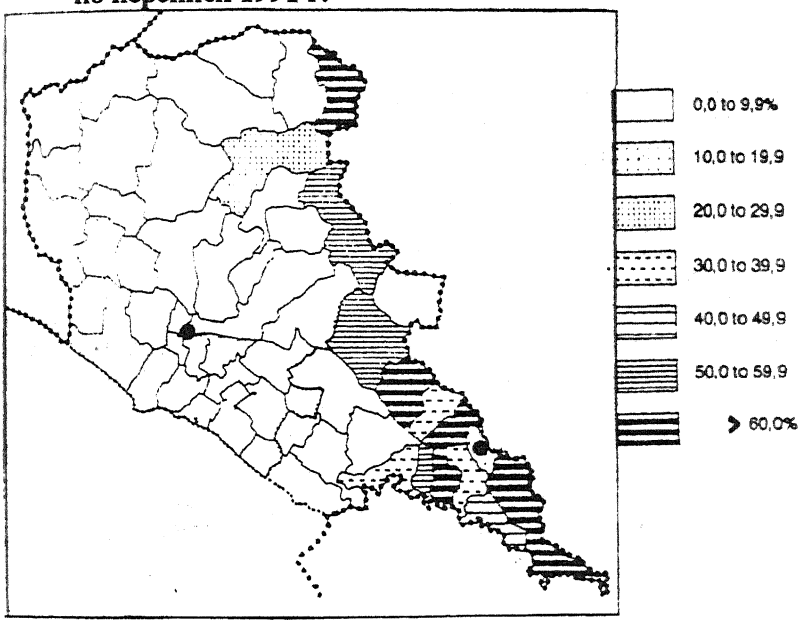
Политика государства в этнической сфере

Несмотря на то, что как было отмечено, подавляющее большинство населения Словении составляют словенцы, в этой стране за короткий срок была разработана одна из наиболее обстоятельных в Европе система защиты прав национальных меньшинств, поэтому остановимся на ней подробнее. Словенская законодательство и статистика подразделяют несловенское население на две группы. К первой относятся так называемые "автохтонные группы" - венгры и итальянцы, с некоторой оговоркой, цыгане, ко второй - "иммигранты", главным образом происходящие из бывших югославских республик. Политика государства по отношению к этим двум категориям граждан несколько отличается. Говоря о первой, отметим, что в современной Конституции Словении и ее законодательных актах не употребляется термин "национальное меньшинство", а используется понятие "этническое сообщество". Эта поправка была сделана по инициативе представителей национальных меньшинств в Конституционной комиссии при работе над текстом нынедействующей конституции. В данной работе поскольку термин "национальное меньшинство" используется во всех про-

Итальянское население Словении по переписи 1991 г.

Венгерское население Словении по переписи 1991 г.

чих разделах, он применяется в ряде случаев, чтобы избежать терминологической путаницы.

Словенское правительство делает серьезные шаги по поддержанию и обеспечению прав национальных меньшинств. Общие положения о правах меньшинств зафиксированы в специальных разделах конституции, а также в *Законе об этнических сообществах*, которые гарантируют "особые права" этой группе населения. В октябре 1994 г. был принят *Закон о самоуправлении этнических сообществ*. Согласно этим законодательным актам больше всего прав получили итальянцы и венгры, специальные же права цыганской общины лишь упоминаются в конституции, но должны быть определены особым законом. Статья 64 конституции гарантирует итальянцам и венграм право свободно использовать национальные символы, создавать организации, развивать экономическую, культурную и научную деятельность, включая издательскую. Среди конституционно гарантируемых прав - предоставление возможности пользоваться своим языком в судопроизводстве и других административных органах (в этнически смешанных регионах).

Согласно закону эти этнические сообщества имеют право на образование на своем языке. Им предоставляются гарантии права устанавливать отношения со странами-прародинами. Причем Словенское правительство обязуется поддерживать эти права как морально, так и финансово.

Закон, кроме того, определяет статус и полномочия органов, представляющих интересы меньшинств. Базовыми политическими организациями итальянцев и венгров являются самоуправляющиеся национальные ассоциации, отличные от местных советов. Согласно словенской конституции оба меньшинства напрямую выбирают представителей в парламент. Закон о выборах, принятый в 1992 г. предусматривает по одному депутату от каждого меньшинства в нижней палате, но не предоставляет особых прав при выборе депутатов верхней палаты. В нижней палате (Национальной Ассамблее) парламента существует специальная комиссия по делам итальянского и венгерского населения. Правовое обеспечение положения меньшинств в целом вызывает одобрение итальянского и венгерского населения[6].

При формально равных правах в положении этих двух групп есть некоторая разница. Например, итальянцы полностью обеспечены школами с преподаванием на родном языке, тогда как венгры в Прекомурье в районах со смешанным населением посещают двуязычные школы. Культурная жизнь венгров в Словении обеспечивается с помощью нескольких радио и телепрограмм, газеты, издаваемой Венгерским информационным институтом, почти в каждой деревне есть культурная ассоциация[7].

В Словении среди представителей несловенского населения ведется большая культурно-просветительская работа, функционирует более 50 венгерских культурных объединений в районах со смешанным населением Мурска Субота и Лендава, среди них фольклорные ансамбли, драматические кружки. Итальянские этнические ассоциации в Копере, Пиране, Изоле и др. участвуют в культурной жизни страны как на любительском, так и на профессиональном уровнях[8]. Интересы итальянцев в Словении представляет *Союз итальянцев Истрии и Риеки* (The Unione degli Italiani dell'Istria e Feume).

Необходимо также упомянуть, что в ноябре 1992 г. министр иностранных дел Словении Д. Рупел и его венгерский коллега Г. Взенский подписали *соглашение о защите прав словенского и венгерского меньшинств* в двух странах. В подтверждение обеспечения прав национальных меньшинств словенское правительство разрешило изучение словенцами языков и культур национальных меньшинств своей страны. Обсуждалось заключение аналогичного соглашения с Италией[9].

Цыгане. Эта группа населения сконцентрирована главным образом в северо-восточной части Словении вдоль границы с Венгрией и на юге Словении недалеко от границы с Хорватией. В этих регионах живет около 5300 цыган. Положение цыган, как и других иноэтничных групп, также защищено конституцией, в которой отмечается, что их статус и права будут особо рассмотрены в специальном законе[10].

Лишь небольшая часть цыган интегрирована в словенское общество, подавляющая же их часть живет в условиях ниже республиканских стандартов. По данным 1990 г. из 1060 опрошенных цыганских семей 94 живут в квартирах, 428 в домах, а все

остальные во временных жилищах. Государство принимает меры и оказывает помощь цыганам прежде всего в сфере образования и здравоохранения, предполагается также включение представителей цыганской группы в органы местного самоуправления[11].

Югославянские народы в Словении

Иммигранты. В Словении в качестве мигрантов рассматриваются жители прежних югославских республик. Новая словенская конституция не затрагивает эту группу населения и не наделяет ее особыми, тем более коллективными правами. Представители бывших "югославских народов" составляют около 10% населения страны, в большинстве своем это экономические мигранты, приехавшие сюда после Второй мировой войны. Они расселены в индустриальных центрах и заняты в промышленности. Некоторые жили здесь временно, но большинство осело в Словении и обзавелось семьями. С просьбой о предоставлении гражданства после провозглашения независимости Словении обратились не только ее постоянные жители, но и многие из находящихся в республике на заработках. В итоге почти 170 тыс. несловенцев получили гражданство этой страны. Большинство из них воспользовалось правом двойного гражданства. Среди них было более 22 тыс. сербов и 4,5 тыс. черногорцев.

Сразу же после провозглашения независимости Словении был принят Закон о гражданстве. Статья 40 этого закона предусматривает предоставление гражданства каждому гражданину бывшей Югославии, проживавшему в Словении на день проведения плебисцита о независимости и запросившему гражданство не позднее, чем через шесть месяцев после принятия этого закона. Было отказано в гражданстве лишь воевавшим против Словении в так называемой "десятидневной войне"[12].

После шестимесячного периода, предусмотренного законом, гражданство Словении стало предоставляться уже несколько на других условиях (поправки в закон были внесены в конце 1993 г.). Гражданство можно было получить после достижения 18 лет, после 10-ти летнего срока проживания в стране, 5 из которых являются постоянно прожитыми. Оговорено нали-

чие источников доходов (постоянная работа), знание словенского языка. Внесена также поправка, отменяющая двойное гражданство. Особо оговаривается лояльное отношение к общественному порядку и безопасности Словении (ст.10 Закона). Главным образом эти меры были направлены против сербов, что связано с общей негативной оценкой югославской внешней политики Словенией.

Как граждане Словении эта группа населения получила все индивидуальные права, присущие другим категориям населения. Но коллективные права, как было уже отмечено, им конституция не гарантирует. В связи с этим сербское население заявляло об ущемлении своих прав в Словении, о "сатанизации" сербов. Позиция Словении в югославском конфликте, возложение всецело вины на Сербию за его возникновение осложнили проживание сербов в Словении. Сербы в разгар острых событий в бывших югославских республиках говорили, что чувствуют себя иностранцами в Словении. С другой стороны, сербское сообщество обвинялось в недостаточной включенности в создание независимой Словении, в ностальгии по бывшей Югославии.

Вместе с тем сербы не прибегали к силовым или нелегальным мерам для изменения своего положения в новом государстве. Это объясняется как компромиссными решениями словенского правительства, так и малочисленностью сербов в Словении. Сербы не играют существенной роли во внутриполитической обстановке Словении, поскольку составляют около 3 % населения этого государства. (По переписи 1991 г. в Словении было 47,9 тыс. сербов и 4,3 тыс. черногорцев, для сравнения - в 1948 г. - 7 тыс. сербов и 500 черногорцев)[13]. За последние годы часть сербов приняла решение покинуть Словению, в результате чего их численность сократилась к 1994 г. на одну треть и составила 30 тыс.[14]

Несмотря на отсутствие официальных коллективных прав, в Словении тем не менее функционирует несколько сербских культурных обществ, действует единственная в республике сербская церковь, построенная после Второй мировой войны в Любляне. Кроме того, интересы сербского населения в Слове-

нии представляют Сербская демократическая партия Словении и Партия за равноправие граждан[15].

Беженцы. По данным на 1995 г. в Словении находилось более 50 тыс. беженцев из Боснии и Герцеговины (преимущественно боснийские мусульмане). Вполне логично, что их присутствие оказывает определенное воздействие на ход событий в стране по целому ряду параметров. Вероятно, часть из переселенцев останется в Словении на постоянное проживание и окажет влияние на изменение этнической структуры населения. Пока остается вопросом, как Словения решит ряд специфических проблем, которые могли бы облегчить возможность интеграции переселенцев. Среди них - образование на сербском и хорватском языках, культурная интеграция, жилищный вопрос и т. д.

К проблеме беженцев в основном с пониманием относятся в словенском обществе, хотя приток новых жителей создал дополнительные экономические и политические проблемы. В частности, и без того тяжелое экономическое положение страны ухудшилось в силу того, что Словения была вынуждена затрачивать средства на поддержку беженцев (в 1992 г. для этих целей было выделено 24 млн.$, а в 1993 г. лишь 2 млн.$) Одна из серьезных экономических проблем Словении - рост безработицы, которая составила в 1992 г. 11,5%, а в 1993 г.- 14%[16].

Проблемы межэтнических отношений в словенском обществе

Наплыв трудоспособного населения, нуждающегося в работе, стал создавать дополнительные сложности в трудоустройстве коренного населения, в связи с чем стали распространяться настроения типа "Словения для словенцев", появились высказывания, что с возрастанием численности иностранцев усугубились социальные проблемы в стране, Словения стала одним из центров сербской, албанской и черногорской мафии[17]. Начали раздаваться требования депортации боснийских беженцев[18].

Высокая концентрация словенцев в населении республики, очень маленькая численность представителей этого этноса,

проживающих за ее пределами (около 100 тыс.), являются благоприятной почвой для роста националистических настроений. Они имеются у части населения, а словенский политический спектр включает в себя и партии националистического толка. Словенская национальная партия на выборах в декабре 1992 г. в Национальную ассамблею получила 12 мест из 18 возможных[19]. Она стала выступать против несловенского населения страны.

Несмотря на меры по урегулированию положения различных этнических групп, принимаемые словенским руководством, Словении не удалось полностью избежать напряжения в области межэтнических отношений, этнические конфликты проявлялись и в этой республике. Например, в Мариборе, втором по величине городе страны, члены правой Словенской национал-социалистической федерации организовали патрулирование, как они утверждали, для защиты словенского населения от насильственных действий со стороны представителей других национальностей. Ассоциация спортсменов, учрежденная Национальной правой партией, ставит перед собой аналогичные цели. Действия правых экстремистов направлены в основном против беженцев из Боснии и Хорватии и иностранных рабочих в промышленных центрах Словении.

Смягченным вариантом этнической чистки можно рассматривать выселение в принудительном порядке из своих квартир бывших офицеров югославской армии несловенской национальности[20]. Если в 1994 г. мировое сообщество считало, что в 1994 г. с соблюдением прав человека в Словении все обстоит благополучно, то в 1995 г. Наблюдательный совет Хельсинской группы сообщил о участившихся случаях нарушения этих прав, которые затронули в основном сербов и хорватов, а также других граждан бывшей Югославии[21].

Наиболее серьезная проблема, затронувшая венгерскую группу, живущую на севере Словении в области Прекомурье, связана с ухудшением экономического положения и ростом безработицы. Социальные сложности создают напряжение в области межэтнических отношений. Например, в национально-смешанных регионах все документы писались на двух языках, но в 1993 г. были отменены надписи на втором языке в проездных документах.

Все вышеупомянутые межэтнические проблемы не носят взрывоопасного характера и не отрицают быстрого продвижения Словении, самой экономически развитой республики бывшей Югославии, по пути демократических реформ при ярко выраженной тенденции к включению в западное сообщество.

Примечания

[1]Текст соглашения от 7 июля 1991 г. См. в: Europe Documents. 1991. № 1725. Jullet 16.
[2]Югославия в огне. М., 1992. С.254.
[3]См., например, : Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Москва, 1995, № 1. С. 59.
[4]Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Москва, 1995, N 2, С. 73; Свободная Европа. Мюнхен, 8.10. 1994.
[5]Цит.по Seven decades of the Institute for Ethnic Studies. Ljubljana,1995.
[6]Constitution of the Republic of Slovenia. Ljubljana, 1992.
[7]War Report. 1994. N 29.
[8] Ethnic Minorities in Slovenia. Ljubljana,1994, P.33.
[9]Дело.1.2.1992.
[10]Ethnic Minorities in Slovenia, P.37.
[11]Там же.
[12]Uradni list RS. Ljubljana,1991,N 1.
[13]См. таб. и Статистички годишњак Југославије. Београд, 1991.
[14]Сви срби света, С. 180-183.
[15]Там же.
[16]Financial Times, 5. 2. 1992; RFE/RL, 7.01.1994.
[17]Globus, 18. 12. 1992.
[18]Financial Times, 5.2.1992.
[19]Дело. 9. 12. 1992.
[20]Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Москва, 1995. N 2. С. 73.
[21]Там же.

Глава 9

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ХОРВАТИИ

Первые шаги по пути суверенизации

Хорватия почти одновременно со Словенией заявила о своем выходе из состава Югославии. 22 декабря 1990 г. Хорватия приняла новую Конституцию, в соответствии с которой республика должна была стать независимым самостоятельным государством. Этот факт позже, 19 мая 1991 г. получил одобрение на референдуме, когда 94,17% принявших участие в голосовании граждан высказались за суверенитет. 25 июня 1991 г. Сабор (парламент Хорватии) принял Декларацию о независимости, а 7 октября 1991 г. была провозглашена суверенность республики.

В январе 1992 г. Хорватия в качестве самостоятельного государства признана мировым сообществом. Путем демократического волеизъявления народа к власти пришла партия "Хорватское демократическое содружество" во главе с Франьо Туджманом, который победил на парламентских выборах в апрелемае 1990 г. В августе 1991 г. было создано коалиционное правительство Демократического единства, возникшее в результате соглашения девяти парламентских партий. Так Хорватия стала новым европейским государством.

Однако, если выделение Словении из состава югославской федерации прошло с незначительными жертвами и разрушениями, то в Хорватии этот процесс носил характер длительных военных действий, что привело к большим людским потерям, в том числе и среди гражданского населения, к огромным разрушениям материальных ценностей.

Таблица 1

Этнический состав населения Хорватии (1991 г.)

национальность	численность	%
хорваты	3736356	78,1
сербы	581663	12,2
мусульмане	43469	0,9
венгры	22355	0,5
словенцы	22376	0,5
итальянцы	21303	0,5
чехи	13086	0,3
черногорцы	9724	0,2
цыгане	6696	0,1
македонцы	6280	0,1
словаки	5606	0,1
русины	3253	0,1
немцы	2635	0,1
украинцы	2494	0,1
румыны	810	0,0
русские	706	0,0
поляки	679	0,0
евреи	600	0,0
болгары	458	0,0
турки	320	0,0
греки	281	0,0
австрийцы	214	0,0
влахи	22	0,0
др. национальности	3012	0,1
неопределившиеся	73376	1,5
югославы	106041	2,2
региональн. этнонимы	45493	1,0
национальность неизвестна	62926	1,3
всего	4496429	100,0
общ.числ.населен.Хорватии	4784265	

Источник: Census 1991. Respublički zavod za statistiku Hrvatske. Zagreb, 1992.

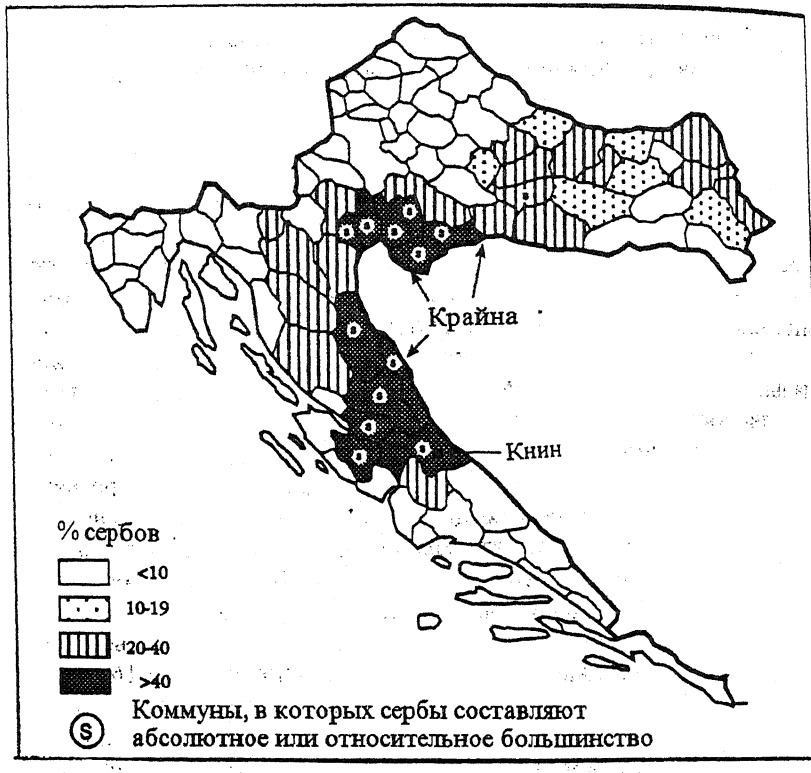
ХОРВАТСКО-СЕРБСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1990-1995 Г.

Отделение Хорватии без гражданской войны оказалось невозможно ввиду сложности урегулирования положения сербского населения, составлявшего здесь в 1991 г. 12%. Хорватско-сербские отношения обострились после закрепления в новой Конституции Хорватии независимости республики. Болезненным оказался тот факт, что Хорватия утверждалась "как национальное государство хорватского народа и государство представителей иных народов и меньшинств, являющихся его гражданами: сербов, мусульман, словенцев, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев и других"[1].

Т. о. по новой конституции сербы получали статус национального меньшинства. Реакцией на это положение Конституции явилось провозглашение в г. Книн-центре 10 общин с преобладающим сербским населением - Сербской автономной области сначала в составе Хорватии, а в марте 1991 г. с обретением реальных очертаний выхода Хорватии из СФРЮ- уже вне ее. 25 июля 1990 г. была принята *Декларация о суверенитете сербов в Хорватии*, а органом власти в сербских общинах объявлялось *Сербское национальное вече*. Желание сербского населения Хорватии объединиться с Сербией показали результаты референдума, проведенные в областях, населенных сербами 16 августа 1990 г. Волеизъявление населения хорватские сербы посчитали достаточно веской причиной для того, чтобы провозгласить собственную государственность. По результатам плебисцита 21 декабря 1990 г. в Книне Сербское национальное вече областей Славония, Баранья и Западный Срем провозгласило создание *Республики Сербская Крайна* в составе Хорватии и в рамках федеративной Югославии.

Хорватское руководство первоначально занимало жесткую позицию, 24 августа 1990 г. оно приняло решение о защите конституционного строя и о национальных правах Хорватии. Было проведено несколько карательных мероприятий, предпринимались попытки разоружить сербов. Позднее был период, когда когда правительство Хорватии уже было готово признать культурную автономию сербов, хотя в территориальной автоно-

Сербское население Хорватии по переписи 1991 г.

мии отказывало всегда. Достаточно лояльным действием правительства Хорватии явилось принятие 25 июня 1991 г. *Декларации о правах сербов и других национальных меньшинств*, которая давала право пропорционального участия всем национальностям в органах государственной власти[2].

Концепция хорватской позиции нашла воплощение в *Конституционном законе о правах и свободах человека и правах этнических и национальных сообществ или меньшинств в Респу-*

блике Хорватии, принятом Сабором 4 декабря 1991 г. и дополненном 8 мая 1992 г.[3]

Согласно этому закону "лица, принадлежащие к этническим и национальным сообществам или меньшинствам, которые составляют более 8% населения Республики Хорватии, имеют право быть представленными пропорционально своей численности в структуре населения в Саборе и Правительстве Республики Хорватии, а также в высших органах судебной власти... Меньшинства, численность которых в структуре населения РХ составляет менее 8%, имеют право избрать в общей сложности пять депутатов в Палату представителей Сабора РХ"[4]. Исходя из этого, сербы получали 13 мест в парламенте, другие этнические группы - еще 5 мест.

Законом предусмотрена культурная автономия сербов в Хорватии, а политическая автономия допускалась только для двух которов (территорий) - Книн и Глина, где сербы представляли большинство населения[5].

Между тем, сербы считали основанием для своих прав в Хорватском государстве длительность проживания на этих землях (некоторые из сохранившихся до наших дней православных монастырей были основаны еще в XIV столетии), а также свою многочисленность. Статистические данные, относящиеся к XIX веку, свидетельствуют, что в 1840 г. на территории хорватской военной границы проживало 385 760 хорватов (51,5% от общего числа жителей) и 363346 сербов (48,5%). В 1910 г. На территории современной Хорватии, если базироваться на религиозном признаке жили 611 257 сербов (18,2%), а в 1931 г. - 633 тыс. (18,45%)[6]. Согласно этнической карте 1936 г. 90% населения хорватских областей - Славония, Банья, Кордун, Лика, Далматинское Загорье составляли сербы, которых всего в Хорватии насчитывалось 1,2 млн. человек. Перепись 1948 г. показала, что из общей численности населения 3,7 млн. человек 15% или 543739 человек записали себя сербами, в 1981 г. сербов в Хорватии насчитывалось 521502 человек или 11,5%, а в 1991 г., в момент распада СФРЮ, 581663 человек или 12,2%.

Земли Сербской Крайны до 1941 г. не входили в состав собственно хорватских земель; они были включены в образованное Гитлером независимое государство Хорватия[7].

Принципиальным вопросом сербы Хорватии также считали право называться не национальным меньшинством, а народом. Эта позиция связана с иерархичностью этнической структуры населения СФРЮ, влиявшей на межнациональные отношения в этой стране. Выше уже подчеркивалось, что шесть славянских народов Югославии были провозглашены народами Югославии, а все остальные рассматривались как национальные меньшинства. По словам Председателя Сербского демократического форума Загреба Милорада Пуповца, "Хорватия должна признать сербов как народ с суверенной политической волей, и это является основой будущего хорватско-сербского взаимопонимания. Сербы назывались народом с прошлого века и не хотят принижения своего статуса"[8].

Как считал председатель Сербской Народной партии в Загребе Милан Чукич, такого мнения придерживалось все сербское население Хорватии. Это требование сербов вызывало большую критику в хорватской прессе.

Активизация сербского национального движения в Хорватии началась в конце 80-х годов с резкой политизацией жизни во всей Югославии. В г. Книн было основано сербское культурное общество "*Зора*", а в г. Бенковац - культурно-просветительное общество "*Просвета*" ("Просвещение"; общество с таким же названием существовало в Хорватии с 1944 по 1980 г.). Тогда же стало функционировать сербское радио и газета, а с введением многопартийной системы в Югославии возникла Сербская демократическая партия (Српска демократска странка). Интересы сербского населения в Хорватии отстаивает целый ряд партий - Сербская народная партия (Српска народна странка), Объединение сербов Хорватии (Заједница Срба у Хрватској), Сербский демократический форум (Српски демократски форум), Сербская демократическая партия (Српска демократска странка) и др.[9]

В определенной степени сербское национальное движение в Хорватии явилось следствием роста антисербских настроений. Вместе с тем, сказалось и стремление сербов жить в одном государстве, "Великой Сербии", проповедуемое сербскими националистами. Заметную роль сыграл религиозный фактор, поднятый

в качестве лозунга националистами, напомнившими, что хорваты - католики, а сербы - православные.

По мнению российского ученого Е. Гуськовой, "хорватские" сербы негативно восприняли возможность жить с хорватами в едином независимом государстве, так как, с одной стороны, ожила историческая память, поскольку в годы второй мировой войны в Хорватии преследовалось все сербское, с другой стороны, хорватское правительство Франьо Туджмана, опираясь на национальные идеи, вновь начало подогревать нетерпимость к гражданам другой веры и национальности[10].

Сербы Хорватии мотивировали свое желание отделиться нарушением прав человека в этой республике. В сербских селах Хорватии стали создаваться отряды самообороны. Хорваты же в свою очередь обвинили Сербию в экспансионизме. В августе 1991 г. начались открытые военные действия между сербами и хорватами в районах их смешанного проживания в Хорватии. Войной оказалось охвачено свыше 40% территории республики. Суверенная Хорватия в этой войне преследовала цель освободить земли, захваченные "восставшими" сербами, изгнать югославскую армию, сражавшуюся на стороне сербов. Боевые действия хорватская сторона вела с помощью отрядов добровольцев, объединенных в отряды гвардейцев, отрядов наемников и войск МВД. По официальным данным, в войне на территории Хорватии погибло более 30 тыс. человек, около 500 тыс. человек вынуждены были бежать из своих домов. Война нанесла серьезный урон стране, пострадал промышленный и экономический потенциал республики. В 1992 г. число безработных насчитывало более 30 тыс.

Экспансия кровопролития в Хорватии вызвала серьезную обеспокоенность мирового сообщества, которое стало искать пути урегулирования кризиса. Совет безопасности ООН в сентябре 1991 г. призвал все страны воздержаться от продажи оружия Югославии, в сентябре же состоялись мирные переговоры с участием всех республик Югославии под председательством лорда Каррингтона по урегулированию конфликта в Югославии. В конце 1991 г. стал рассматриваться вопрос о введении миротворческих сил ООН в зону конфликта, а в феврале 1992 г.

Советом Безопасности ООН было принято решение о дислокации "голубых касок" в Югославии. Вместе с тем в конце 1991 г. парламент Хорватии принял Закон о предоставлении после окончания войны статуса местного самоуправления сербскому населению, проживающему в республике. Общее соглашение о прекращении огня между Хорватией и СРЮ было подписано 2 января 1992 года, а 15 января страны ЕС признали независимость двух новых государств - Словении и Хорватии. С этого времени и до мая 1995 г., когда в результате операции хорватской армии "Буря" РСК была ликвидирована, взаимоотношения сторон приняли характер переговорного процесса.

С 1992 г. все территории, на которых воевали хорваты и сербы, были взяты под контроль силами ООН по поддержанию мира в бывшей Югославии, эти земли разделялись на четыре сектора, получившие название по частям света. Почти десятитысячный контингент "голубых касок" обеспечивал мир в этом регионе, стараясь предотвратить инциденты на хорватско-краинской границе протяженностью в 1600 км.

Сайрус Венс и лорд Каррингтон предложили план решения конфликта в Хорватии, который должен был осуществляться поэтапно. Сначала прекращение огня и вывод югославской народной армии из Хорватии, затем ввод войск ООН и лишь после этого обсуждение границ и статуса будущих государств всеми заинтересованными сторонами. По плану Венса-Каррингтона было принято решение о специальном статусе Республики Сербская Крайна как переходном явлении.

Несмотря на меры, принятые для поддержания мира в регионе, положение продолжало оставаться нестабильным. Позиции сторон неоднократно пересматривались. Летом 1992 г. сербы не настаивали на выходе Сербской Крайны из состава Хорватии, но требовали от руководства Хорватии предоставить им обещанный статус (обеспечение прав сербского населения и признание их автономии являлись одним из главных условий для признания Хорватии странами ЕС и США).

Республика Сербская Крайна, где компактно проживало сербское население, подразделялась на две части - Книнская Крайна, Лика, Кордун и Восточная Славония, Западный Срем, Баранья. Республика Сербская Крайна имела свои органы само-

управления, особые деньги, правда, признанные только внутри этой республики, вооруженные формирования, жила по собственным законам. Эта административно-территориальная единица, возникшая в пределах Хорватии, оказалась реальностью и с этим фактом вынуждены были считаться как в самой Хорватии, так и в мире.

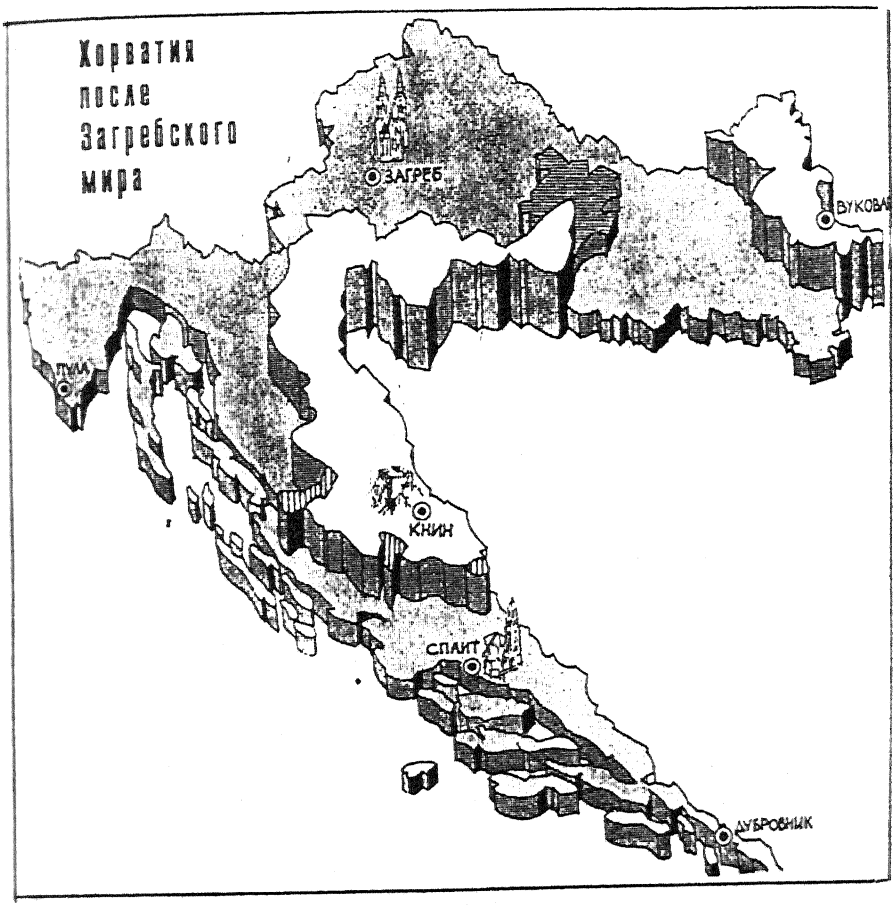
Таким образом, конфликт, имевший место во вновь созданном хорватском государстве после прекращения открытых военных действий, приобрел новые качественные характеристи-

ки. Сербы заявили о праве на определенную территорию, вопрос о судьбах которой согласно их требованиям должен был решаться только волеизъявлением населения Республики Сербская Крайна.

Напомним, что когда в начале 90-х гг. стал реальным вопрос о выделении Хорватии из состава Югославии, Сербская Крайна и Западный Срем (позднее эти два региона вошли в Республику Сербскую Крайну) заявили о том, что в таком случае они выделяются из Хорватии и остаются в составе Югославии[11]. Обсуждались различные принципы вхождения этой республики в Союзную Республику Югославию, в том числе и автономия. Совершенно очевидно, что осуществление пожеланий хорватских сербов было невозможно без пересмотра границ ныне существующего и признанного мировым сообществом самостоятельного государства, на что Хорватия, как неоднократно заявляли ее руководители, не собиралась идти и, более того, президент Ф.Туджман много раз публично заявлял, что Хорватия "не отступит от своего намерения вернуть силой отторженные территории Крайны"[12].

На протяжении нескольких лет в силу нерешенности этого вопроса, несмотря на то, что постоянно прилагались усилия, в том числе со стороны Европейского Сообщества, ООН, а также различных миротворческих организаций, направленные на восстановление мирной жизни в этом новом европейском государстве, хотя военные действия в Хорватии не велись, мир не являлся стабильным. Мировые соглашения неоднократно нарушались. Даже присутствие "голубых касок" не являлось препятствием для нарушения очередного перемирия, например, в январе 1993 г. на территории, находящейся под защитой ООН!

В 1992-1994 годах отношения между сербами и хорватами оказались в тесной зависимости от хода военных действий в Боснии и Герцеговине. Серьезность сражений в этой бывшей югославской республике в глазах мирового сообщества отодвинула на второй план события в Хорватии. Однако для самой республики внутренние проблемы по-прежнему были до предела обострены. Тяжелая экономическая ситуация, военные поражения вызвали серьезное недовольство президентом Ф. Туджма-

Хорватия
после
Загребского
мира
ЗАГРЕБ
ВУКОВАР
ПУЛА
КНИН
СПЛИТ
ДУБРОВНИК

ном и возглавляемым им правительством, которое критиковалось как справа (Хорватская партия права во главе с Д. Парагой), так и слева (Социал-демократическая партия Хорватии, председатель И. Рачан). Были даже предприняты попытки свергнуть Ф. Туджмана, но устранить его от власти не удалось. 2 августа 1992 г. на новых выборах Президента Республики Хорватия победу второй раз одержал Ф.Туджман.

Ф. Туджман вновь стал искать пути достижения межнационального равновесия, экономического и социального благополучия. В своих взаимоотношениях с РСК он исходил из того, что Хорватия рассматривает ее территории как свои.

В конце марта 1994 г. в Загребе представителями хорватского руководства и лидерами хорватских сербов было подписано соглашение о всеобщем прекращении огня, которое в очередной раз положило конец военным действиям, но не приостановило политических баталий. Говоря о недолговечности *Загребского соглашения*, нужно отметить, что в этот период обе стороны пошли на определенный компромисс. Краинские уступки относились к территориям, которые находились под хорватским контролем к началу действия плана Венса (область Милье Плато). По решению Совета Безопасности хорваты ушли из этих районов, но в марте 1994 г. сербы отказались от своих претензий на эти области. Хорватия же практически согласилась на кипрский вариант, хотя до этого выступала против "кипризации" Хорватии. Она согласилась на создание так называемой тампон-зоны между территориями противоборствующих сторон, где и сербы, и хорваты планировали разместить свои войска, кроме того, эта зона должна была контролироваться ООН[13].

Мартовское соглашение больше устроило сербов, чем хорватов, так как фактически признавало за сербами политический статус. В этот период была вероятность, что Хорватия согласится на форму сербской автономии, близкую той, которую имели по конституции СФРЮ 1974 г. Воеводина и Косово. Как заявил хорватский министр иностранных дел Мате Гранич в марте 1994 г. в Стокгольме, Хорватия может предоставить сербам Крайны автономию с собственной образовательной системой,

здравоохранением, средствами информации, разрешить пользоваться кириллицей наряду с хорватской латиницей[14].

Если бы такое политическое решение было предложено в начале кризиса, то вероятно, сербы были бы вполне удовлетворены и удалось бы избежать кровопролития. В 1994 г. руководство Сербской Крайны уже не соглашалось только на культурную автономию, а выступало за федеративное устройство Хорватии. Столь высокую степень автономии сербы считали единственным гарантом обеспечения их равных прав в республике, поскольку обвиняли правительство Франьо Туджмана в антисербской политике.

Над решением вопроса о статусе сербов в Хорватии работала контактная группа. Хорватские власти считали, что Крайна - продукт экспансионистской программы "Великой Сербии", и утверждали, что краинские сербы должны согласиться на интеграцию. Краинские сербы настаивали, что они никогда не откажутся от права на самоопределение, от своего суверенитета. Они выступали за равноправное положение с хорватами и, в идеальном случае, за федеральное устройство Хорватии. Вместе с тем, они понимали, что хорватское руководство на это не пойдет, поэтому их устроил бы кипрский вариант разрешения противоречий и взаимное признание друг друга[15].

Во второй половине 1994 г. как следствие ослабления сербских позиций на боснийском фронте хорваты вновь все чаще стали призывать мировое сообщество отстаивать территориальное единство республики Хорватия, при этом не исключая возможности решения этой проблемы военным путем.

За постепенное возвращение Крайны в Хорватию выступал глава хорватского государства Франьо Туджман. С этим он обратился в Генеральную Ассамблею ООН. Хорватский лидер считал, что должны быть признаны границы Хорватии, включающие и земли под контролем сербов. Определенным шагом в этом направлении явилось решение хорватского Сабора, по которому должны были быть разоружены и распущены "все вооруженные группировки на оккупированных хорватских территориях", обеспечена возможность для возвращения беженцев и восстановлена хорватская власть сначала в так называемой розовой зоне, т.е. контролируемой Миротворческими силами

ООН (UNPROFOR), а затем и в областях, контролируемых сербами. Сабор настаивал на эффективном надзоре за международно-признанными границами Хорватии[16].

Большой дипломатической победой Хорватии считалось решение Совета Безопасности ООН о продлении мандата UNPROFOR на 6 месяцев, принятое в сентябре 1994 г. Резолюция № 947 во многом аналогична предыдущим резолюциям, по которым конфликтующие стороны призывались к сотрудничеству с миротворческими силами по проведению в жизнь мирного плана. Кроме этого, генеральный секретарь ООН Бутрос-Гали должен был до 20 января 1995 г. представить отчет о ходе выполнения резолюций Совета Безопасности, после чего, по пожеланию хорватской стороны, предполагалось новое рассмотрение мандата UNPROFORa. Таким образом, хотя мандат был продлен на 6 месяцев, резолюцией предусматривалась возможность пересмотра миссии миротворческих сил уже через 100 дней, причем в функцию UNPROFORa входила реинтеграция "оккупированных территорий республики Хорватия". Хорватская сторона ожидала, что восстановление ее контроля над "розовой зоной" будет осуществлено до 20 января, Сербская Крайна была против этого решения. Таким образом, мир в Хорватии опять оказывался весьма хрупким. Это прекрасно понимали все конфликтующие стороны, но вместе с тем на этом этапе пытались избежать кровопролития. Одним из способов решения вопроса Хорватия считала изоляцию хорватских сербов, подобно тому как СРЮ прекратила поддержку боснийских сербов. Франьо Туджман сообщил о готовности нормализовать отношения с Белградом в случае признания им границ Хорватии, одобренных международным сообществом, с включением земель, находящихся под контролем хорватских сербов. Лишь в этом случае Ф. Туджман считал допустимым смягчение санкций против Югославии[17].

Но, заплатив кровавую цену за свою свободу, краинские сербы уже не хотели довольствоваться тем, чего они добивались до войны. Сербы и хорваты были разъединены "голубыми касками", но по мнению хорватских политиков, ООН не справилась со своей задачей. Не была выполнена резолюция Совета Безопасности № 769 о восстановлении контроля Хорватии над

всей своей территорией в международно-признанных границах. Присутствие голубых касок мешало хорватской армии отвоевать хотя бы часть утраченных территорий.

Под контролем сербов оказались 23% территории Хорватии, плодородные земли и крупнейший в Хорватии нефтеносный район (Джелетовцы). Сербские области перерезали важнейшие хорватские транспортные коммуникации.

По мнению заместителя председателя парламентского комитета Хорватии по внешней политике, войска ООН позволяли сербам закрепить за собой оккупированные территории, приучая мировое сообщество к тому, что эта земля принадлежит им и нужно признать раздел Хорватии. Парламент весной проголосовал против продления мандата "голубых касок". Франьо Туджман пренебрег тогда мнением парламента[18].

Вместе с тем, в прессе часто упоминалось, что Франьо Туджман занимал националистическую позицию, например, он публично заявил, что рад тому обстоятельству, что его жена не сербка и не еврейка[19]. Профессор американского Ельского Университета (Jel University), член Хорватского Хельсинского Совета Иво Банац писал, что нельзя примириться с концепцией Ф.Туджмана, который говорит, что в Хорватии не должно быть больше 5% представителей национальных меньшинств[20].

Но если хорватские националисты хотели иметь национальное государство, где сербы, в лучшем случае, могли быть меньшинством, то сербские националисты претендовали на все территории бывшей Югославии, где жили сербы.

Сербы и хорваты обвиняли друг друга в одних и тех же грехах, прибегали к одним и тем же методам борьбы. При этом война в бывшей Югославии проходила не только в виде военных действий. Например, сербы перекрыли водопровод в Далмации, хорваты оставили без воды район Гацко в области Лика, где жили сербы[21].

Ситуация во взаимоотношениях хорватов и сербов резко изменилась и утратила свою двойственность в 1995 г. Хорватское руководство, никогда не мирившееся с потерей 23% своей территории и не скрывавшее готовности вернуть под свою власть Сербскую Крайну и Славонию силовым путем, к данно-

му времени пришло к выводу, что для этого созданы все необходимые предпосылки.

Во-первых, была проведена широкая военная подготовка, хорватская армия была доведена до 200 тыс. человек, к которым могли быть добавлены 180 тыс. резервистов. Несмотря на международное эмбарго, было приобретено большое количество военной техники (в том числе танков и тяжелой артиллерии) и обеспечен решающий перевес над вооруженными формированиями краинских сербов. После поражений 1991-1992 г. Хорватия тратила на оружие ежегодно около 1 млрд. $[22].

Во-вторых, хорваты в общем сумели нейтрализовать возможное противодействие их акциям со стороны миротворческих сил ООН (они насчитывали около 15 тыс. человек). Хорватские власти требовали прекращения мандата сил ООН, ссылаясь, как заявил, например, Ф. Туджман в интервью журналу "Шпигель", на то, что миротворческая миссия оказалась контрпродуктивной, поскольку краинские сербы злоупотребили присутствием ООН для "закрепления" результатов своей оккупации[23].

В обращении к нации 11 января 1995 г. Ф. Туджман заявил, что последний вооруженный солдат в голубой каске должен покинуть территорию Хорватии к 30 июня. Любые вооруженные посреднические миссии, по его словам, были исключены. Возможны были бы лишь наблюдательные миссии под эгидой ЕС или ОБСЕ[24]. Надо сказать, что Запад первоначально резко отреагировал на решение Загреба, считая, что вывод миротворческих сил из Хорватии приведет к новым боевым действиям, в которые неминуемо вмешается Белград. Как несколько позднее заявил Белградскому телевидению Д. Оуэн, "люди обеспокоены сейчас только Боснией, а ведь настоящая опасность - это сербско-хорватская война".

В конце января 1995 г. так называемая "мини-контактная группа" (дипломатические представители в Хорватии США, России, ООН и ЕС) предложили *проект "Загреб-4"* как отправную точку для переговоров. Он предусматривал образование "автономной Сербской Крайны" (сектора безопасности "Север" и "Юг") при сохранении значительной части полномочий за правительством и Сабором (парламентом) Хорватии; передачу хорватским властям Западной Славонии (сектор

"Запад"); переход Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема после демилитаризации под контроль международной организации по меньшей мере на пятилетний срок; введение института двойного гражданства для местного населения в Краинах (второе из них - югославское); отсутствие пограничного контроля между областями при возможности размещения международных формирований на границах между Хорватией и Боснией и Герцеговиной[25]. Хорватские лидеры по существу прислушались только к последнему положению и позднее добились фактического изменения мандата миротворческих сил ООН, их сокращения примерно в три раза и размещения в основном не на линии противостояния между хорватами и краинскими сербами, а на границе с Боснией и Герцеговиной, превратив их в своего рода полицейский кордон против прихода боснийских сербов на помощь краинцам.

В-третьих, опасаясь все-таки возможности войны на два фронта, хорваты постарались обезопасить себя со стороны Сербии. Они учли, что Белград фактически не очень заинтересован в положении оторванной от него Сербской Краины (иное дело - Восточная Славония), стремится к снятию с Сербии международных экономических санкций. Более того, поползли слухи о некоей негласной договоренности хорватских и сербских лидеров, согласно которой Белград не будет препятствовать восстановлению контроля Хорватии над секторами "Запад", "Север", "Юг", а Запад не будет пытаться силой вернуть Хорватии Восточную Славонию.

С учетом изложеных фактов министр иностранных дел Хорватии М. Гранич заявил: "Хорватия берет на себя всю полноту ответственности за реинтеграцию оккупированных сербами территорий мирным путем[26]. Непонятно, правда, как сербы могли "оккупировать" земли, на которых они жили три века. М. Граничу вторил глава администрации президента Х. Шаринич: "Теперь Хорватия против того, чтобы международное участие в процессе реинтеграции было активным, полуактивным, а на практике - совершенно неэффективным"[27].

В январе Ф. Туджман говорил, что речь может идти о предоставлении относительно широкой автономии тринадцати местным общинам, преимущественную часть населения кото-

рых до начала войны составляли сербы[28]. В феврале он уже уточнил на пресс-конференции, что сербскому меньшинству предоставлены все необходимые права, однако ни о каком федеративном или конфедеративном устройстве Хорватии не может быть и речи[29].

Словом, угроза вспышки новых боевых действий в Краине стала реальностью. Сербы попытались принять некоторые меры: парламент РСК 8 февраля принял решения о приостановлении действия краинско-хорватского экономического соглашения от 2 декабря 1994 г. и об объявлении военного положения на контролируемых территориях; 24 апреля на сутки была перекрыта автомагистраль Белград-Загреб; Р. Караджич заявил, что его войска объединятся с РСК, если на нее нападет хорватская армия, и это станет первым практическим шагом к объединению РС и РСК[30]. Надо сказать, что в руководстве РСК возобладали тогда радикальные политики, которые не хотели слышать об автономии, стремились к ускорению темпов полного экономического объединения с Сербией. Это в свою очередь подталкивало к действиям радикалов в Хорватии.

Демонстративно 1 мая 1995 г. Хорватская армия провела первую "блицкриговую" операцию "*Блеск*"(другой перевод названия - "*Вспышка*"), нанеся удары по ряду населенных пунктов Западной Славонии. В ответ сербы утром 2 мая нанесли ракетный удар по Загребу. Но обстановка в районе боев заставила их уже 3 мая подписать соглашение о полном прекращении военных действий.

Операция "Блеск", продолжавшаяся 31 час, стоила сербам 500 кв.км. территории. Потери Хорватии в "первомайской войне" составили 42 убитых и 164 раненых среди военных и 6 убитых и 187 раненых среди гражданского населения. В сербских военных формированиях, по заявлениям хорватов, было не менее 350 убитых, около 1000 раненых, кроме того, пострадало большое число мирных жителей. По данным Книнского радио, около 5 тыс. сербских беженцев перебрались из западной Славонии в Боснию[31].

Эта молниеносная операция фактически поставила крест на переговорах между краинской и хорватской сторонами, по-

скольку новая хорватская концепция, очевидно, полностью исключала предоставление краинцам автономии.

Р. Караджич вновь призвал краинцев объединиться с боснийскими сербами в одно государство, обратил внимание на заявления Ф. Туджмана о намерении Загреба играть более активную роль в разрешении боснийского конфликта. 16 июня парламент Республики Сербской принял решение об объединении с сербами Краины в так называемую *Объединенную сербскую республику*[32]. Но развитие событий не позволило реализовать это решение.

4-8 июня хорваты, в основном руками Хорватского веча обороны (т. е. вооруженных формирований Герцег-Боснии), но с участием хорватской регулярной армии провели своего рода промежуточную подготовительную операцию. Артиллерийскому обстрелу были подвергнуты районы к северо-востоку от Книна, на границе РСК с Боснией. Герцеговинские хорваты развернули бои в районе Динарского хребта, возвышающегося над Книном, начали наступательную операцию на ряд сербских городов в Западной Боснии. "Гламоч - в изоляции, Грахово - почти в окружении, Книн - в панике",- самодовольно рапортовала в эти дни хорватская печать. Чуть позднее эти города оказались в руках хорватов, а столица РСК - Книн и южные районы республики с трех сторон были охвачены хорватскими войсками. Краинские сербы пригрозили ракетными ударами по Сплиту и Задару, но не решились это сделать и смирились с очередным поражением.

Перед решающим штурмом хорватские лидеры стремились респектабельнее показать себя перед мировым общественным мнением. Так, М. Гранич, посетивший Москву в июле, говорил о желательности мирной реинтеграции "оккупированных" территорий при гарантии местной автономии для сербов в общинах, где перед войной они составляли большинство; о необходимости урегулирования ситуации в Боснии на основе плана контактной группы и вашингтонских соглашений; о роли С. Милошевича в разрешении кризиса.

Под сильным международным нажимом представители Хорватии и РСК согласились собраться в Женеве вместе с Т. Столтенбергом, чтобы обсудить возможности урегулирования.

Однако, по словам хорватского представителя, единственной целью их делегации было оценить готовность краинских сербов к "мирной реинтеграции оккупированной хорватской территории"[33].

И уже на рассвете следующего дня, 4 августа, хорватская армия развернула широкомасштабное наступление на Книн, названное операцией "*Буря*". Было ясно, что Запад скорее всего ограничится словесным осуждением военных действий. Более того, очередной блицкриг был предпринят по совету Вашингтона, когда там почувствовали, что войну в Боснии могут выиграть сербы. Об этом, например, прямо говорилось в газете "Вашингтон пост" в статье Д. Хоглэнда, который утверждал: "Босния фактически превратилась в хорватский протекторат".

Для ликвидации РСК хорватским войскам понадобилось лишь двое суток. Ими были взяты секторы "Север" и "Юг" вместе с Книном. Они пробили сербское кольцо вокруг Бихача и соединились с боснийскими правительственными войсками. Сопротивление сербов оказалось на удивление слабым.

Сербы сохранили за собой лишь бывший сектор "Восток" - области Восточная Славония, Западный Срем и Баранья. В ноябре 1995 г. было подписано так называемое *Эрдутское соглашение*, в котором шла речь о демилитаризации этой последней на хорватской территории конфликтной зоны, о возвращении сюда хорватских беженцев. Документ заложил правовую основу для постепенного возвращения оставшихся за сербами регионов в "хорватский конституционный строй" (формулировка Загреба) и устанавливал годичный переходный период, который мог быть продлен. Соглашение оставляло широкий простор для толкования. Сербы надеялись, что главный смысл его все-таки заключается в консервации создавшейся ситуации. Международное положение, в котором оказалась в тот период страна, не позволяло всерьез рассматривать возможность масштабной войсковой операции в восточной Славонии, которая неминуемо окончилась бы новым массовым исходом сербов. Загреб планировал "мирную реинтеграцию" этого региона и делал успешные шаги в этом направлении. Новой победой хорватской дипломатии можно считать Резолюцию 1037 Совета Безопасности ООН (январь 1996), согласно которой Во-

сточная Славония (переименованная в "Хорватский Дунайский Бассейн") рассматривалась как часть Хорватии[34].

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Существенным последствием вооруженного конфликта стало изменение этнической структуры на территории Хорватии. Миграции населения начались с первых дней войны. Весной и летом 1991 г. хорваты стали покидать восточную Славонию, Баранью, западный Срем и территорию Крайны. Сербы из западной Славонии бежали зимой того же года. Таким образом, к концу 1995 г. сербы практически поголовно покинули бывшую Крайну, где они на протяжении столетий составляли большинство населения. Но в результате миграций беженцев они стали абсолютным большинством в восточной Славонии, Баранье и западном Среме, где раньше насчитывали лишь одну треть населения. Хорваты отсюда, центральной Боснии и Боснийской Посавины населили районы, покинутые сербами. В свою очередь сербы из юго-западной Боснийской Крайны переехали в области, очищенные от хорватов[35].

В результате войны в зоне конфликта практически не осталось районов со смешанным населением. Более того, попытки перемешать его встречают крайне негативную реакцию. И сербы, и хорваты утверждают, что не могут жить вместе, т. к. взаимная вражда быстро не забудется. Это свидетельствует об изменении этнодемографической ситуации в Хорватии, поскольку в период с 1945 по 1992 г. лишь 26,7% всех сербов в Хорватии проживало в населенных пунктах с преобладающим сербским населением. Смешанные хорватско-сербские поселения и значительное число межэтнических браков были типичным явлением в Хорватии, как и на всей территории СФРЮ[36].

Уничтожив официально сербскую автономию, хорватское правительство видело свою дальнейшую задачу в восстановлении прежнего этнического состава региона. Оно настаивало на том, чтобы в Восточной Славонии, Баранье и Западном Среме (откуда в 1991 г. бежало много хорватов) демографическая ситуация была аналогична довоенному состоянию. Это во многом будет зависеть от того, вернутся ли сюда хорватские беженцы,

около 77 тыс. которых покинуло край четыре года назад[37]. Согласно переписи 1991 г. в регионе конфликта проживало 193 тыс. чел., из которых 85 тыс. были хорваты, 70 тыс.- сербы и 38 тыс. - представители других национальностей, главным образом венгры и те, кто назвал себя югославами. Согласно хорватской статистике, сейчас здесь живет 100-120 тыс. чел. Это преимущественно сербы, как из числа прежних жителей, так и прибывшие из других областей Хорватии[38].

Правда, о демографическом состоянии других районов, где также в результате войны изменился этнический состав населения, говорится гораздо меньше. В Западной Славонии и Крайне, где сербы до 1995 г. составляли большинство населения, еще только должны быть созданы условия для возвращения беженцев. В один из регионов бывшей Крайны - Лику, например, где до последней войны проживало свыше 35 тыс. сербов, возвратилось около 2,5 тыс. чел. Это теперь преимущественно район боснийских хорватов, которые живут в чужих домах[39].

На нижних этажах власти в Хорватии на возвращение сербов по-прежнему смотрят негативно. Сербов продолжают считать "фактором дестабилизации, насилия и хаоса" и подчеркивают, что их потенциально возможное возвращение необходимо свести к "разумной мере"[40].

По прошествии четырех лет войны сформировались три группы хорватских сербов. Первая и наиболее многочисленная группа - сербские беженцы их Хорватии. Согласно хорватской статистике, с 1991 г. около 450 тыс. сербов (по другим данным более 600 тыс. уже к 1994 г.) выехало из республики. Причем сербы покидали не только области, охваченные войной, но и большие города в других регионах. Вторая группа - сербы, оставшиеся в Хорватии преимущественно в городах. Их численность по тем же сведениям - от 100 до 150 тыс. Третья группа - сербы областей Баранья, западный Срем и восточная Славония, бывший сектор Восток. Их численность, как уже было отмечено, около 120 тыс.[41]

Как представляется, перспективы для этих трех групп различны. Будущее населения Восточной Славонии и прилегающих районов зависит от глобальных результатов сербско-хорватских

отношений, от инициатив ООН и стран Запада. Несмотря на всю сложность ситуации, сейчас уже можно констатировать, что 90% сербов приняли хорватское гражданство и участвовали в местных выборах, состоявшихся в апреле 1997 г.[42]

Сербские беженцы, а страну покинуло более двух третей живших там сербов, в большинстве случаев не имеют возможности вернуться в Хорватию, т. к. для этого нужно иметь сертификат о хорватском гражданстве и хорватский паспорт, которых у них нет. Для решения этой проблемы им было предложено в течение 90 дней обращаться в хорватские консульства, ближайшее из которых расположено в Будапеште. Но это не главная причина, которая мешает сербам вернуться. Они опасаются преследований со стороны хорватов, кроме того, более 60% их домов разрушено.

Сербское население городов считает, что у них два варианта поведения: покинуть страну, либо ассимилироваться под давлением политики хорватского правительства, занимающего достаточно националистическую позицию. Несмотря на то, что в 1992 г. был принят Конституционный закон о правах человека и о правах этнических объединений и меньшинств, два других закона - О покупке жилья и О собственности ограничивают права сербов[43].

Отношение к сербам в Хорватии стало столь негативно, что многие просто боятся говорить о своем сербском происхождении. Часто сербы, решившие остаться в Хорватии, меняют имена, фамилии, принимают католицизм. Дети сербов в нововведенной рубрике школьных документов, фиксирующих национальность, чаще всего записываются хорватами[44]. По данным одного из лидеров хорватских сербов Милорада Пуповаца, в начале 90-х годов 20 тыс. сербов отказались от православного вероисповедания в пользу католицизма, сменив таким образом в одночасье свою этническую принадлежность[45].

На собрании координации хорватских организаций за защиту прав человека, которое проходило в г. Риека, обращалось внимание на проблему увольнения с работы по этническому признаку. Так, на почтамте и в банке г. Сплита было уволено 80% сотрудников нехорватской национальности, тогда как в структуре они составляли в первом случае 2%, а во втором - 6%.

Группами по 50-60 чел. были уволены нехорваты также с предприятий "Далмация-цемент" в Сплите и со многих предприятий г. Шибеник[46]. Другие факты нежелания принимать на работу сербов во многих районах Хорватии приводит на страницах печати, например, лидер Сербского Демократического Форума Милорад Пуповац[47].

Индикатором отношения хорватов к сербам является недавнее исследование профессоров Загребского Университета Ивана Магдаленицы и Слободана Узелаца. Опрос общественного мнения показал, что из 30 этнических групп, предложенных респондентам для выбора партнеров в различных сферах жизни, наименее желательными оказались цыгане и сербы[48].

Как правило, чем меньше город, тем больший процент сербов покидал его в годы войны. Крупные города дают возможность для анонимности его жителей и, соответственно, большей безопасности. Вот почему, как это ни парадоксально, самым "сербским" городом в Хорватии оказался Загреб, где живет около 30 тыс. сербов.

Усиливается отток сербов из Хорватии. Газета "Приморски дневник", выходящая в г. Триест, дает информацию о том, что даже так называемые "лояльные сербы", объединившиеся в Сербскую народную партию, обвиняют хорватские власти в подстрекательстве сербов к выселению[49].

В частности, приводятся сведения о все большем числе объявлений об обмене квартир и домов, о поиске хорватов из Сербии и Боснии и Герцеговины, желающих переехать в Хорватию. Вследствие этого, этнический состав многих регионов Хорватии претерпел существенные изменения и в ближайшее время будет и дальше увеличиваться процент хорватов в них.

Хотя процесс ассимиляции городских сербов начался еще в период существования СФРЮ, сербские политические лидеры Хорватии, а также Сербская Культурная Ассоциация "*Просвета*" пытаются коррелировать этот процесс. Наиболее перспективным представляется поддержание сербской культуры в северо-восточной части Хорватии, где сербы по-прежнему составляют большинство населения.

Хорватские законы допускают преподавание в сфере этнической культуры, включая историю, искусство, литературу,

религию. Хотя Ассоциация "Просвета" подготовила для этой цели соответствующие учебники, только 300 детей за пределами Восточной Славонии выразили интерес к обучению. Тем не менее, Ассоциация намерена развивать свою культурно-просветительную деятельность[50].

О постепенной нормализации обстановки свидетельствует создание в июле 1997 г. *единого веча общин - Сербского народного веча*. Протокол о функционировании и компетенциях этого органа, который представляет интересы сербов Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема, подписан от имени правительства Республики Хорватии, хорватских сербов и миротворческих сил ООН.

Этот верховный орган сербов в Хорватии насчитывает почти 130 членов, во главе его президиума стоит уже упоминавшийся Милорад Пуповац, профессор лингвистики из Загреба. Вече видит свою задачу в репатриации сербов в родные места и сохранении идентитета сербов в Хорватии. Также оно намерено заниматься положением Сербской православной церкви в республике и обучением детей. Руководство веча полагает, что этот орган станет "одной из форм этнического самоуправления сербов в Хорватии" и будет поддерживать контакты с представителями хорватских властей и титульным государством[51].

Обнадеживает тот факт, что международное сообщество в настоящий момент (конец 1997 г.) положительно оценивает действия сербского руководства в Хорватии. Так, в *Резолюции Совета Безопасности ООН N. 1120*, посвященной проблеме ситуации в Восточной Славонии, Баранье и Западном Среме, говорится о необходимости неукоснительного соблюдения Эрдутских соглашений, констатируется обязанность Хорватии обеспечить возвращение в родные места всех беженцев, а не только тех, кто находится в области, контролирующейся миротворческими силами ООН. В Резолюции подчеркивается, что репатриация беженцев и вынужденных переселенцев должна осуществляться в двух направлениях. Кроме того, критикуется Закон о временной конфискации имущества сербов и управлении им со стороны государственных структур, принятый в 1997 г. Совет безопасности также требует отказаться от двойных стандартов в толковании и применении Закона об амнистии. И наконец, в

резолюции сказано, что срок мандата миротворческих сил ООН, которые контролируют область, продлевается до 15 января 1998 г. После этого начинается поэтапная передача власти гражданской администрации.

Сложной остается проблема возвращения сербских беженцев в Хорватию. 27 апреля 1998 г. был утвержден план этого мероприятия, который значительно отличается от проекта документа, ранее предъявленного международной общественности. Он вызвал резкую критику Запада, т. к. по измененному плану беженцы 1991-1995 г. до возвращения должны обратиться вновь за получением гражданства, вместо того, чтобы просто подтвердить свой статус. Западные наблюдатели требуют изменить процедуру, т. к. рассматривают ее шагом назад. Об этом, в частности, заявил Специальный представитель СЕ в Загребе Пер Винтер, который сказал, что требование о повторном получении хорватского гражданства противоречит Хорватской Конституции. Создается ситуация, при которой люди "добровольно покинувшие Хорватию", тем самым отказались от своего гражданства. По его мнению, которое поддержали представители других стран, что гражданство беженцами не утеряно[52].

Вместе с тем, жизнь хорватского общества постепенно обретает стабильность, а сербы по-прежнему остаются второй по численности этнической группой в Республике Хорватия, которая, надо надеяться, в дальнейшем сможет нормализовать свои позиции в стране.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОЛУОСТРОВЕ ИСТРИЯ И В ПРИБРЕЖНОМ РАЙОНЕ

Итальянское влияние. На изменение этнической структуры Хорватии, наряду с хорватско-сербскими трениями, влияют и некоторые другие факторы. Одним из них является усиление итальянского влияния на население побережья Адриатического моря.

Объектом беспокойства Хорватии, наряду с Сербской Краиной, является полуостров Истрия. Население этого полуострова сильно итальянизировано, так как эти земли входили сначала в состав Австро-Венгрии, затем, после I мировой вой-

ны, отошли к Италии. В состав Югославии полуостров был включен в 1947 г. после длительного обсуждения югославско-итальянской границы с привлечением международных экспертов. 70% населения югославской части Истрии составляют славяне, главным образом хорваты и словенцы, около 30% - итальянцы.

В Хорватии итальянцы расселены компактными анклавами в Истрии, Далмации (преимущественно в городах Сплит и Задар) и на островах Кварнерского залива. В послевоенные годы их численность постепенно уменьшалась (по переписи 1953 г. она составляла 35 874 чел., а в 1981г. снизилась более, чем в два раза- 15 132 чел., подскочив к 1991 г. до 19 283 чел. (по данным 1992 г. итальянцы составляли 4,2% населения Истрии и Кварнера, 85% из которых проживали на полуострове[53].

Жители Истрии и других приморских областей, входивших до 1947 г. в состав Италии, стараются использовать открывшуюся перед ними возможность и получить итальянское гражданство. Прогнозы о возможной численности лиц с двойным гражданством колеблются от 4 до 10 тыс. человек. Это явление вызывает серьезное беспокойство у хорватских, а также словенских властей. В дискуссию о двойном гражданстве вмешалась церковь, осудившая моральную сторону этого явления, которое, по мнению хорватской стороны, способствует потере национальной самобытности. Власти Словении предупредили Италию, что предоставление жителям Истрии итальянского гражданства является нарушением международных соглашений[54].

Хорватские власти также сильно обеспокоены все более широким проникновением итальянского языка на Адриатическое побережье. Итальянские названия стали даваться предприятиям, магазинам, отелям и другим объектам. Вспоминаются старые названия городов[55].

Вместе с тем, хорватское правительство поощряет и поддерживает развитие итальянской культуры в крае. Этому во многом способствует двустороннее соглашение между Хорватией и Италией. Нужно отметить, что в Югославии, несмотря на лояльную политику по отношению к итальянскому населению, итальянский язык постепенно был вытеснен из служебной и общественной жизни, оставшись языком общения лишь на семей-

ном уровне. С середины 80-х годов стало уделяться особое внимание преподаванию на итальянском языке, открывались итальянские и двуязычные детские сады и школы, основано итальянское отделение на факультете педагогики в г. Пула. Выходит ежедневная газета на итальянском языке "La Voce", два раза в неделю газета "Panorama", публикуются журналы и книги. Существуют местные итальянские телепрограммы и радиостанции.

Кроме того, в районах расселения итальянцев функционирует несколько культурных и научных учреждений. Еще в 1944 г. был создан Итальянский союз, деятельность которого охватывает социально-политическую, культурную и экономическую сферы. Центр исторических исследований, основанный в 1968 г., проводит изучение исторических и социальных процессов, располагает обширной документацией об итальянском населении района. Наряду с этим, в 1992 г. при содействии итальянского правительства был учрежден специальный Информационный центр, призванный оказывать консультации молодому населению, в первую очередь итальянского происхождения, в вопросах трудоустройства[56].

Регионализм в Истрии. Важно подчеркнуть, что несмотря на внедрение итальянской культуры на полуострове Истрия, осознание себя в качестве специфической общности базируется не только на этнической основе. Об этом, кстати, свидетельствует тот факт, что по переписи 1991 г. 20% населения полуострова самоидентифицировались как истряне. Политику регионализма проводит целый ряд партий и движений Истрии. Так, Иван Паулеста, лидер партии "Истрийский демократический сабор", победившей в 1992 г. на многопартийных местных выборах, заявил, что его партия уже давно настаивает, что Хорватия должна быть федеративной страной, состоящей из 6-8- федеральных единиц. При этом каждая единица должна иметь разную степень автономии, которая бы зависела от исторических причин и этнического состава. Истрия, по мнению И. Паулеты, должна иметь свой парламент и полную автономию в области культуры и образования, кадровой политики, местные власти должны наблюдать за миграционным движением в Истрии[57].

Партия "Истрийский демократический сабор", основанная в 1990 г., фактически полностью сосредоточила в своих руках власть на полуострове Истрия - из 40 руководителей разного уровня только пятеро не являлись ее членами. На выборах 1992 г. 72% избирателей отдали свои голоса ИДС, в результате чего правящая в стране партия "Хорватское демократическое содружество" потерпела здесь жестокое поражение.

Желание получить автономию жители Истрии объясняли не столько политическими мотивами, сколько своеобразием исторического пути и особенностями культуры. В результате победы на местных выборах ИДС оказался у власти на полуострове Истрия, проводя политику резко отличавшуюся от взглядов Ф. Туджмана и возглавляемой им партии. Кроме того, Загреб видит устройство Хорватии только унитарным, и поэтому проблема полуострова Истрия имела политическое звучание. В противовес регионалистским тенденциям Истрии летом 1993 г. в Загребе был принят Закон о местном самоуправлении, резко ограничивший локальную власть. Истрия заявила, что она и дальше будет идти по пути создания автономии[58].

Местнические взгляды Истрии резко критикуются националистически настроенными политическими деятелями. Одним из возможных путей восстановления прежнего этнического баланса в Далмации и Истрии они считают переселение сюда хорватов из Косово и Боснии и Герцеговины, а также беженцев из других неблагополучных областей[59].

Этим переселенцам предоставляются льготы при устройстве на работу, оказывается помощь в предоставлении земельных участков и финансовых ссуд.

Жизнь других этнических групп в Хорватии

Босняки-Мусульмане. Согласно переписи 1991 г. 43 469 граждан Хорватии отнесли себя к этой этнической группе. Представители второго по численности (после сербов) этнического меньшинства в Хорватии проживают в основном в городах Загреб, Риека, Дубровник, Сисак. Их взаимоотношения с хорватами оцениваются как достаточно толерантные, вместе с тем число мусульман в Хорватии постепенно уменьшается.

Также нужно отметить, что в правительственных органах нет представителей этой национальности. Хотя у мусульман в Хорватии есть своя культурная ассоциация "Возрождение" ("Preporod") и литературный журнал "Behar", активность объединенной ими части населения в научной, культурной, политической сфере невысока.

Цыгане. Согласно переписи 1991 г. 3367 цыган живет в городах и 3328 в небольших населенных пунктах Хорватии, реальная же их численность гораздо больше и по оценкам специалистов Совета Европы достигает 30-40 тыс.[60]

Цыгане Хорватии не представляют собой целостного этнического сообщества. Это объясняется различиями отдельных их представителей в социально-экономическом статусе, диалектностью языка и неодинаковым вероисповеданием. Общение между хорватскими цыганами затруднено, поскольку они говорят на различающихся между собой языке "romani chib", диалектах арлийском, лелячком, темарском, а также диалекте бояш. Язык используется на бытовом уровне, но не в официальной жизни.

Что касается религии, по данным Цыганского комитета от 1995 г. из учтенных 7068 чел., 4 796 цыган исповедует католицизм, 1086 - ислам, 337 - православие и 876 исповедуют другие религии или атеистичны.

Пожалуй, можно выделить две формы интеграции цыган в жизнь страны. В смешанных селах и городах цыгане перемешиваются с остальным населением, подвергаясь ассимиляции и во многих случаях скрывая свое этническое происхождение (как это произошло в районе местечка Питомача). В обособленных же, преимущественно сельских, населенных пунктах цыгане сохраняют особый быт и культуру, живя часто за чертой бедности и без элементарных удобств. Цыгане кочуют по всей территории Хорватии, а самые многочисленные их поселения расположены в области Меджумурье. Многие представители этой группы имеют лишь временную работу, и об их статусе свидетельствует тот факт, что лишь в г. Чаковец около 3 тыс. цыган являются социально неблагополучными.

Цыгане слабо участвуют в политической жизни страны. Хотя в 1991 г. была основана Цыганская партия с центром в

Беловаре и она безуспешно выдвигала своих членов на выборах в парламент, цыгане представлены в органах управления лишь регионального уровня. Интересы цыган отстаивает также созданная в 1991 г. *Ассоциация хорватских цыган*, инициировавшая внимание к таким насущным проблемам этой части населения, как медицинское обслуживание, трудоустройство, обеспечение гражданских прав, сохранение культуры, образование. Культурные клубы были открыты в городах Чаковец, Сисак, Кугина. 8 апреля провозглашено *Цыганским национальным днем*, когда формой празднования стали всевозможные фестивали и лекции о цыганах.

С 1994 г. на цыганском и хорватском языках выходит газета - "Romano Akharipe" (Цыганский курьер), а с 1996 г. "Nevi Drom" (Новый путь), которые печатают материалы о жизни цыган, а также о проблемах мультикультурализма, правах человека и положении этнических меньшинств. Безусловно положительную роль играют теле- и радиопередачи для цыган.

В последнее время хорватское правительство проводит политику интеграции цыган в общество. Разрабатываются различные концепции этого процесса. В частности, учитывая отсутствие специального обучения цыганских детей, в 1994 и 1995 г. были организованы летние школы для хорватских цыган. В 1994 г. в г. Маринец состоялась конференция, посвященная обучению этой группы населения. Налаживаются и другие формы регуляции положения цыган[61].

* * *

Описывая этническую ситуацию в сегодняшней Хорватии еще раз отметим, что демографический и этнический состав ее населения претерпел существенные изменения после создания независимого государства. В стране появилось много хорватских и славяно-мусульманских беженцев, часть сербов покинула страну или была убита. Можно прогнозировать, что картина будет меняться и дальше, поскольку некоторые беженцы покинут страну, а кто-то из сербов все-таки вернется на насиженные места. Но в любом случае очевидно, что население будущей страны станет отличаться по этническим параметрам от той,

какой была Хорватия до 1991 г. Государство должно искать новые пути и формы сосуществования ее народов.

Характеризуя этнические процессы в Хорватии, отметим также, что в стране продолжается рост хорватского этнического самосознания. Одним из проявлений этого процесса стало то, что в наши дни здесь ведется активная пропагандистская работа по восстановлению старых хорватских обычаев. Создано Министерство культуры, образования и старых народных обычаев, в задачи которого входит насаждение народных обычаев в повседневную жизнь, в школьное образование и т. д.[62]. В хорватский язык вводятся новые слова, с тем, чтобы они отличались от сербских. Телефон стал называться "брзоглас", аэродром - "зрачна лука" , вместо "гласати" в Хорватии сейчас говорят "гласовати", вместо "любити" - "любовати" и т. д. Изданы новые словари правильного хорватского языка, многочисленны лингвистические передачи по радио. Серьезная борьба за свою историческую самобытность ведется с помощью словаря и грамматики.

Характерен, наконец, и тот факт, что 24 апреля 1996 г. Хорватия была принята в Совет Европы, поскольку эта организация сочла, что государство выполнило все предъявляемые ей требования. Правда, вскоре ее членство было заторможено из-за предъявленных стране претензий по поводу фактов нарушения прав и свобод человека.

Примечания

[1]Ustav Republike Hrvatske. IV izd. Zagreb, 1992. S. 9-11; русский перевод: Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997. С. 421-460.

[2]Povelja o pravima Srba i drugih nacionalnosti u Republici Hrvatskoj // Milordović A. Dokumenti o državnosti Republike Hrvatske. Zagreb, 1992. S. 91-92, 94-108.

[3]Ustavni Zakon o ljudskim pravima i slobodama i o pravima etničkih i nacionalnih zajednica ili manjina u Republici Hrvatskoj. // Milordović A. Dokumenti o državnosti Republike Hrvatske. Zagreb, 1992. S. 91-92, 94-108; Narodne novine, br. 65. 4 prosinca 1991; Narodne novine, br. 27/92;

русский перевод: Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997. С. 461-484.
[4]Конституции ... С. 468-469.
[5]Конституции ... С. 470; Политика. 02. 09. 1994.
[6]Rocsandić D. Srbi u Hrvatskoj. Zagreb. 1991.
[7]Югославия в огне. М., 1992. Београд, 1994. С.109.
[8]Политика. 06. 09. 1994.
[9]Сви Срби света. Београд, 1994. С.172-176.
[10]Московские новости, № 43, 27.10. 1991.
[11]Гибианский Л. Югославский узел // Независимая газета. 17. 01. 1992.
[12]Вострухов Е. Президент Хорватии заявил о возможной замене "голубых касок" войсками НАТО // Известия. 12. 02. 1993.
[13]НИН. 08. 04. 1994. С.19-20.
[14]Политика. 23. 03. 1994.
[15]Там же.
[16]Борба. 30. 09. 1994; Политика. 30.09.1994.
[17]Борба. 30. 09. 1994.
[18]Известия. 17. 07. 1994. С.3
[19]Cornelia Domaschke und Birgit Schliewenz. Spaltet der Balkan Europa? Berlin. Aufbau Taschenbuch Verlag. 1994. P.265.
[20]Политика. 05.10. 1994.
[21]Политика. 06.08.1994.
[22]Сегодня. 05. 08. 1995.
[23]Сегодня. 27. 01.1995.
[24]Сегодня. 31. 05. 1995.
[25]Там же.
[26]Известия. 06.06. 1995, Сегодня. 14.01. 1995.
[27]Сегодня. 21.01. 1995.
[28]Сегодня. 11. 02. 1995.
[29]Там же.
[30]Сегодня. 26. 04. 1995.
[31]Сегодня. 17. 05. 1995, 05. 05. 1995.
[32]Сегодня. 17. 06. 1995.
[33]Сегодня. 04. 08. 1995
[34]War Report. 1996. N 39.
[35]Svarm F. Victims of War and Peace // War Report. Dec.97- Jan. 98. P. 34.
[36]Multicultural Reality and Perspectives in Croatia. Zagreb, 1997. P. 82.
[37]War Report. 1995. N. 35. P.11.
[38]Там же.
[39]Данас. 28.11 - 1.12. 1997.
[40]Сербия в мире. Июль-август 1997. С. 37.
[41] War Report. 1995. N. 37. P. 14.

[42]Peter Galbraith: Erdut and After // War Report. Dec. 97- Jan. 98. P. 42-43.
[43]War Report. 1995. N. 37. P. 14.
[44]Политика. 11. 03. 1994.
[45]цит. по: Raseta B. Hidden Identities. // War Report. Dec. 97- Jan. 98. P. 36.
[46]"Свободная Европа", (Мюнхен), цит. по: "Политика". 03. 09. 1994.
[47]Pupovac M. Learning the Four R's // War Report. Dec. 97- Jan. 98. P.30-31.
[48]Цит. по: Raseta B. Hidden Identities. // War Report. Dec. 97 - Jan. 98. P. 36.
[49]Primorski dnevnik. 14. 09. 1994.
[50]Raseta B. Op. cit. P. 36.
[51]Сербия в мире. N. 43/44. Белград, 1997. С. 40.
[52]Rojters. 4.05.1998.
[53]Multicultural Reality and Perspectives in Croatia. Zagreb, 1997. P. 106.
[54]Политика. 27. 09. 1994, 3. 09. 1994.
[55]Večerni list. 28. 08. 1994.
[56]Bogliun-Debeljuh L. L'identita etnica - gli Italiani dell'area Istro-Quarnnerina. Rovingo, 1994. P. 132.
[57]Новости. 08.09.1994.
[58]НИН. 06.05.1994. С.55.
[59]Борба. 18. 09.1994.
[60]Multicultural reality... P. 118.
[61]См. Hrvatić N. Roma // Multicultural Reality... P. 115-122.
[62]Feral Tribune. 05. 06.1994.

Глава 10

ВОЙНА В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

Причины возникновения военных действий

Во второй половине 1991 - первой половине 1992 г. эпицентр югославского кризиса прочно переместился в Боснию и Герцеговину, занимающую пятую часть территории бывшей Югославии. В силу целого комплекса причин, прежде всего весьма пестрого этнического состава населения (по переписи 1991 г. мусульмане составили в Боснии и Герцеговине 43,7% жителей, сербы - 31,3%, хорваты - 17,3%, югославы - 5,5%, остальные - 2,2%)[1], смешанного его проживания (по состоянию на начало 1991 г. мусульмане имели абсолютное или относительное большинство среди населения 48,6% общин Боснии и Герцеговины, сербы - 33%, хорваты - 17,4% общин)[2] и тяготения сербского и хорватского населения к "своим" республикам, этот кризис приобрел здесь наиболее драматичный характер и вылился в затяжную, кровопролитную межэтническую гражданскую войну. В нее были замешаны и соседние республики бывшей Югославии. Более того, в этот кризис втянулись внешние силы: ряд стран и международные факторы - ООН, ЕС, НАТО.

Пытаясь определить характер социально-политической, идеологической и социально-культурной матрицы событий в Боснии и Герцеговине, хотелось бы отметить, что они вызваны не случайным стечением обстоятельств, рядом отдельных событий, а подчинены доминирующей логике эволюции кризиса в

экс-Югославии в целом и в Боснии и Герцеговине в частности. Не надо было обладать особой интуицией и необыкновенным политическим чутьем, чтобы догадаться, что кризис в СФРЮ не может не задеть Боснию и Герцеговину. Важнейшей проблемой является вопрос, почему именно такая политика преуспела и получила поддержку в этом регионе.

Массовая политическая мобилизация по этническим и религиозным направлениям, драматическое углубление существующих социальных различий, обострение политических конфликтов, игнорирование существовавших правил политической игры с параллельной попыткой выработать новые правила, неготовность к политической толерантности и т. д. - все эти явления имели место во всех республиках бывшей Югославии. С самого начала война была политической, а не религиозной, несмотря на то, что в нее были вовлечены три народа и три крупнейшие мировые религии. Война началась из-за конкретных и несовместимых между собой программ выхода из кризиса и политической реорганизации целого региона.

Война была спровоцирована политической стратегией, доминировавшей в Югославии с конца 80-х годов, и являлась следствием того политического идеала, к которому стремилось югославское общество. Этот идеал базировался на двух известных политических формулах. Первая принадлежит Джузеппе Маззини: "Одна нация - одно государство. Только одна страна для каждой нации". Другая является немецкой формулой XIX века : "Каждая нация - одна страна и целая (вся) нация в одной стране".

Эта политическая стратегия являлась программой политической реконструкции югославской федерации. Она была инспирирована философией так называемой "ошибочности полиэтничного государства"[3], которая приводит к убеждению в том, что мультикультурализм несостоятелен. Согласно этой стратегии выход из югославского кризиса искали путем политической реконструкции страны, основываясь на идее ее раздела на несколько национальных государств.

Все это вело к абсолютизации проблемы национального суверенитета, а также параллельно поднимало вопрос территорий и границ. Этническая окраска националистической полити-

Таблица 1

Этнический состав жителей Боснии и Герцеговины по данным переписей населения

	1953		1961		1971		1981	
Австрийцы	87	0,00	42	0,00	44	0,00	52	0,00
Албанцы	1578	0,06	3642	0,11	3764	0,10	4394	0,11
Болгары	108	0,00	231	0,01	284	0,01	180	0,00
Венгры	1140	0,04	1415	0,04	1262	0,03	945	0,02
Влахи	2	0,00	8	0,00	52	0,00	49	0,00
Греки	26	0,00	77	0,00	48	0,00	36	0,00
Евреи	310	0,01	381	0,01	708	0,02	343	0,01
Итальянцы	909	0,03	717	0,02	673	0,02	616	0,01
Македонцы	1884	0,07	2391	0,07	1773	0,05	1892	0,05
Мусульмане	891798	31,32	842248	25,69	1482430	39,57	1630033	39,52
Немцы	1111	0,04	347	0,01	300	0,01	460	0,01
Поляки	1161	0,04	801	0,02	757	0,02	609	0,01
Румыны	91	0,00	113	0,00	189	0,00	302	0,01
Русины	7473	0,26	6136	0,19	141	0,00	111	0,00
Русские	951	0,03	934	0,03	507	0,01	295	0,01
Сербы	1264045	44,39	1406057	42,89	1393148	37,19	1320738	32,02
Словаки	314	0,01	272	0,01	279	0,01	350	0,01
Словенцы	6300	0,22	5939	0,18	4053	0,11	2755	0,07
Турки	435	0,02	1812	0,06	477	0,01	277	0,01
Украинцы	-	-	-	-	5333	0,14	4502	0,11
Хорваты	654227	22,98	711665	21,71	772491	20,62	758140	18,38
Цыгане	2297	0,08	588	0,02	1456	0,04	7251	0,18
Черногорцы	7336	0,26	12828	0,39	13021	0,35	14114	0,34
Чехи	1638	0,06	1083	0,03	871	0,03	690	0,02
Югославы	-	-	275883	8,42	43796	1,17	326316	7,91
Остальные	876	0,03	453	0,01	174	0,00	629	0,02
Нац. не определившиеся	-	-	-	-	8482	0,23	17950	0,44
Неизвестно	1362	0,05	1885	0,06	9598	0,26	26576	0,64
Регион. этноним	-	-	-	-	-	-	3649	0,09
Всего:	2847459	100,0	3277948	100,0	3746111	100,0	4124256	100,0

ческой стратегии вела к этнификации, абсолютизации национального суверенитета, стремлению к гомогенности национальных государств, этнической чистоте и отрицанию культурного и этнического смешения.

Эти цели не были результатом патологической нетерпимости к лицам другой национальности, религии и культуры, а стали следствием роста национализма, попытки создать гомогенные и монокультурные национальные государства.

Национализм на Балканах был политическим, связанным с борьбой за власть, государственную власть. Одной из его основных целей являлась борьба за территории, право на землю. Как только новые государства были признаны мировым сообществом, встал вопрос, кто же имеет право жить на этой земле. Этнический и религиозный фундамент процесса самоопределения стал политической реальностью. Раскол шел по этническому принципу. Но изгнание людей с земель, исходя из их этнической принадлежности, не имело в своей основе этническую несовместимость, решающим фактором было, подчеркиваю еще раз, право на территорию.

Распад страны, с одной стороны, и действия националистически настроенных политиков, с другой, вылились в стремление определить национальный суверенитет на земли. Этнизация политики повернула социальные конфликты в русло специфических конфликтов коллективной идентичности. Развязывание войны инициировало элемент этнического конфликта.

Судьба Боснии и Герцеговины была предрешена, когда националистическая политика стала доминировать в югославском обществе. Было наивно верить, что в условиях югославского кризиса могла возобладать либеральная этнизация политики. В сочетании с мультикультурной и полиэтничной природой общества явным было противоречие между полиэтничным характером Боснии и Герцеговины и выбранной всеми конфликтующими сторонами политической стратегией "одна нация, одна культура, одна страна".

Националисты во всех югославских республиках должны были убедить население и внешний мир в необходимости создания независимых государств. Главным аргументом была пропаганда невозможности совместного проживания представителей

разных национальностей. Питательной средой для обострения отношений стали этнически смешанные регионы и области, населенные меньшинствами, поскольку именно там были условия для появления альтернативных взглядов и политической оппозиции.

Наиболее сложной оказалась ситуация в Республике Боснии и Герцеговине. Ее территория была этнически смешанной, что отрицало аргумент о необходимости создания национального государства и аргумент, что люди различных национальностей не могут жить вместе. Кроме того, ни один конституционный народ Боснии и Герцеговины (мусульмане, сербы, хорваты) не составлял большинства населения, поэтому план какой-либо этнической группы не мог стать доминирующим в республике.

Лидеры Словении, Хорватии и Сербии мобилизовали население по этническим параметрам, чтобы добиться более эффективного проведения реформ и защитить республиканские права на федеральном уровне. Они выступали как выразители "национальных интересов" своих республик на международном уровне, начиная с весны 1991 г.

В Боснии и Герцеговине ситуация резко отличалась. По Конституции СФРЮ сербы, хорваты и мусульмане являлись конституционными народами, т. о. население республики не представляло собой целостной политической нации. Официальной статистики о том, какая часть населения идентифицировала себя с Боснией и Герцеговиной не было, отсутствовали и выразители политических интересов этой части югославского общества.

В то же время, в Боснии и Герцеговине начался процесс, подобный политическому развитию в других республиках СФРЮ, ее идеологические лидеры использовали тот же набор аргументов, что и руководители прочих республик. Но в отличие от них, в Боснии и Герцеговине не было политической силы, которая бы представляла республику в целом и защищала ее против внешних сил. Особенностью ситуации был тот факт, что ведущие политические партии могли говорить от имени лишь части населения. В то же время, чтобы сохранить позиции выразителей интересов своих народов не только в предвыборной

гонке, но и в ходе дальнейшей борьбы за самоопределение и территориальные права, им необходимо было разрушить идею гражданской страны, где этнические различия не являются определяющими и ее жители этнически толерантны и лояльны к культурному многообразию. Чтобы сохранить монополию на своих избирателей и убедить международных посредников, нужно было поддерживать идею, что альтернативы разделительным позициям нет, что совместная жизнь невозможна и необходимо разбежаться по национальным государствам. Концепции полиэтничной идентичности, отличавшейся от той, каковой являлась сама по себе Югославская федерация, тоже не существовало. Таким образом в Республике Босния и Герцеговина под лозунгами национализма велась борьба за мультикультурализм.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ В 1990-1994 Г.

В Боснии и Герцеговине, подобно тому как это происходило в других республиках СФРЮ, каждая этническая община сформировала отдельную политическую партию. Первыми были мусульмане, создавшие 26 мая 1990 г. *Партию демократических действий* как "политический альянс югославских граждан, принадлежащих к мусульманской культурной и исторической традиции"(лидер Алия Изетбегович). Спустя два месяца сербы основали *Сербскую демократическую партию*, ее председателем был избран Радован Караджич. Вскоре и хорваты сформировали Боснийское отделение партии "*Хорватское демократическое содружество*" (лидер Мате Бобан).

Нужно отметить, что в годы социалистической Югославии Босния и Герцеговина наиболее последовательно из всех ее республик претворяла в жизнь лозунг "братство и единство", все ее властные органы и учреждения строго соблюдали равное представительство этнических групп. Напомню, что статус нации ("народа" по югославской терминологии) был предоставлен мусульманам именно Тито в 1961 г. Это сербское и хорватское по своему происхождению население было сильно исламизировано в годы Османской империи, обрело особую культуру и традиции. Мусульмане были единственным южнославянским

народом экс-Югославии, не имевшим отдельной республики. Здесь уживались три этнических группы, ни одна из которых не составляла абсолютного большинства населения. В 1990 г. у части жителей республики еще оставалась надежда, что совместное проживание на протяжении веков скажется на дальнейшей судьбе страны. Поэтому 30 июля возник "*Альянс реформистских сил по строительству новой и процветающей Югославии*" во главе с премьер-министром федерации Анте Марковичем.

Красноречивым проявлением разделения населения этнонациональными межами стали итоги парламентских выборов в Боснии и Герцеговине на многопартийной основе 9 ноября 1990 г. За *Мусульманскую партию демократических действий* проголосовало 37,8% избирателей, принявших участие в выборах, за *Сербскую демократическую партию* - 26,5%, за *Хорватское демократическое содружество* - 14,7%, за *Союз коммунистов - партию социальных перемен* - 6%, а за *Союз реформаторских сил Югославии* - 5,6% избирателей[4]. Сопоставление с приведенными выше данными об этническом составе населения позволяет сделать вывод, что избиратели голосовали, в основном, за партию - представительницу "своего" народа. В результате выборов ПДД получила в парламенте 86 мандатов, СДП - 72, ХДС - 44 мандата[5].

В этот период хорватские представители выступали за независимую Боснию и Герцеговину или за "суверенную" республику в конфедерации с Югославией; сербы призывали к сохранению Боснии и Герцеговины в составе югославской федерации; мусульманские представители хотели иметь суверенную республику в "мягкой" федерации.

Не имея большинства, лидеры трех основных партий согласились сформировать коалиционное руководство (президент - мусульманин, глава парламента - серб, глава правительства - хорват, в правительстве 10 мусульманских министров, 7 - сербских и 5 - хорватских). Однако очень скоро стало очевидным, что Босния и Герцеговина того времени - нефункционирующее государство. К тому же, на местах власть оказывалась не коалиционной, а захватывалась представителями национальности, имеющей большинство. По существу это стало одним из первых шагов к "этническим чисткам", предвестником того, что любое

государство в Боснии и Герцеговине будет временным, послужит лишь этапом к разделу под фиговым листком "кантонизации" и затем приведет к объединению соответствующих территорий с государством своей этнической общности. В противовес активности мусульман и хорватов 26 апреля 1991 г. была сформирована *Скупщина содружества общин Боснийской Крайны*, региона с преобладанием сербского населения. 24 июня в г. Баня Лука был подписан договор о сотрудничестве Боснийской Крайны с самопровозглашенной в Хорватии Сербской автономной областью Крайной, а 27 июня в Босанском Грахове даже объявлено об их объединении[6].

В марте 1991 г. президенты Сербии и Хорватии встретились в местечке Караджорджево (любимом охотничьем хозяйстве Иосипа Б. Тито в Воеводине), где вели переговоры о разделе Боснии и Герцеговины между своими республиками. Об этом вскоре стало известно Алие Изетбеговичу, как стало не тайной и то, что Стипе Месич, хорватский представитель в федеральном президиуме, смеялся и пел старую народную песню под названием "Нет больше Алии"[7].

Активные политические игры вели лидеры всех этнических общин. Мусульманская партия сформировала Совет национальной обороны 10 июня 1991 г. Была принята *Декларация*, начинающаяся словами "Мусульмане Югославии находятся на историческом перепутье и имеют шанс, который не должен быть упущен... Этот шанс есть и может быть только суверенная и целостная Босния и Герцеговина, как родина боснийских мусульман и отечество Югославских мусульман. Мы готовы бороться за этот шанс"[8]. В июле 1991 г. во время визита в Турцию А. Изетбегович заявил о желании Боснии и Герцеговины присоединиться к Организации исламских государств.

Этот шаг вызвал резко негативную реакцию со стороны сербов и хорватов, которые констатировали, "что Изетбегович хочет превратить Боснию и Герцеговину в исламскую республику". Р. Караджич не замедлил подчеркнуть, что боснийские сербы не откажутся от своего права остаться в Югославии[9]. В то же время каждая из сторон пыталась найти себе союзника за спиной у третьего партнера. Сербы и хорваты обсуждали раздел Боснии на две части, в то же самое время Сербия уговаривала

Боснию присоединиться к Югославии без Хорватии и Словении. Она считала, что т. н. Белградская инициатива - единственная возможность избежать войну в Боснии и Герцеговине. Изетбегович обвинил сербов в желании узурпировать власть над мусульманами.

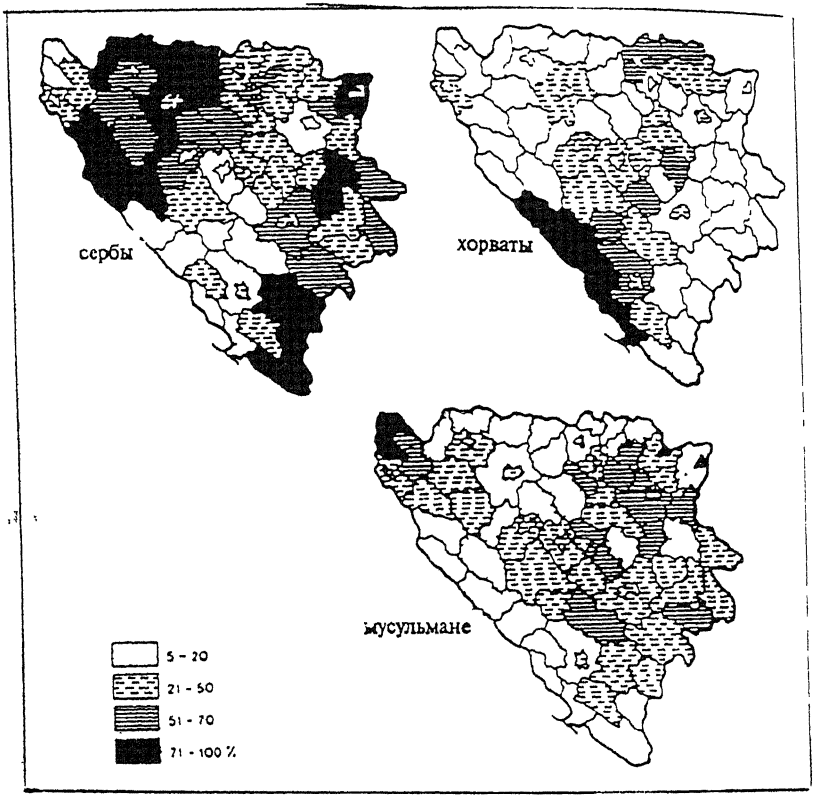
Следующим шагом С. Милошевича было стремление достичь альянса с мусульманским бизнесменом Адилом Зулфикарпашичем, в котором он видел альтернативного Изетбеговичу лидера. Последний создал *Мусульманскую боснийскую партию* и дал согласие на присоединение Боснии и Герцеговины к Югославии, но его позиции оказались недостаточно сильными для претворения в жизнь своих планов.

В дальнейшем события развивались так, что каждый новый день не способствовал выходу из кризиса, а лишь приближал начало войны. Фасад трехсторонней, трехнациональной коалиции в Боснии и Герцеговине был разрушен 14 октября 1991 г., когда депутаты-хорваты и мусульмане объединенными силами, игнорируя возражения сербских депутатов, приняли *Меморандум о суверенитете Боснии и Герцеговины*[10]. (Примечательно, что в то же время хорваты продолжали вести переговоры с сербами о разделе Боснии и Герцеговины). В ответ на эти действия 25 октября была сформирована *Скупщина сербского народа Боснии и Герцеговины*, а 9-10 ноября проведен плебисцит сербского народа в Боснии и Герцеговине, который высказался за то, чтобы остаться в Югославии. 21 декабря 1991 г. Скупщина сербского народа в Боснии и Герцеговины проголосовала за создание Сербской республики Боснии и Герцеговины в рамках СР Югославии в случае отделения мусульман и хорватов[11]. 9 января 1992 г. провозглашено создание *Сербской республики Боснии и Герцеговины* (позднее переименованной в Республику Сербскую) как части Югославской Федерации.

Этот шаг был предпринят сразу после того, как в декабре *1991 г.* ЕС заявил о готовности оказать поддержку любой югославской республике, которая пожелает получить признание в качестве независимой страны. С учетом этого парламент Боснии и Герцеговины в январе 1992 г., несмотря на возражения сербских депутатов и без их участия, проголосовал за проведе-

ние референдума о независимости (это было условием признания со стороны ЕС)[12].

Референдум состоялся 29 февраля - 1 марта 1992 г. Сербы бойкотировали его, но 63% голосовавших избирателей высказались за независимость Боснии и Герцеговины[13].

НАСЕЛЕНИЕ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТЯМ
— перепись 15 марта 1948 г. —

Лидеры трех этнических общин пришли к выводу, что выход из охватившего республику кризиса возможен лишь на путях раздела ее на три части в рамках государства Боснии и Гер-

цеговины. Однако реализация такого варианта была блокирована целым рядом трудностей, связанных прежде всего с проблемами территориального раздела и явным намерением сербов и хорватов воссоединиться со своими республиками.

В самой Боснии и Герцеговине первое предложение о "кантонизации" было представлено Сербской демократической партией в конце 1991 г. За ним последовало хорватское предложение о хорватских кантонах. Надо сказать, что эти два проекта мало противоречили друг другу в отношении раздела земель, но за мусульманами оставляли лишь небольшие территории в центральной и северо-западной Боснии и центральной Герцеговине (кстати, именно такой "раздел" и был реализован сербами и хорватами после начала военных действий в апреле 1992 г.)

Тем не менее трехсторонние переговоры по этим вопросам велись при содействии ЕС. В Лиссабоне за неделю до референдума о независимости стороны договорились признать Боснию и Герцеговину в ныне существующих границах. При этом было поддержано формирование национальных территориальных объединений внутри Боснии и Герцеговины. С этих пор слово "кантон" стало ключевым во всех переговорах сторон. Т. о. в конце февраля 1992 г. было сообщено о договоренности относительно раздела Боснии и Герцеговины на 7 районов (по 2 - мусульманам и хорватам, 3 - сербам), которые должны явиться тремя составляющими государства Босния и Герцеговина. Однако соглашение не было достигнуто. После возвращения в Сараево Изетбегович передумал и выступил против раздела Боснии и Герцеговины. Сербские и хорватские националисты утверждали, что это был последний шанс избежать войны, упущенный Изетбеговичем.

Сразу после Лиссабона сербы и хорваты продолжали обсуждать свои карты раздела Боснии и Герцеговины. 26 февраля 1992 г. они провели несколько секретных переговоров в австрийском городе Грац. Караджич хотел иметь земельный коридор через северную Боснию. Хорватский представитель Йосип Манолич предлагал идею переселения населения, с тем, чтобы хорваты Сербии уехали в Хорватию, а сербы из Хорватии переместились в Сербию. И этот план не был реализован[14].

В середине марта состоялся следующий этап переговоров, на котором активную роль играла специальная миссия ЕС, настаивавшая на том, чтобы была принята карта раздела, разработанная ее экспертами. Предусматривалась реорганизация Боснии и Герцеговины, основанная на этнических принципах и принимающая в расчет "экономические, географические и другие критерии". Однако и этот план был отброшен, причем прежде всего хорватами и мусульманами. Было отмечено, что в этом случае хорваты получили бы только 12% территории Боснии и Герцеговины, а 59% хорватского населения осталось бы за пределами хорватских провинций. Мусульманам отводилось 44% земель, за пределами мусульманских провинций осталось бы 18% мусульман. Сербам досталось бы 44% территории, но 50% сербского населения Боснии и Герцеговины оказались бы за пределами сербских районов[15].

31 марта стороны встретились в Брюсселе. Президент Боснии и Герцеговины А. Изетбегович констатировал, что план показал полную абсурдность строгого разделения по "этническим границам". Вместе с тем он поддержал предложение о создании рабочей группы (по три представителя от каждой из сторон и от ЕС) для составления до 15 мая новой карты раздела, определяющей границы на базе этнического принципа, наряду с экономическими и историческими критериями, а также "историческими, конфессиональными, культурными, образовательными, коммуникационными факторами и пожеланиями жителей"[16]. Рабочая группа была сформирована, но поставленную перед ней задачу выполнить не смогла, тем более, что в марте 1992 г. уже начались вооруженные стычки, и население Боснии и Герцеговины стало "разделяться" само.

Правда, 6 мая 1992 г. в Вене было достигнуто еще одно соглашение между лидерами СДП и ХДС о разделе Боснии и Герцеговины на три части. Однако ЕС заявил, что не примет никакого соглашения, которое не получит поддержку всех трех сторон[17].

ЕС признал независимость Боснии и Герцеговины 6 апреля 1992 г., США - 7 апреля. Этим они рассчитывали предотвратить распад Боснии и Герцеговины. Кстати, почему-то забыва-

ется, что Босния и Герцеговина была признана не как мусульманское, а как полиэтничное государство.

В этот день, 7 апреля, сербская община заявила о провозглашении независимости *Сербской республики Боснии и Герцеговины.* Сербские представители вышли из органов Боснии и Герцеговины. Некоторое время спустя, 3 июля 1992 г., хорватами была провозглашена в Боснии и Герцеговине "своя" республика - *Герцег-Босна* с центром в Мостаре[18].

5 апреля Югославская Народная Армия блокировала Сараево. После ее ухода боевые позиции заняли силы боснийских сербов.

Вскоре разгорелась полновесная гражданская война, начался взаимный захват территорий. Ожесточенные вооруженные конфликты охватили всю республику. При этом в разные периоды и в разных регионах мусульмане воевали против сербов или против хорватов, иногда мусульмане объединялись с хорватами против сербов, но был и такой эпизод в одном из районов, когда сербские и хорватские подразделения совместно выступили против мусульман. Дело дошло и до боевых действий между мусульманскими формированиями различной политической ориентации в северо-западной Боснии, в районе Бихача, где против правительственных войск выступили формирования Ф. Абдича.

Следует сказать, что в ряде случаев в бой ввязывались части хорватской регулярной армии, а с другой стороны - подразделения краинских сербов. Повседневная стрельба, гибель людей, включая гражданское население, многочисленные разрушения, насилия и грабежи, тысячи беженцев разных национальностей, диверсионные акты, нарушение, а нередко и полное прекращение работы предприятий, повсеместный хаос - все это стало характерными чертами повседневной жизни Боснии и Герцеговины.

22 мая 1992 г. Босния и Герцеговина была принята в члены ООН[19]. Организация Объединенных Наций послала в Боснию и Герцеговину своих наблюдателей. Появились первые сообщения об этнических чистках, о создании на территории Боснии и Герцеговины концентрационных лагерей. В этих преступлениях западная пропаганда первоначально обвиняла только сербов. Но вскоре ей пришлось признать, что к подобным действиям, по меньшей мере, причастны все три стороны.

В результате военных столкновений во второй половине 1992 г. мусульмане потеряли значительную часть даже тех территорий, которые предлагались им сербами и хорватами до начала войны. Под контролем мусульман в этот период остались некоторые районы вокруг Сараево, в центральном и северо-западном районах Боснии и Герцеговины, а также анклавы на востоке - вокруг Горажде, Сребреницы и Вышеграда.

Что касается сербов и хорватов, то занятые ими территории в основном соответствовали их ранее выработанным наметкам. Исключения: хорваты потеряли большую часть Посавины, занятой сербами, а сербы - земли в районе Требинье. Эти захваты основывались на стратегических соображениях. Сербы сохраняли контроль за коридором, соединяющим их территории в Боснии и Герцеговине и Крайне. Хорваты прикрывали от возможных атак сербов Дубровник и Далматинское побережье.

В этой ситуации начала набирать новые обороты дипломатическая активность по умиротворению в Боснии и Герцеговине. По линии ООН был объявлен комплекс санкций против Союзной Республики Югославии, обвиненной во вмешательстве в боснийский конфликт. 13 августа 1992 г. Совет безопасности принял резолюцию 770, санкционирующую все меры для доставки гуманитарной помощи в Боснию и Герцеговину; резолюция 776 от 14 сентября предусматривала использование вооруженного сопровождения для гуманитарных конвоев и увеличение численности "голубых касок"; резолюция 781 от 9 октября объявила закрытым для полетов воздушное пространство Боснии и Герцеговины.

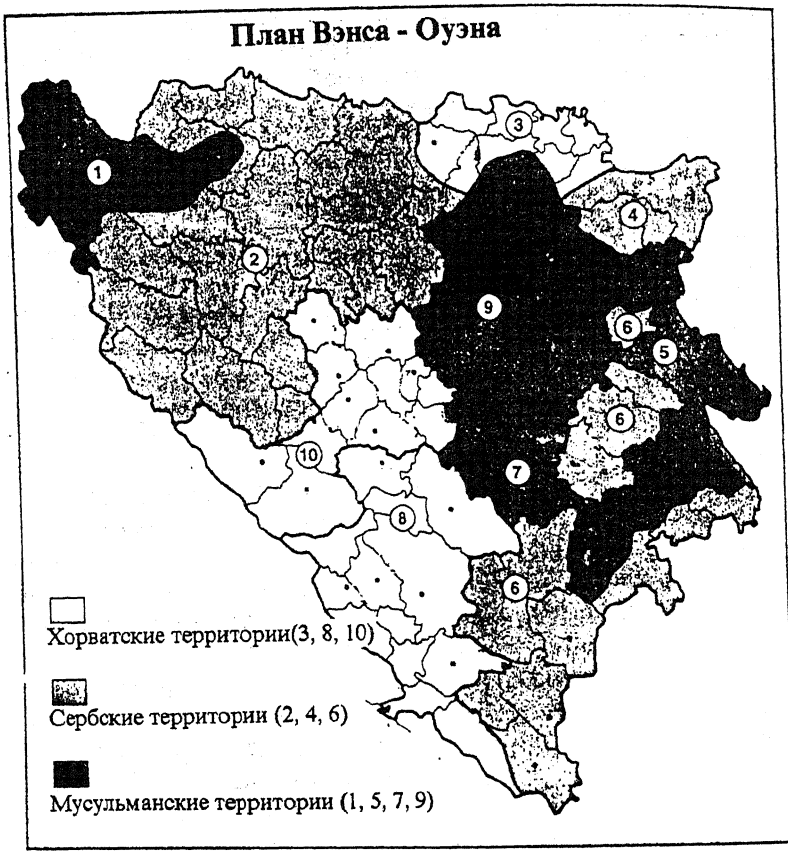
26 августа 1992 г. в Лондоне начала работу Лондонская конференция по бывшей Югославии. Был создан координационный комитет со штаб-квартирой в Женеве. Лорд Оуэн сменил лорда Каррингтона в качестве представителя ЕС на переговорах (посредником генерального секретаря ООН продолжал выступать С. Вэнс). В Женеве были созваны переговоры с участием сербов, хорватов и мусульман Боснии и Герцеговины, к которым временами присоединялись представители правительств Хорватии, Сербии и СРЮ. Первоначальным результатом их деятельности стал "Доклад о прогрессе в развитии устройства для Боснии и Герцеговины" с приложением "Предлагаемой кон-

ституционной структуры для Боснии и Герцеговины". Эти документы показывали рамки несогласия сторон. Одни выступали за централизованное, унитарное государство с определенным числом регионов, имеющих некоторые административные функции; другие считали, что Босния и Герцеговина должна быть разделена на три независимых государства, которые могут сформировать мягкую конфедерацию для решения или координации некоторых видов их деятельности, третьи занимали промежуточную позицию. Отмечалось, что из-за смешанности населения план создания отдельных этнических государств потребует больших перемещений населения, что в принципе отвергалось Лондонской конференцией, Генассамблеей ООН и Советом безопасности. Что касается конфедерации, то она, по оценкам экспертов, была бы нестабильной, поскольку две ее части могли блокироваться с соответствующими республиками бывшей Югославии. С другой стороны, централизованное государство, очевидно, не было бы принято, по крайней мере, двумя сторонами в этническо-конфессиональном отношении, пока не были бы гарантированы их права.

С учетом этих обстоятельств предложения сопредседателей предусматривали создание децентрализованного государства, в котором многие из его функций должны были осуществляться некоторым числом автономных провинций. За центральным правительством оставлялись вопросы внешней политики, международной торговли, гражданства и национальной обороны, налоговой системы для обеспечения этих сфер. При этом вопросы национальной обороны должны были контролироваться специальным органом, назначенным Международной конференцией по бывшей Югославии (в видоизмененном плане в январе 1993 г. вопросы обороны вообще исключались из компетенции центрального правительства). Экономические и другие функции, обычно принадлежащие правительству (центральная банковская система, коммуникации и связь), имелось в виду передать "независимым органам", состоящим из представителей всех трех провинций. Местным органам предоставлялись большие полномочия в вопросах образования, радио и телевидения, местного транспорта и связи, энергетического производства, финансовых учреждений, полиции и т. д. Предлагалось также

учредить органы международного контроля за положением на дорогах (обеспечение следования людей и грузов), передвижением вооруженных сил, защитой прав человека и т. п.[20]

По мнению многих политических деятелей и обозревателей как в бывшей Югославии, так и за рубежом, все это способно было бы превратить Боснию и Герцеговину в некий протекторат, а не в эффективно действующее государство. С другой стороны, автономные районы, возможно, оказались бы действующими государствами, но абсолютно не имели бы междуна-

родного веса. Необходимость выживания скорее всего заставила бы их присоединиться рано или поздно к одной из бывших югославских республик.

Тем не менее, Международная конференция по бывшей Югославии 3 января 1993 г. предложила разделить Боснию и Герцеговину на 10 автономных кантонов (так называемый *план Вэнса-Оуэна*), а также провести демилитаризацию Сараево. Экспертами была представлена карта раздела на кантоны[21]. Утверждалось, что она составлялась с учетом желательности образования географически целостных территорий и целого ряда этнических, географических (определение границ по рекам и другим естественным рубежам), исторических, транспортных (сеть существующих дорог), экономических и других факторов. Однако фактически миротворцы руководствовались этническими картами 1981 и 1991 гг. и предложениями ЕС от 18 марта 1992 г. К тому же, выполняя установку ЕС на нежелательность крупных перемещений населения при разделе, авторы карты претендовали на то, что в каждом кантоне будет существенно преобладать население соответствующей этнонациональной группы, и с этой целью прибегли к весьма широкой перекройке существовавших общин, что было чревато искусственным нарушением многих сложившихся связей.

И все же в несколько измененном виде представленная карта была 25 марта 1993 г. подписана мусульманской и хорватской сторонами. Правда, не трудно предположить, что делали они это, явно рассчитывая на то, что план будет отвергнут сербской стороной.

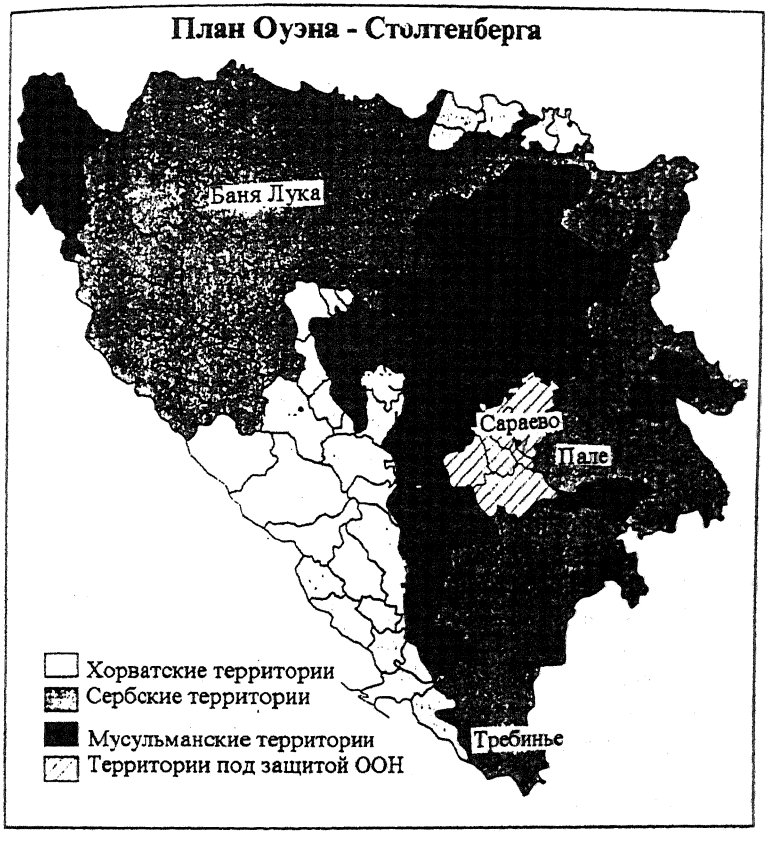
Дело в том, что предложенная карта удовлетворяла почти все претензии хорватов, давала им некоторые территории, о которых они даже не просили вначале и создавала условия для образования в перспективе "великой Хорватии". Хорватские территории оказывались консолидированными, прилегали к Хорватии, были бы практически независимы от центральных властей Боснии и Герцеговины и легко могли бы присоединиться к Хорватии как фактически, так и, если понадобится, юридически. Сербы тоже получили бы несколько больше, чем они хотели в марте 1992 г., хотя и потеряли бы в пользу хорватов некоторые участки в Посавине и районе Требинье. Однако конфигу-

рация их земель по этой карте носила фрагментарный характер, в большинстве случаев они не соприкасались ни с Сербией, ни друг с другом. Кроме того, эти территории являются экономически отсталыми и неперспективными. Здесь нет крупных промышленных предприятий, почти нет городов. Мусульмане также понесли бы большие потери по сравнению с планом марта 1992 г., но они, видимо, и не воспринимали всерьез карту раздела, стремясь затянуть время, интернационализировать конфликт и добиться осуждения сербов со стороны международной общественности.

Сербское наступление в восточной Боснии в марте-апреле 1993 г. способствовало окончательному отказу сербов от той части плана Вэнса-Оуэна, которая касалась этой зоны. В целом план был отвергнут парламентом Республики Сербской 2 апреля 1993 г. Это было прямым следствием стратегической установки плана Вэнса-Оуэна на уступки мусульманам и хорватам, чтобы добиться их объединения и изолировать "блокирующих мир" сербов. В сущности план Вэнса-Оуэна брал разделенный дом и объявлял его кондоминиумом. Это не ликвидировало раскол, а наоборот узаконивало его.

После отставки С. Вэнса с середины 1993 г. и до лета 1994 г. прорабатывался еще один вариант урегулирования конфликта, так называемый *план Оуэна-Столтенберга*. Предполагалось вновь вернуться к этническому принципу разделения территорий.

Сознавая нереальность осуществления этого плана в близкой перспективе, Запад в 1993 г. сделал упор на действия ООН по разрешению югославского кризиса. 19 февраля была принята Советом безопасности резолюция 807 о продлении мандата сил ООН в бывшей Югославии, 22 февраля - резолюция 808 об образовании международного трибунала для суда над лицами, обвиненными в военных преступлениях на территории бывшей Югославии. 28 февраля США начинают "гуманитарные бомбардировки" в Боснии и Герцеговине. Через месяц к ним присоединились Франция и Германия. За год на осажденные территории было сброшено 17 тыс. тонн продовольствия, медикаментов и одежды[22].

31 марта была принята резолюция Совета безопасности 816, разрешавшая применение силы для обеспечения действенности зоны, запрещенной для полетов. 6 мая Совет безопасности объявил 6 городов и анклавов Боснии и Герцеговины "зонами безопасности" (Сараево, Сребреница, Тузла, Жепа, Горажде и Бихач). 4 июня резолюция 836 дала юридическую основу для использования в Боснии и Герцеговине боевой авиации НАТО

для защиты "зон безопасности". Резолюция 838 от 10 июня подтвердила принцип территориальной целостности Боснии и Герцеговины.

9 августа НАТО объявила о своей готовности начать под эгидой ООН воздушные бомбардировки сербских позиций в Боснии и Герцеговине. 13 сентября Б. Гали впервые публично заявил о готовности ООН передать НАТО право решения всех вопросов, связанных с войной в Боснии и Герцеговине[23].

Несмотря на все призывы и угрозы со стороны ООН и Международной конференции, военные действия в Боснии и Герцеговине, хотя и с разной интенсивностью, продолжались на протяжении всего года. При этом нескрываемая терпимость проявлялась Западом к нарушениям и провокациям со стороны мусульман и хорватов. Не вызвали, например, возражений ни ультиматум хорватских военных властей в апреле 1992 г. с требованием эвакуации мусульманских военных и полицейских сил с территорий, предназначавшихся хорватам по плану Вэнса-Оуэна, ни их прямые военные действия против мусульман в Мостаре и некоторых других районах в 1993-1994 гг.

В целом военные действия в этот период складывались более благоприятно для сербов, имевших перевес в тяжелых вооружениях. Под их контролем оказалось более 70% территории Боснии и Герцеговины[24].

В 1994 г. международные усилия были направлены на прекращение военных столкновений в Боснии и Герцеговине, которые периодически активизировались, несмотря на достижение нескольких соглашений о прекращении огня, отводе войск, сдаче тяжелого вооружения и т. п. При этом Запад явно стремился спасти мусульман от окончательного военного разгрома.

11 января 1994 г. на совещании глав государств-членов НАТО было объявлено, что НАТО начнет бомбардировки сербских позиций, если к определенному сроку не будет снята осада Тузлы и Сребреницы[25]. В конце января Б. Гали официально заявил об использовании боевой авиации НАТО в Боснии и Герцеговине. Его представитель в бывшей Югославии Ясуси Акаси получил полномочия принимать решения на этот счет. 9 февраля последовал новый ультиматум НАТО боснийским сербам: в течение 10 дней они должны были отвести от Сараево и пере-

дать под контроль "голубых касок" свое тяжелое вооружение. В случае невыполнения этого требования НАТО угрожала начать бомбардировки сербских позиций[26]. К 21 февраля воюющие в районе Сараево стороны сдали под контроль сил ООН основную часть своих вооружений. Ситуация в столице Боснии и Герцеговины была признана обнадеживающей и к бомбардировкам было решено не прибегать. 7 марта под контроль "голубых касок" был передан аэропорт Тузла, закрытый для полетов в мае 1992 г.

План контактной группы, 1994 г.

25 февраля вступило в силу Соглашение о прекращении огня между мусульманской и хорватской общинами. 18 марта в Вашингтоне было подписано Соглашение о создании в Боснии и Герцеговине *Хорвато-мусульманской федерации*[27], которая могла бы вступить в конфедерацию с Хорватией (сербская община отказалась присоединиться к этому соглашению, но стала активно использовать его для утверждения своего права на возможное вступление в конфедерацию с Сербией).

31 марта резолюция Совета безопасности 908 продлила на 6 месяцев мандат международных сил в бывшей Югославии. В этот момент в Хорватии и Боснии и Герцеговине было дислоцировано 30 тыс. "голубых касок"[28].

Надо сказать, что в 1994 г. заметно активизировала свои миротворческие усилия Россия, выступившая с целым рядом инициатив, оказавшая влияние на некоторые сдвиги в позициях СРЮ и боснийских сербов, добившаяся частичной отмены санкций против СРЮ, осудившей действия боснийских сербов и закрывшей свою границу с Боснией и Герцеговиной. С другой стороны, возрос интерес к событиям в Югославии и у Соединенных Штатов Америки, показавших, что они не против выступить на Балканах в роли как главного миротворца, так и основной "карающей десницы" (правда, лишь в виде действий бомбардировочной авиации в поддержку европейских военных контингентов).

Очередными планами раздела земель Боснии и Герцеговины посредники предусмотрели передачу 51% земель мусульманско-хорватской федерации, 49% - сербам. По существу эти цифры совпадали с первоначальными сербскими предложениями. Но теперь они либо отвергались сторонами, либо их принятие обусловливалось различными дополнительными требованиями. Например, с сербской стороны говорилось о международном признании Республики Сербской, предоставлении ей выхода к Адриатике (за счет Хорватии), разделе Сараево и т. п.

Бесплодность мирных переговоров способствовала обострению военных действий. В марте они возобновились в районе Бихача, в апреле произошли серьезные столкновения в Горажде и в районе Баня Луки[29]. Характерно, что пока перевес в боях был на стороне мусульман, Запад ограничивался общими слова-

ми о необходимости прекращения кровопролития. Но когда во второй половине года ситуация коренным образом изменилась, в адрес сербов посыпались новые ультиматумы и угрозы, последовали бомбовые удары, вновь участились призывы к отмене эмбарго на поставки оружия мусульманам. Стали не только наращиваться действия авиации НАТО, но и готовиться прямое вторжение сил НАТО на территорию бывшей Югославии.

Ответные шаги боснийских сербов привели к тому, что в ряде пунктов "голубые каски" ООН оказались в положении заложников, наличие которых было призвано предотвратить бомбовые удары по сербским подразделениям. С учетом этого в конце года возникла идея вывода миротворческих сил ООН с территории бывшей Югославии. Она связывалась с предложением о вводе сюда же военного контингента НАТО, оснащенного для любых боевых операций. Не было полной ясности относительно задач этого контингента: то говорилось, что он должен заменить миротворческие силы ООН, то утверждалось, что он призван лишь обеспечить вывод из Югославии миротворческих сил. Характерно, что во изменение прежней позиции США Б. Клинтон в декабре 1994 г. заявил о готовности направить на Балканы в составе войск НАТО американских солдат[30] (в печати назывались цифры от 5 до 20 тыс. человек).

Со своей стороны, лидер боснийских сербов Р. Караджич в середине декабря 1994 г. выдвинул собственный мирный план из 6 пунктов, предусматривавший определенные территориальные уступки со стороны сербов; немедленное прекращение огня вокруг Сараево и открытие сараевского аэропорта; освобождение всех задерживаемых сотрудников ООН, а также мусульманских солдат моложе 19 лет; обеспечение свободы передвижения по Боснии и Герцеговине ООНовских конвоев; гарантии соблюдения прав человека сейчас и в будущем. Наряду с этим Р. Караджич пригласил в Боснию и Герцеговину экс-президента США Д. Картера для того, чтобы, посетив обе общины, он мог бы помочь сторонам прийти к мирному соглашению[31]. Д. Картер, проинформировав Б. Клинтона об этом предложении, дал согласие прибыть в Боснию и Герцеговину в качестве частного лица для посреднических услуг. В то же время официальный Вашингтон, да и Запад в целом отнеслись к предложениям Р. Ка-

раджича с явным скептицизмом. По их мнению, это лишь очередной маневр, рассчитанный на приобретение благосклонности экс-президента, что не оказалось бы лишним, особенно в условиях, когда Россия перестала в любых ситуациях однозначно занимать просербскую позицию.

План Р. Караджича был сходу отвергнут президентом Боснии и Герцеговины А. Изетбеговичем. В то же время Организация Исламская конференция выразила готовность направить до 20 тыс. солдат в Боснию и Герцеговину и потребовала отмены эмбарго на поставки туда оружия[32].

В целом, касаясь ситуации в Боснии и Герцеговине, можно сказать, что в этот период международное сообщество, увязнув в трясине непрекращающихся конфликтов и сознавая свое бессилие положить им конец, фактически смирилось и с политикой завоеваний, и с политикой "этнических чисток", пытаясь придать им более "цивилизованный" характер и лишь слегка подправить границы создаваемых таким образом государств. Оно также склонялось к тому, чтобы перейти от политики наказания участников конфликта к политике их поощрения за "хорошее поведение".

К концу 1994 г. предлагаемые ориентиры возможного примирения сторон выглядели следующим образом: раздел территории между сербами и мусульманско-хорватской федерацией в пропорции 49:51; после подписания рамочного соглашения представлялись возможными переговоры об уточнении границ и частичном обмене территориями; допускалось вступление обеих частей в конфедеративные отношения соответственно с Сербией и Хорватией (реализация этой идеи могла бы привести к уникальной схеме, неизвестной в мировой политике, когда отдельные части формально целостного государства одновременно стали бы частями государственного механизма и экономики различных соседних стран). Не вызывает, думается, сомнений, что фактически это было бы молчаливым согласием на последующее полное воссоединение соответствующих частей Боснии и Герцеговины со "своими" республиками.

Таким образом, процесс раздела Боснии и Герцеговины по этническому признаку вылился в затяжную трагедию, которая была невообразимой в июне 1991 г. и стала неизбежной в декаб-

ре 1991 г. Анализ развития событий приводит к выводу, что те факторы, которые привели к распаду Югославии (прежде всего, действия националистических сил в отдельных республиках), сделали неминуемым и развал Боснии и Герцеговины, не зря называвшейся "Югославией в малом".

Негативную роль, очевидно, сыграл и сам факт поспешного признания целым рядом государств независимости Боснии и Герцеговины, их настаивание на целостности территории и неизменности ее границ. Это привело к тому, что раздел территорий был начат насильственным, военным образом, а не путем договорного определения его условий, возможных границ, обмена территориями и т. п.

Приходится констатировать, что, хотя цель у всех трех этнических общин Боснии и Герцеговины была одна - мир, их видение этого мира оказалось столь различно, что они никак не могли услышать друг друга.

Наступление на Бихач велось с трех направлений.

Босния и Герцеговина в 1995 г.

1995 г. явился для Боснии и Герцеговины, также как и для Сербской Крайны в Хорватии, переломным этапом, приведшим в конце года в подписанию так называемых Дейтонских соглашений и вступлению миротворческого процесса на Балканах в новую фазу.

Характерными чертами этих событий стали вынужденные уступки со стороны СРЮ, боснийских и краинских сербов. Им пришлось отказаться от непримиримых и максималистских позиций вследствие военных поражений, экономических трудностей под воздействием международных санкций, дипломатических неудач и возросшей международной изоляции, обострения внутренних противоречий. В течение года в урегулировании кризиса на Балканах заметно возросла роль США, которые взяли на себя функции главного миротворца и гаранта, оттеснив по-существу на второстепенные роли как ООН и своих западных союзников, так и Россию, чьи претензии на "особое значение" в этом регионе фактически оказались несостоятельными. Миротворческие силы ООН практически расписались в своем бессилии и уступили место сначала воздушным, а затем и сухопутным военным формированиям НАТО, при поддержке которых США и осуществили (с небольшими вариациями) свой "мирный план" в бывшей Югославии.

В задачу данной работы не входит подробное исследование всех аспектов балканского конфликта и миротворческого процесса. Поэтому ограничимся изложением лишь ряда факторов, прямо повлиявших на этническую и этнополитическую ситуацию в Боснии и Герцеговине.

Военные действия

Хотя 1995 г. формально начался четырехмесячным перемирием, договоренность о котором была достигнута в декабре 1994 г., на деле боевые сражения в Боснии и Герцеговине происходили с кратковременными перерывами весь период, до конца октября 1995 г. основными районами, охваченными ими в пер-

вой половине года были окрестности Сараево, мусульманские анклавы в восточной Боснии (Сребреница, Жепа, Горажде) и Северо-Западной Боснии (район Бихача), а во второй половине - опорные города боснийских сербов: Гламоч, Босанско Грахово, Дрвар, Босански Петровац, Яйце, Мрконич-Град, Дони Вакуф и другие. В первой половине года военный успех больше сопутствовал сербам, хотя в отдельные моменты мусульманские части и приходившие им на помощь подразделения боснийских хорватов и регулярной хорватской армии в свою очередь наносили сербам ощутимый урон. К августу 1995 г. стала вырисовываться реальная возможность крупного поражения мусульман. Однако, время работало против сербов. В условиях блокады они испытывали большой недостаток в живой силе, горючем, вооружении и боеприпасах, тогда как хорваты и мусульмане, вопреки официальному эмбарго на поставки вооружения, непрерывно получали его по различным каналам.

В этой обстановке руководство НАТО решило предпринять интенсивные бомбардировки позиций и объектов боснийских сербов, ссылаясь на невыполнение ими различных условий перемирий и требований миротворцев. Основной целью натовской операции "Освобожденная сила" фактически было уничтожение военно-экономического потенциала Республики Сербской. По замыслу и плану исполнения она являлась классической воздушной наступательной операцией, присущей широкомасштабной войне. В налетах участвовало около 200 боевых самолетов (всего в группировке их было более 300). Во время операции, которая началась 30 августа, было совершено свыше 3 тысяч самолето-вылетов боевой и вспомогательной авиации. По различным данным, было уничтожено 100 сербских целей[33].

В дополнение к воздушной группировке в Адриатическом море курсировало около 30 боевых кораблей 11 стран НАТО (одна треть из них - корабли ВМС США). С одного из американских кораблей 10 сентября состоялся запуск 13 крылатых ракет "Томагавк". Бомбардировки были дополнены артиллерийским обстрелом сербских позиций и сербских кварталов Сараево силами быстрого реагирования (12,5 тысяч человек было введено западными странами в Боснию под предлогом защиты миротворческих сил ООН). В этих условиях сербы, нуждав-

шиеся в передышке любой ценой, выполнили требования НАТО и в очередной раз выразили согласие с мирным планом международной контактной группы как основой для переговоров. В то же время мусульмано-хорватские войска, фактически под прикрытием авиации НАТО, развернули широкое наступление, стремясь до прекращения военных действий захватить как можно больше территорий. Эти шаги вызвали лишь словесные упреки со стороны Запада, но даже никаких намеков на возможность ответных карательных мер.

Как бы то ни было, к концу октября сербы контролировали лишь 48,4% территории Боснии и Герцеговины (в начале года - примерно 70%, мусульмане - 30,6%, хорваты - 21%)[34]. Характерно, что соотношение контролируемых земель практически совпало с планом контактной группы. Это придает дополнительную достоверность появившимся в то время сообщениям прессы о том, что сербы, смирившиеся с планом раздела 51:49, без боя оставляли территории, которые должны были отойти к Мусульмано-хорватской федерации.

Следует сказать, что бои в Боснии шли не только между этими двумя группировками. Длительное время в районе Мостара, центра Герцеговины, сражались между собой мусульмане и хорваты. Сердцевиной военного конфликта в районе Бихача оказались бои между правительственной армией Боснии и Герцеговины и мусульманами-"автономистами" Ф. Абдича (провозгласившего республику Западная Босния), воинские подразделения которого были рассеяны лишь после вмешательства хорватов. Любопытно, что сам Ф. Абдич после поражения укрылся на территории Хорватии, власти которой уклонились от его выдачи сараевскому правительству.

Все эти военные действия, неоднократный переход отдельных городов и территорий из рук в руки привели к нескончаемому потоку беженцев. Например, по сообщениям печати, только во время последнего мусульмано-хорватского наступления свои дома в центральной и западной Боснии покинули от 50 до 90 тысяч сербов[35].

Итак, одной из решающих характеристик заключительного этапа военного конфликта в Боснии и Герцеговине стал тот факт, что в условиях прямого военного вмешательства НАТО сербы в конечном итоге потерпели военное поражение и вынуждены были принять план раздела территории Боснии и Герцеговины, продиктованный международной контактной группой.

Миссия миротворческих сил ООН

С начала операции в 1992 г, мандат миротворческих сил ООН состоял в поддержании мира и контроле за ситуацией на линии разделения конфликтующих сторон. Но в условиях не-

прекращающихся боев в Боснии и Хорватии "голубые каски", будучи малочисленными и легко вооруженными, не могли эффективно влиять на ситуацию. Более того, они нередко оказывались в положении заложников и "живого щита" между воюющими сторонами. Кроме того, руководство миротворческих сил почти неприкрыто придерживалось политики "двойного стандарта" в отношении конфликтующих сторон и не только активно способствовало "демонизации" сербов в глазах мирового общественного мнения, но и нередко выступало инициатором санкций и карательных мер против сербов, как правило, не замечая нарушений с другой стороны. Любопытно, кстати, что некоторые руководящие "миротворческие" генералы и разного рода посредники после завершения своей миссии в бывшей Югославии нередко высказывали гораздо более взвешенную и объективную оценку действий всех конфликтующих сторон. Это приводит к мысли, что во время миссии они либо умалчивали о своих выводах, либо к ним не прислушивались, поскольку они противоречили проводившейся линии.

С начала конфликта в бывшей Югославии и до середины 1995 г. там погибли 162 миротворца и 1420 человек получили ранения[36]. В апреле 1995 г. на территории экс-Югославии находилось 43990 офицеров и солдат сил ООН (из них 23600 человек в Боснии, остальные - в Хорватии и Македонии)[37]. Один день пребывания там "голубых касок" обходился в 5 млн. долларов[38]. В 1994 г., например, операция миротворческих сил ООН стоила 2 млрд. долларов.

В марте 1995 г. Совет Безопасности ООН принял решение разделить миротворческие силы в бывшей Югославии, которые находились там под единым командованием и имели общее название "Силы ООН по охране" (СООНО, или ЮНПРОФОР), на три части: "Силы ООН по охране в Боснии", "Операция по восстановлению доверия в Хорватии" и "Силы превентивного развития для Македонии". В мае генеральный секретарь ООН Б. Гали заговорил о желательности изменения статуса "голубых касок" (от поддержания несуществующего мира к его установлению). Однако последующие события в Боснии показали нереальность подобных планов. В конце июня в Брюсселе послы стран-членов НАТО предварительно одобрили план операции

"Решительное усилие" по выводу "голубых касок" из Боснии (из почти 24 тыс. человек, находившихся там, около 14 тыс. человек были из стран НАТО). Для осуществления операции, которую планировалось провести под общим командованием НАТО, в Боснию намечалось направить 60 тысяч натовцев, самолеты, вертолеты и корабли, и проходить она должна была под общим командованием НАТО. Вскоре, в связи с ускорением миротворческого процесса в Боснии, эта идея трансформировалась в замену "голубых касок" военными формированиями НАТО (те же 60-70 тыс. человек) в качестве Сил по выполнению Соглашения - IFOR (СВС), что и было узаконено документами о мире в Боснии и Герцеговине.

После этого ООН сохранила свою "миротворческую" миссию в части Хорватии (Восточная Славония) и в Македонии, но рисковала окончательно скатиться на положение приживалки при НАТО в Боснии.

Таким образом, формирования ООН не смогли умиротворить конфликтовавшие в Боснии стороны и помешать этническим чисткам.

Мусульмано-хорватская федерация

Созданная весной 1994 г. под нажимом США (даже подписание соглашения о ней состоялось в Вашингтоне) она пока так и не смогла превратить недавних врагов в неразлучных друзей и даже завершить свое конституционное становление. Можно полагать, что для американцев это было одним из средств к сплочению антисербского фронта в Боснии и Герцеговине, а вместе с тем путем к предотвращению как чрезмерного усиления Хорватии на Балканах (в результате присоединения Хорватской самопровозглашенной Республики Герцег-Босны), так и роста влияния исламского фундаментализма в этом регионе.

У самих же действующих лиц подход был иной. Мусульмане считали созданную федеративную конструкцию мало на что способным квазигосударством, которое будет поглощено Хорватией. Поэтому они выступали за унитарное устройство страны. Показательно, что даже своими представителями в федеральных органах мусульмане назначили высших функционе-

ров Республики Боснии и Герцеговины, как бы давая понять, что именно они являются руководителями всей федерации, и подчеркивая вторичный статус хорватского образования. Хорваты же опасались исламизации государства и противились насилию партнеров в совместных органах власти. Они высказывались за конфедеративные отношения между двумя частями федерации, стремились укрепить связи Республики Герцег-Боснии с Хорватией. Длительное время не удавалось создать высший законодательный орган - Конституционный совет федерации, срывалась ротация в органах исполнительной власти.

Хотя одним из немногих сплачивающих моментов были совместные боевые действия против боснийских сербов, в 1995 г. не оказалось возможным сформировать общую военную структуру федерации, поскольку хорваты обвиняли Сараево в попытках подчинить себе Хорватское вече обороны (вооруженные силы Герцег-Босны). К тому же, в марте 1995 г. мусульманские солдаты без видимых причин арестовали в Бихаче хорватского генерала В. Шантича, судьба которого с тех пор долгое время оставалась неизвестной.

Западники всячески пытались "подлечить" свое детище. В частности, в феврале 1995 г. в Мюнхене под эгидой американцев был принят план из 9 пунктов, направленный на поддержку Вашингтонского соглашения. Наибольшее значение имело решение об учреждении должности международного арбитра, призванного принимать обязательные решения по сложным вопросам реализации федеративного "контракта". В Сараево должны были также работать постоянная комиссия наблюдателей, эксперты и юристы[39]. В мае 1995 г. в главном городе Герцег-Босны Мостаре состоялось трехдневное совещание "на высшем уровне" по вопросам федерации с участием представителей США и Германии.

После военных успехов мусульман и боснийских хорватов летом и осенью 1995 г. опекуны рассчитывали, что процесс строительства федерации пойдет ускоренными темпами. Однако по свидетельствам наблюдателей в Мостаре в сентябре 1995 г., со времен междоусобного конфликта взаимоотношения хорватов и мусульман никогда не были столь плохими. В это же время президент Хорватии Ф.Туджман заявил в Париже, что му-

сульманское правительство в Сараево проявляет фундаменталистские тенденции, и по этой причине вопрос о хорватско-мусульманской федерации остается открытым[40].

Даже Мостар не удалось превратить в "витрину благополучия", для чего он был поставлен под международное управление во главе с градоначальником немцем Г. Кошником. После подписания мирных соглашений вражда между двумя общинами не прекращалась и парализовала деятельность городских органов.

Словом, есть много свидетельств того, что соглашение о мусульмано-хорватской федерации являлось достаточно призрачным и хрупким, а это делало уязвимой и всю конституционную структуру Боснии и Герцеговины, было чревато новым взрывом этнических страстей.

УСИЛИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА ПО ПРЕКРАЩЕНИЮ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Все перечисленные факторы наложили свой отпечаток на ход миротворческого процесса в Боснии и на территории бывшей Югославии в целом. Первая половина 1995 г. характеризовалась многочисленными конфликтами заинтересованных сторон на различных уровнях, разноплановыми инициативами и предложениями, рассчитанными на нахождение взаимоприемлемых решений и примирение участниками конфликта. Многочисленные эмиссары и посредники сновали между столицами государств на территории экс-Югославии, великих держав и других членов международной контактной группы.

В начале 1995 г. Франция выдвинула инициативу о проведении встречи "последнего шанса" между президентами Сербии, Хорватии и Боснии, итогом которой могли бы стать продление режима прекращения огня в Боснии, стабилизация обстановки в Хорватии, а главное - взаимное признание этих трех республик.

В одной из передач Би-Би-Си выражалась надежда, что если президенты Боснии, Хорватии и Сербии смогут прийти к

соглашению, то будет легче оказывать нажим на боснийских и хорватских сербов.

Россия поддержала это предложение, тем более, что и сама выдвигала идею о международной конференции по формуле 5+3 (участники контактной группы и конфликтующие стороны). Но не все оказалось так просто. США в тот момент продолжали считать эту идею бессмысленной. По словам У. Кристоффера, такую встречу можно было бы проводить только после тщательной подготовки, имея в виду предварительное принятие сторонами плана контактной группы[41]. В Загребе французскую инициативу восприняли осторожно, свои оговорки имел в то время и премьер-министр РСК Б. Микелич. А высказывания в Белграде некоего французского дипломата в пользу "взаимного признания" трех республик вызвали раздражение С. Милошевича, который заявил, что СРЮ будет вести переговоры только в том случае, если ее права перестанут ущемлять (отмена санкций, возвращение СРЮ в международные организации).

В конце июля 1995 г. Б. Ельцин направил руководителям стран-членов контактной группы послание с очередным вариантом российского плана мирного урегулирования (начало прямого диалога между конфликтующими сторонами, практическая реализация предложений о взаимопризнании СРЮ и Боснии и Герцеговины и снятии с Белграда значительной части санкций).

В этот же период новые предложения были разработаны американской администрацией (в отличие от плана контактной группы боснийские сербы получили бы право на конфедеративные отношения с Сербией, а хорваты и мусульмане - с Хорватией; предусматривался обмен территориями, в частности, сербских районов Сараево на анклав Горажде).

США заметно интенсифицировали свою деятельность после хорватского "блиц-крига" в Сербской Краине, решив, что именно сейчас можно добиться мира. По их мнению сербы должны стать уступчивее, поскольку ход войны оборачивался против них. Существо американского плана, утвержденного Б. Клинтоном 7 августа, состояло в следующем: Сербия обязывается признать Боснию, Хорватию и Македонию взамен за

снятие экономических санкций. Мусульмано-хорватская федерация, контролировавшая 30% территории Боснии и Герцеговины, получит примерно половину от нее и международную экономическую помощь. В случае отказа сербов, Запад начнет вооружать правительственные войска, прибегнет к воздушным налетам, а миротворцев ООН заменят солдаты из мусульманских стран. Американцы считали, что их план привлекателен для сербов, так как предусматривает упрощенную карту этнического раздела Боснии и Герцеговины и обмен территориями.

В тактике достижения договоренности США использовали подход: "Наносить удары и вести переговоры". Заметную активную роль в реализации этих намерений стал играть помощник госсекретаря США Ричард Холбрук, которого печать окрестила позднее "главным триумфатором" мирных переговоров.

Американская инициатива оказалась единственной, которую все стороны приняли всерьез. Показательно, например, что А. Изетбегович отказался встречаться по этим вопросам с К. Бильдтом, а ждал приезда в Сараево Р. Холбрука и других американских посредников. С. Милошевич также заявил в тот период дипломатам, что согласен иметь дело только с американцами[42].

Некоторые шаги России в связи с балкинским кризисом оказались в этот период не очень удачными. Так, после событий в Сербской Краине Б. Ельцин пригласил в Москву С. Милошевича и Ф. Туджмана, но на переговоры 10 августа прибыл только С. Милошевич. Ф. Туджман в последний момент отказался, мотивировав это тем, что следовало бы пригласить и А. Изетбеговича. Кстати сообщил Б. Ельцину об этом отказе Г. Коль. Имелись сведения о том, что подлинной причиной отказа явился нажим на Ф. Туджмана со стороны Запада, не желавшего "роста акций" России на Балканах и опасавшегося возможности сербско-хорватского сговора за их спиной и за счет мусульман. По существу, задним числом Россией вновь было предложено провести в Москве встречу на высшем уровне по формуле 5+3. Но это предложение повисло в воздухе. В дальнейшем, по мере обострения обстановки в связи с натовскими бомбежками Россия сделала ряд громких заявлений и предупреждений. Но они

не произвели особого эффекта, и стало ясно, что рассчитывать на "ключевую роль" России в боснийском замирении не приходится[43]. Тем более, что выдвигая инициативы по балканскому урегулированию, российская дипломатия была жестко стеснена в средствах по их реализации.

Не все сначала ладилось и у американцев. А. Изетбегович выдвинул ряд своих условий (сохранить за мусульманами все Сараево, Горажде и Брчко; отказать сербам в праве на конфедерацию с СРЮ, а закрепить за ними лишь местное самоуправление). Хорваты соглашались на американский план лишь при условии обеспечения "реинтеграции" Восточной Славонии в состав Хорватии. Но в конце концов, США смогли убедить своих подопечных. Конечно, на бóльшие уступки пошли сербы, но и хорваты и мусульмане вынуждены были на некоторые подвижки. Первым угрожали возобновлением боевых действий в Герцеговине и экономической блокадой, вторым - отказом в помощи на восстановление страны.

Важными этапами заключительного согласования условий мирных соглашений стали встречи министров иностранных дел СРЮ, Хорватии и Боснии и Герцеговины в Женеве (8 сентября 1995 г.) и Нью-Йорке (26 сентября), проходившие под председательством Р. Холбрука. В основу принятого в конечном итоге документа лег американский план мирного урегулирования (следует учитывать, что в нем были использованы многие идеи российских предложений, плана международной контактной группы и другие мирные инициативы).

Конечно, в достигнутых договоренностях каждый, как это часто бывает, усматривал то, что ему хочется. Например, после Женевского совещания министр иностранных дел Боснии и Герцеговины М. Шакирбей заявил: "Сегодняшнее соглашение похоронило надежды сербов на Великую Сербию"[44]. А вот газета "Нью-Йорк Таймс" отмечала: "Соглашение о создании отдельного государства для боснийских сербов на боснийской территории является верным шагом в направлении реализации давнего международного плана разделения Боснии во имя мира"[45].

Щадя самолюбие своих партнеров по контактной группе, США продвинули следующий порядок оформления мирных

соглашений. 31 октября 1995 г. президенты Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины должны были прибыть в Москву, где в течение нескольких часов провести под председательством Б. Н. Ельцина переговоры об урегулировании кризиса на территории бывшей Югославии (однако в связи с госпитализацией Б. Н. Ельцина эта акция, своего рода "утешительный приз" России, не состоялась). Затем президенты должны были вылететь в США, где "в течение такого времени, какое потребуется", провести при участии представителей контактной группы и американской администрации рабочие переговоры по окончательному согласованию документов и парафировать их. Официальное торжественное подписание соглашений назначалось в Париже, чем отдавалась дань Франции, предложившей в свое время встречу президентов в своей столице.

Первоначально рабочая встреча намечалась в Кэмп-Дэвиде, загородной резиденции президента США. Однако буквально накануне встреча была перенесена на военно-воздушную базу Райт-Паттерсон, близ г. Дейтона, штат Огайо, что оказалось весьма предусмотрительным. Перенос мотивировался соображениями безопасности, защитой от докучливых журналистов, более подходящими условиями для работы многочисленного персонала. Как бы то ни было, закрытый и изолированный характер работы делегаций способствовал большей ее плодотворности, облегчал работу с конфликтовавшими сторонами и доводку текстов. А это оказалось весьма необходимо, хотя все принципиальные положения вроде бы были согласованы заранее. Заседания проходили под постоянным председательством Р. Холбрука. Фиксирование договоренности по тому или иному документу осуществлялось в присутствии У. Кристоффера. Об окончательном парафировании соглашения объявил Б. Клинтон, считая это значительным достижением американской дипломатии и важным козырем в своей предвыборной кампании.

Следует однако, отметить, что переговоры неожиданно затянулись на три недели, и парафирование состоялось в последний момент, когда было объявлено, что встреча будет в этот день закрыта, независимо от результатов переговров. Видимо, не все сомнения были развеяны, не все разногласия устранены.

Примечания

[1]Политика. 23. 05. 1991.
[2]Спасовски М., Живковић Д, Степић М. Етнички састав становништ ва Босне и Херцеговине. Београд, 1992. С.52-53.
[3]Sunić T. The Fallacy of the Multiethnic State: the Case of Yugoslavia // Conservative Review. 1990. N 1, 3. P. 9.
[4]Hayden R. The Partition of Bosnia and Herzegovina. 1990-1993. S. 2.
[5]Югославия в огне. М., 1992. С. 354.
[6]Там же. С. 362-363.
[7]См. Silber L., Little A. Yugoslavia. Death of a Nation. USA, 1996. P. 212.
[8]Vrcan S. War in Bosnia and Hercegovina // Balkan Forum. Skopje. 1996. P. 107.
[9]Tanjug. 18. 07. 1991.
[10]Югославия в огне. С. 368.
[11]Там же. С. 368.
[12]Hayden R. Op. cit. C.6.
[13]Известия, III.1992 г.
[14]Silber L., Little A. Op. cit. P. 220.
[15]Hayden R., S. 7.
[16]Там же. С.7.
[17]Там же. С.7.
[18]Сегодня. 6. 04. 1994.
[19]Там же.
[20]International conference on the Former Jugoslavia, dokumement CTC/2/2, 27. 10. 92. S. 5; Hauden R. S.9.
[21]Сегодня, 6. 04. 1994.
[22]Там же.
[23]Там же.
[24]Там же.
[25]Там же.
[26]Там же.
[27]Там же.
[28]Там же.
[29]Там же.
[30]Независимая газета. 10. 12. 1994.
[31]Сегодня. 16. 12. 1994.
[32]Сегодня. 16. 12. 1994.
[33]Правда. 23. 09. 1995.
[34]Сегодня. 20. 10. 1995.
[35]Сегодня. 16. 09. 1995.
[36]Сегодня. 18. 05. 1995.

[37]Правда. 20. 04. 1995.
[38]Век. № 38. 29. 09. 1995.
[39]Сегодня. 8. 02. 1995.
[40]Сегодня. 28. 09. 1995.
[41]Сегодня. 9. 02. 1995.
[42]Сегодня. 24. 08. 1995.
[43]Известия. 12. 09. 1995.
[44]Сегодня. 9. 09. 1995.
[45]См. Известия. 16. 09. 1995.

Полезные ископаемые и промышленность Боснии и Герцеговины

Металлургия
Тяжелая промышленность
Нефтяная промышленность
Химическая промышленность
Текстильная промышленность
Пищевая промышленность
Легкая промышленность
Туризм

Теплоэнергостанции
Гидроэлектростанции

Al Боксит Sa Соль
Fe Железо Lg Бурый уголь
Cu Медь

Газопровод

Внутренние границы, установленные по Дейтонскому соглашению 21. 11. 1995 г.

Глава 11

РЕСПУБЛИКА БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА ПОСЛЕ ДЕЙТОНА

ДЕЙТОНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Комплекс документов, получивший в политическом обиходе наименование "Дейтонские соглашения", представляет собой трехстраничное "*Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине*" и *12 приложений* к нему (всего 150 страниц текста), *102 карты*, а также соглашение о парафировании соглашения, несколько дополнительных писем и заключительное заявление.

Суть соглашения - сохранение единого государства Босния и Герцеговина в его ныне существующих границах, со столицей в Сараево. Это единое государство состоит из двух образований: Мусульмано-хорватской федерации (в проекте конституции оно именовалось Федерацией Боснии и Герцеговины) и Республики Сербской. В статье I, в частности, подчеркивалось, что Стороны (т. е. Республика Босния и Герцеговина, Республика Хорватия и Союзная Республика Югославия) полностью уважают суверенное равенство друг друга, разрешают споры мирными средствами и воздерживаются от любых действий, угрозы силой или ее применения или иных действий против территориальной целостности или политической независимости Боснии и Герцеговины или любого другого государства. Остальные девять статей рамочного соглашения содержали обязательства его участников выполнять положения по различным аспектам мирного урегулирования, изложенные в приложениях.

Приложения 1-А и 1-В представляли собой соглашения о военных аспектах мирного урегулирования и о стабилизации в регионе. Устанавливалось, что сроком примерно на один год в регион будут направлены Силы по выполнению Соглашения (СВС), которые будут способствовать реализации военных и территориальных положений и будут действовать под руководством и политическим контролем НАТО. Им передавались полномочия Сил ООН по поддержанию мира. С этого момента начался отсчет времени поэтапного выполнения мирного плана.

Перед СВС ставились цели обеспечения долговременного прекращения военных действий (в случае необходимости СВС могли применять силу), введения мер по контролю над вооружениями.

Стороны обязывались соблюдать перемирие от 5 октября 1995 г., отказывались от проведения любых атак, контратак и карательных операций, гарантировали, что положения соглашения будут соблюдаться всеми вооруженными лицами и организациями, находящимися под их контролем, включая и вооруженные группы гражданских лиц, национальную гвардию, резервистов, военную и специальную полицию.

На первом этапе после вступления соглашения в силу все вооруженные формирования сторон должны были в течение 30 дней отойти от зоны разделения, которая простиралась примерно на 2 км с каждой стороны от согласованной линии прекращения огня.

Второй этап затрагивал те зоны, где линия, разделявшая две стороны, не совпадала с линией прекращения огня, и которые, следовательно, планировалось передать одной из сторон другой стороне (например, сербские районы Сараево). Силы уходящей стороны обязывались покинуть такие зоны в течение 45 дней, а силы другой стороны - не занимать их в течение следующих 45 дней. СВС получили право продлить этот срок, в течение которого они сами обеспечивали бы безопасность.

На третьем этапе в качестве "мер доверия" тяжелое оружие и людскую силу планировалось в течение 120 дней сконцентрировать в местах, определяемых СВС, или демобилизовать. Всех гражданских и военных лиц, лишенных свободы в результате конфликта, намечалось освободить в течение 30 дней, за

исключением тех, чьи дела передавались на рассмотрение в Международный трибунал по бывшей Югославии.

Центральные власти Боснии, власти Республики Сербской и Мусульмано-Хорватской Федерации должны были начать переговоры при содействии ОБСЕ, чтобы за 45 дней достичь соглашения об ограничении учений и маневров, о заблаговременном взаимном информировании о них и о создании миссии связи между двумя образованиями в Боснии и Герцеговине.

СРЮ, Хорватия и Босния и Герцеговина обязались не импортировать оружие в течение 90 дней после вступления соглашений в силу, а также не импортировать тяжелое вооружение, мины, военные самолеты в течение следующих 90 дней, либо до того момента, когда будет заключено соглашение о контроле над вооружениями. В течение 30 дней предполагалось начать переговоры по ограничению уровня определенных категорий оружия (танки, артиллерия, бронетехника, боевые самолеты и вертолеты). Если бы они не договорились в течение 180 дней, максимальные уровни предполагалось установить для них в принудительном порядке.

Приложение 2 содержало соглашение о линии разграничения между двумя образованиями, обозначенной на приложенных картах (как и было ранее согласовано, 51% территории Боснии и Герцеговины отходил к федерации, 49% - к Республике Сербской). Переходный период для районов, которые передавались от одного образования к другому, устанавливался в 45 дней после передачи власти командованием СООНО командованию СВС. Что касается сектора Брчко, по которому не удалось достичь договоренности, то предусматривалась процедура арбитража, которую предполагалось завершить в течение года после вступления соглашения в силу.

В П*риложении 3* было зафиксировано, что ОБСЕ уполномочена следить за тем, чтобы обеспечивались условия для проведения свободных и демократических выборов. Планировалось наблюдение за их подготовкой и ходом. При этом предписывалось избрать Президента и членов Палаты депутатов Боснии и Герцеговины, членов Палаты депутатов Мусульмано-Хорватской Федерации, Президента и членов Национального собрания Республики Сербской. Выборы предполагалось про-

вести через 6 месяцев и не позднее чем через 9 месяцев после вступления соглашения в силу.

Списки избирателей намечалось составлять на основе переписи населения 1991 г. Право голоса получал каждый гражданин, достигший 18-летнего возраста и проживавший в Боснии и Герцеговине в 1991 г. Голосование (в том числе и заочное) предполагалось по месту регистрации жителя республики в 1991 г. Сменившие место жительства получали право обратиться в избирательную комиссию с просьбой зарегистрировать их в другом месте.

В П*риложении 4* излагалась Конституция Боснии и Герцеговины, содержащая преамбулу и 12 статей. В статье V рамочного соглашения фиксировалось, что стороны приветствуют и одобряют достигнутые договоренности в отношении Конституции Боснии и Герцеговины, полностью соблюдают взятые в ней обязательства и содействуют их выполнению.

Преамбула конституции провозгласила уважение к правам человека, терпимость и примирение в плюралистическом обществе, суверенитет и территориальную целостность Боснии и Герцеговины.

Статья I подтвердила сохранение Боснии и Герцеговины в ее международно признанных границах в качестве демократического государства, состоящего из двух образований. Провозглашалась свобода передвижения по стране людей, предметов и капиталов. Никакого контроля на границе между двумя образованием не предусматривалось. При этом разрешалось двойное гражданство: Республики Боснии и Герцеговины и одного из внутренних образований.

В статье II говорилось о правах человека и основных свободах. Предусматривалось создание комиссии по правам человека. Устанавливалось право беженцев на возвращение.

Статья III определила отношения между центральными властями и двумя образованиями.

К компетенции центральных органов Боснии и Герцеговины отнесены внешняя политика, внешняя торговля, таможня, валютная политика, исполнение положений уголовного законодательства, внутренние и международные коммуникации, тран-

спорт между двумя образованиями, контроль за движением воздушного транспорта.

Каждое из двух образований получило право устанавливать особые отношения с соседними государствами, "соблюдая целостность Боснии и Герцеговины" (т. е. практически подразумевалась возможность их конфедеративных отношений соответственно с Хорватией и Сербией, но никак не определялся порядок установления и осуществления таких отношений. Это явно свидетельствовало о сохранении существенных расхождений во взглядах между сторонами в этом вопросе).

Каждое образование отвечало на своей территории за соблюдение законов, уважая основные свободы и права человека. В их компетенцию входили все вопросы, не отнесенные к ведению центральных властей.

Центральные институты могли расширить свои полномочия путем соглашения с образованиями либо в случае, если это было бы необходимо для обеспечения целостности страны (весьма знаменательное положение!).

Статья IV устанавливала, что Парламентская ассамблея Боснии и Герцеговины будет состоять из двух палат. Палата народов ограничивалась 15 членами (10 от федерации и 5 от РС), назначаемыми парламентами двух образований. Кворум устанавливался в 9 человек, при условии, что среди них будут 3 боснийца-мусульманина, 3 хорвата и 3 серба. В Палату представителей предполагалось ввести 42 члена (2/3 - от федерации, 1/3 - от РС). Законы было решено утверждать обеими палатами, в каждой из которых решения бы принимались простым большинством, за исключением тех случаев, когда 2/3 представителей одного из образований - против. Если большинство депутатов от одной из трех общин имело бы мнение, что законопроект нарушает "жизненные интересы" боснийского, хорватского или сербского народа, и процедура согласования оканчивалась неудачей, то принять решение уполномачивался Конституционный суд.

Статья V предусматривала, что Президиум состоит из трех человек: боснийца и хорвата избирают на прямых выборах в федерации, а серба - в РС. Решения Президиума принимаются на основе консенсуса, либо двумя голосами против одного, но

оставшийся в меньшинстве может наложить вето на решение, если считает, что оно затрагивает жизненные интересы его народа.

Президиум получил право руководить внешней политикой, назначать послов, представлять предложения по бюджету, назначать главу правительства (его состав также формируется по принципу 2/3 - 1/3). В функции каждого члена Президиума включалось "гражданское командование вооруженными силами". Постоянная комиссия по военным делам, в состав которой вводились все три члена Президиума, должна была координирует деятельность вооруженных сил Боснии и Герцеговины. Эти силы обязывались соблюдать принцип целостности государства.

Статья VI посвящалась деятельности Конституционного суда, статья VII - Центральному банку (первый управляющий его назначается Международным валютным фондом), статья VIII - финансам.

В статье IX ("Общие положения") оговаривалось, что ни один человек, осужденный или обвиненный Международным трибуналом и не явившийся на судебное разбирательство, не может быть кандидатом на государственную должность, как выборную, так и невыборную. Это положение, в частности, фактически исключило из политической жизни Боснии и Герцеговины Р. Караджича и Р. Младича.

Статья X говорила о порядке внесения поправок в конституцию. Статья XI содержала ряд договоренностей на переходный период. Статья XII определяла, что Конституция Боснии и Герцеговины вступит в силу после подписания Общего рамочного соглашения; в трехмесячный срок после этого оба образования должны были внести необходимые поправки в свои конституции.

Здесь же изложен перечень дополнительных соглашений о правах человека, которые намечалось принять по Боснии и Герцеговине (15 документов).

Приложение 5 к рамочному соглашению являлось соглашением об арбитраже.

Приложение 6 специально посвящалось соглашению по правам человека. В нем говорилось, что создаваемая комиссия по правам человека в течение 5 лет будет рассматривать любые

нарушения этих прав. Комиссия будет состоять из омбудсмена (посредника), назначаемого очередным председателем ОБСЕ, и Палаты прав человека, состоящего из 14 человек (4 представителя федерации, 2 представителя РС и 8 членов, не являющихся гражданами Боснии и Герцеговины или соседних с ней стран и назначаемых Советом Европы; из числа последних избирается председатель Палаты).

В *Приложении 7* речь шла о праве беженцев и перемещенных лиц на возвращение на прежнее место жительства, на возврат им их собственности или на компенсацию за нее. Это относилось и к тем беженцам, которые получили убежище в третьих странах. Стороны обязались амнистировать всех, кто был осужден в результате конфликта, за исключением тех, дела которых рассматривает Международный трибунал.

Комиссия по делам беженцев создавалась для рассмотрения просьбы о возврате имущества, а также оценки размеров ущерба. В ее функции вменялась также выдача компенсационных бонов, дающих право на новое жилье.

В статьях соглашения по беженцам и перемещенным лицам излагались положения о составе и порядке работы Комиссии по делам перемещенных лиц и беженцев, об обеспечении подходящий условий для их возвращения, фонде собственности беженцев и перемещенных лиц, об использовании невостребованной собственности, о сотрудничестве с международными организациями и системой международного контроля и т.д.

Приложение 8 посвящалось соглашению о Комиссии по сохранению национальных памятников. Говорилось о порядке создания Комиссии, ее составе (5 членов), мандате и процедуре работы.

Приложение 9 содержало соглашение о создании общественных корпораций Боснии и Герцеговины. Речь, собственно, шла о восстановлении государственных предприятий, в частности, транспорта, имеющих общегосударственное значение и функционирующих на территории обоих образований. Излагался порядок образования и деятельности Комиссии по общественным корпорациям, создания транспортной корпорации и других государственных корпораций, нормы их поведения.

В *Приложении 10* речь шла о важном соглашении по осуществлению гражданских аспектов мирного урегулирования. Для обеспечения всех гражданских аспектов реализации мирного плана, осуществления необходимой координации и связи Совет безопасности ООН назначал Верховного представителя. Первым на этот пост был назначен последний сопредседатель от ЕС Международной конференции по бывшей Югославии, бывший премьер-министр Швеции К. Бильдт. Характерно, что выбор пал на человека, который по существу был незадолго до этого объявлен одной из сторон персоной нон грата. Можно по разному трактовать этот факт, но напрашивается вывод, что кураторы мирного процесса хотели лишний раз подчеркнуть, кому принадлежит право принятия ответственных решений.

Наконец, *Приложение 11* содержало соглашение о специальных международных полицейских силах, программе их деятельности и обязанностях сторон. Эта международная гражданская полиция создавалась решением Совета Безопасности ООН и подчинялась Верховному представителю.

В рамочном соглашении также фиксировалось обязательство сторон сотрудничать со всеми образованиями, участвующими в осуществлении этого мирного урегулирования, как это изложено в приложениях к соглашению, или с теми, кто иным образом уполномочен Советом Безопасности ООН в соответствии с обязательствами всех сторон сотрудничать в расследовании военных преступлений и других нарушений международного гуманитарного права и соответствующем судебном преследовании.

В заключительном заявлении участников переговоров выражалось согласие в скором времени вновь собраться в Париже под эгидой международной контактной группы для официального подписания Общего рамочного соглашения и приложений к нему. Эта встреча произошла 14 декабря 1995 г., после чего соглашение вступило в силу. Между прочим, в соглашении указано, что оно подписано на английском, боснийском, сербском и хорватском языках. Таким путем в международный оборот был официально введен новый южнославянский язык - боснийский, что, видимо, должно было способствовать подтверждению

"полноценности" этнической идентичности боснийских мусульман.

К вышеизложенному следует добавить, что важным шагом по выработке общебоснийского менталитета явилась попытка разрешить многолетние споры об этнониме "мусульмане". В 1993 г. на специальном конгрессе, состоявшемся в Сараево, было установлено поддержать внедрение термина "босняк". Позднее этот этноним официально признала Скупщина Боснии и Герцеговины.

Начало реализации Дейтонских соглашений

Ход воплощения в жизнь Дейтонских соглашений в конце 1995 - первой половине 1996 г. подтвердил мнение многих наблюдателей о том, что мир, достигнутый "под дулом пистолета", является весьма шатким. Прав был министр обороны США У. Перри, сказав, что было бы преждевременным говорить об установлении прочного мира в Боснии, однако без мирного договора продолжалась бы война. Но, с другой стороны, министр иностранных дел Франции Э. де Шаретт тоже не без оснований отмечал во время встречи международной контактной группы в Москве в марте 1996 г., что внушает беспокойство тот факт, что события в Боснии следуют не столько логике достижения мира, сколько логике разделения государства. Во всяком случае, по широко распространенному мнению, СВС служат тем каркасом, который удерживает в вертикальном положении хилое тело Дейтонских соглашений.

Как это уже не раз бывало в Боснии и Герцеговине, после ослабления военного противостояния с сербами легко обостряются разногласия и слышатся взаимные обвинения между "союзниками" мусульманами и хорватами. Так, бывший премьер Боснии и Герцеговины Х. Силайджич в апреле 1996 г. на пресс-конференции в Лондоне заявил, что война может возобновиться, если международное сообщество не гарантирует безопасность внешних границ Боснии и Герцеговины, обвинив при этом именно Хорватию в попытках нарушения суверенитета и государственной целостности Боснии[1]. С другой стороны в За-

гребе, да подчас и в Вашингтоне, нередко называли мусульманские власти главным тормозом процесса выполнения Дейтонских соглашений.

Достаточно оперативно, как и намечалось, к концу февраля 1996 г. в Боснии были развернуты *Международные силы по выполнению Соглашений*: 50 тысяч солдат НАТО (в том числе 20 тыс. американцев) и 10 тысяч военнослужащих других стран. Всего, по сообщениям печати, в миротворческой операции "Объединенные усилия" могли быть задействованы до 84 тысяч человек[2] из 36 стран. 13 марта было заключено соглашение между Россией и НАТО об участии в СВС российского контингента (1500-1600 человек, т. е. 2% от общей численности СВС). Образованы три "зоны ответственности" с центрами: в Тузле (20 тыс. солдат США, а также военнослужащие других стран, в том числе и России), Шипово (20,5 тыс. англичан и ирландцев и др.) и Сараево (16 тыс. французов и др.)[3].

В этой связи 2 марта завершилась прежняя *миротворческая миссия ООН* в бывшей Югославии. В целом в ней приняли участие примерно 38 тысяч "голубых касок" (многие из них остались в регионе уже в составе СВС), а также 1,5 тысячи гражданских лиц и 3 тыс. местных сотрудников. Общая сумма расходов составила примерно 5 млрд. долларов (до 1,5 млрд. в год). Некоторый персонал ООН все-таки остался в экс-Югославии и после указанного срока: 5 тыс. "голубых касок" в Восточной Славонии, 1173 - в Македонии, 28 - на полуострове Превлака, по которому имела место дискуссия между Хорватией и Черногорией, 1700 международных полицейских, работники бюро по связи ООН в Загребе и Белграде, часть сотрудников в Сараево[4].

Первый пакет мер из блока военных вопросов предусматривал, что до 20 января 1996 г. вооруженные формирования конфликтовавших сторон должны были покинуть 4-х километровую зону вдоль существовавшей линии фронта (по 2 км с каждой стороны), планировался обмен военнопленными, страну должны были покинуть все иностранные вооруженные лица, не имеющие отношения к СООНО и СВС (т. е. наемники и добровольцы). Однако к указанному сроку был осуществлен только отвод войск. График остальных мероприятий был сорван, не-

смотря на нажим командования СВС и международных посредников. К тому же, точное число военнопленных известно не было. Даже по официальным данным к указанному сроку сербы удерживали в плену 151 человека из имевшихся в списках, хорваты - 177, мусульмане - 318. В целом эти списки по Боснии насчитывали менее 2 тысяч человек. Однако мусульмане, например, обуславливали освобождение пленных получением информации от сербов о судьбе всех своих пропавших военнослужащих, которых они насчитывали 24 тысячи человек. Только угрозы прекращения экономической помощи и сохранения эмбарго на военные поставки заставили все три стороны активизировать освобождение пленных. Тем не менее, даже в начале апреля официально удерживалось в плену примерно 80 человек (неофициально считается в несколько раз больше). Против некоторых из них выдвинуты обвинения в военных преступлениях.

26 января 1996 г. представители трех этнических общин Боснии и Герцеговины подписали в Вене *Соглашение о мерах доверия и безопасности*. Оно предусматривает взаимные инспекции военных казарм и арсеналов, информацию военного характера, в частности, о маневрах с участием более 1,5 тыс. человек, запрет любых маневров в десяти километровой зоне вдоль границ Боснии и Герцеговины, линии разграничения сторон, в районах Посавинского коридора и Горажде[5].

Следующим важным этапом стал отвод воинских формирований сторон из трех районов, которые должны были перейти к другой стороне (до 3 февраля), и окончательный переход этих районов под управление соответствующей стороны (с 19 марта), чем завершилось территориальное размежевание в Боснии и Герцеговине. В целом эти мероприятия уложились в намеченные сроки. Наибольшие сложности имели место в Сараево, передача 5 районов которого мусульманским властям сопровождалась массовым исходом сербов, стремившихся уничтожить то свое имущество, которое они не могли забрать в собой. (Более подробно об этом говорится в разделе о беженцах.) Согласно оценкам из 150-160 тыс. сербов, проживавших в Сараево в 1991 г., после войны в городе осталось 10-15 тыс. человек.

Немалые трудности для городских властей возникли также, в частности, в связи с тем, что через многие районы Сараево

прошла четырехкилометровая демилитаризованная зона, разорвавшая многие коммуникационные и другие связи.

В результате размежевания под контроль мусульман помимо пяти общин Сараево перешли территории в районе Горажде, Оджака и др. Сербы получили города Олово, Шипово, Мрконич-Град, район между Мостаром и Коничем и др. Однако массовый исход населения был чреват тем, что формально единое государство Босния и Герцеговина может стать набором этнически однородных территорий, и таким образом произойдет негласный раздел страны между этническими общинами.

Заключительным этапом реализации военных аспектов мирных соглашений стало размещение остающихся у сторон войск в казармах, а тяжелой техники - на складах в местах, указанных СВС.

Миграции населения как последствие войны

И все же наиболее сложными, трудоемкими и дорогостоящими для международных опекунов оказались *гражданские аспекты боснийского урегулирования.*

Подлинно всенародным бедствием и трагедией для всей бывшей Югославии (прежде всего для народов Боснии и Герцеговины, Хорватии и Сербии) стала проблема *этнических чисток и беженцев.* По имеющимся данным, за годы войны на территории экс-Югославии родные места покинули не менее 4,5 млн. человек. Официальный статус беженцев имеют 3,3 млн. человек[6]. Особенно тяжелой оказалась обстановка в Боснии и Герцеговине. (См. таб. 2, 3). Массовые "этнические чистки" имели несколько волн. В 1992 г. мусульмане бежали из восточной Боснии, Боснийской Посавины и Боснийской Крайны. В следующем году были "очищены" восточная Герцеговина и вновь восточная Босния. Затем сдвинулись с насиженных мест боснийские хорваты и мусульмане из западной Герцеговины и района г. Мостар. В 1994 г. переселения носили спорадический характер, зато в 1995 г., на завершающем этапе войны, сербы были выгнаны из юго-западной части Боснийской Крайны и из столицы Боснии Сараево. Тогда же мусульмане покинули восточную Боснию в районе городов Сребреница и Жепа.

Таблица 2

Перемещенные и затронутые войной лица в Боснии и Герцеговине

Регион	Перемещенные (А)	Затронутые войной (Б)	Всего (А + Б)		Население согласно переписи	
Бихач	46 000	122 000	168 000	6 %	179 000	45 %
Банья-Лука	223 000	100 000	323 000	12 %	764 000	21 %
Тузла	282 000	178 000	460 000	17 %	727 000	20 %
Зеница	286 000	330 000	616 000	23 %	620 000	17 %
Сараево	140 000	300 000	440 000	16 %	455 000	12 %
Мостар	115 000	190 000	305 000	11 %	490 000	13 %
Восточная Босния	208 000	182 000	390 000	14 %	454 000	12 %
Всего	13000 000	1402 000	2702 000		3 689 000	

Источник: War Report, 1995, N 38, P. 51.

Не вызывает сомнений, что к убийствам и этническим чисткам в Боснии и Герцеговине, как и в Хорватии, имели прямое отношение все замешанные в войне стороны. Однако западная печать, хорватская и мусульманская пропаганда всячески стремились представить "главными злодеями" сербов, хотя именно они составляли основную массу беженцев.

Численность перемещенных лиц определить очень сложно, данные источников сильно расходятся. По одним из них в Сербии к сентябрю 1995 г. было зарегистрировано 700 тыс. беженцев, в том числе 150-200 тысяч приходилось на сербов из Сербской Краины[7]. Министр иностранных дел Республики Сербской А. Буха заявил, что в ней насчитывается 600 тысяч беженцев из Боснии и Краины. В Хорватии утверждали, что она имеет 400 тысяч "своих" беженцев, а с другой стороны, даже по хорватским источникам, страну покинуло 300 тысяч сербов (в Белграде настаивают, что 500 тысяч). С начала войны в Хорватии и Боснии и Герцеговине было разрушено около 200 православных церквей и еще столько же повреждено[8].

В Боснии и Герцеговине по переписи 1991 г. проживало 1,4 млн. сербов. Теперь за пределами РСК их осталось очень немного. Например, население Сараево до войны составляли 230 тыс. мусульман, 150-160 тыс. сербов и около 40 тыс. хорватов. Сейчас в большом Сараево насчитывается 300-350 тыс. мусульман, примерно 10-15 тыс. сербов и не более 15 тыс. хорватов. К моменту ввода в бывшие сербские районы Сараево мусульманских полицейских сил в районе Вогошча оставалось менее 2 тысяч сербов, в районе Илиаш, где проживало 25 тыс. человек, в тот момент осталось 100-150 сербских семей, в основном престарелые люди[9]. Из Мостара и долины Неретвы еще в начале войны было изгнано 45 тыс. сербов (в Мостаре они составляли 30% населения), а также 10 тыс. мусульман, до сих пор не сумевших вернуться в свои дома[10].

С другой стороны, под предлогом размещения беженцев мусульмане и хорваты изгонялись из домов на севере Боснии и в районе Баня-Луки. Так, летом 1995 г. только в районе Баня-Луки было организованно выдворено 12 тыс. хорватов. В анклаве Сребреница проживало 36 тыс. человек (27 тыс. мусульман и 9 тыс. сербов). После взятия города сербскими войсками в

нем осталось не более тысячи жителей. После военного поражения Ф. Абдича в анклаве Бихач на положении беженцев оказались 20 тыс. его сторонников[11].

Надо сказать, что Загреб и Сараево назвали массовый исход сербов "этнической самочисткой" и объявили его "дьявольским трюком" Белграда. Однако по свежим следам событий именно хорватов обвинил в этнической чистке французский министр обороны Ш. Мийон[12].

Важно отметить, что практика этнических чисток во многих случаях связана не с взаимной ненавистью населения на локальном уровне, но с политической игрой лидеров. Прекращение военных действий привело к изменению методов корректировки этнического состава регионов, но не к отказу от нее. Местные власти продолжали процесс гомогенизации населения, проводя обмен жителей по этническому принципу. Переселения были мирными, но цель их - консолидация общин для адекватного голосования при выборах местной администрации по этническому принципу. Официальный обмен гражданами для соз-

Таблица 3

Перемещенные и затронутые войной лица на территории экс-Югославии

Босния и Герцеговина	2 702 000	73,9 %
Хорватия	463 000	12,7 %
Македония	15 000	0,4 %
Черногория	44 000	1,2 %
Сербия	405 000	11,1 %
СРЮ (общий показатель)	449 000	12,3 %
Словения	26 000	0,7 %
Всего	**3 655 000**	

Источник: War Report, 1995, N 38, P. 50

дания этнически однородных областей стал систематическим явлением после Вашингтонского соглашения о создании федерации, подписанного мусульманами и хорватами 1 марта 1994г.

ООНовские посредники полагают, что массовое возвращение жителей Боснии и Герцеговины возможно лишь после выполнения трех основных условий: практической реализации Дейтонских соглашений в военной и политической сферах; выполнения всеми сторонами обязательств по правам человека и национальных меньшинств; взаимная амнистии для вчерашних противников, разумеется, кроме военных и уголовных преступников. Считается, что только на возвращение беженцев, особенно в Боснию и Герцеговину, понадобится несколько лет и до одного миллиарда долларов международной помощи.

19 января 1996 г. в Женеве проходило заседание рабочей группы по бывшей Югославии. Представители 40 стран и 20 международных организаций обсуждали двухлетний план добровольной репатриации более 2 млн. граждан Боснии и Герцеговины, оказавшихся без крова. Операцию запланировали провести в три этапа:

-первый - возвращение домой 1-1,4 млн. перемещенных лиц, находящихся в пределах Боснии и Герцеговины;

-второй - возвращение около 670 тыс. человек, бежавших в другие республики бывшей Югославии;

-третий - возвращение беженцев, оказавшихся в различных странах Европы. Их также насчитывается примерно 700 тысяч человек, в том числе в Германии - 320 тыс. (немцы говорят, что они приняли более 400 тыс. беженцев, расходуют на них 3,6 млрд. марок в год), в Австрии - около 72 тыс., Италии - 57 тыс., Швеции - 48,3, в Голландии и Швейцарии - примерно по 30 тыс., в Дании - 19 тыс., в некоторых восточноевропейских странах - по 1,5-2 тысячи человек[13].

Материальные средства на реализацию этой программы, помимо ООН, обещали Всемирный банк и другие международные организации, многие государства. ООН выделила 30 млн. долларов на спешное строительство или реконструкцию жилья в федерации, но только на застекление окон в Сараево и окрестностях надо потратить 5 млн. долларов. По словам комиссара Сербии по делам беженцев Братиславы Морины, гуманитарные организации готовы выделить средства, составляющие лишь шестую часть суммы, необходимой для размещения и обустройства беженцев.

Выступая в Женеве 23 апреля пресс-секретарь Верховного Комиссариата ООН по беженцам (ВКПБ) Р. Редмонд обвинил все три стороны в Боснии в том, что они одинаково препятствуют процессу репатриации, прежде всего ограничивая свободу передвижения людей. В итоге лишь один из 10 беженцев имеет возможность без больших проблем вернуться в Боснию[14].

Согласно официальным источникам, к концу 1997 г. только 381 тыс. чел. стали репатриантами, из них 22,5 тыс. возвратилось в районы, не контролируемые армиями их этнических общин[15].

Проблемы беженцев в республиках бывшей Югославии были и предметом обсуждения на двухдневной международной конференции под эгидой ООН, организованной в конце апреля 1996 г. в Которе (Черногория) белградской штаб-квартирой ВКПБ.

В марте 1997 г. Верховный комиссар ООН по беженцам одобрил проект "Открытые города", согласно которому экономическая помощь будет оказываться не отдельным беженцам, а муниципалитетам, которые готовы принять беженцев и перемещенных лиц, независимо от этнической принадлежности. Четыре города Мусульмано-боснийской Федерации были названы таковыми: Конич, Буковац, Вогошча, Бихач. Еще 30 претендуют на этот статус, включая несколько населенных пунктов Республики Сербской[16].

Решение экономических и политических проблем

Война привела к сокращению населения Боснии и Герцеговины не менее, чем на миллион человек. Более 250 тысяч человек погибло. Доход на душу населения сократился на 75% - до 500 долларов в год. Примерно две трети жилищного фонда было разрушено или серьезно повреждено. Промышленное производство в 1994 г. по сравнению с 1990 г. упало почти на 95%. Вышло из строя около 70% мощностей по выработке электроэнергии. Добыча угля составила менее 10% от довоенного уровня[17].

Вопросам восстановления экономики Боснии и Герцеговины были посвящены две конференции стран-доноров, состо-

явшиеся в Брюсселе под руководством ЕС и МБРР. Первая конференция с участием более 40 стран и 20 международных организаций проходила в конце декабря 1995 г. Было определено, что в ближайшие 3-4 года Боснии на неотложные расходы по восстановлению жилья и основных коммуникаций, на цели поддержания мира потребуется в виде международной помощи не менее 5 млрд. долларов. Исходя из договоренности, на первые три месяца 1996 г. выделялось 518 млн. долл., а в целом за текущий год помощь имелось в виду довести 1,2 млрд. долларов[18].

Всемирный банк, по соглашению, должен был играть главную роль в технических и макроэкономических вопросах, связанных с реконструкцией. ЕС занял место в комитете по наблюдению за распределением помощи и установлением мира. Однако оставался неясным механизм их взаимодействия. Не было согласия между донорами в отношении их долевого участия. Европа настаивала на том, чтобы затраты были поделены на три равные части: ЕС - США - Япония, исламские страны и Азия. США возражали, что они и так покрывают львиную долю расходов по операции НАТО. Вроде бы было условлено, что на первом этапе взнос ЕС превысит 200 млн. долларов, МБРР представит 150, США - 63, Голландия - 57, Англия - 20 млн. долларов. Кстати сказать, к концу первого квартала 1996 г. бóльшая часть средств так и не поступила "по техническим причинам". Оставались неясности и в отношении распределения помощи. Во всяком случае комиссар ЕС по иностранным делам Х. ван ден Брук заявил, что боснийским сербам не следует ожидать помощи пока они не выдадут международному трибуналу военных преступников.

На второй конференции доноров, открывшейся 12 апреля 1996 г., представители 50 стран и 29 международных организаций сверстали, по крайней мере теоретически, график финансовой помощи Боснии и Герцеговине на 1996 г. Основными донорами выступили ЕС (600 млн. долл.), МБРР (310 млн.), США (282 млн.) и Япония (133 млн.). Россия пообещала кредит на 50 млн. долл. (для поставки газа) и безвозмездную помощь. СРЮ предложила 10 млн. долларов.

Надо сказать, что почти каждая страна-донор оговорила свою помощь какими-то условиями. Например, США в свою сумму заложили и расходы на военную помощь мусульмано-хорватской федерации, немцы же содержание в ФРГ боснийских беженцев. Организация Исламской конференции понимала под Боснией лишь контролируемую мусульманами часть страны. Вновь звучали требования о сотрудничестве с Международным трибуналом, о комплексе мероприятий по федеративному устройству государства и т. д.

На конференции отсутствовали боснийские сербы, хотя первоначально они предполагали участвовать. Однако их премьер-министр Р. Караджич отказался ехать в Брюссель в составе объединенной боснийской делегации, считая, что единое правительство Боснии и Герцеговины может появиться только после осенних выборов, а пока РС не участвует в "общей" политике. Можно осуждать или оправдывать это решение. Во всяком случае для распределения средств остались лишь заявки федерации, а сербы (вероятно, все же лишь временно) были вычеркнуты из списка нуждающихся.

Согласно официальным источникам, к концу 1997 г. по Программе реконструкции и восстановления Боснии и Герцеговины 97% средств доноров поступили в Мусульмано-боснийскую федерацию и лишь 3% - в Республику Сербскую[19].

В качестве другого экономического рычага давления на подопечных по-прежнему использовался и вопрос о санкциях. Ведь американцы в результате Дейтонских соглашений получили право возобновления санкций против сербов, минуя Совет Безопасности ООН, простым решением главкома силами НАТО в бывшей Югославии. Поэтому они предупреждали сербов, что в случае какого-либо неповиновения санкции моментально будут восстановлены.

Отметим, что Россия официально приостановила санкции против СРЮ в начале января 1996 г. и вышла из режима санкций против боснийских сербов 23 февраля 1996 г.

Наконец, надо сказать и о деятельности *Международного трибунала*, созданного с благословения Совета Безопасности ООН в 1993 г. для рассмотрения дел по военным преступлениям на территории бывшей Югославии (правда, по Уставу ООН

Совет Безопасности не имеет таких законодательных функций). На начало января 1996 г. трибунал выдал ордера на арест 54 человек, преимущественно боснийских сербов, в том числе их лидеров Р. Караджича и Р. Младича[20], хотя преступления имели место со стороны всех трех участников конфликта. Затем были выдвинуты обвинения против отдельных хорватов и мусульман, очевидно, для демонстрации "беспристрастия".

Комиссия по преступлениям при правительстве РС в различных отчетах представила материалы о виновности в нарушениях прав граждан более чем на 1600 хорватов и мусульман. В частности, было установлено, что к убийству 800 человек и их перезахоронению с целью скрыть следы преступлений причастен и А. Изетбегович. Но практически все это было пока проигнорировано трибуналом.

Международный трибунал явно использовался как рычаг политического нажима и двойного подхода к конфликтовавшим сторонам, нейтрализации или изоляции неугодных Западу политических деятелей.

Любопытно, что генеральный прокурор трибунала Р. Голдстоун лишь после объявления о своей отставке разразился тирадой о том, что в войне "все виноваты одинаково", и хорваты свирепствовали на занятых территориях не меньше сербов[21].

Государственное устройство Боснии и Герцеговины

В вопросах государственного строительства в Боснии и Герцеговине международные посредники главное внимание уделяли задаче повышения жизнеспособности Мусульмано-хорватской федерации (формированию новых федеральных и местных органов, нормализации обстановки в Мостаре, модернизации вооруженных сил федерации), а также подготовке к намеченным на осень выборам в Боснии и Герцеговине на всех уровнях и образованию общегосударственных законодательных и исполнительных органов.

По признанию их верховного представителя в Боснии и Герцеговине К. Бильдта, сохранение Мусульмано-хорватской федерации оставалось под вопросом.

Усматривая в заявлениях и действиях мусульманских лидеров намерение узурпировать власть в федерации, попытки ревизии Дейтонских соглашений, хорваты выступали против сильной централизации исполнительной власти. Их смущало и то обстоятельство, что по мере выполнения Дейтонских соглашений Республика Герцег-Босна должна самораспуститься, а ее структуры раствориться в общих с мусульманами (а на общегосударственном уровне - и с сербскими) органами власти. Мириться с потерей самостоятельности они не хотели, требовали гарантий суверенитета, перевода Республики Герцег-Босны в режим некоего "сообщества", которое обеспечивало бы интересы герцеговинских хорватов.

В этой ситуации А. Изетбегович вынужден был маневрировать, но более радикально настроенный Х. Силайджич открыто заявлял, например, что не имеет смысла создавать в Боснии и Герцеговине "декоративное правительство", не наделенное реальными полномочиями[22].

Тем не менее, процесс образования общих структур начался. В конце января было создано временное (до выборов) правительство федерации (премьер, вице-премьер, 12 министров). Возглавил его мусульманин Изудин Капетанович, пост министра обороны получил хорват Влада Шолич.

В результате нажима на обе этнические общины, которым пригрозили лишением международной политической, финансовой и военной поддержки, к началу апреля было подписано "*Соглашение о федерации Боснии и Герцеговины*", предусматривавшее форсированный график решения остающихся проблем. Это соглашение международные посредники стремились представить как "новое рождение" федерации. В десятидневный срок предстояло завершить формирование областных (кантональных) органов власти (к тому времени законодательные органы существовали лишь в 4 из 10 областей, а местных "правительств" не было вообще). 11 апреля имелось в виду созвать Совместный мусульмано-хорватский совет (парламент, предусмотренный Дейтонскими соглашениями), который должен был принять целый пакет "финансовых" законов, делающих возможным проведение единой финансовой, таможенной, оборонной политики. Было подчеркнуто, что

"несформировавшиеся" кантоны и местные общины не будут получать средств из бюджета федерации. Надо сказать, что собрать этот совет в назначенный срок так и не удалось, и заседание было перенесено на начало мая. Вообще реализация этого соглашения шла с большим скрипом. Поэтому на 25 апреля в пригороде Бонна Петерсберге была намечена под присмотром немцев еще одна встреча мусульманских и хорватских представителей, преследовавшая цель попытки договориться о формировании временных совместных органов власти и решить другие открытые вопросы.

Несмотря на вроде бы существовавшее желание сторон уладить межэтнические проблемы, перепалки не прекращались. Возник, например, спор о паспортной принадлежности хорватов из Боснии и Герцеговины. В этой связи министр обороны Хорватии недвусмысленно заявил: "Если хорваты в Боснии хоть в чем-то почувствовали себя ущемленными, Хорватия должна сделать все возможное для их защиты"[23].

В течение всего этого периода оставалась сложной обстановка в главном городе Герцеговины Мостаре, который европейская администрация города и международные посредники хотели превратить в "витрину" совместного проживания хорватов и мусульман, но который продолжал по-существу жить в ритме военного времени[24].

Обострение мостарского кризиса во многом спровоцировано самими Дейтонскими соглашениями. Администрация ЕС изначально исходила из более медленного темпа "сращивания", но американцы решили привнести в этот процесс скорость и напор. 20 февраля должно было стать днем объединения как для всей федерации, так и для Мостара[25]. Однако несколько раундов переговоров между хорватами и мусульманами о статусе Мостара закончились безрезультатно. Ни одну из сторон не устраивала предложенная посредниками схема административного деления города: по 3 этнических общины и один центральный многонациональный "округ"[26]. 7 февраля 1996 г. в Мостаре в очередной раз возникли беспорядки. Несколько десятков хорватов захватили и стали громить бюро ЕС, подвергся нападению и главный европейский администратор немец Г. Кошник. Мэр хорватской части Мостара объявил о прекращении всех

контактов с европейской администрацией. Конфликт удалось приглушить с большим трудом. Г. Кошник досрочно ушел в отставку, его сменил испанец, бывший мэр Валенсии Рикардо Перес Касадо. ЕС продлил свой мандат в Мостаре, истекавший в июле, до конца 1996 г. В апреле Р. Перес Касадо свел лидеров этнических общин Мостара в новом раунде переговоров, что, однако, не дало ощутимых результатов[27].

Важным аспектом деятельности США в Боснии являлись их мероприятия по модернизации *армии федерации*. Как заявляли американцы, они ставили задачу довести ее потенциал до уровня вооруженности военных формирований боснийских сербов. При этом речь шла именно о дополнительных поставках оружия и переподготовке личного состава, численность которого всегда превосходила сербов. По данным на март 1996 г. вооруженные силы мусульман насчитывали 92 тысячи человек, герцеговинских хорватов - около 50 тысяч и боснийских сербов - около 75 тысяч человек[28].

По инициативе США в марте 1996 г. в Анкаре была проведена конференция по определению размеров взносов на программу военно-технической помощи федерации, которая должна приобрести наибольший размах после полной отмены эмбарго на военные поставки в регион (это должно было произойти после 11 июня 1996 г.). На конференцию были приглашены более 40 стран и 6 международных организаций, однако откликнулись примерно половина из них. Дело в том, что у многих стран (и прежде всего России, Англии и Франции) вызвал неприятие американский проект укрепления мира на Балканах путем массированных поставок туда новых вооружений. Надо, кстати, сказать, что, очевидно, одной из целей США в этом вопросе было желание поставить процесс перевооружения под свой контроль и не допустить существенного роста влияния на него исламских стран, хотя они-то и оказались главными спонсорами.

До последнего времени не было выработано положений о практическом объединении вооруженных сил мусульман и хорватов в одну армию (по Дейтонским соглашениям в Босния и Герцеговина оба образования - федерация и РС будут иметь отдельные армии). Но было принято важное решение, что воен-

ное ведомство федерации приступит к работе до принятия закона об обороне, для участия в доработке которого в конце апреля в Сараево прибыл американский дипломат Д. Пэрдью[29]. Сам закон предполагалось принять лишь после выборов.

По-существу волоком затаскивая этнические общины Боснии и Герцеговины в общую жизнь, хотя до государственного единства страны по-прежнему далеко, международные посредники, очевидно, постоянно держали в уме перспективы предстоявших всеобщих выборов, которые намечались на сентябрь 1996 г.

Пока центральную исполнительную власть в Боснии и Герцеговине олицетворяло правительство переходного периода: премьер-министр, 5 полномочных министров и один министр без портфеля. После того, как прежний премьер Х. Силайджич, выступавший против ограничений полномочий правительства, отказался от предложенного ему мандата, новым премьер-министром стал Хасан Муратович (1940 г. рождения, профессор), который до этого был председателем госкомитета по отношениям с ООН и другими международными организациями. Мусульмане получили также министерства финансов, юстиции и управления, по делам беженцев и переселенцев, а также пост министра без портфеля. Министром иностранных дел стал Ядранко Прлич (будучи премьером Республики Герцег-Босна, он подписал документы в Дейтоне, которые, кстати, отказался потом заверить президент федерации Крешимир Зубак, потерявший вследствие этого авторитет в глазах Запада). Хорваты получили также пост министра внешней торговли и международных коммуникаций. Что касается сербов, то их "хождение в общую власть" должно было произойти после выборов, когда их представителям бы отдали два места в центральном правительстве.

Для подготовки и проведения выборов отвечавшая за них ОБСЕ сформировала специальную комиссию (4 члена от международного сообщества и 3 представителя Боснии и Герцеговины - по одному от каждой этнической общины). Большинство граждан должны были определяться сразу по 7 бюллетеням, так как выборы намечались одновременно на всех уровнях. Руко-

водитель боснийской миссии ОБСЕ Роберт Фроуик 23 апреля объявил об окончании разработки правил голосования, но не смог прояснить некоторые вопросы.

Не было четкого представления о правилах, по которым политики бы вели борьбу за мандаты. Определенные трудности ощущал А. Изетбегович, относительно которого на Западе испытывали явное разочарование. Х. Силайджич, вышедший из правящей Партии демократических действий (ПДД), 13 апреля провел учредительную конференцию своей партии "За Боснию и Герцеговину". Намереваясь бороться за "гражданскую республику", он рассчитывал на неформальную поддержку из-за рубежа.

Ясно, что Р. Караджич и Р. Младич не могли быть допущены к избирательной кампании. А вот право на участие в выборах Фикрета Абдича, пока было непонятно. Укрывшись после военного разгрома в Хорватии, он зарегистрировал в Мостаре созданную им партию "Демократическое народное сообщество" (ДНС). Пикантность ситуации состояла в том, что правительство требовало его выдачи, но на выборах, состоявшихся в Боснии и Герцеговине 5 лет тому назад, он одержал убедительную победу, неосторожно уступив потом добровольно пост председателя Президиума Боснии и Герцеговины А. Изетбеговичу.

Важно отметить, что сомнения по поводу выборов испытывали все три этнические общины Боснии и Герцеговины. В частности, в начале мая о своем несогласии с правилами грядущей избирательной кампании заявила ведущая политическая организация боснийских мусульман Партия демократического действия (ПДД). Она считала, что выборы только закрепят факт раздела страны на два государства, а потому участвовать в них не желали. Отсутствие ПДД ставило под сомнение реальную ценность выборов, а также действенность избранной власти.

Проблемой являлось и то, что избирательные списки составлялись на основе переписи 1991 г., но с тех пор места проживания покинули по некоторым сведениям до 3 млн. человек из 4,5 млн. жителей. Беженцы были обязаны голосовать по старому месту жительства или обзавестись специальными открепительными талонами. Помимо технических трудностей это вело к

тому, что многим избирателям предстояло голосовать в округах с совершенно изменившимся этническим составом.

Выборы в Боснии и Герцеговине, прошедшие 14 сентября 1996 г. стали ключевым событием в реализации Дейтонских соглашений. Сложность структуры государственной власти в Боснии и Герцеговине, одобренная мирными соглашениями, не вселяет оптимизма относительно того, что новое государство будет эффективно функционировать, как единый организм. В выборах приняли участие 39 политических партий. Но не стало неожиданностью подтверждение результатами голосования убедительного авторитета, которым пользуются у населения националистические партии, причем те же, которые вели войну. Их лидеры - Алия Изетбегович, Момчило Краишник и Крешимир Зубак, победив своих соперников, - вошли в Президиум Боснии и Герцеговины. Президиум состоит из трех человек, представляющих каждую из этнических общин, и осуществляет функцию высшей власти Боснии и Герцеговины.

Следующей ступенью власти является Парламент, состоящий из Палаты представителей (42 человека: 2/3 от Федерации и 1/3 от Республики Сербской) и Палаты народов (15 человек: по 5 от каждой общины). Кроме того, Федерация Боснии и Герцеговины имеет свой орган управления - Парламент, включающий Палату представителей и Палату народов, а Республика Сербская - Народную Скупщину и Президиум. На каждом из уровней большинство мест получили представители тех же ведущих партий.

По Дейтонским соглашениям Босния и Герцеговина, оставаясь целостным государством, предоставляет своим административным единицам широкий спектр самостоятельности. Последнее обстоятельство не удовлетворяет мусульман, которые настаивают на большей централизации страны. Но против этого возражают сербы и хорваты, не отступившие от своих планов объединения, пусть в будущем, с этнической родиной. Перспективы "Дейтонской Боснии" зависят от того, как будет идти процесс создания и функционирования общих учреждений. Пока же остается констатировать, что Босния и Герцеговина и

после выборов представляет собой наиболее децентрализованное государство в мире.

Страна имеет три конституции, две армии, три ведущие политические партии. Партнеры не смогли даже договориться о системе измерения времени. Так что в Республике Сербской и хорватской части Боснии и Герцеговины во время выборов функционировало летнее время, а в мусульманских районах уже наступило зимнее.

Оценивая дальнейший ход развития событий, можно наметить три возможных сценария. Первый, более всего устраивающий мусульман, - восстановление политическими средствами довоенной, полиэтничной Боснии и Герцеговины. Реализация его зависит от возможности возвращения беженцев и перемещенных лиц в свои дома, что довольно затруднительно.

Второй вариант представляет собой status quo, установленный Дейтонскими соглашениями. Он тоже, как предполагают специалисты, слабо жизнеспособен. Возможна дезинтеграция Боснии и Герцеговины, поскольку центральные органы управления лишены реальной власти и опираются на внешние силы. Республика Сербская и хорваты имеют право на параллельные отношения с соседними Союзной Республикой Югославией и Республикой Хорватией.

Третья альтернатива - разделение Боснии и Герцеговины на три части, с сербской и хорватской, воссоединяющимися с этнической родиной, и мусульманской (боснийской), поглощение которой соседями тоже не исключается. Возможен, но наименее желателен четвертый, военный вариант. Остается надеяться, что все участники конфликта устали от боев и разорений.

Вместе с тем, результаты выборов подтверждают резкую этническую поляризацию страны. Так, боснийские хорваты, несмотря на формальную ликвидацию своей республики Герцег-Босны и вопреки сопротивлению католической церкви, не стали голосовать в средней Боснии, а поехали на выборы в западную Герцеговину (т. е. район Герцег-Босны). Нельзя предположить, что и боснийские сербы откажутся от укрепления своей Республики Сербской. Правда, в последнее время Союзная Республика Югославия проявляет интерес лишь к той части земель боснийских сербов, которые примыкают к ее собственной террито-

рии. Поэтому не исключена возможность разных судеб для двух областей Республики Сербской.

Выше уже отмечалось, Дейтонские соглашения разрешают установление специальных отношений между боснийскими образованиями и соседними странами, правда, это предусмотрено главным образом в области культуры и экономики. По Конституции Боснии и Герцеговины "образования имеют право формировать параллельные отношения в соседними странами в соответствии с суверенитетом и территориальной целостностью Боснии и Герцеговины".

Как показывает развитие событий, Загреб и Белград не игнорируют это положение и предпринимают усилия по его воплощению в жизнь. *Предложение о специальных отношениях между Республикой Сербской и Союзной Республикой Югославией* было подписано в начале 1997 г. Момчило Краишником и Зораном Лиличем. Аналогичное *Соглашение о специальных отношениях между Республикой Хорватией и Мусульмано-Боснийской Федерацией* предложено Франьо Туджманом осенью 1997 г.

Оба документа направлены на инкорпорацию соответствующих частей Боснийского государства в экономические и политические системы Хорватии и Югославии. Эти страны будут, может быть, лишь ждать подходящий момент, чтобы поглотить Боснию и Герцеговину. Но уже сейчас Соглашения влияют на отношения между Федерацией и Республикой Сербской, между Боснией-Герцеговиной, Хорватией и Югославией. Хорватско-Боснийское соглашение кроме того затрагивает расстановку сил внутри Федерации, воздействуя на контакты хорватов с боснийскими мусульманами. В ходе реализации "специальных отношений" Босния-Герцеговина будет поделена на две сферы интересов. Т. о. очевидна перспектива воплощения идеи "Великой Хорватии" и "Великой Сербии".

Предложения Туджмана более детально проработаны, они распространяются на сферу финансовой политики, таможни и внешней торговли, поскольку предусматривают таможенное и денежное единство, создание свободных таможенных зон и торговых условий.

Не случайно Момчило Краишник, националистически настроенный сербский представитель в совместном Боснийском президиуме, публично приветствовал идею Туджмана, тогда как Алия Изетбегович выдвинул свое контрпредложение. 15 ноября 1997 г. он огласил *Временное соглашение о формировании специальных параллельных отношений* на основе "кооперации". Специальные отношения он мыслит как экономическую и торговую кооперацию, совместные инвестиции и использование промышленных и естественных ресурсов, научного потенциала и технологий, а также сотрудничество в области культуры и спорта. Изетбегович не упоминает денежное и таможенное единство и свободную торговлю, а также предлагает создать объединенный комитет по воплощению Соглашения.

Очевидно, что Франьо Туджман не оставил идею о включении контролируемой хорватами части Федерации или даже всей ее территории в состав Хорватии. Естественно, что босняки не хотят соглашаться на это. Т. о. вопрос о степени распространения хорватского, а соответственно и сербского влияния на Боснию и Герцеговину пока остается открытым, достаточно взрывоопасным и во многом зависит от позиции мирового сообщества[30]. А оно все более активно поддерживает централизованную Боснию и Герцеговину, исподволь корректируя Дейтонские соглашения.

Все изложенное говорит о сложности и длительности процесса боснийского урегулирования, необходимости постоянного внимания к нему как прямо участвующих сторон, так и международных посредников. О понимании этого свидетельствует уже тот факт, что за истекший период имели место многочисленные и самые разноплановые контакты на всевозможных уровнях, посвященные многим аспектам мирного процесса.

Активизировались отношения и между руководящими деятелями самих государств на территории бывшей Югославии. Состоялся ряд взаимных визитов, подписаны различные двусторонние документы. Начался процесс взаимопризнания и установления дипломатических отношений. Это способствует и укреплению международного статуса новых государств.

Примечания

[1]Сегодня. 20. 04. 1996.
[2]War Report. 1996. N 39. P. 11.
[3]Известия. 3. 02. 1996.
[4]War Report. 1996. N 39.
[5]Сегодня. 30. 01. 1996.
[6]War Report. Dec. 1997- Jan. 1998. P. 34.
[7]Известия. 22. 09. 1995; Сегодня. 24. 08. 1995.
[8]Сегодня, 27. 03. 1996; Сегодня. 24. 08. 1995; Сегодня. 8. 09. 1995; Правда. 29. 08. 1995.
[9]Сегодня, 20 и 27. 03. 1996; Сегодня. 24. 02. 1996; Правда-5, 1. 03. 1996.
[10]Сегодня. 27. 03. 1996; Известия. 25. 01. 1996.
[11]Сегодня. 24. 08. 1995; Сегодня. 25. 08. 1995; Сегодня. 24. 08. 1995.
[12]Сегодня. 11. 08. 1995.
[13]Независимая газета. 29. 03. 1996.
[14]Сегодня. 26. 04. 1996.
[15]Sharp J. Dayton's Unfinished Business // War Report. Feb.-March 1998. P. 27.
[16]Sharp J. Op. cit. P. 27.
[17]Известия. 26. 12. 1995.
[18]Правда-5. 12. 01. 1996; Известия. 26. 12. 1995; 21. 03. 1996.
[19]Sharp J. Op. cit. P. 27.
[20]War Report. 1996. N 38. P. 4.
[21]Известия. 3. 02. 1996.
[22]Сегодня. 24. 01. 1996.
[23]Сегодня. 25. 04. 1996.
[24]War Report. 1995. N 38. P. 38.
[25]War Report. 1996. N 39. P. 6.
[26]War Report. 1995. N 38. P. 38.
[27]Сегодня. 25. 04. 1996.
[28]Сегодня. 15. 03. 1996.
[29]Независимая газета. 5. 04. 1996; Сегодня. 25. 04. 1996.
[30]См. подробнее: Habul E. Cooperation or Confederation? // War Report. Dec. 1997-Jan. 1998. P. 12-13.

Глава 12

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ МАКЕДОНИИ

Становление независимого государства

Процесс становления самостоятельного государства Республика Македония был осуществлен мирным и демократическим путем. Он начался с принятия в январе 1991 г. Собранием Республики Македонии (парламентом) Декларации о суверенитете. В сентябре того же года был проведен референдум о независимости. В отличие от других югославских республик, вопрос содержал два уровня: "Выступаете ли вы за создание суверенного и независимого государства Македонии с правом вступить в союз суверенных государств Югославии?" Более 70 % населения высказалось положительно (из общего числа избирателей на референдум пришли 75,74%, т.о. от числа пришедших 95,26% проголосовали "за"), что и послужило основанием для провозглашения суверенности этой бывшей югославской республики.

Характерно, что правительство Македонии первоначально выступало за существование обновленной Югославии, представляющей собой союз независимых государств, но при этом категорически отвергало возможность вхождения Македонии в такой союз, если бы он стал более узким, чем была федеративная республика Югославия, т.е. не включал бы Словению и Хорватию[1].

Республика Македония

Выход Македонии из состава Югославии и начало процесса становления этой суверенной республики проходил без обострения отношений с Сербией, в соответствии с договоренностью, достигнутой между югославским и македонским правительствами. Был установлен срок вывода войск федеральной армии, определены принципы раздела ее военного имущества, в том числе и оружия. Части федеральной армии покинули Македонию ранее даты, определенной графиком вывода войск. Оставленная же в Македонии военная техника, оружие и прочее военное имущество, использованы в вооруженных силах Македонии. В апреле 1996 г. был подписан Договор о нормализации отношений между Македонией и Югославией. Югославия признала новое государство под именем Республика Македония, а Македония признала правопреемственность СРЮ.

Однако, самоопределение македонского народа и формирование его идентичности оказалось в прямой зависимости от внешних обстоятельств, прежде всего (хотя и по-разному) от взаимоотношений с двумя соседними государствами - Грецией и Болгарией. Так, 20 декабря 1991 г. Македония обратилась к государствам-членам ЕС с просьбой признать республику. Но несмотря на то, что Арбитражная Комиссия в рамках Мирной конференции по бывшей Югославии констатировала, что "Республика Македония удовлетворяет условиям, оговоренным в Руководящих принципах, касающихся признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе"[2], вопрос о ее признании долго не решался.

Сложности с признанием Республики Македонии как суверенного независимого государства и с включением ее в международные организации возникли в связи с заявлением Греции, протестующей против названия республики - Македония и исторической греческой атрибутики в официальной македонской символике. Это связано с тем, что греческие власти считают незаконным актом присвоение государству имени, совпадающего с историческим названием одной из областей Греции и видят в этом потенциальную возможность территориальных споров.

Тот факт, что вопрос о признании Македонии как самостоятельного государства длительное время не решался, имел

Белград
Расселение македонцев и албанцев
Хорватия
Босния
Герцеговина
Сербия
Черногория
Албанское большинство
Македонское большинство
Смешанное население
Косово
Приштина
Куманово
Скопье
Болгария
Македония
Адриатическое море
Тирана
Прилеп
Битоль
Албания
Греция
Эгейское море

негативные последствия для этой республики - это и дополнительный фактор определенной нестабильности в македонском обществе, а кроме того, - существенный урон ее материальному положению, так как страна была лишена многих льгот (разных форм кредитов, безвозмездной помощи и проч.), которыми могла бы пользоваться будучи суверенным государством. Последнее обстоятельство весьма существенно для Македонии, которая и в составе бывшей СФРЮ, когда она имела инвестиции, льготы и т. д., занимала одно из последних мест в стране по уровню экономического развития и, соответственно, жизненному уровню населения.

После выхода из состава Югославии экономическое положение Македонии еще более ухудшилось. Так брутто национального дохода в Македонии ранее составляло 1800 долларов на человека, в 1994 г. оно сократилось до 760 долларов. Осложнение ситуации прежде всего было связано с тем, что санкции против Югославии с середины 1992 г. до конца 1995 г. лишили Македонию ее традиционного партнера.

Тяжелый удар благосостоянию республики нанесла экономическая блокада южной границы Македонии, введенная Грецией в апреле 1994 г. и длившаяся 18 месяцев. По этой причине ежемесячные потери Македонии составляли 50 млн. долларов. Одна из причин сложной экономической обстановки - потеря железнодорожной связи с внешним миром, которую Македония могла бы осуществлять на севере через Сербию, а на юге через Грецию. Республика оказалась в прямой зависимости от автомобильного сообщения через Болгарию и Албанию, что в пять раз дороже железнодорожных перевозок. (К примеру, ранее нефть ввозилась Македонией через Грецию). Мировое сообщество относилось толерантно к такому положению Македонии и не вмешивалось в сложившуюся ситуацию[3].

Очевидно, выход из тупика был бы найден быстрее, в случае если бы народ и правительство Македонии согласились изменить название своего государства. Но, по словам президента Македонии Киро Глигорова, в диалоге с Грецией Македония не хотела отступать от собственного идентитета и имени. Выход из македонско-греческого противоречия был найден не сразу, но позднее двум странам, кажется удалось достичь компромисса.

Македония имеет естественную ориентацию на Грецию и заинтересована в сотрудничестве.

ЕС в мае 1992 г. согласился признать Македонию только после урегулирования вопросов с названием. В апреле 1993 г. Республика была принята в ООН под временным наименованием "Бывшая Югославская Республика Македония" (БЮРМ)[4]. В октябре 1995 г. Македония стала членом ОБСЕ, а в ноябре - членом Совета Европы. В настоящее время процесс международного признания Македонии практически завершен. К июню 1996 г. ее признали 72 государства, в том числе 35 - под именем "Республика Македония"[5].

В сентябре 1995 г. Македония и Греция подписали в Нью-Йорке соглашение о нормализации отношений. Греция признала Македонию как суверенное государство, сняла экономическое эмбарго, а Македония отказалась от эмблемы (шестнадцатиконечной звезды) на своем государственном флаге.

Несмотря на сложность обстоятельств вокруг Македонии, некоторые страны, например Турция, Болгария, одними из первых официально заявили о своем признании нового государства - Республики Македонии. Сотрудничество с Болгарией помогло Македонии в сложный период. Болгария признала молодое государство под ныне существующим названием и подчеркнула, что не имеет к Македонии территориальных претензий, но многолетний спор между Македонией и Болгарией о существовании македонского этноса далек от завершения. Охлаждает отношения и позиция Болгарии по поводу статуса македонского языка.

В Софии, как было недавно написано в болгарской газете "Дума", смотрят на Македонию как на вторую болгарскую страну. Согласно тестированию, проведенному службой Гэллапа в 1991 г., 65% опрошенных жителей Болгарии заявили, что считают македонцев болгарами[6].

Болгария официально придерживается позиции, что не существует самостоятельного македонского этноса, а македонский язык рассматривается как диалект болгарского. Спор о названии языка оказывается совсем не второстепенным, даже мешает подписанию взаимных соглашений, так как страны не могут придти к взаимопониманию о том, как назвать языки, на которых эти соглашения должны подписываться. По информа-

ции Болгарского министерства иностранных дел, Скопье настаивает на формулировке "на болгарском и македонском языке" и хочет, чтобы македонский язык был упомянут. Компромиссное решение, которое предложила София, звучит - "на официальных языках двух стран", но Македония не соглашается на такой вариант.

Вместе с тем, несмотря на языковые проблемы, в целом отношения между Болгарией и Македонией, особенно в области экономики, в настоящее время могут быть оценены как хорошие. Признание Македонии Болгарией - очень важный их показатель. По мнению Софии, независимая Македонская страна представляет собой фактор стабильности на Балканах. В то же время Болгария предъявляет Македонии целый ряд претензий. В частности, критикуется тот факт, что в списке национальностей, регистрируемых переписью населения Македонии 1994 г., не была предоставлена возможность желающим записать себя в качестве болгарина. По официальным македонским сведениям при переписи населения 1991 г. 3 тыс. болгар в Македонии были зафиксированы в рубрике "прочие меньшинства". В Софии же придерживаются мнения, что при более демократически проводимой переписи болгар в Македонии было бы больше.

И Болгария, и Греция недовольны параграфом 49 македонской конституции, в котором сказано, что Скопье защищает статус и права македонского народа в соседних странах, но при этом не будет вмешиваться в суверенные права других стран и их внутреннюю жизнь. Греция занимает ультимативную позицию и оказывает давление на Македонию. Болгария официально до сих пор не требовала изменение спорного параграфа, хотя, безусловно, считает, что в Болгарии македонского меньшинства нет[7].

Правительство Македонии пытается найти решение путем диалога. По мнению К. Глигорова, "национальная вражда, шовинизм и религиозная нетерпимость представляли бы собой крах Македонии".

Межэтнические отношения

Демографические данные. Македония является полиэтничным государством. Поскольку перепись населения, проведенная в 1991 г. бойкотировалась албанцами, спустя три года была проведена внеочередная перепись. По ее данным в 1994 г., общая численность населения составляла 1 млн. 936877 чел. (некоторые исследователи приводят другие цифры - 2 млн. 075 196 чел.) , из которых 1 288330 (1 378 687) чел. или 66,5% составляют македонцы, 443 914 (478 967) (22,9%) - албанцы (многие албанцы не участвовали в переписи населения, поскольку не имеют документов о гражданстве в Македонии. Следовательно, поэтому их реальная численность выше и по некоторым оценкам достигает одной трети населения), в республике живет 43 732 (47 408) цыган (2,3%), 39 260 (39 866) сербов (2%), 77 252 турок (4%), 8 тыс. или 0,8% влахов (здесь они называются цинцари)[5]. Большинство населения 66,66% исповедуют православие, 30,06% - ислам, 0,49% - католицизм.

Большинство албанцев и турок живут в сельской местности на западе и севере страны, кроме того представители обеих групп составляют многочисленные общины в Скопье. Сербы главным образом сосредоточены на севере в пограничных с Сербией областях, а цыгане расселены по всей стране как в городах, так и в селах. Македонские мусульмане живут преимущественно на западе. Влахи сосредоточены вокруг городов Битола, Ресен и Крушево, в горах Осгово и в долине Крива.

Несмотря на наличие полиэтничных деревень и смешанного проживания в Скопье, в республике доминируют однонациональные поселения, этнические группы мало контактируют, хотя и мирно сосуществуют. С ухудшением экономического положения и усилением политической напряженности коммуникационная дистанция еще больше увеличилась, особенно между албанцами и македонцами.

Законодательство и конституционные права. Македония в своей внутренней политике уделяет большое внимание толерантному сосуществованию различных групп населения и пыта-

ется подходить к национальному вопросу с позиций международных стандартов. В соответствии со ст. 8 Конституции Македонии 1991 г., основополагающей ценностью конституционного устройства Македонии являются основные свободы и права человека, признанные международным правом..." Македония определяется как государство совместного проживания македонского народа с другими национальностями (именно термин "национальность", а не "этническое" или "национальное меньшинство" используется в Конституции). Это подчеркивается в преамбуле Конституции: "Македония учреждается как национальное государство македонского народа, в котором обеспечивается полное гражданское равноправие...македонского народа с албанцами, турками, влахами, цыганами и другими национальностями, которые живут в республике Македония"[9].

Специальные статьи Конституции провозглашают защиту и развитие этнической специфики у представителей всех этнических групп и наделяют их равными политическими правами, которые подразумевают право на собственный язык, веру, информацию, культурную жизнь, функционирование народных обычаев и т. д. Согласно ст. 9 "Граждане Республики Македонии пользуются равными свободами и правами независимо от пола и расовой принадлежности, цвета кожи, национального и социального происхождения, политических и религиозных убеждений, имущественного и общественного положения"[10].

Ст. 48 посвящена правам национальностей, проживающих в стране. Она гласит: "Представители национальностей имеют право свободно выражать, беречь и развивать свою национальную идентичность и национальные особенности.

Республика гарантирует защиту этнической, культурной, языковой и религиозной идентичности национальностей.

Представители национальностей имеют право основывать культурные и художественные учреждения, научные и другие объединения, целью которых является выражение, сохранение и развитие своей национальной идентичности."

Следующий параграф этой статьи специально посвящен образованию на языках меньшинств: "Представители национальностей имеют право преподавать на своем языке в начальной и средней школе в соответствии с установленной законом

процедурой. В школах, в которых обучение осуществляется на языке национальностей, изучается и македонский язык".

Конституция предполагает создание Совета по межнациональным отношениям (ст. 78), который состоит из 13 человек - председателя Собрания Республики (Парламента страны), двух представителей от каждой из основных этнических групп: македонцев, албанцев, турок, влахов и цыган, а также двух членов от прочих национальностей. Задачей Совета является рассмотрение проблем межнациональных отношений в Республике и вынесение предложений по их решению непосредственно в Парламент.

Положения Конституции развиваются и дополняются в ряде других законодательных актов. Так, в Законе о местном самоуправлении 1995 г. закреплено, что в общинах, где представители национальности составляют более 20% населения, может употребляться их язык в качестве служебного, наименования населенных пунктов, вывески общественных служб и учреждений пишутся на двух языках и т. д.[11]

Несмотря на обилие внимания к статусу меньшинств, Конституция была негативно воспринята этой частью населения нового государства. Прежде всего обращалось внимание на то, что Македония провозглашается национальным государством македонского народа, а не народов Македонии. Кроме того, албанцы выступали против принятия Конституции, поскольку она не учитывала их требование быть конституционным элементом македонского государства наравне с македонцами и игнорировала предоставление албанскому языку статуса официального. Сербы жаловались на то, что эта достаточно многочисленная группа жителей Македонии вообще не упоминалась в Конституции.

Что касается созданного в 1992 г. *Совета по межнациональным отношениям*, распространено мнение, что он не играет активной роли в развитии межэтнического диалога и мало влияет на решения Собрания Республики. Президент Демократической партии турок Эрдоган Шарац обратил на это внимание Хельсинкских наблюдателей по правам человека. То же мнение высказал в письме тогдашнему министру иностранных дел Македонии Стево Црвенковскому Верховный комиссар по де-

лам национальных меньшинств ОБСЕ Макс ван дер Стул. Он также добавил, что мнение Совета могло бы быть полезным при решении вопросов, связанных с различными этническими группами. Наблюдателями также было отмечено, что в ряде случаев Совет выносил рекомендации, которые игнорировались парламентом. Например, Совет рекомендовал включить сербов в конституционный перечень национальностей, что не было поддержано Собранием республики[12].

Еще больше нареканий вызвал принятый в октябре 1992 г. *Закон о гражданстве.* Исходя из него, без проблем гражданство может получить человек, рожденный в Македонии и если один из его родителей является македонцем. В случае рождения за границей македонцами должны быть оба родителя. Для предоставления гражданства путем натурализации введен 15-летний ценз проживания и другие ограничения (знание языка, достижение 18 летнего возраста, экономическое положение, отказ от гражданства другой страны и т. д.)[13] Таким образом, многие жители страны - не этнические македонцы - на основании этого закона лишены возможности автоматически получить гражданство. Закон также не учитывает, что в период существования СФРЮ население мигрировало в пределах большей территории. Следовательно, представителю этнических меньшинств, рожденному в другой республике, но живущему и работающему в Македонии, могут отказать в гражданстве. По данным Министерства иностранных дел в июле 1995 г. 143 288 жителей Македонии не имели гражданства, главным образом выходцы из других республик бывшей Югославии[14].

Политические партии. Первые парламентские выборы на многопартийной основе были проведены в Македонии в 1990 г., в них участвовало 18 политических партий, в том числе и этнических. Закон о политических партиях 1993 г. официально разрешил создание этнических политических партий при условии, что они не будут разжигать национальную нетерпимость. В 1994 г. в стране насчитывалось уже 60 политических партий, из которых 15 были созданы по этническому принципу[15].

Интересы македонской оппозиции, выступающей за создание национального государства македонцев в этнической

форме, отражает партия ВМРО-ДПМНЕ (*Внутренняя Македонская революционная организация - Демократическая партия македонского национального единства*). В начале 90-х годов националистически настроенной оппозицией был организован целый ряд митингов в г. Охрид, Струга и др. под лозунгом "Македония для македонцев". Македонский президент обвинялся в "распродаже Македонии", в увеличении численности мусульман (особенно в западной Македонии)[7].

Крупнейшей партией албанцев является *Партия демократического процветания* (ПДП), пользующаяся поддержкой более 90% этой части населения. Партия не имеет сецессионистских устремлений, но отстаивает предоставление албанцам равных с македонцами прав в стране.

Турки объединены в *Демократический союз*, цыгане - *Партию за эмансипацию*, влахи - *Демократический союз*, боснийские мусульмане - *СДА в Македонии*, сербы - *Демократическую партию сербов в Македонии*.

Правительство Македонии во главе с К. Глигоровым придерживается принципа "Македония, как многонациональная страна" и пытаются интегрировать этнические меньшинства в политическую систему и сохранить стабильность общества. Вместе с тем тяжелое экономическое положение и сложная международная ситуация подталкивают внутриполитическую обстановку к постоянной радикализации. Действия правительства критикуются как собственными македонскими националистами, так и представителями этнических меньшинств.

Албанцы. Одной из трудноразрешимых проблем, с которой столкнулось молодая страна, является конфликт с албанскими жителями, вызванный целым комплексом причин. Эта группа занимает активную политическую позицию. Наиболее радикальные ее лидеры призывают присоединиться совместно с Косово к Республике Албании, требуют пересмотра границ Македонии, умеренные борются за расширение прав албанцев в рамках существующего государства. Начиная с 1991 г. несколько раз албанцы не поддерживали решения остальной части населения. Так, албанские члены македонского парламента, как было отмечено выше, в 1991 г. бойкотировали голосование по

вопросу о независимости республики, они не одобрили принятие новой конституции. Кроме того албанские депутаты настаивают на введении албанского языка в качестве служебного в Собрании Республики. В регионах с албанским населением использовался не македонский, а албанский флаг, македонский язык игнорируется.

В 1992 г. албанцы провели свой референдум, на котором 99% голосовавших выступили за создание территориальной автономии в западной Македонии. Албанцы призывали к тому, чтобы при признании Македонии в качестве суверенного государства мировым сообществом было учтено это требование. Естественно, что вышеописанные действия нередко сопровождались массовыми демонстрациями, гибелью людей, уничтожением материальных ценностей, нарушением мирного течения жизни, что являлось дополнительным дестабилизирующим фактором в положении Македонии. В связи с этим в ноябре 1992 г. правительство Албании заявило, что оно полностью признает существующие в настоящее время границы всех стран региона.

Однако, вопрос далек от разрешения. Хельсинкская наблюдательная группа по правам человека обнаружила множество деталей, касающихся манипулирования положением албанцев обоими сторонами конфликта. В качестве положительного фактора отмечалось, что албанскому населению гарантированы многие права как македонским, так и международным законодательством.

Например, неплохо обстоят дела со средствами массовой информации: издается финансируемая государством ежедневная газета на албанском языке "Flaka e Vëllazërimit" ("Пламя братства"), телевидение отводит три часа ежедневно для албанских программ, семь из 29 муниципальных радиопрограмм вещают на албанском, есть частные газеты, теле- и радиоканалы на языках меньшинств.

Вместе с тем, правительству страны рекомендовалось предпринять некоторые шаги по выравниванию ситуации в системе занятости населения, в политическом представительстве различных этнических групп[17].

О сложности ситуации свидетельствуют многие факторы. Например, из 120 мест в Собрании Республики Македонии после первых парламентских выборов 1990 г., албанцы имели 23 депутатов, в 1994 г. -17. В правительстве, сформированном в 1991 г. албанцев представляли 4 министра, в правительстве 1996 г. -5. В то же время малое число албанцев занято в правительственном аппарате и государственных органах. В администрации Собрания Республики из 200 сотрудников лишь 4 являются албанцами, в аппарате правительства работает 2% албанцев, в юриспруденции - 1,7%, в министерствах страны албанцев единицы. Лишь 4,5% полицейских в стране - албанцы[18].

Правительство обращает внимание на этот дисбаланс и принимает меры по его устранению. Скажем, стимулирует поступление албанцев в полицейский колледж. В министерствах планируется довести представительство меньшинств до 15-20%.

Другой принципиальной проблемой, на решении которой настаивают албанцы, является вопрос об образовании на албанском языке. Представители албанского населения изучают родной язык в 279 начальных (8-летних) и 5 средних школах (4-летних), которые финансируются государством. Каждая деревня с заметным числом албанцев имеет начальную школу, средние школы, как правило сосредоточены в городах. Наблюдатели Хельсинкской группы констатировали, что все до единого албанского ребенка охвачены начальным образованием, тогда как до 1945 г. 90% албанского населения было неграмотным[19].

Вместе с тем, в начале 90-х годов лишь 25-30% албанских детей продолжали обучение в средней школе, тогда как у македонцев этот показатель составлял 96%.

Много дебатов постоянно вызывает вопрос высшего образования на албанском языке. Албанские лидеры напоминают, что в СФРЮ албанцы всей страны могли получить высшее образование на родном языке в университете г. Приштина (столице Косово), теперь же это учебное заведение оказалось в другом государстве. Конституция Македонии предоставляет национальностям страны право получить начальное и среднее образование на родном языке, но не предусматривает такой возможности для высшего учебного заведения. Нужно отметить, что международные нормы вообще не обязывают государства

обеспечивать образование на языках меньшинств, но поддерживают создание для этой цели всевозможных частных школ. Вместе с тем, Македонское правительство не отстраняется от столь серьезной проблемы, поскольку считает, что ее решение будет способствовать мирному и толерантному сосуществованию.

Правительство страны осознает, что процент албанцев на университетском уровне очень низок. По данным Министерства образования, в 1991-1992 учебном годах они составляли 2,4% студентов, в 1994-1995 г. - 6,4%. В 1994 г., например, доля абитуриентов македонского происхождения в Университете св. Кирилла и Мефодия (г. Скопье) равнялась 0,5% от всего македонского населения страны, тогда как доля албанских абитуриентов достигала лишь 0,17% по отношению ко всему албанскому населению[20].

Албанские лидеры недовольны данным фактом. Но нужно учитывать, что такая ситуация сложилась прежде всего из-за нежелания части албанских детей продолжать образование. В какой-то степени это объясняется социально-экономическими причинами: албанское население ведет традиционный и сельский образ жизни, не сильно экономически зависит от наличия диплома, поэтому уделяет меньше внимания образованию. Другим фактором является менее качественное образование на албанском языке. Например, в 1994 г. 51% албанских абитуриентов удалось поступить в университет г. Скопье, а из македонцев поступивших было 82,8%[21].

Несмотря на разное видение проблемы, как албанские лидеры, так и руководство страны осознают серьезность положения с образованием на албанском языке, его более низкий по сравнению с македоноязычным уровень.

В 1994-1995 г. наметились некоторые перемены в системе обучения албанцев. Был проведен дополнительный набор албанцев в педагогическую академию с целью последующего расширения сети образования на албанском языке. В этот период уже 12,4% учеников средней школы были албанцами, куда поступил 41% албанских выпускников начальной школы[22]. В университете Скопье выделена 10% квота для албанцев. На ряде

факультетов Университета г. Скопье организована албаноязычные группы.

Нужно отметить, что вышеописанные меры вызвали неоднозначную реакцию у македонской части населения. Например, Министр образования был приглашен в Конституционный суд для разъяснения ситуации, а группа родителей македонских детей в деревне Огнянци отказалась пускать детей в школу, поскольку там открыли албанские классы. Правительство сделало разъяснение о важности преподавания на албанском языке.

С другой стороны, правительственные решения не смогли удовлетворить и запросы албанского населения, поэтому в декабре 1994 г. было объявлено о создании албанского университета в Тетово. Презентация университета вылилась в политическую акцию, в ходе которой было арестовано несколько албанских лидеров. Университет до настоящего момента считается нелегальным и его дипломы не признаются. Тем не менее университет продолжает активно функционировать и по данным на ноябрь 1995 г. на шести факультетах университета обучалось уже 1 259 студентов[23].

Албанский вопрос в Македонии является одним из трудноразрешимых и тесно связан с его состоянием на всей территории бывшей Югославии. Лидеры этой группы населения согласовывают свои действия и выступают сообща. В частности, в связи с ухудшением ситуации в Косово заметна радикализация проблемы албанского населения Македонии. Например, 9 июля 1997 г. произошли столкновения на западе страны в г. Гостивар. Поводом послужил тот факт, что полиция сняла со здания городской ассамблеи албанские и турецкие флаги, а результатом стала гибель трех албанцев[24].

Турки. По многим параметрам настроения турок повторяют албанские. Например, турецкие партийные функционеры не довольны преамбулой македонской конституции, поскольку считают, что этот юридический документ относит немакедонское население страны к людям второго сорта[25].

Подобно ситуации с албанцами очень малое число турок работает в государственных органах и полиции. Обучение детей

на родном языке обеспечено на уровне начального и среднего образования.

Турецкие лидеры жалуются на недостаточное количество школ на их языке. Министерство образования в качестве контрдовода приводит данные о том, что многие турки не знают турецкого, даже дома говорят по-македонски. Более того, некоторые из них, хотя и указали в переписи населения турецкую национальность, на самом деле являются македонцами, исповедующими ислам.

Дебаты обострились в октябре 1991 г., когда по инициативе Демократической партии турок в одном из районов компактного проживания этой этнической группы были открыты две частные школы. Министерство образования потребовало их ликвидации, в дело вмешалась полиция. Родителям пригрозили увольнением с работы и прекращением выплаты некоторых пособий. До сих пор инструкции по созданию негосударственных учебных заведений не разработаны, что усложняет процесс урегулирования вопроса об альтернативном образовании[26].

Другие факторы, вызывающие недовольство турок касаются ограничений с предоставлением гражданства страны, изданием средств массовой информации. Вместе с тем, македонское телевидение один час вещает ежедневно на турецком языке, государство также финансирует издание туркоязычной газеты Birlik.

Сербы и черногорцы. Конфликтная ситуация на постюгославском пространстве отрицательно сказывалась на межэтнических отношениях в Македонии. Так, довольно сильны антисербские и античерногорские настроения. Это относится к сербам и черногорцам, живущим как в Македонии, так и за ее пределами. *Союз сербов и черногорцев Македонии* заявил, что по отношению к этим двум народам постоянно нарушаются положения конституции, обеспечивающие всем народам равные возможности, не соблюдаются национальные, религиозные и другие права. Союз сербов и черногорцев подчеркнул, что такое положение вредит не только сербам и черногорцам, но и македонцам и призывает к прекращению вражды между этими народами[27].

Сербов и черногорцев в Македонии немного. По переписи 1948 г. в этой республике насчитывалось менее 30 тыс. сербов и 2,3 тыс. черногорцев, в 1981 г. - 44 тыс. сербов, ок. 4 тыс. черногорцев, в 1991 г. - 44 тыс. сербов и 2 тыс. черногорцев, 10 тыс. - югославов, в 1994 г. - 40 тыс. сербов. В 1992 г. в школах Македонии на сербском языке обучалось 1,5 тыс. учеников.

Сербы обвиняли македонцев в антисербской кампании, проводимой после распада СФРЮ, в том, что македонские власти чинили препятствия функционированию сербских культурных обществ. Принципиальным является полное отсутствие упоминания сербов в Конституции страны наряду с другими, населяющими Македонию этническими группами. Даже после рекомендации Совета по межнациональным отношениям дополнить список меньшинств, как было отмечено выше, Парламент не внес коррективы в Конституцию. Аналогично представителям других этнических групп сербы жалуются на сложности, возникающие при получении македонского гражданства. По данным Демократической партии сербов, около 80 тыс. сербов в Македонии (помимо зафиксированных в переписи населения) не имеют гражданства[28].

Все-таки постепенно ситуация нормализуется, и можно считать, что сербам удалось придти к соглашению с властями. В 1992 г. в Македонии была признана Демократическая партия сербов, тогда же начало функционировать *Сербское культурное общество*, в 1994 г. сербы получили собственную телевизионную программу. В августе 1993 г. между македонскими властями и Демократической партией сербов Македонии было подписано соглашение, по которому власти обещали в течение 18 месяцев решить вопрос о статусе сербов, защитить их права, обеспечить образование и получение информации на сербском языке. В свою очередь сербы дали согласие участвовать в переписи населения 1994 г. Это соглашение было осуждено некоторыми сербскими лидерами Македонии как соглашательское, принято решение о требовании конституционного решения положения сербов в Македонии[29].

Македонско-сербские трения в ряде случаев приобрели межгосударственное звучание. Так, до сих пор не урегулированы отношения между сербской и македонской православными

церквями. Этот факт имеет и внутриполитическую окраску, поскольку ограничивает право граждан на свободу вероисповедания, делая функционирование сербской православной церкви в Македонии нелегальным.

Долгое время велись споры вокруг границы Сербии и Македонии. Время от времени случались даже небольшие стычки между сербскими и македонскими пограничниками, которые имели шанс в случае, если бы вопрос не был решен дипломатическим путем, перерасти в вооруженное столкновение[30].

Даже признание СР Югославией своего южного соседа ставилось в зависимость от корректировки конституционного списка национальностей Македонии, поскольку лидеры сербской общины в Македонии высказывали такое пожелание.

Несмотря на вышеперечисленные проблемы, контакты сербов и македонцев можно расценить как добрососедские, решение возникающих вопросов осуществляется политическим путем, касается государственной политики, а не межличностных отношений.

Цыгане. Справедливости ради нужно отметить, что в Македонии ситуация с цыганами выглядит благополучнее, чем во многих других европейских странах. Здесь функционируют их политические, социальные и культурные организации, цыганская партия представлена в парламенте, конституция признает эту группу как национальность.

Тем не менее, цыганское население все еще на обочине жизни в экономическом и социальном отношениях. Безработица, отсутствие нормального жилья, низкий уровень образования - эти проблемы типичны для цыган. Цыгане жалуются на дискриминацию при поступлении на работу. Очень мало цыганских детей посещают среднюю школу, еще меньше учится в университетах. Правда, правительство принимает некоторые меры для исправления ситуации. В частности, цыганский язык преподается в университете и вводится в школах как факультатив[31].

Как и многие другие представители меньшинств, цыгане жалуются на недостаточное количество средств массовой информации на своем языке. Тем не менее ситуация не столь уж плачевна: государственное телевидение передает три раза в не-

делю 30-минутные программы для этой группы населения, существует несколько частных радио- и телеканалов (три в г. Скопье, по одному в г. Штип, Тетово, Охрид).

Пожалуй, самой серьезной проблемой для цыган является право на гражданство. Многие цыгане не могут официально подтвердить, что живут на территории Македонии более 15 лет, как этого требует Закон о гражданстве. Таким образом они лишаются не только возможности иметь жилье, но и права на получение всевозможных субсидий и льгот.

Влахи. Данная группа перечислена среди прочих национальностей в Конституции Македонии и представлена в Совете по межнациональным отношениям. Влахи хорошо интегрированы в общество и практически не имеют претензий к правительственным структурам в связи с обеспечением рабочими местами и представительством в органах власти. Вместе с тем всплеск национализма на Балканах заставил и этих жителей региона вспомнить о своем особом этническом происхождении.

Сложность заключается в том, что эта этническая группа практически повсеместно постепенно ассимилируется окружающим ее населением, чему способствует отход от традиционно скотоводческого образа жизни, переселение из отдаленных горных районов в долины и увеличение контактов с македонской культурой. В республике их численность сократилась с 8669 чел. в 1953 г. до 6392 в 1981 г. В настоящее время большинство влахов не говорит на родном языке, но хотело бы возродить его. Поэтому активность влахов направлена преимущественно на проблему образования. Затруднение вызывает выбор диалекта для печатания учебника, поскольку единого литературного языка влахов нет. В ноябре 1995 г. в нескольких городах страны были созданы классы с преподаванием на этом романском наречии. Ассоциации влахов существуют в городах Битола и Скопье.

Мусульмане. В Македонии они также признаны отдельной национальностью и представлены в Совете по межнациональным отношениям. Эта часть населения сталкивается со

многими проблемами, возникающими и у других представителей меньшинств.

Македонские мусульмане - торбеши, помаки, потурченцы. Очевидная путаница с этническим самоопределением различных мусульманских групп еще раз подтверждает значимость религии на Балканах для этнической дифференциации. Ислам в данном случае играет объединяющую роль в большей степени, чем этническое происхождение. Все мусульманские группы тесно контактируют между собой и часто действуют сообща. Большую роль при этом в их среде играет албанский национализм. Часть отуреченных македонцев (по некоторым данным свыше 70 тыс.)[32] была ассимилирована другими национальностями, исповедующими ислам, в первую очередь турками и албанцами.

Подъем этнического самосознания у македонских мусульман начался с 70-х годов, следствием чего явилась их самоорганизация в ассоциацию, которая провела свой первый съезд в 1970 г. на западе Македонии в монастыре св. Йована Бигорского. Начало 90-х годов, ознаменованное активизацией политической жизни всех этнических групп, оказалось и для македонских мусульман новым этапом борьбы за воскрешение своей этнической самобытности. В августе 90-го года Риза Мамедовски, председатель республиканского комитета македонских мусульман по культуре и науке, направил председателю Партии демократического процветания, объединяющей албанское население, открытое письмо, в котором обратил его внимание на факт использования религии в целях "косовизации и албанизации западной Македонии"[33]. Спустя некоторое время беспокойство по этому поводу высказал также *Совет старейшин исламского содружества Македонии*[34]. Склонность к союзу с албанцами проявилась в поддержке македонскими мусульманами Партии демократического процветания.

* * *

Таким образом, Македония - единственная республика бывшей Югославии, сумевшая выйти из ее состава мирным путем, - имеет множество проблем в сфере межэтнических отно-

шений. Македония давно является яблоком раздора на Балканском полуострове. В ее судьбе заинтересованы соседние государства, поэтому военные действия в этой южной республике могут приобрести интернациональное звучание.

Правительство Македонии понимает это и пытается найти выход путем диалогов и переговоров. Оно имеет шанс реализовать свои планы, правда, в последние годы его состав претерпел существенные изменения. В октябре 1994 г. Киро Глигоров вновь был избран президентом Македонии на пять лет, баллотируясь от коалиции "*Союз за Македонию*", объединившей три правящие партии: *Социал-демократический союз, Либеральную партию* и *Социалистическую партию*. Но уже в 1996 г. правящий альянс президента Глигорова оказался мертв, а коалиция развалилась. Ее 23 февраля этого года распустил премьер-министр республики Бранко Црвенковски, сформировавший новое правительство. Политическая карта страны изменилась. Ранее непоколебимые позиции Глигорова пошатнулись, в Македонии появился новый лидер[35].

Очевидным является факт, что в последние годы республика пережила несколько кризисных ситуаций, которые могли бы перерасти в вооруженную конфронтацию. Но эта маленькая страна с честью для себя успешно разрешает все потенциальные конфликты. Ближайшее будущее Македонии не будет безоблачным в сфере межэтнических отношений, поэтому в настоящее время ей требуется длительная программа мер предотвращения нестабильности положения, которая должна быть направлена прежде всего на повышение уровня жизни населения и рост экономического благосостояния.

Примечания

[1]Интервью с вице-премьером Республики Македония Блаже Ристовски // Независимая газета. 25. 09. 1991.
[2]Документация ООН. S/25855)
[3]Политика. 7. 09. 1994.
[4]См.: Резолюция Совета безопасности № 817 (1993) от 7 апреля 1993.

[5]О политической жизни Македонии в этот период см. Подробнее Гуськова Е. Ю. Первые шаги Македонии на пути самостоятельности (1991-1995) // Македония. Путь к самостоятельности. М., 1997.

[6]Балканы: между прошлым и будущим. М.,1995. С. 65.

[7]Zuricher Zeitung. 24. 06. 1994.

[8]Статистическое бюро Македонии. Декабрь 1994; Македония . Путь к самостоятельности. М., 1997. С. 89; Нова Македонија. 13. 09. 1994.

[9]Државјанството - право и статус // Нова Македонија. Скопје. 11. 09. 1992.

[10]Русский перевод Конституции см. Македония. Путь к самостоятельности. М., 1997. С. 111-145.

[11]Македония. Путь к самостоятельности. С. 270.

[12]OBSE High Commissioner for National Minorities Max van der Stoel letter to Foreign Minister Stevo Crvencovski, November 16, 1994. Reference No. 3016/94/L.; Human Rights Watch/ Helsinki interview with Erdogan Saraç. Skopje, august 8, 1995.

[13]Law on Citizenship of the Republic of Makedonia, article 7.

[14]Human Rights/Helsinki interview. Skopje, August 7, 1995.

[15]Информация Министерства иностранных дел Республики Македонии // Македония. Путь к самостоятельности. С. 92.

[16]Борба. 19. 09.1994.

[17]A Threat to Stability. Human Rights Violations in Macedonia. USA, 1996. P. 27.

[18]Human Rights Watch/Helsinki interview with Etem Aziri. Tetovo. August 1, 1995; Bulletin of PDP Information Service. Tetovo. February 2, 1995.

[19]Human Rights Watch/Helsinki interview with Havzi Mahmeti. Skopje, august 10, 1995.

[20]Human Rights Watch/Helsinki interview with former Assistant Minister of Education Zoran Jachev. Skopje, August 8, 1995.

[21]Analysis on Entrolling of Students . University of St. Cyril and Methodus. Skopje, Desember 1994.

[22] Human Rights Watch/Helsinki interview with former Minister Emilija Simoska. Skopje. July 20, 1995; Human Rights Watch/Helsinki interview with Zoran Jachev. Skopje, August 8, 1995.

[23]Back to Campus // War Report. Desember 1995.

[24]War Report. Feb.-March 1998. P. 58.

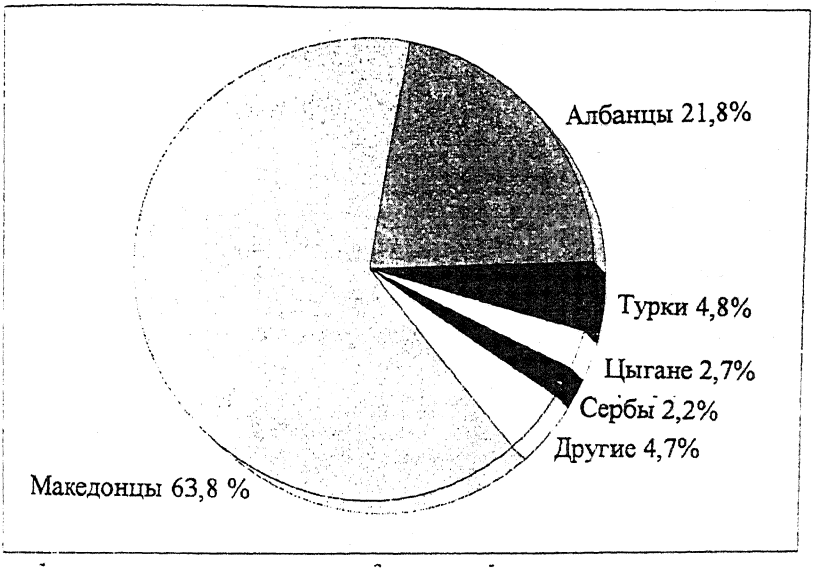
[25]Human Rights Watch/Helsinki interview with Erdogan Saraç. Skopje, August 8, 1995.

[26]Human Rights Watch/Helsinki interview with Baudin Šačir. Zhupa, July 29, 1995.

[27]Демократски пат до своите права // Нова Македонија. Скопје, 11. 09. 1992.

[28]Human Rights Watch/Helsinki interview with Dragasha Miletić. Skopje. August, 9,1995.
[29]Сви Срби света. С. 176-179.
[30]Експрес. 28. 06. 1994; Политика. 3. 09. 1994.
[31]Human Rights Watch/Helsinki interview with Faik Abdi. Skopje. July 18,1995.
[32]Duga. Belgrade, 8 May, 1982.
[33]Tanjug. 13 August 1990.
[34]Tanjug. 6 November 1990.
[35]War Report. Apr. 1996. P. 14.

Этнический состав Македонии

ВЕНГРИЯ
ВОЕВОДИНА
Нови-Сад
РУМЫНИЯ
Белград
БОСНИЯ И
ГЕРЦЕГОВИНА
СЕРБИЯ
ЧЕРНОГОРИЯ
Подгорица
Приштина
КОСОВО
БОЛГАРИЯ
АЛБАНИЯ
МАКЕДОНИЯ

Глава 13

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЮГОСЛАВИИ
(Сербия и Черногория)

Общая характеристика обстановки в стране

В условиях сильных дезинтеграционных процессов, охвативших в начале 90-х годов СФРЮ, лишь две ее республики из шести последовательно выступали против распада страны - Сербия и Черногория. Когда развал Югославской федерации стал окончательным и был признан мировым сообществом, 27 апреля 1992 г. на торжественном заседании Скупщины СФРЮ, Народной Скупщины Республики Сербии и Скупщины Республики Черногории состоялось провозглашение образования федерации, состоящей из двух республик Сербии и Черногории. Новое государство получило название Союзная Республика Югославия (СРЮ). Предполагалось, что оно станет правопреемницей СФРЮ и сохранит ее в качестве субъекта международного права. (ООН под давлением "двенадцати" отказалось признать право новой Югославии автоматически стать правопреемницей бывшего югославского государства /см. резолюцию Совета Безопасности № 817 (1993) от 7 апреля 1993 г./, тогда как такое право было признано, например, за Российской Федерацией. Видимо, это обуславливалось отсутствием согласия всех новых государственных образований на территории предыдущей Югославии).

Так возникла новая, теперь третья, Югославия. В тот же день была принята Конституция СРЮ, предусматривающая су-

веренитет и самостоятельность Сербии и Черногории в составе демократического государства с единым экономическим пространством. Конституция также упразднила Президиум Югославии, учрежденный И. Броз Тито, ввела пост президента. Первым президентом СРЮ стал известный сербский писатель Добрица Чосич.

СРЮ объявила, что не имеет территориальных претензий ни к одной из бывших республик Югославии и готова их признать. Но говоря о положении в Сербии и Черногории, необходимо отметить, что они оказались участниками того кризиса, который охватил все вновь созданные югославянские государства. Более того, мировая общественность возложила именно на них вину за кровавые события, потрясающие постюгославское пространство.

Представляется, что это связано с целым рядом причин, среди которых выделяются следующие: а) Сербию нередко идентифицируют с политикой, проводившейся ранее в общеюгославском масштабе центральным правительством страны и СКЮ (в немалой степени этому способствовало нахождение столицы страны г. Белграда и вследствие этого правительства в Сербии); б) правящую ныне партию Сербии - Социалистическую партию и ее лидера Слободана Милошевича рассматривают как продолжателя политики Союза коммунистов Югославии; в) Сербия участвует в судьбах сербов, проживающих на территории других республик, прежде всего в Хорватии и Боснии и Герцеговине, где конфликты на национальной и конфессиональной почве привели к жесткой вооруженной борьбе; г) провозглашение независимости и выход из федерации большинства составляющих ее раньше республик привели к тому, что Югославская армия фактически стала армией двух республик - Сербии и Черногории; д) одна из главных причин в том, что сербские националисты выдвигали идею "Великой Сербии".

Хотя Сербия и Черногория не стали ареной военных действий, официально не участвовали в войне на территории других республик, они понесли огромный моральный и материальный ущерб. Ответственность за кризис в Хорватии и Боснии и Герцеговине мировой общественностью возложена на СРЮ. Враждовали народы, нарушены экономические, торговые, на-

учные и культурные связи между прежними югославскими республиками, имел место приток беженцев, в основном сербов, из зон военных действий и др. Все это усугубляет политическое и социально-экономическое положение СРЮ. Очень серьезно оно осложнилось тем, что в соответствии с решением, принятым большинством стран мирового сообщества, по отношению к СРЮ 30 мая 1992 г. был введен ряд санкций, которые предусматривали полное торговое эмбарго, остановку финансовых операций, авиаперевозок, научного, культурного, спортивного сотрудничества и т. д. Эти меры привели к изоляции страны, охватившей все аспекты ее жизнедеятельности. Ее экономические, культурные, научные и прочие связи с другими государствами сводились к минимуму.

Сложное международное положение СРЮ усугублялось неоднозначной внутриполитической ситуацией в стране. В Сербии в результате многопартийных выборов, в которых участвовало около 40 партий, в декабре 1990 г. победителем оказалась *Социалистическая партия Сербии* под председательством Слободана Милошевича. Главными его конкурентами являлись *Сербская Радикальная партия* во главе с Воиславом Шешелем, стоящая на националистических позициях и проповедующая идею Великой Сербии, охватывающей все территории, населенные сербами, в том числе и за пределами республики, а также *Сербское движение обновления*, возглавляемое писателем Вуком Драшковичем, и *Демократическая партия*. Существуют национальные партии и в автономных краях Сербии, которые пользуются там авторитетом.

Оппозиционные партии в этот период, с одной стороны, обвиняли правительство и президента С. Милошевича в том, что Сербия была втянута в орбиту военных действий с бывшими республиками СФРЮ, с другой - в том, что они действовали в этой ситуации нерешительно и не осуществили захвата ряда городов, например Осиека в Хорватии. Более или менее разумно, как ни странно, в годы войны выступал В. Драшкович, который считал, что сербы гибнуть не должны, поэтому нужно прекратить конфликтовать. Но Социалистическая партия Сербии по-прежнему остается наиболее влиятельной политической силой. На досрочных выборах в Союзную и Республиканскую

Скупщины, прошедших 20 декабря 1992 г., победу вновь одержала правящая Социалистическая партия. Большая часть сербской оппозиции, как и большинство сербского общества, согласились с линией правительства.

В СРЮ после распада прежней федерации сложилась очень непросая ситуация, как и на всем постюгославском пространстве. Однако, правительству С. Милошевича в самый тяжелый период удалось отодвинуть на задний план все внутренние проблемы и трудности, максимально сплотить страну, обратить внимание на национальное согласие. Все было подчинено войне, национальному моменту. Сербское общество на этой основе консолидировалось. Роль и значение оппозиции в Сербии резко упали, она практически не имела веса. Политическая борьба могла бы лишь усугубить положение в стране и, чувствуя это, оппозиция подпевала руководству республики, пытаясь изобразить видимость самостоятельных действий. Поэтому пока С. Милошевич мог с ней просто не считаться. В связи с этим в критический период серьезных социальных взрывов в Сербии не было, народ поддерживал политику центральных властей.

Вместе с тем, стране необходимо было наладить принцип взаимоотношений объединившихся субъектов федерации - Сербии и Черногории. Серьезной внутренней проблемой оставались также взаимоотношения Сербии с административно-территориальными единицами внутри нее - автономными краями. Рассмотрим подробнее межэтнические проблемы Союзной Республики Югославии.

Специфика федеративного устройства

Два субъекта новой федерации - Сербия и Черногория отличаются между собой по численности населения и политическому весу в стране. В силу этих причин вопрос об объединении решался лидерами этих республик по-разному. С. Милошевич и сербские власти не сочли необходимым проведение всеобщего референдума, вопрос был рассмотрен на заседании республиканской Скупщины (парламента). Это объяснялось поддерживаемой официальным Белградом "теорией государствен-

ного континуитета", согласно которой СФРЮ не распалась, а уменьшилась в результате сецессии четырех ее республик.

Черногорский эстеблишмент, хотя и не был против "теории государственного континуитета", решил, что степень политической поляризации в республике такова, что вопрос о государственности Черногории должен быть одобрен ее гражданами. Референдум не оставил сомнений в исходе событий.

Вместе с тем, реализация решения о создании СРЮ проходила неоднозначно и спорно. Процесс возникновения СРЮ сопровождался закулисными играми, в результате которых черногорская руководящая элита пыталась войти в новую федерацию на наиболее благоприятных условиях. Президент Черногории М. Булатович в январе 1992 г. изложил в Скупщине (парламенте) план конфедеративного устройства сербско-черногорского государства. В результате нескольких переговоров руководства республик была выработана ныне действующая конституция. Она отличается от первоначальной модели Булатовича, но все-таки С. Милошевич решил, что формально-правовые уступки Черногории (в силу ее размеров) не сильно повредят позициям Сербии.

Конституция утверждена 27 апреля 1992 г., в день провозглашения страны. Она закрепила федеративное устройство СРЮ, "как суверенного союзного государства, основанного на равноправии граждан и равноправии республик - ее членов". Утвержден двухпалатный парламент (Скупщина), состоящий из двух палат: Веча республик (предусматривает равное представительство республик) и Веча граждан (90 депутатов Сербии и 30 депутатов Черногории). Поскольку численность населения Сербии в 17 раз больше Черногории, было решено при выборах в нижнюю палату (граждан) отказаться от принципа "один человек - один голос". Согласно ст. 80 Конституции каждая из республик выбирают не менее 30 делегатов. Это решение дало повод его критикам утверждать, что таким образом голос черногорца в пять раз весомее голоса его коллеги - серба. В верхнюю палату (республик) субъекты федерации выбирает по 20 членов[1].

Это и некоторые другие принципы устройства страны могут рассматриваться в качестве элементов конфедерализма. К ним также относятся правила внесения изменений в Конститу-

цию, правила принятия некоторых законов, порядок поддержания международных связей республиками (см. Ст. 2, 3, 6, 77, 90, 97, 135, 140, 141 и др).

Тем не менее, можно согласиться с теми авторами, которые называют отношения Сербии и Черногории "фасадным федерализмом". Задолго до избрания С. Милошевича президентом СРЮ, в его бытность Президентом Сербии именно в его руках была сосредоточена основная власть в стране.

Руководство Черногории в целом занимало просербскую позицию. Как было отмечено выше, в результате многопартийных выборов в парламент Черногории в 1990 г. победу одержали коммунисты, которые и возглавили реформы в этой республике; суть их они выразили в лозунге "политическая демократия плюс экономическая эффективность".

Среди основных политических сил Черногории выделялись два течения: одно, поддерживаемое в то время официальными властями, выступало за баланс между Черногорией и Сербией. Другое составляли те, кто считал, что черногорцы - это сербы, а значит надо просто воссоединиться с Сербией. Эту позицию поддерживала *Народная партия*. Но не бездействовала и оппозиция, которая была против ориентации на Сербию.

Вопрос о месте Черногории в Югославии, о характере взаимоотношений в новой федерации широко обсуждается до сих пор. В частности, было выдвинуто предложение о внесении изменений в союзную Конституцию, которое было неоднозначно воспринято в стране. Различные партии и движения отнеслись к нему по-разному. Правящая *Партия социалистов* (ДПС), которая имела абсолютное большинство в черногорском парламенте считала, что сейчас не время менять Конституцию, хотя она и имеет некоторые слабые моменты. Оппозиционные партии выдвигали предложения об изменении взаимоотношений в федерации. Некоторые из них верили, что это даст шанс для большей самостоятельности Черногории; другие же, наоборот, полагали, что в отношениях между двумя близкими республиками исчезнут все конфедеративные элементы.

Самая сильная оппозиционная партия Черногории - Народная партия поддерживала изменение Конституции по другой причине. Она считала, что ныне действующая Конституция яв-

ляется результатом договоренности двух правящих партий Сербии и Черногории и поэтому изобилует коммунистическими рецидивами. По их мнению, федеральные власти должны были вести себя более жестко и активнее вмешиваться в дела республик. По оценкам *Социал-демократической партии* в Югославии шел процесс централизации и потери государственности Черногорией. Поэтому эта партия выступала за конфедеративное устройство, при котором Черногория сохранит свой суверенитет. Против отделения Черногории и строительства суверенного государства выступала *Сербская радикальная партия.* Дилемму статуса федерации они решали одной фразой: "Мы за Большую Сербию". Партия требовала усиления федеративной страны и полной ликвидации границ между двумя республиками. На независимости настаивали партии албанцев и мусульман.

Вопрос об изменении отношений в федерации показывает, что в Черногории существовали три основных и два промежуточных политических течения. Правящие социалисты составляли центр, который сейчас успешно балансирует между сецессионистами и унитаристами[2].

В конце 1997 г. на президентских выборах Черногории победил Мило Джуканович, представитель недавно возникшей коалиции "*За лучшую жизнь*", объединившей Демократическую партию социалистов Черногории, Народную партию и Социал-демократическую партию. Мило Джуканович, поддерживаемый элитой и деловыми кругами республики, взял курс на модернизацию отношений с Сербией, вновь актуализовал вопрос о месте Черногории в Югославской федерации. Мило Джуканович заявил, что Черногория не выйдет из состава Югославии, но и диктату Белграда подчиняться не будет. Главным пунктом их разногласий стало видение характера федеративных отношений, поскольку в Черногории усилилась тенденция к превращению федеративных отношений в конфедеративные.

Претензии Джукановича к федеральным властям включали требование замены союзного премьера Момира Булатовича и всех 20 депутатов от Черногории в Вече республик Скупщины СРЮ представителями нового правящего в Черногории большинства.

Джуканович выступил также за большую экономическую самостоятельность республики (Черногория объявлена свободной экономической зоной). В апреле 1998 г. новый президент Черногории предложил Президенту, правительству и Скупщине СРЮ свой проект плана макроэкономической политики "Стратегические инициативы СРЮ - основы программы для нового начала", основными принципами которого стали "интернационализация экономической и общественной жизни СРЮ, экономические реформы, приватизация и предпринимательство, господство права и демократизация политической системы, социальная правда и уверенность". Этот проект требовал изменения не только экономической системы, но и способа управления государством, прямо затрагивал характер власти в Югославии. Инициатива Джукановича представляла собой беспощадную критику современного положения, но и была полна оптимизма, что радикальными реформами можно создать условия для уверенной и достойной жизни граждан СРЮ.

Что касается межэтнических отношений, на первый взгляд, в Черногории наиболее благополучное положение из всех бывших югославских республик. Хотя, конечно, и здесь есть своя специфика. В частности, мусульмане - их в республике немного и проживают они на территориях, примыкающих к сербскому мусульманскому району Санджак, - создали *Мусульманское вече* и пытаются поднять вопрос о своем статусе. Оценивая этническую ситуацию в масштабах всей СР Югославии приходится констатировать, что эта сфера жизни может быть отнесена к наиболее серьезным внутренним проблемам страны.

Особенности югославской национальной политики

Известно, что на протяжении всего периода существования так называемой "второй Югославии" (ФНРЮ, а с 1963 г. - СФРЮ) полиэтничный состав и межнациональные отношения, несшие на себе печать сложной истории, были характерными определяющими чертами этого федеративного государства. И на нынешнем этапе вопрос о положении этнических меньшинств на территории прежней Югославии является если не

ключевым, то по крайней мере одним из важнейших в деле разрешения Балканского кризиса.

Опыт Югославии показывает, что во вновь образованных государствах никто не хочет быть на положении меньшинства в чужом национальном государстве. Все хотят иметь право на самоопределение или политическую и территориальную автономию, именно то, что титульный этнос в собственном государстве не спешит дать другим народам. С созданием новых стран на территории экс-СФРЮ на повестку дня выступило множество межэтнических проблем. Более 30% населения бывшей Югославии составляли этнические меньшинства. Наиболее многочисленными среди них были албанцы, венгры, румыны, болгары - в Сербии, итальянцы - в Хорватии и Словении, албанцы - в Македонии, Черногории, т. е. представители народов, пограничных с экс-Югославией государств. Кроме того, на территории этой страны проживали и другие европейские этносы - чехи, словаки, украинцы, русины, немцы, а также цыгане, в основном расселенные в Сербии.

Образование на этом пространстве самостоятельных государств обусловило появление так называемых новых меньшинств, которыми стали сербы, черногорцы, словенцы, хорваты, мусульмане и македонцы за пределами "своих" республик. В каждом государстве возникли этнические группы, в их числе наиболее крупные - сербы в Хорватии, хорваты в Сербии, мусульмане в Хорватии и Сербии. Представители этих этносов не рассматривались как меньшинства в прежней Югославии, теперь же они оказались чужестранцами в политической структуре вновь созданных стран. Дезинтеграция СФРЮ привела к ликвидации страны, в которой ни один народ не являлся численно преобладающим, а вследствие распада ее образовалось несколько классических национальных государств с суверенными нациями в своих собственных державах. При этом, однако, как и в прошлой Югославии, в новых Балканских государствах национальные меньшинства занимают заметное место в структуре населения.

Ранее вопрос об этнических меньшинствах был наиболее актуален для Сербии, т. к. именно на ее территории сосредотачивалось подавляющее большинство этнических групп, отно-

сившихся по Конституции СФРЮ к национальным меньшинствам. Теперь же с проблемой меньшинств столкнулись практически все новые Балканские государства, причем наиболее трудноразрешимым оказался вопрос урегулирования положения сербов за пределами Сербии. По этой причине в том или ином качестве сербы оказались втянутыми в подавляющее большинство межнациональных конфликтов на территории бывшей Югославии. Наиболее острым их проявлением явились кровавые события в Хорватии и в Боснии и Герцеговине, но при этом не утратили своей злободневности и внутренние проблемы новой Югославии, связанные с положением национальных меньшинств. Эта незаживающая рана беспокоила страну уже не одно десятилетие, а по мере нормализации ситуации за пределами СРЮ, вновь выходит на повестку дня. Напоминают о ней как дискуссии между представителями различных этнических групп, так и условия, выдвигаемые мировым сообществом. В частности, международная амнистия для СРЮ после Дейтонских соглашений, по заявлению госсекретаря США Уоррена Кристофера, была поставлена в прямую зависимость от урегулирования положения автономных краев Сербии, в первую очередь Косово и Метохии, с преимущественно албанским населением.

Представители самых разных политических кругов, включающих в себя как сербскую сторону, так и представителей национальных меньшинств часто проводят параллель между положением меньшинств в Сербии и сербов в Хорватии, полагая, что борьба за автономию сербов в Хорватии сходна с претензиями меньшинств в самой Сербии. События августа 1995 г. в Хорватии, выселение оттуда значительного числа сербов сделали это сравнение бесперспективным и предоставили дополнительные козыри силам, враждебным меньшинствам.

Вопрос межэтнических отношений является чрезвычайно актуальным для Союзной Республики Югославии, поскольку сербы составляют лишь 65% ее населения. Но эта проблема для отдельных меньшинств имеет неодинаковую остроту и приобретает различные формы, с одной стороны, завися от уровня территориальной концентрации меньшинств и их активности, с

другой - от государственной политики в этой сфере. Рассмотрим оба ключевых фактора.

Напомню о принципах урегулирования положения национальных меньшинств в предыдущей Югославии - СФРЮ. Прежде всего о самом определении понятия национального меньшинства. Все этносы Югославии по Конституции СФРЮ подразделялись на народы, обладающие нациеобразующей функцией и имеющие свою государственность в виде союзных республик (сербы, хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы, мусульмане) и народности или национальные меньшинства, принадлежность к которым определялась не численностью, а наличием своей государственности за пределами СФРЮ[3].

Таким образом, в число меньшинств наряду с малочисленными народами попадали и более крупные этнические группы. Это прежде всего касается албанцев, насчитывавших в СФРЮ по переписи 1991 г. свыше 1млн. 700 тыс. человек, т. е. больше, чем такие этносы, как македонцы, черногорцы, и почти столько же, сколько словенцы и мусульмане.

Нужно отметить, что в экс-Югославии национальным проблемам и, в частности, положению меньшинств уделялось большое внимание. Принимались соответствующие постановления как на уровне конституций и других законодательных актов, так и в виде межгосударственных соглашений, заключенных с соседними странами. Такие соглашения, а также многочисленные программы сотрудничества в области науки, культуры, образования были подписаны с Италией, Австрией, Венгрией.

В конституционно-правовом отношении было урегулировано равноправное положение национальных меньшинств, права которых особо гарантировались Конституциями 1963, а затем 1974 г. Еще ранее в 1959 г. было принято специальное постановление о национальных меньшинствах. Законом о школах предусматривалось обучение на родном языке. Право на развитие своей национальной культуры поощряло создание культурно-просветительных национальных обществ и т. д.

Создание условий для реализации прав национальных меньшинств мыслилось через политико-территориальное разде-

ление страны на общины, в том числе национальные, и расширение их компетенций.

В составе Сербии было выделено два автономных края - Косово и Метохия и Воеводина. Оба края имеют население в 2 млн. чел. каждый, но это, пожалуй, их единственное сходство. Воеводина - наиболее развитый район Сербии, а Косово и Метохия - наибеднейший. Население Воеводины старое, с низким естественным приростом, тогда как Косовское - молодое, наиболее быстро растущее в Европе со среднестатистической семьей, имеющей 6 детей.

В Косово и Метохии достаточно компактно расселены албанцы, они составляют 90-95% населения и доминируют на 80% территории. Воеводина - край с чрезвычайно пестрым этническим составом, где наряду с сербами, числено составляющими около 55% населения, живут венгры, румыны, словаки, русины, чехи и др. Воеводину отличает относительная межэтническая толерантность, тогда как албанцы Косово давно конфликтуют с Белградским правительством. Ситуация серьезно обострилась после того, как автономные права краев, предоставлявшиеся им Конституцией 1974 г., были сильно урезаны новой Конституцией Сербии в 1990 г., что объяснялось стремлением руководства страны к большей централизации и национальному единству[4].

Сербское правительство осознает серьезность проблемы взаимоотношений с этническими меньшинствами. Одной из мер по нормализации обстановки стало создание 3 июля 1992 г. *Комиссии по правам меньшинств*, в которую вошли "несколько министров, ученых, политиков и экспертов"[5]. Тем не менее, закон о национальных меньшинствах до сих пор отсутствует. Хотя Специальная группа правительства СРЮ под руководством доктора Душана Янича с октября 1992 по февраль 1993 г. работала над проектом "Закона о свободе и правах объединений национальных меньшинств и их представителей", с переменами в составе Союзного правительства в марте 1993 г. был изменен принцип подхода к этому закону, поэтому он до сих пор не принят.

Отношение государственных органов к меньшинствам претерпело некоторые изменения также и под влиянием разыгравшегося в это время конфликта между Слободаном Ми-

лошевичем и Воиславом Шешелем, лидерами социалистов и националистов. Официальные политические круги стали подчеркивать этническое равноправие в стране, а также особое значение урегулированности положения национальных меньшинств для взаимоотношений с соседними государствами, в первую очередь с Венгрией и Словакией. Государственные инстанции выступили инициаторами проведения нескольких фольклорных фестивалей, поощряли обучение и публикацию литературы на языках меньшинств, обеспечили проведение нескольких научных конференций по этим проблемам. Уделение особого внимания положению меньшинств в значительной степени связано со стремлением СРЮ продемонстрировать мировому сообществу в условиях политической и экономической блокады свою толерантность и подать личный пример странам, в которых живут сербские меньшинства.

Этнодемографическая характеристика

Распад СФР Югославии и войны на ее бывшей территории вызвали серьезные этнические процессы, разделили народы государственными границами. Со времени появления первой Югославии в 1918 г. до распада второй в 1991 г. демографическое развитие югославянских народов было тесно взаимосвязанно и взаимозависимо, что обуславливалось их теснымы контактами, а также межреспубликанскими миграциями, смешанными браками, конституционным оформлением самобытности некоторых новых народов (черногорцев, македонцев, мусульман) и т. д.

Главным источником для изучения этнического состава являются данные переписей населения. Послевоенные переписи Югославии содержат сведения по различным этнодифференциирующим параметрам - национальности, родному языку, малой родине, вероисповеданию. Следует заметить, что эти показатели часто субъективны и меняются от переписи к переписи, поскольку зависят от общественных и политических событий в стране и ряда других факторов. Например, на изменение самоопределения личности о национальной принадлежности повлияли такие явления, как признание за мусульманским населе-

нием славянского происхождения статуса народа в переписях с 1961 г., влияние национального движения албанцев в Косово и Метохии на перепись 1981 г., бойкот ими переписи 1991 г., последствия для этой переписи межнациональной конфронтации и т. д. Вместе с тем, данные этих источников незаменимы, поэтому рассмотрим динамику этнического состава населения от первой послевоенной переписи 1948 г. до последней переписи в Югославии, которая проводилась в 1991 г., сосредоточив внимание на этнических меньшинствах, проживающих на территории нынешней Союзной Республики Югославии[6]. Порядок рассмотрения национальных меньшинств может основываться на различных принципах. Наиболее традиционно их расположение в алфавитном порядке или по численности населения того или иного этноса. Мы предпочли особо выделить новые меньшинства, т. е. представителей титульных наций новых государств на территории бывшей Югославии, затем проанализировать демографическую ситуацию с крупнейшими этническими группами, и в последнюю очередь обратиться ко всем остальным национальностям, проживающим на территории Сербии и Черногории.

Хорваты. Для хорватов в Сербии и Черногории характерен популяционный рост лишь до шестидесятых годов, а затем численное сокращение, связанное с замедлением естественного прироста, эмиграцией и сменой этнической принадлежности. По данным переписей населения, на территории СРЮ в 1948 г. проживало 176 672, а в 1991 г. 111 650 лиц хорватской национальности, что составляло 2,6% и 1,1% от населения Сербии и Черногории.

Хорваты сконцентрированы главным образом в автономном крае Воеводина, где в 1991 г. проживало 74 808 или 67% хорватов СРЮ. В том же году в центральной Сербии их было 22 536 или 20%, в Косово и Метохии - 8 062 или 7,2%, в Черногории - 6 244 или 5.6% от общей численности хорватов СРЮ. Хорваты в 1991 г. составляли 1,1% населения Сербии, 3,7% населения Воеводины и менее, чем по 1% населения центральной Сербии и Косово и Метохии. Доля хорватов в населении Черногории в 1991 г. составляла 1%.

Наибольшее число населенных пунктов с преобладанием хорватского населения зафиксировано в Воеводине, где их было в 1961 г. 19, в 1981 г. - 18, в 1991 г. - 12. В Черногории их было в 1961 г. 16, в 1981 г. - 7, а в 1991 г. - 5. В Косово и Метохии в 1961 и в 1981 г. в 7 поселениях абсолютно и относительно преобладали хорваты, а в а в центральной Сербии таких населенных пунктов вообще не было.

Поселения с преобладающим хорватским населением в СРЮ сосредоточены в этнически смешанных регионах, прежде всего в северной и северо-западной Бачке, Среме, Боке Которской.

Македонцы. Численность македонцев в СРЮ выросла с 18 050 в 1948 г. до 47 118 в 1991 г., они составляли в 1948 г. 0,3 %, а в 1991 г. 0,5% от общего числа жителей. Наибольшее число македонцев живет в центральной Сербии, а именно 27 569 или 58,6%, на втором месте Воеводина 17 472 или 31,1%, в Черногории - 1072 или 2,3%, в Косово и Метохии - 978 или 2% от общего числа македонцев в СРЮ.

Основное отличие территориального размещения македонцев в СРЮ - их концентрация преимущественно в городах. По этой причине в 1961 и в 1981 г. зафиксировано только одно поселение с преобладанием среди его жителей македонцев, это Ябука в южном Банате.

Словенцы. В СРЮ в 1948 г. было 21 482, а в 1991 г. только 8 630 лиц словенской национальности, что составляло лишь 0,2% и 0,1% от общего числа жителей. Высокая разница в численности связана с переселением словенцев в Сербию, особенно в Белград после Второй мировой войны в связи с реализацией принципа республиканского представительства в федеральных органах, потребностями в высоко квалифицированных кадрах, их последующей реэмиграцией в Словению, а также низким естественным приростом у этих групп населения.

На значение миграций в популяционной динамике словенцев СРЮ указывают сведения о их территориальном размещении. Так зафиксирована высокая концентрация словенцев в центральной Сербии, где в 1948 г. проживало 62,8%, а в 1991 г. 61,1% словенцев в СРЮ. Что касается других регионов, то в 1991 г. в Воеводине проживало 31,6%, в Черногории 4,3% и в Косово и

Метохии 3,0% словенцев на территории СРЮ. Переписи населения 1961, 1981 и 1991 г. не зафиксировали в Сербии и Черногории ни одного населенного пункта с преобладанием словенского населения.

Мусульмане. Мусульмане были конституционно признаны в качестве одного из народов Югославии (в отличие от религиозной группы) лишь в 60-е годы, что расценивалось как отражение культурного и национального плюрализма страны. Изменение определения этнической принадлежности, а также высокий естественный прирост в сравнении с другими этносами (за исключением албанцев) повлияли на популяционную динамику этой группы. В переписях населения 1948 и 1953 г. мусульмане славянского происхождения определялись как мусульмане-югославы и как югославы-неопределившиеся. Так по переписи 1948 г. в Сербии было 105 369 мусульман-югославов, из которых 87 637 записалось как сербы мусульманского вероисповедания, 44 как хорваты мусульманского вероисповедания, а 17 315 как национально неопределившиеся мусульмане. В Черногории в том же году было зафиксировано лишь 1 124 мусульман-югославов, из которых 713 причислило себя к сербам, 24 к хорватам и национально не определились 387.

Статистическая численность мусульман резко возросла в шестидесятые годы, когда они были конституционно провозглашены в качестве отдельного народа. Так на территории СРЮ их было в 1961 г. 124 332, а в 1991 г. 336 025, или в 2,7 раз больше. Их доля в общей численности населения Сербии и Черногории выросла вдвое, а именно с 1,5% до 3,2%. Из общего числа мусульман СРЮ в Сербии в 1991 г. проживало 246 411 или 73,3%, а в Черногории 89 614 или 26,7%.

В период 1961-1991 г. численность мусульман увеличилась в Черногории с 30 665 до 89 614 или в 2,9 раз, а в центральной Сербии с 83 811 до 174 371 или в 2,1 раза. В Воеводине хотя численность мусульман и возросла в 3,6 раз, их немного: в 1961 г. - 1 630, а в 1991 г. - 5 851. Наиболее резко численность мусульман выросла в Косово и Метохии. Так, в 1961 г. лишь 8 226 чел. отнесли себя к мусульманам, а в 1991 г. 66 189, т.е. в восемь раз больше. Столь высокий прирост, в первую очередь связан с признанием мусульман в качестве отдельного народа и тем фактом,

Таблица 1.

Этнический состав населения Сербии по переписи 1991 г.

	Республика Сербия	Сербия без автономных краев	Автономный край Воеводина	Автономный край Косово и Метохия
Всего	9791475	5824211	2012517	1954747
черногорцы	140024	75258	44721	20045
хорваты	109214	26827	74226	8161
македонцы	47577	30936	16641	—
мусульмане	237358	173871	6079	57408
словенцы	8340	5777	2563	—
сербы	6428420	5081766	1151353	195301
югославы	317739	145810	168859	3070
албанцы	1686661	76012	2959	1607690
венгры	345376	4430	340946	—
турки	11501	663	—	10838
болгары	25214	25214	—	—
румыны	42386	3554	38832	—
цыгане	137265	69564	24895	42806
русины	18339	452	17887	—
словаки	67234	3293	63941	—
влахи	17557	17557	—	—
буньевцы	21662	110	21552	—
шокцы	1922	56	1866	—
неопределившиеся региональная принадлежность	16661	5344	11317	—
остальные	4881	2365	2516	—
неизвестно	44866	20040	15398	9428
	61278	55312	5966	—

*Цит по: Републички завод за статистику Србије. Саопштење, №282, 24.12.1991

что до этого значительная часть мусульманского населения записывалось как албанцы или как сербы, хотя не следует сбрасывать со счета и высокий у них уровень рождаемости.

В 1961-1991 г. доля мусульман в общей численности населения Черногории возросла с 6,5% до 14,%, а в общей численности населения Сербии с 1,2% до 2,5%. При этом в центральной Сербии эта доля возросла с 1,7% до 3,0%, а в Косово и Метохии с 0,9% до 3,0%. В Воеводине за тот же период доля мусульман сократилась с 0,3% до 0,1%.

Мусульмане на территории СРЮ абсолютно и относительно преобладали в 1961 г. в 204 или 2,68%, а в 1981 г. в 361 или 4,88% населенных пунктов. В Сербии за тот же период мусульмане увеличили число своих поселений со 125 до 236, или с 1,98% до 3,83% от общего числа поселений. Число этнически гомогенных мусульманских поселений увеличилось в Косово и Метохии в 5,8 раз (с 6 до 35), а в центральной Сербии в 1,7 раз (с 119 до 201). В Воеводине не было поселений с преобладающим мусульманским населением. Доля населенных пунктов с преобладанием мусульман в общем числе поселений увеличилась в период с 1961 по 1981 г. в центральной Сербии с 2,73% до 4.73%, а в Косово и Метохии с 0,41% до 2,43%. В Черногории мусульмане абсолютно и относительно доминировали в 1961 г. в 79, в 1981 г. в 125, в 1991 г. в 133 населенных пунктах, что свидетельствует об увеличении их поселений с 1961 по 1991 г. в 1,7 раз. Доля этнически гомогенных мусульманских поселений в общем числе поселений Черногории возросла с 6,18% до 10,73%.

Мусульманские поселения в Сербии и Черногории сконцентрированы в небольшом числе общин. В центральной Сербии мусульмане составляют значительную часть населения в нескольких общинах, занимающих 2,6% территории центральной Сербии, это Тутин (94,6% мусульманских поселений в 1991 г.), Сеница (54,5%), Нови Пазар (33,3%), Приеполе (36,3%) и Прибой (18,2%). Эти общины расположены в сербской части области Санджак (так называлась административная единица с периода османского господства, в последние годы стало часто употребляться сербское название края - Рашка), здесь мусульмане живут совместно с сербами. В Косово и Метохии мусульмане, проживающие вместе с сербами и албанцами, главным

Таблица 2.

Этнический состав населения Сербии по переписи 1991 г. (в процентах)

	Республика Сербия	Сербия без автономных краев	Автономный край Воеводина	Автономный край Косово и Метохия
Всего	100	100	100	100
черногорцы	1,4	1,3	2,2	1,0
хорваты	1,1	0,5	3,7	0,4
македонцы	0,5	0,5	0,8	—
мусульмане	2,4	3,0	0,3	2,9
словенцы	0,1	0,1	0,1	—
сербы	65,8	87,3	57,3	10,0
югославы	3,2	2,5	8,4	0,2
албанцы	17,2	1,3	0,1	82,2
венгры	3,5	0,1	16,9	—
турки	0,1	—	—	0,6
болгары	0,3	0,4	—	—
румыны	0,4	0,1	1,9	—
цыгане	1,4	1,2	1,2	2,2
русины	0,2	—	0,9	—
словаки	0,7	0,1	3,2	—
влахи	0,2	0,3	—	—
буньевцы	0,2	—	1,1	—
шокцы	—	—	0,1	—
неопределившиеся	0,2	0,1	0,6	—
региональная принадлежность	—	—	0,1	—
остальные	0,5	0,3	0,8	0,5
неизвестно	0,6	0,9	0,3	—

*Цит по: Републички завод за статистику Србије. Саопштење, №282, 24.12.1991

образом сосредоточены в общинах Драгаш (17 поселений, среди которых наиболее известно с. Жупа, где наиболее примечательна этнографическая группа горанцы) и Призрен (12). В Черногории мусульмане главным образом проживают на востоке республики в общинах Рожай (в 1991 г. 76,9% поселений мусульманские), Плав (52,2%), Биело Поле (42,9%) и Беране (34,8%), их соседями являются сербы и албанцы.

Албанцы. Албанцы имеют наиболее сильный популяционный потенциал среди национальных меньшинств СРЮ, что объясняется главным образом высоким уровнем рождаемости у представителей этого этноса и свидетельствует о ярко выраженной дифференциации демографического развития по национальностям. Так, в Сербии и Черногории по данным 1948 г. численность двух крупнейших групп меньшинств албанцев и венгров была практически почти одинакова (албанцев 551 436, венгров 433 763 чел.). Однако в 1991 г. албанское население СР Югославии в пять раз превышало венгерское (албанцев 1 714 768, венгров 344 147 чел.). Численность албанцев в СР Югославии с 1961 г., когда их насчитывалось 551 436 к 1991 г. возросла в три раза, тогда как их доля в общей численности населения увеличилась с 8,0% до 16,5%.

Концентрация албанцев и их популяционный рост в двух республиках новой Югославии неодинаков. В Сербии в 1991 г. было 1 674 353 (17,1%), а в Черногории 40 415 (6,6%) жителей албанской национальности. Албанское население в Сербии увеличилось с 1948 по 1991 г. с 532 011 до 1 674 353 или в 3,1 раза, а в Черногории с 19 425 до 40 415, т.е. в два раза. Численность албанцев в Воеводине возросла за тот же период с 480 до 2 556 или в 5,3 раза, а в центральной Сербии с 33 289 до 75 725 или в 2,3 раза. В то же время в Косово и Метохии албанская популяция увеличилась с 498 242 до 1 596 072, т.е. в 3,2 раз. Приведенные данные свидетельствуют о заметных изменениях в этническом составе некоторых районов Сербии. Это подтверждается теми фактами, что за период с 1948 по 1991 г. доля албанцев в общей численности населения Косово и Метохии возросла с 68,5% до 82,6%, в центральной Сербии с 0,8% до 1,3%, в Воеводине с 0,03% до 0,13%. Усиление этнической гомогенности Косово и Метохии в пользу албанцев является следствием ряда как демо-

графических, так и политических факторов: высокого уровня рождаемости у албанцев, снижения смертности, низкой естественной репродукции сербов, а наряду с этим имевшей место политики вытеснения сербов, их эмиграции из края.

В качестве основной особенности территориального размещения албанцев в СР Югославии необходимо отметить их высокую концентрацию не только в Косово и Метохии, но и на юге Сербии за пределами этой автономной области (общины Прешево и Буяновац), а также в ряде юго-восточных областей Черногории (общины Улцинь, Подгорица, Плав и др.) В центральной Сербии и Воеводине албанцы расселены дисперсно и главным образом в городах.

Албанцы на территории СР Югославии абсолютно и относительно доминировали в 1961 г. в 1 172, в 1981 г. в 1 233 поселениях, или в 15,41% и 16,65% населенных пунктов от общего их количества. (Приводятся данные переписи 1981 г., поскольку из-за бойкота албанцами переписи 1991 г. статистика более позднего времени отсутствует). В Сербии в тот же период албанское население превалировало в 1 099 (17,38%) и, соответственно, в 1 151 (18,67%) поселении. Из них в Косово и Метохии этническое доминирование албанцев зафиксировано в 1 047 и 1 091 населенных пунктах, т. е. в 71,47% и .75,5% всех поселений, в центральной Сербии в 52 (1,19%) и 60 (1,41%), тогда как в Воеводине таких поселений вообще не было. В Черногории в 1961 г. было 73 (5,71%), в 1981 г. 82 (6,61%) и в 1991 г. 86 (6,94%).

Венгры. Венгры, являющиеся вторым по численности национальным меньшинством СР Югославии, в 1991 г. насчитывали 344 147 чел. (3,3% от общей численности населения), для сравнения в 1948 г. их было 433 763 (6,3%), в 1961 г. 449 857 (5,5%). Таким образом, численность венгров в СР Югославии с 1948 по 1991 г. сократилась на 89 616 чел., т. е. от прежней численности их осталось 79,4%. Их демографической особенностью, как и прочих меньшинств Югославии за исключением албанцев, является увеличение численности в послевоенный период, а затем начиная с шестидесятых годов устойчивое ее сокращение. Это объясняется отрицательным естественным приростом, негативным эмиграционным сальдо, межнациональными браками и имевшим место самоопределением в качестве

югославов. Кроме того, на численности венгерской популяции сказался и тот факт, что после Второй мировой войны многие немцы предпочитали записываться как венгры (особенно в Воеводине).

Популяционная динамика и расселение венгров в Сербии и Черногории имеют свои особенности. В Сербии в 1991 г. проживало 99,9% от всех венгров СРЮ, тогда как в Черногории оставшаяся 0,1%. В Сербии в 1948 г. было 433 701 жителя-венгра (6,6%), из которых 428 932 чел. или 98,9% жили в Воеводине. В этот период в Воеводине венгры были второй по величине этнической группой с долей 25,8% в общей численности населения, тогда как на сербов приходилось 50,5%.

Венгерская популяция насчитывала в 1991 г. в Сербии 343 942 чел.(3,5% всего населения), из которых в Воеводине жило 339 491 или 98,7% венгров Сербии, что составляло 16,9% всего населения этого автономного края (сербы 56,8%). В центральной Сербии и Косово и Метохии численность венгров незначительна. В центральной Сербии по переписи 1948 г. венгров не было, в 1961 их было 629, в 1991 г. 679. В Косово и Метохии в 1948 г. было 83, в 1961 г. 210, а в 1991 г. 142 венгра. В Черногории число венгров возросло с 62 в 1948 до 296 в 1961, а к 1991 г. уменьшилось до 205.

Венгры Воеводины проживают достаточно компактно и сосредоточены в нескольких общинах, главным образом на севере области Бачка (Ада и Сента на 100% венгерские, Канижа, Бечей, Чока, Бачка Топола, Суботица в значительной степени). В прочих районах Воеводины венгры живут вперемежку с представителями других этнических групп, особенно с сербами. В центральной Сербии, в Косово и Метохии и в Черногории венгры являются преимущественно городскими жителями и здесь переписями не были зафиксированы особые венгерские поселения.

В целом по Сербии венгры абсолютно и относительно преобладали в 1961 г. в 95 (1,5%), а в 1981 в 88 поселениях (1,43%). Все они расположены в Воеводине. Но и в этом автономном крае в период с 1961 по 1991 г. число венгерских населенных пунктов уменьшилось с 95 до 83, а их доля в общем числе поселений сократилась с 18,7% до 17,89%.

Словаки. Это национальное меньшинство в нынешней Югославии имеет стабильную популяционную динамику с тенденцией к постепенному уменьшению группы, что является результатом низкого и даже негативного естественного прироста, негативного миграционного сальдо, смешанных браков и т. д.

На территории СР Югославии по переписи 1948 г. было 73 144, а в 1991 г. 66 863 словака. При этом 99,9% словаков проживало в Сербии, главным образом в Воеводине (в 1991г. - 95% от их общего числа в Югославии). В 1948 г. в этом автономном крае их насчитывалось 72 032 чел., что составляло 4,3% населения края, а в 1991 г. 63 545 или 3,2%. В 1991 г. они преобладали в 18 населенных пунктах Воеводины, наибольшее число словацких поселений (75%) сосредоточено в общине Бачки Петровац, являющейся словацким ядром Воеводины. Кроме того, еще 15 словацких населенных пунктов расположены в других районах этого края.

Доля словаков в центральной Сербии незначительна, хотя их число возросло с 1 106 в 1948 г. до 3 227 чел. в 1991 г. В Косово и Метохии и Черногории словаков почти нет.

Цыгане. Данные переписей населения о численности цыган в бывшей Югославии резко колебались и не соответствовали уровню естественного прироста этой группы населения. Так в период с 1948 по 1961 г. число цыган на территории СРЮ уменьшилось с 52 343 до 10 009 чел. Это объясняется тем, что цыгане часто записывались в качестве лиц той национальности, которая доминировала в этой местности. В последующий период в силу изменения государственной политики по отношению к цыганам и после принятия ряда постановлений, направленных на поддержание этого этноса численность цыган резко выросла и подскочила с 50 290 в 1971 г. до 143 519 чел. в 1991 г., а их доля в общей популяции соответственно с 0,6% до 1,4%. В целом, численность цыган с 1948 по 1991 г. возросла на территории Сербии и Черногории в 2,7 раз.

В Сербии в 1948 г. цыгане составляли 0,8% населения республики, а в 1991 г. 1,4%. При этом за тот же период число цыган в центральной Сербии увеличилось с 33 366 (0,8%) до 70 126 (1,2% от всего населения), в Воеводине с 7 585 (0,5%) до 24 366

(1,2%) или в 2,3 раза, а в Косово и Метохии с 11 230 (1,5%) до 45 745 чел. (2,3%) или в 4,1 раза.

В Черногории доля цыган в общей численности населения республики значительно меньше, чем в Сербии. В 1948 г. она составляла 0,04%, а в 1991 г. 0,53%, хотя и выросла за эти годы в 20,3 раза, т.е. соответственно со 162 до 3 282 чел.

Основным отличием территориального размещения цыган в Югославии является ярко выраженная территориальная дисперсия. Эта группа населения в 1961 г. не составляла основную часть жителей ни в одном поселении. В 1981 г. переписью зафиксировано два таких населенных пункта, один в центральной Сербии и другой в Косово и Метохии. В 1991 г. такое поселение зарегистрировано и в Воеводине.

Румыны. Численность румын в СРЮ постоянно сокращается, что является результатом отрицательного естественного прироста, негативного миграционного сальдо, смешанных браков и т. д.

В 1948 г. их насчитывалось 63 133, а в 1991 г. 42 364 чел. или 67% от прежнего числа. Румыны главным образом сконцентрированы в Сербии, где их в 1948 г. было зафиксировано 63 130, а в 1991 г. 42 237. При этом в Воеводине проживало в 1948 г. 59 263 (3,6), в 1991 г. 38 809 румын (1,9% населения края)., т. е. 65% от прежней численности. В центральной Сербии в 1948 г. было 3 849, а в 1991 г. 3 507 румын, в Косово и Метохии и Черногории эта группа населения практически не представлена.

По переписи 1991 г., в Воеводине румыны абсолютно и относительно преобладали в 20 населенных пунктах, главным образом в юго-восточном Банате. Румыны живут вперемежку с сербами, венграми и словаками.

Болгары. На территории современной СР Югославии в 1948 г. насчитывалось 59 485, в 1971 г. 54 194, а в 1991 г. 26 922 чел. (уменьшение до 45% от прежнего числа), самоопределившихся как болгары. В Сербии сконцентрировано 99%, а в центральной Сербии 90% болгар СРЮ. Численность болгар в центральной Сербии сократилась с 55 894 в 1948 г. до 24 335 в 1991 г., в Воеводине с 3 501 до 2 363. Доля болгар в общей численности населения в 1991 г. составляла в центральной Сербии 0,4%, в Воеводине 0,1%. Болгары сконцентрированы главным

образом в юго-восточной Сербии в общинах Димитровград и Босилеград.

Русины и *украинцы.* В переписях населения 1948, 1953 и 1961 г. подсчитаны вместе. На территории СР Югославии в 1948 г. их насчитывалось 22 690. За период с 1971 по 1991 г. численность русинов сократилась с 20 646 до 18 099, а число украинцев с 5 653 до 5 090. В основном представители этих двух этнических групп проживают в Сербии, точнее в Воеводине. В Воеводине в 1991 г. проживало 94,3% русинов и 89,7% украинцев Югославии, основные поселения сосредоточены в области Бачка.

Влахи. Для этой этнической группы характерны численные колебания по данным переписей, поскольку значительная часть влахов записывалась как сербы. В 1948 г. зарегистрировано 93 440, в 1953 г. 28 047, а в 1991 г. 17 820 чел., самоопределившихся влахами. В пределах границ современной Югославии влахи проживают главным образом на востоке Сербии.

Турки. Эту этническую группу отличает численный скачок в послевоенный период. Так, в 1948 г. было зарегистрировано только 1 914 турок на территории СР Югославии, а в 1953 г. уже 54 818. В период 1961-1991 численность их сократилась с 46 826 до 11 264, что объясняется разницей в самоидентификации, вызванной желанием облегчить возможность своей эмиграции в Турцию, которая была популярна в пятидесятые годы.

В 1948 г. в Косово и Метохии зарегистрировано 1 315 турок, в центральной Сербии 523, в Воеводине 76. По переписи 1953 г. в Косово и Метохии было 34 583, в центральной Сербии 19 555, в Воеводине 388 и Черногории 292 чел., назвавших себя турками. Для сравнения в 1991 г. их численность составляла в Косово и Метохии 10 446, в центральной Сербии 603 и Воеводине 187 чел. Турки проживают главным образом в городах.

Остальные этнические группы по переписи 1991 г. насчитывали примерно 13 000 чел. В частности, на территории СР Югославии зарегистрировано 5 387 немцев, 2 883 чехов, 2 694 русских, 1 438 поляков, 1 018 греков.

Беженцы

Начало последнего десятилетия ознаменовано многочисленными миграциями на территории югославянских стран, вызванными гражданской войной и ухудшением межнациональных отношений.

По оценкам ООН на территории бывшей Югославии число лиц, находящихся в "условиях риска" (беженцы, вынужденные переселенцы, социально неблагополучные) уже в январе 1994 г. достигло 4 млн. 135 тыс. человек. Естественно, больше всего их в Боснии и Герцеговине - 2 млн. 740 тыс., 690 тыс. в Хорватии, 110 тыс. в Сербской Крайне, 457 тыс. в Сербии, 73 тыс. в Черногории, 38 тыс. в Словении и 27 тыс. в Македонии. По тем же сведениям, в западноевропейские страны из бывшей СФРЮ за последние годы переселилось 643 тыс. человек[7].

По данным Комиссариата по беженцам в СР Югославии к 1995 г. общее число лиц, имеющих официальный статус беженцев достигло 430 тыс. Предварительные результаты переписи перемещенных лиц, состоявшейся в мае 1996 г., доводят эту цифру до 600 тыс. По первому источнику 249 тыс. чел. (57,8%) переселилось из Боснии и Герцеговины, 149 тыс. (34,6%) - из Хорватии, 32 тыс. (7,6%) - из Словении. Этническая структура беженцев в Сербии была следующей: 324 тыс. (74,5%) - сербы, 45 тыс. (10,5%) - югославы, 41,5 тыс. (9,6%) - мусульмане, 10 тыс. (2,3%) - хорваты, 9,5 тыс. (2,2%) - прочие народы - евреи, венгры, цыгане, болгары, албанцы и др. Т. о. более 100 тыс. беженцев - несербской национальности. 43% (185 тыс.) приходится на несовершеннолетних, 43,6% (187,5 тыс.) на лиц от 18 до 60 лет, 13,4 % (57,5 тыс.) - старше 60 лет. Среди них 85,1% (208,5 тыс.) составляют женщины. Большая часть беженцев, около 95%, расселились в семьях родственников, друзей или незнакомых людей[8].

Белградский Институт социальной политики провел социологическое исследование ."Семьи беженцев в Югославии". Согласно его данным, главой семьи беженцев чаще всего является мать моложе 40 лет. Семьи беженцев находятся в стесненном материальном положении, каждая четвертая семья вообще не покупает мясо, более половины не приобретает ника-

кую одежду, только 54% имеют отдельную постель. Опрос также показал резкое ухудшение благосостояния семьи, принимающей беженцев, об этом заявило 64% опрошенных.

Вопросами заботы о беженцах в Югославии занимается Комиссариат по делам беженцев, который является государственной, но не политической организацией. Положение беженцев усугубилось санкциями, введенными против СРЮ, хотя официально гуманитарная помощь исключена из режима санкций. Нужно отметить, что источники средств для помощи более чем трем с половиной миллионам беженцев на территории бывшей Югославии постепенно сокращались. В 1993 г. мировым сообществом было выделено 505 млн. долларов, в первой половине 1994 г. лишь 81 млн. долларов.

АВТОНОМИИ - КТО ЗА НИХ БОРЕТСЯ?

Наиболее серьезные проблемы, касающиеся положения национальных меньшинств в Сербии/Югославии, связаны с тремя этническими группами: албанцами Косово и Метохии, венграми Воеводины и мусульманами Санджака, области пограничной с Боснией и распространяющейся на Сербию и Черногорию. Первые два региона получили автономию сразу после провозглашения Федеративной Народной Республики Югославии, хотя их ранг в составе Сербии по Конституции ФНРЮ 1946 г. и Конституции Сербии 1947 г. был различен: Воеводина имела статус автономного края, а Косово и Метохия - автономной области. Конституция 1963 г. выровняла их позиции, а Конституция 1974 г. практически предоставила ранг государственности при наличии конституционно-правового суверенитета, хотя и по-прежнему в составе Сербии. Автономные края получили практически все республиканские атрибуты - конституцию, парламент (скупщину), правительство, полицию, судопроизводство, банк, университет, академию наук и т. д., т. е. по многим вопросам напрямую контактировали с федеральным правительством, минуя республиканское[9].

Полномочия государственных органов Сербии реально сводились к территории т. н. "узкой", т. е. собственно или центральной Сербии, де-факто исключая автономные края. Суще-

ствовала парадоксальная ситуация, когда края могли наложить вето на принятие республиканских решений, но за республикой не признавалось аналогичного права в отношении краев. Именно это обстоятельство, т.е. нечеткость формулировок конституций и вследствие этого неравноправное положение Сербии по сравнению с другими республиками, когда она фактически не была властна над всей своей территорией, вызвало стремление восстановить иерархичность в отношениях республика - автономный край. Новая Конституция Сербии в 1990 г. свела положение автономных краев к территориальной автономии и резко ограничила их права. Данное решение накалило политическую атмосферу в стране. При этом нужно подчеркнуть, что идея национальной автономии по-прежнему поддерживается в Воеводине, но представляется недостаточной активной части албанского населения Косово и Метохии. Остановимся подробнее на ситуации в регионах, населенных представителями национальных меньшинств.

Косово и Метохия

Говоря о ситуации в Сербии, первое, что нужно отметить, это наличие в ней взрывоопасной зоны - края Косово и Метохия. Одно из направлений политической активности в этом крае - исламское. Оно актуализировалось под влиянием событий в Боснии и Герцеговине, поскольку значительная часть населения Косово исповедует ислам. Но главную роль в этом регионе все-таки играет не религиозное, а албанское движение.

Высокий уровень территориальной концентрации албанцев в Косово, соседство края с Албанией и населенными албанцами регионами Македонии делают албанско-сербские отношения особенно проблематичными. Ситуация осложняется тем, что сербы считают эти земли исконно своими, колыбелью своего этноса, поскольку данная территория до османского завоевания была заселена сербами, именно здесь с середины XVI в. и до 70-х гг. XVIII в. находилась сербская патриархия (Печская патриархия). В период османского господства значительная часть сербов покинула эти края, переселившись в более северные области. Им на смену происходило массовое переселение албанцев. Отметим, что они и в более раннее время, спускаясь с гор в

долины, попадали на территорию современной Югославии, в том числе и в Косово, но широко расселились здесь с конца XVII в. После освобождения этого региона от Османского господства в начале XX в. и включения его в состав образовавшегося в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, сюда вновь активизировался приток южных славян - сербов и черногорцев.

Как уже подчеркивалось, Косово и Метохия является одним из экономически и индустриально слаборазвитых регионов прежней и нынешней Югославии, население которого ориентировано на традиционные формы хозяйства, замкнуто к внешнему миру и имеет чрезвычайно высокий уровень рождаемости. Было бы несправедливо не отметить, что федеральное правительство на протяжении многих лет проводило отчисления в бюджет этого края, чтобы выровнять социальное положение жителей страны. Специально для финансирования экономического стимулирования южных районов страны в 1965 г. был создан Федеральный Фонд по ускорению развития малоразвитых республик и Косово. Кстати, существование этого фонда вызывало резкое недовольство Словении и Хорватии, которые в значительной степени обосновывали свои движения за независимость нежеланием уменьшать свое богатство, помогая менее удачливым согражданам. В данном случае экономические сложности являются одним из факторов, породивших этнический конфликт. В тоже время, как заметил Джон Бэртон, этнические и религиозные конфликты, в которых центральные власти не в состоянии контролировать события, всегда затрагивают проблемы безопасности группы, идентификации и признания, и особенно контроля над политическими процессами, влияющими на безопасность, идентификацию и признание[10]. Автономный край Косово и Метохия всегда был для Югославии серьезным дестабилизирующим фактором в области межэтнических отношений.

Как отмечено выше, выступления албанцев стали начальным кризисным звеном в цепи югославской федерации. Политические неурядицы начались в Косово в 1966-1968 г., что сказалось на усилении тенденции к самостоятельности края. А первым национальным выступлением в Югославии после смер-

ти И. Тито явилась демонстрация 1981 г. в столице Косово - Приштине. Основным требованием этого движения было предоставление Косово статуса республики в составе Югославии. В тот период автономный край Косово имел свое правительство, властные структуры, университет, у него было больше прав и полномочий, чем в настоящее время.

Параллельные общества. Ликвидация суверенитета автономных краев в 1990 г., естественно, привела к усилению конфронтации между государственной властью и албанским национальным движением, их поляризации вплоть до взаимного непризнания и отсутствия диалога. 5 июля 1990 г. была приостановлена деятельность парламента и правительства автономного края Косово. Реакцией со стороны албанцев явилось принятие 7 июля 1990 г. албанской частью косовского парламента *Декларации о независимости,* а 2 сентября была утверждена Конституция "*Республики Косово*". В конце сентября 1991 г. состоялся референдум о независимости Косово[11]. Эти действия албанцев, естественно, были опротестованы правительством Сербии. Политика сербских властей и действия албанских активистов привели к новому ухудшению межэтнических отношений в крае как на бытовом, так и на политическом уровнях.

Своеобразной формой протеста явилась самоизоляция албанцев из политической и общественной жизни страны. Они не участвовали в переписи населения, в выборах в государственные органы, отказались от общепринятой в Сербии образовательной системы, хотя преподавание и велось на албанском языке.

По подсчетам экспертов, участие албанцев в парламентских выборах обеспечило бы им порядка 25 мест в парламенте, т. е. 10% голосов. Столь значительный депутатский блок несомненно бы изменил баланс сил в республиканском руководстве[10]. Несмотря на оппозиционный настрой албанцев, члены правящей Социалистической партии Сербии призывали их не отказываться от участия в выборах. Это объяснялось тем, что факт наличия албанского электората означал бы признание ими легитимности конституционного устройства страны, а кроме того, вопрос о лояльности албанского меньшинства к государственной власти в Югославии важен не только с политической, но и с

психологической точки зрения. Албанское движение является мощной политической силой, с которой не могут не считаться сербские и федеральные власти.

В мае 1992 г. албанцы Косово провели независимые президентские и парламентские выборы. В июне 1992 г. избрание парламента было объявлено центральными властями незаконным, он был разогнан сербской милицией, а часть его делегатов (12 человек) арестована[13].

Со своей стороны албанцы имеют массу претензий к югославскому (сербскому) руководству и его национальной политике. Албанские лидеры утверждают, что отношения между Сербией и Косово решаются силовыми методами, что сербский парламент принял целый ряд законов, дискриминирующих албанцев, таких, как Закон о трудовых отношениях в условиях чрезвычайного положения, Закон об образовании в Косово, Закон о средствах массовой информации, Закон об создании общественных предприятий[14].

В результате этого противостояния на территории Косово стали функционировать две сепаратные субсистемы: экономические, политические, культурные и т. д. Официальная сербская власть представлена административными структурами, албанцы же имеют свой собственный парламент, правительство, экономический комитет, здравоохранительные органы.

Политическая жизнь албанцев организована под руководством альтернативных оппозиционных партий, главную роль среди которых в этот период играл *Демократический Союз Косово* под председательством Ибрахима Руговы. Именно он был избран президентом непризнанной республики. Важно отметить, что в тяжелые годы войны на постюгославском пространстве сторонники И. Руговы пытались найти мирный путь к достижению цели создания независимой и самостоятельной республики.

В октябре 1991 г. албанцы видели три варианта решения статуса Косово, связывавшиеся ими с дальнейшей судьбой СФРЮ. В случае сохранения страны они требовали самоопределения в ее составе. При изменении лишь внутренних границ республик они желали объединения всех албанцев Югославии внутри нее. При распаде федерации предполагалась постановка вопроса о независимости.

Образование детей - тоже форма протеста. Сербы и албанцы стараются сделать свои контакты минимальными. Межэтнические противоречия коснулись многих сфер жизни населения Косово. Сказались они и на школьном образовании. Причем подливают масла в огонь обе стороны. Например, родители сербских детей в одном из косовских городов Дечаны потребовали обеспечения "этнически чистых классов" и настаивали, чтобы обучение шло в разных зданиях[15].

Албанцы считают вопрос об образовании одним из способов проявления своей независимости. В Косово албанцы отказались от единой образовательной системы, существовавшей в Сербии, хотя преподавание и велось на албанском языке. Было введено так называемое "параллельное" обучение по особой программе.

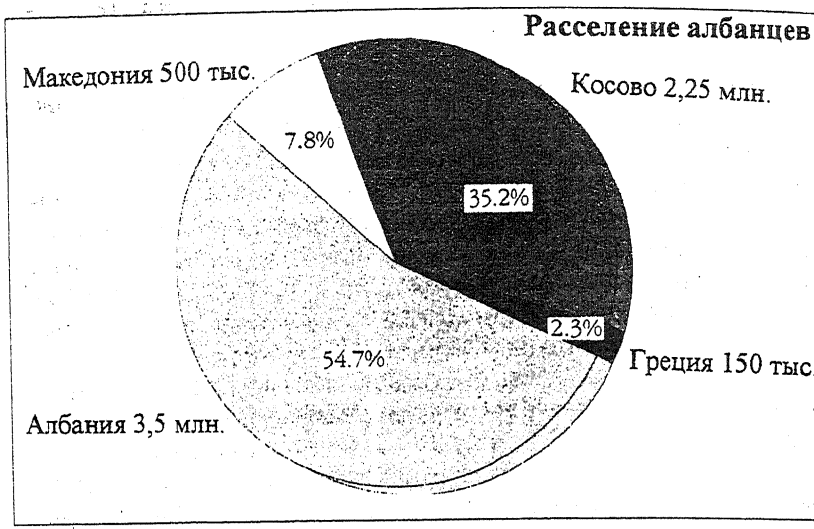
Власти Сербии не признают дипломы и аттестаты "параллельных" институтов и школ. Однако, несмотря на это в Косово действует 13 албанских институтов, дипломы которых уже получило около 10 тыс. человек, школьным обучением охвачено 339 тыс. детей, которым преподают более 18 тыс. учителей в 480 школах. Эти школы не имеют приспособленных помещений (используются частные дома, культовые здания, гостиницы, подвалы и т. д.), существуют и финансовые сложности для их функционирования. Тем не менее в 1994-1995 учебном году в государственные школы Косово, по данным краевого комитета по образованию, не пошел ни один ученик албанской национальности. Лишь незначительное число детей из национально смешанных семей учится в официальных школах, но они избрали для себя сербоязычные классы[16]. 1 сентября 1996 г. между Белградскими и Приштинскими властями подписано *Соглашение об образовании.* Стороны констатировали, что необходимо добиваться нормализации образовательной системы в Косово для албанских детей и молодежи. Пока, к сожалению, особых изменений в ситуации этот документ не принес.

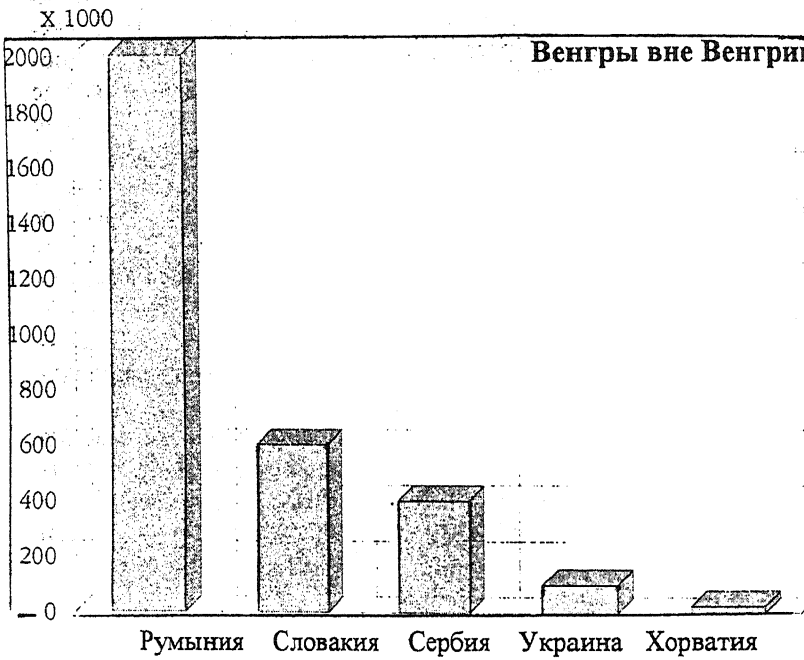
Школьное образование является институтом, формирующим этническое самосознание будущего населения края. Поэтому ему уделяется особое внимание. Албанцы также выступают за развитие своего языка и культуры, национальной само-

бытности, добиваются получения прав "по наивысшим стандартам, предусмотренным ООН".

Контакты с "этническими братьями". Албанцы Косово стимулируют активизацию действий албанцев, проживающих и за пределами этого края. В частности, они поддерживают подобные устремления албанцев в Черногории. В августе и сентябре 1992 г. в этой югославской республике состоялись заседания *Демократического форума албанцев Черногории*, который принял *Меморандум Демократического Форума*, предусматривающий специальный статус албанцев Черногории, т.е. автономию. Меморандум был негативно воспринят властями Черногории. В августе 1994 г. на очередном заседании Демократического форума албанцев Черногории вновь был поднят вопрос о Меморандуме. Албанцы недовольны недостаточными возможностями для развития своей культуры, отсутствием албанского языка в административной жизни, даже считают себя дискриминируемыми в экономическом, культурном и информационном плане. Отмечают намеренное стремление изменить структуру поселений путем переселения в районы компактного проживания неалбанцев. В связи с этим албанцы Черногории еще раз заявили о своем желании получить автономию в составе Черногории и право на поддержание экономических, культурных, образовательных связей с Албанией и регионами бывшей Югославии, населенными албанцами. Как и в самом начале 90-х годов, политическая общественность Черногории в основном негативно относится к стремлению албанцев получить административно-территориальную автономию, хотя и считает необходимым обеспечение духовных потребностей албанцев, обсуждает вопрос о создании кафедры албанского языка и литературы в Университете Черногории и т. д.[17]

Албанцы Косово поддерживают активные отношения также с албанцами, проживающими за пределами СРЮ, в частности, в соседней Македонии, где албанцы составляют более четверти населения, компактно проживая в западной части страны.

Расселение албанцев
Македония 500 тыс.
Косово 2,25 млн.
7.8%
35.2%
2.3%
54.7%
Греция 150 тыс.
Албания 3,5 млн.

X 1000
Венгры вне Венгрии
2000
1800
1600
1400
1200
1000
800
600
400
200
0
Румыния
Словакия
Сербия
Украина
Хорватия

Косово и Албания. Для понимания серьезности проблемы, важно учесть специфику взаимоотношений Косово с Албанией. Следует обратить внимание на то, что на протяжении полувека после Второй мировой войны ситуация в Косово является мощным раздражителем для югославо-албанских отношений. Руководство Албании никогда не отказывалось от претензий по меньшей мере на опеку над албанским населением Косово, не исключая и объединения при благоприятных обстоятельствах с этим краем.

Безусловно, демократические процессы в Албании, делают ее все более привлекательной для косовцев, и некоторые политические лидеры тяготеют к объединению с Албанией. Как заявил корреспонденту газеты "Борба" секретарь Социалистической партии Косово Б. Бечай, "приоритетный момент всех наших программ - как освободиться от оккупации сербского режима..."[18].

В 70-80-х гг. югославские власти пытались проводить политику своего рода "открытых дверей" между Косово и Албанией, полагая, что более высокий уровень жизни и материального развития Косово послужит гарантией против усиления проалбанских настроений среди албанского населения Косово. Дело дошло даже до того, что для работы в Приштинском университете привлекались преподаватели из Албании, использовались изданные там учебники. На практике, однако, это способствовало усилению разброда в умонастроениях, а невостребованность в СФРЮ большей части выпускников Приштинского университета (в основном гуманитарных специальностей) привело к усилению их безработицы и ощущению "ущербности", к ностальгическим взглядам в сторону "прародины". Ситуация особенно обострилась на фоне общеюгославского кризиса и распада СФРЮ, ужесточения курса правительства Сербии. Не случайно многие политики и наблюдатели в СРЮ и за рубежом именно в Косово видели потенциальный очаг следующей вспышки конфликта, чреватого военными столкновениями, в которые почти неизбежно вмешалась бы и Албания.

Важно учесть также, что косовский вопрос стал интернационализироваться, в частности его использовали в качестве аргумента для решения других проблем и прежде всего при вы-

работке стратегии в связи с положением сербов в Хорватии и в Боснии и Герцеговине. Как югославские лидеры, так и их оппоненты вынуждены были говорить о выработке одинаковых условий для всех республик и этнических групп, т. е. как для сербов за пределами Сербии, так и для албанцев в Сербии. Хотя с потерей автономии хорватскими сербами данное сопоставление стало менее актуально.

Жизнь врозь. В настоящее время в Косово отмечается сильная гомогенизация населения. Это проявляется, в частности, в резком сокращении этнически смешанных населенных пунктов. В начале 90-х годов из общего числа 1445 поселений 1154 являлись этнически чистыми, в 195 преобладала одна национальность. Таким образом, в 93,4% населенных пунктов края доминировал один этнос. Число поселений при этом оставалось прежним, менялся лишь их этнический состав. За период с 1961 по 1981 гг. число смешанных поселений сократилось почти в два раза, но ни в одном не шли изменения в сторону увеличения сербского населения. Наблюдается увеличение числа албанских поселений, либо "этнически чистых", либо с преобладанием албанцев. Если в 1961 г. албанские поселения составляли менее половины, то через двадцать лет их стало $^2/_3$ от общего числа населенных пунктов. Быстрый рост численности албанского населения при резком сокращении доли сербского населения в Косово был вызван не только высоким уровнем рождаемости среди албанцев, но и отъездом сербов из этих краев. Данные свидетельствуют, что за последние сорок лет в 29 обследованных общинах сербы продали албанцам 2715 земельных владений, а албанцы сербам лишь 140[19]. С 1961 по 1980 г. в центральную Сербию и другие районы из Косово выехало около 115 тыс. сербов и черногорцев, в последующее десятилетие край покинули еще 50 тыс. славян.

В 80-е годы албанские экстремисты делали все возможное, чтобы превратить Косово в регион с этнически чистым населением. В этой связи они прибегали к самым разным мерам, часто даже жестоким. К ним следует отнести трудности с устройством на работу для сербов и черногорцев, поджоги и разгром жилых и хозяйственных построек, уничтожение посевов и скота,

осквернение православных храмов и кладбищ и т. д.[20] Такая ситуация вынуждала людей сербской и черногорской национальности покидать места своего постоянного места жительства. В Косово уже долгие годы идет процесс "этнизации" территорий, характерный в целом для государств бывшей Югославии.

Миграционное движение. После поражения Сербской Крайны в Хорватии и потока беженцев, хлынувшего в Сербию, Балканский кризис получил новый поворот. По албанским источникам около 3000 беженцев обосновались в Косово, тогда как из общего числа мигрантов 1991-1992 г. лишь 0,3% чел. избрали своим местом жительства этот край[21]. Косово в силу своей отсталости и сложных межэтнических отношений менее всего привлекал переселенцев. Однако, как и можно было предположить, Белградское руководство предприняло попытку колонизации этого края сербами.

Миграционное движение в Косово уже давно является объектом политики. Руководство страны оценивает эмиграцию сербов из края как результат давления со стороны албанцев, тогда как переезд в Косово албанцев из Македонии и других регионов бывшей Югославии воспринимается как один из способов албанизации региона. В последние годы эти факторы послужили основанием для выработки официальных программ, способствующих привлечению сюда сербов и черногорцев. В частности, при поддержке Верховного комиссариата ООН по беженцам и за счет собственных средств в Косово было осуществлено строительство жилья для беженцев. Преимущество при его покупке получили сербы и черногорцы[22]. По правилам, действующим в Косово, представители этих двух народов могут без проблем приобрести жилплощадь у албанцев, тогда как албанцы в подобном случае должны предъявить справку о трудоустройстве в Косово. Кроме того, сербам и черногорцам предоставляются льготы при поступлении на работу.

С другой стороны, режим С. Милошевича вовсе не заинтересован в обострении обстановки в крае. Как югославские, так и косовские власти опасались эскалации конфликта с переездом сюда сербского населения и развязывания новой войны, последствия которой были бы для Сербии трагичны. Да и за-

траты государства на обустройство переселенцев и обеспечение их рабочими местами в бедном регионе были бы слишком дорогостоящими.

Вместе с тем нужно отметить, что, по неофициальным данным, за последние годы от 350 тыс. до 500 тыс. албанцев покинули край и обосновались в странах западной Европы. Это, безусловно, могло бы способствовать сербизации края, но, учитывая высокий уровень рождаемости албанцев, все усилия по изменению этнической структуры края вряд ли будут иметь успех. Сербам, видимо, прийдется смириться с тем, что Косово стало албанской землей[23].

В современных политических условиях албанцам нелегко было продемонстрировать свою лояльность к центру, тем не менее, албанские лидеры в годы кризиса пытались найти мирный путь решения проблемы, албанцы Косово не вели в самые тяжелые годы экстремистских действий.

Подготовка к бою. К сожалению, ситуация в Косово и Метохии вновь стала накаляться после прекращения военных действий в других горячих точках Балкан. Постдейтонский период характеризуется постепенной международной маргинализацией косовской проблемы, что связано в ростом радикальных формирований в регионе. В начале 1996 г. достаточно лояльная позиция Демократического союза Косово и ее лидера Ибрахима Руговы стала подвергаться критике со стороны его сограждан. Наметился политический разрыв между президиумом "Республики Косово", находящимся в Косово, и исполнительными органами, дислоцированными за границей[24].

Начало политическим дебатам было положено Адемом Демачи, писателем и диссидентом, который провел 28 лет в тюрьме. Он изложил свою позицию в интервью Белградскому еженедельнику "Телеграф" и призвал к пересмотру политической тактики[25].

В конце того же года на политической сцене появилась новая организация "*Освободительная армия Косова*", которая ведет борьбу силовыми методами. Согласно прессе, ОАК насчитывает от 15 до 30 тыс. человек и имеет тренировочные лагеря в крае и в Швеции, а также политическую базу в Швейцарии[26]. В

данный момент ее главной целью является привлечение внимания мирового сообщества к проблеме Косово. В качестве переходной стадии к независимости предлагается международный протекторат. (Кстати, идея международного протектората еще раньше была высказана Демократическим союзом Косово и ее лидером И. Руговой[27]).

По сведениям МВД Сербии, уже в 1996 г. в Косово произошло 31 столкновение между албанскими боевиками и МВД Сербии, в 1997 г. их количество достигло 55. Всего же с 1991 г. по 3 июня 1998 г. в Косово имело место 543 политических акта, из которых большинство - 409 - приходятся на пять месяцев последнего года. В январе 1997 г. полиция арестовала 55 албанцев, среди которых было около 20 членов "Освободительной армии Косово". Эта организация также взяла на себя ответственность за все инциденты, которые имели место в течение ноября 1997 г. на территории Косова и Метохии. Одной из акций борьбы тогда стало нападение на автомобиль судебных исполнителей в селе Вочняк и последующая перестрелка с полицией. Выступления албанцев периодически вспыхивали в разных точках региона. К июлю 1998 г. число жертв столкновений уже составило не менее 350 человек, включая 30 полицейских.

Другой силой, активизировавшейся в Косово, стали студенческие протесты. Мобилизация студентов "теневого" Университета Приштины сыграла важную роль в поощрении более активной стратегии в борьбе. Их акции в октябре 1997 г. снискали широкую поддержку у общественности и пошатнули ранее непререкаемый авторитет косовского лидера Ибрахима Руговы. С тех пор демонстрации в Косово вновь стали перманентным явлением, в частности, массовые выступления состоялись в конце февраля 1998 г.

Напряженность возрастает. Согласно сообщениям прессы, 27 февраля два сербских полицейских были убиты албанцами в деревне Ликосане около г. Глоговац. На следующий день силы безопасности Сербии провели рейд в 7 или 10 деревнях, пытаясь задержать членов Освободительной армии Косово. По данным сербской стороны, в результате акции погибло 16 албанцев, албанцы говорят о 30 убитых, лишились жизни также 6 сербских

полицейских. 2 марта албанцы (от 30 тыс. до 100 тыс.) провели демонстрацию протеста в центре г. Приштины, которая была разогнана[28].

На сцене все активнее стала появляться Освободительная Армия Косова. Ее роль возросла после происшествия в Дренице в марте 1998 г., в результате которых погибло около 100 человек[29]. Сражение под Ораховцем в июле 1998 г. показало, что боевики накопили достаточно оружия для ведения долгой войны. Бой завязался в результате нападения отряда сепаратистов на пост милиции, затем перерос в полномасштабную войну. Одновременно тяжелые бои развернулись на югославо-албанской границе: со стороны Албании прорывалось подкрепление. С тех пор произошло несколько столкновений на границе, интенсивные перестрелки велись и во внутренних районах Косово. Так или иначе, ОАК летом 1998 г. уже контролировала 30-40 % территории края.

Лидер Социал-демократической партии Люлета Пуля-Бечири считает, что семилетнее пассивное сопротивление косовских албанцев сербским властям не принесло результатов, что международная общественность игнорирует вопрос Косово и поэтому недовольство в низах растет. Она сказала, что "появление вооруженного сопротивления естественный и ожидавшийся поворот событий, аналогичный всем другим освободительным движениям в мире"[30].

Весной 1998 г. политический спектр Косово переживал небывалый подъем. Количество албанских политических партий достиг 48. Обстановка особенно накалилась в период подготовки состоявшихся 22 марта 1998 г. выборов президента и скупщины (парламента) "Республики Косово". Выборы показали, что Демократический союз Косово по-прежнему имеет политическую силу в регионе. Именно сторонники этой партии выставили свои кандидатуры на выборы и заняли все 130 мест в парламенте. Президентом вновь избран Ибрахим Ругова. 16 июля произошло историческое событие - первое заседание парламента Косово, в котором из 120 членов 110 по национальности албанцы. Идриз Аети стал официальным лидером парламента. Но неизвестно, признают ли его полномочия в крае. Вершат волю косовских албанцев боевики. По признанию парламента-

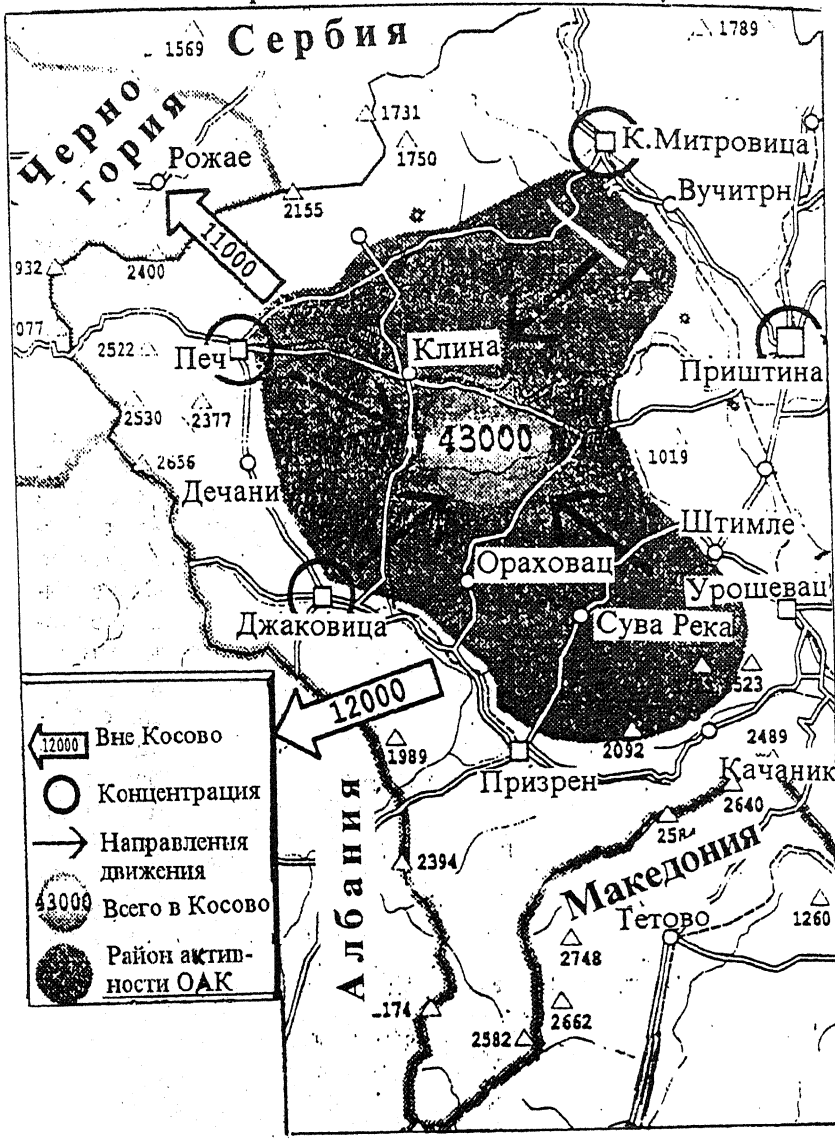
риев, скорее всего, боевики не будут считаться со скупщиной. Количество жертв в вооруженных столкновениях уже исчисляются сотнями.

С конца апреля мирные жители стали покидать свои дома. По данным Верховного комиссара ООН по проблемам беженцев границу Албаннии ежедневно пересекает около 200 жителей Косово, а общее число переселившихся туда к июню 1998 г. достигло 10 -12 тыс. Кроме того, Министерство внутренних дел Черногории дало сведения о присутствии на ее территории в этот же период 5,2 тыс. беженцев, среди которых 1033 сербов, 754 черногорца, 1929 албанцев, 799 мусульман и 438 лиц других национальностей. Беженцев из Косово приняла также и соседняя Македония[31]. Все это свидетельствует об эскалации напряженности и сложности обстановки в этом регионе.

Косово и международные посредники. Ситуация далека от стабилизации. В проблему Косово все активнее стали вмешиваться международные посредники. Одним из их первоначальных действий стало включение вопроса о Косово и Метохии в повестку дня Конференции Совета по применению мира в Боснии и Герцеговине (Бонн, декабрь 1997). Однако, это вызвало резко негативную реакцию СР Югославии, которая считала ситуацию в Косово и Метохии своим внутренним делом, не относящимся к сфере полномочий сил, занимающихся выполнением мирных соглашений о Боснии и Герцеговине. Аргументом югославской стороны являлся факт отсутствия в Дейтонских соглашениях какого-либо упоминания о косовских албанцах. Поскольку все-таки вопрос Косово и Метохии был включен в заключительный документ Боннской конференции, делегации СР Югославии и Республики Сербской покинули зал заседаний[32].

Однако, в дальнейшем руководство СРЮ вынуждено было смириться с интернационализацией проблемы Косово. Положение в этом автономном крае стало предметом специальных обсуждений крупнейших членов западного альянса и Контактной группы, состоящей из высокопоставленных представителей шести стран - России, США, Франции, Германии, Великобритании и Италии. В марте 1998 г. в Бонне даже был поставлен вопрос о повторном введении санкций против СРЮ. В конце

Перемещенные лица (по сведениям Комиссариата ООН по делам беженцев)

апреля Контактная группа приняла решение об их установлении, отложив в дальнейшем их введение до 9 мая в случае отсутствия позитивных сдвигов.

Состоялось несколько заседаний Совета НАТО, в ходе которых рассматривались варианты военного решения кризиса. Как известно, Москва резко высказалась против силового подхода и взяла на себя роль посредника в переговорах с сербской стороной. Борис Ельцын и Слободан Милошевич встретились в Москве 16 июня, дискуссия имела позитивный результат. С Милошевич во многом пересмотрел свои позиции. В Белграде стали активно работать над проектом широкой автономии для Косово. В крае с подачи России началась деятельность международной дипломатической наблюдательной миссии.

Началом политического диалога между Белградом и Приштиной явилась состоявшаяся в середине мая встреча С. Милошевича с И. Руговой. Слободан Милошевич неоднократно говорил о готовности Белграда приступить к переговорам с албанцами, правда, без международных посредников, на чем настаивает Контактная группа. Сами албанцы, недовольные предлагаемым сценарием переговоров, отказывались встречаться с официальными властями и обвинили И. Ругову в мягкотелости. Приштинская делегация не явилась ни на одну из намечавшихся встреч.

Летом 1998 г. радикальные лидеры Косово, по словам зам. министра иностранных дел РФ Н. Афанасьевского, выдвинули новые требования: отменить законы, принятые после 1989 г. и признать независимость этой провинции. По мнению Контактной группы, речь может идти только об автономном статусе Косово в рамках Югославии.

Германия и США выступили сторонниками подключения к диалогу Освободительной армии Косово, тогда как это неприемлемо для С. Милошевича и для И. Руговы, который хотел бы представлять на переговорах все силы края, включая ОАК.

В июле 1998 г. на заседании Контактной группы в Бонне особое внимание было уделено плану министра иностранных дел ФРГ Клауса Кинкеля. Этот документ предусматривал незамедлительное прекращение огня в качестве предварительного условия для начала диалога Белград-Приштина; осуществление

принятых международным сообществом санкций против Югославии и резолюций Совета Безопасности ООН; выработку основных принципов автономии для Косово; учреждение масштабной миссии международных наблюдателей в регионе и разработку региональной программы по проблеме беженцев.

Нестабильность Косово и неясность его статуса вызывает беспокойство во всем мире. События, происходящие в этом регионе, малоутешительны, поскольку перспектива войны в Косово не привлекает в данный момент никого. А если учесть, что в нее моментально бы оказались втянутыми, в первую очередь, Югославия и Албания, а во вторую - Македония, Греция и Болгария, без решения проблемы Косово мира на Балканах не будет.

Воеводина

Другой автономный край Сербии, в котором компактно проживают этнические меньшинства - Воеводина. Этот регион, до 1918 г. входивший в состав Австро-Венгрии, преимущественно населенный немцами и венграми, привлекший сербов из центральной Сербии и Косовско-Метохийского края в период Османского господства, австро-турецких войн и сербских восстаний, на протяжении веков отличался межэтнической и межконфессиональной толерантностью. Воеводина - территория с наисложнейшей этнической структурой в Европе. Здесь наряду с сербами (56,8% населения по переписи 1991 г.) живут венгры (16,9%), словаки (3,2%), хорваты (3,7%), цыгане, русины, всего около 20 различных этнических групп. В отличие от ситуации в Косово, здесь сербы преобладали на 77,8% территории, а наиболее многочисленное меньшинство - венгры - лишь на 17,8%. Эти цифры претерпели существенное изменение за последние несколько лет, прежде всего за счет переселения сюда сербов из Хорватии и Боснии и Герцеговины.

И все-таки межэтнические отношения в этом крае не доходят до крайностей, взаимоотношения государственных органов и населения Воеводины никак нельзя ставить на один уровень с ситуацией в Косово. Это лояльные граждане СРЮ, они участвуют в выборах, имеют своих представителей в органах

управления, а в десяти общинах северной Воеводины их партии находятся у власти.

Положение этнических меньшинств, к которым относится более 40% населения Воеводины, в целом оценивается как стабильное. Их права обеспечиваются разными способами: существуют национальные общины, издается 98 газет этнических меньшинств, есть телевизионные и радиопрограммы, обеспечивается школьное обучение (в Воеводине работает единственная в мире русинская гимназия, словацкая гимназия, единственная вне Словакии, ведется преподавание и на других языках, проживающих здесь народов)[33]. Правда, союзные власти считают, что создание собственных национальных автономий в Воеводине, этнически чистых школ может привести к геттоизации национальных меньшинств. Негативно оценивается также интернационализация обсуждения положения национальных меньшинств в Воеводине, привлечение к решению этого вопроса других стран[34].

Представители этнических меньшинств автономного края в основном сосредоточивают свои политические требования на расширении местного самоуправления и обеспечении культурных прав, прежде всего таких как широко распространенное здесь образование на родном языке и свобода религии.

Вместе с тем вопрос о современной автономии Воеводины, о ее полномочиях в соотношении с республиканскими властями широко обсуждается общественностью. Очевидно, что некоторые сепаратистские настроения существуют и в этом автономном крае. Взгляды различных политических партий варьируются, но практически никто из политиков Воеводины не видит ее будущего вне Сербии и Югославии. При этом они отмечают чрезмерную централизацию в управлении страной, осуществляемую правительством Слободана Милошевича.

Концепция автономии Воеводины в сентябре 1994 г. стала предметом дискуссии на заседании *Воеводинского клуба*, внепартийного объединения граждан, собравшегося для обсуждения положения в автономном крае. На форуме высказывалось недовольство нынешним статусом Воеводины, вместе с тем подчеркивалось, что Воеводина не собирается вступать в антагонизм с правительством. В ходе дискуссии была принята

"*Платформа о современной автономии Воеводины*". Документ выдвинул требование борьбы за внесение поправки в республиканскую и федеральную Конституции, предоставление автономному краю самостоятельной законодательной, юридической и исполнительной власти.

Авторы Платформы призвали все политические партии, ассоциации и движения граждан Воеводины присоединиться к их обращению. Они ожидали поддержку в первую очередь местных организаций, а вместе с тем и либеральных кругов Сербии.

Вполне закономерно, что выступления за автономию Воеводины обосновываются по-разному отдельными организациями и имеют неоднозначную мотивацию. Идею расширения автономии Воеводины поддерживают многие политические партии автономного края. По мнению *Демократической партии реформ* (Реформска демократска странка), современная автономия является лишь видимостью, фасадом, не имеющим реального содержания. Тогда как федеральная единица должна иметь самостоятельность в управлении, законодательстве и суде. В то же время такие функции, как оборона, государственная безопасность, внешние отношения, денежная система, - это прерогатива федерации, а не одной из ее единиц.

Эта крупнейшая и наиболее влиятельная местная политическая партия в своей "*Декларации Воеводины*" в октябре 1992 г. видела край "как современный европейский регион", имеющий статус " автономной провинции, являющейся частью Республики Сербии и Югославской ассоциации".

Другая партия - *Демократическая* (Демократска странка) полагает, что Воеводина должна сохранить черты межнациональной толерантности и гражданских традиций. Вместе с тем, она мечтала о будущем Воеводины в децентрализованной Сербии с демократическими традициями, имеющей сильное местное самоуправление, базирующееся на реальных финансовых источниках. По мнению одного из лидеров партии, одна треть доходов должна идти в союзный бюджет, другая - в республиканский и третья - в местный.

Лига социальных демократов Воеводины последовательно выступает за восстановление функций автономии. В

"*Меморандуме о Воеводине*" в декабре 1991 г. эта организация отстаивала Воеводину, как "конфедеративный союз, равноправный другим объединениям в пределах конфедеративной Сербии". В случае неготовности Сербии предоставить Воеводине подобные права, меморандум предусматривал "независимую Воеводину, как нейтральную и открытую территорию с адекватным международным статусом и гарантиями"[35].

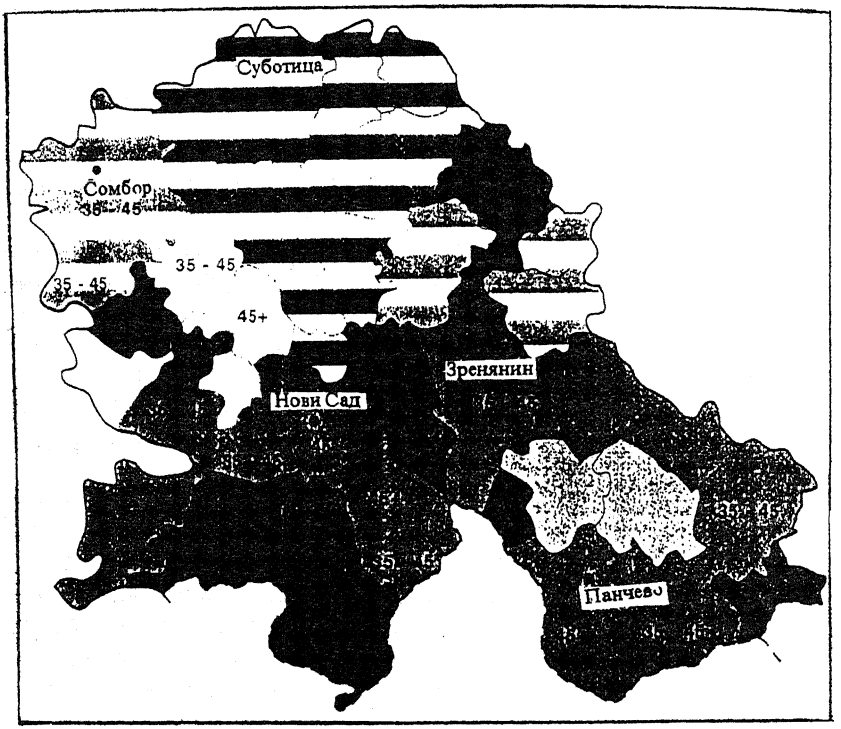
За последние годы было проведено несколько партийных и научных конференций по проблеме автономии Воеводины. Наибольшее значение имел круглый стол "Автономия Воеводины сегодня", организованный Всенациональным фронтом Воеводины в январе 1993 г. В его работе приняли участие крупнейшие авторитеты страны в области конституционного права.

Следует подчеркнуть, что концепция автономии Воеводины, предлагаемая большинством партий края, не носит этнического характера и предполагает региональное выделение. Наряду с этим высказываются предложения о предоставлении автономии отдельным этносам. В частности, *венгры* Воеводины пытаются изыскать возможность получения автономии. За права венгров выступают партии "*Демократическое объединение воеводинских венгров*" (Демократска заедница војвођанских Мађара) и "*Союз воеводинских венгров*" (Савез војвођанских мађара), своей основной целью они считают сохранение культуры, языка, самосознания, разработку концепции автономии[36].

Первая из этих партий в марте 1995 г. сделала достоянием гласности документ, названный "*Венгерская автономия*". В интервью председателя этой партии Андроша Агостона, данном еженедельнику "Независни" ("Независимый"), сказано, что партия не призывает к пересмотру границ, но борется за автономию не только от СР Югославии и Сербии, но и от Воеводины.

Лидеры этой партии предлагают ввести в жизнь "автономию ограниченного суверенитета" или так называемую "трехстепенную автономию". Трехстепенная автономия включает персональную автономию, территориальную автономию и локальное самоуправление. Первая из них подразумевает коллективный субъективитет меньшинств и обеспечение их культурной и этнической самобытности; органы персонального са-

моуправления - парламент, вече самоуправления и председатель при этом выбирались бы на общих выборах. Территориальной автономией предусматривается самоуправление венгерских общин и создание объединений этих общин. Через ассоциацию общин образовывалась бы венгерская автономная область с самостоятельным управлением. Для семи общин, где венгры составляют абсолютное большинство населения, предусматривается особый статус со своим законодательством, полицией, школьными программами и свободным употреблением нацио-

Сербы и венгры в Воеводине
(данные 1971 г.)

нальных символов. Третьим видом автономии венгры в диаспоре (т. е. вне концентрации лиц своей национальности) имели бы местное самоуправление[37].

Из вышесказанного видно, что воеводинские активисты разработали несколько концепций развития межэтнических отношений в крае. Однако маловероятно, что их акции будут иметь реальный успех, поскольку в настоящий момент в Воеводине, а также и Сербии в целом, силы, способные поддержать и возглавить независимое локальное развитие весьма маломощны. В политической жизни Сербии доминирует ориентация на централизацию власти.

В связи с этим нужно подчеркнуть, что венгры являются наиболее влиятельной этнической группой. Прочие национальные меньшинства Воеводины значительно уступают им по степени активности, хотя и они пытаются разными способами заявить о своей роли в регионе. Например, 12 мая 1990 г. в городе Нови Сад был основан *Югославский союз русинов и украинцев.* Эта организация отрицает наличие политических задач и ставит своей целью сохранение этнической идентичности и культуры. Аналогичные задачи имеет *Русинский общественный парламент, Общество русинов* и *Ассоциация русинского языка и литературы*[38]. 4 декабря 1991 г. *Общество воеводинских украинцев* обратилось к общественности с просьбой помочь в реализации конституционных прав на обеспечение образования и прессы на родном языке[39].

В последние годы активизировались также *цыгане.* В СРЮ они имеют статус этнической группы, поэтому первостепенной задачей цыгане считают борьбу за получение статуса национального меньшинства.

Формой их выхода на политическую сцену страны явилось создание в 1990 г. в г. Лесковац *Социал-демократической партии цыган.* В том же году в г. Крагуевац была учреждена *Демократическая политическая партия цыган Сербии и Югославии,* затем в 1992 г. в Алексинце - *Демократическое сообщество цыган Югославии,* в 1995 г. - *Новая демократическая пар-*

тия всех цыган мира, в 1997 г. в Белграде - *Цыганская партия конгресса*[40].

Достаточно дробную политическую структуру дополняют всевозможные культурные объединения. Наиболее крупным из них является *Matica Romska*, основанная в Новом Саде в июне 1996 г. *Воеводинское общество цыганского языка и литературы* в том же городе отметило десятилетний юбилей. Важную роль играет основанный в августе 1997 г. в Крагуевце *Комитет по защите прав цыган в СРЮ.*

Большое внимание эти организации уделяют вопросу стандартизации цыганского языка. Этому был посвящен проведенный в январе 1997 г. в городе Нови Сад специальный круглый стол.

Общество цыганского языка издает журналы "Романология" и "Alav e Romengo" ("Цыганский мир"). Они печатают на своих страницах произведения цыганских писателей.

Проблемой является обучение детей на родном языке. Они неохотно идут учиться. По данным Секретариата по образованию и культуре Исполнительного комитета Воеводины в этом регионе лишь 53 цыганских ребенка обучались в средней школе[41]. Чтобы повысить грамотность в ряде городов (Сента, Хордош, Апатин) для них созданы специальные школы. Для привлечения цыганских детей в школы, например, в Банате им предоставляют двухразовое горячее питание[42].

При этом не следует забывать, что правительство Югославии и в прежние годы не оставляло без внимания цыганское сообщество. Газета для цыган выходит с 1935 г. Первая радиопрограмма на цыганском языке была введена в Белграде еще в 1981 г. Радио Нови Сад имеет специализированные передачи с 1992 г., вещают для них и некоторые местные станции. А в 1986 г. телевидение Приштины учредило передачи для цыган, к ним присоединилось в 1992 г. TV Нови Сад и в 1997 г. - TV Ниша и Крагуевца.

Как уже было отмечено выше весьма проблематично положение *хорватов*, которых, напомним, в Сербии по переписи 1991 г. насчитывалось более 100 тыс. Хорватов СРЮ можно по-

делить на две группы: мигрантов последних десятилетий, селившихся, как правило, в городах, и жителей Воеводины, обосновавшихся несколько веков назад преимущественно в районах Северная Бачка и Срем.

У хорватов Воеводины есть своя партия "*Демократический союз хорватов Воеводины*", основанная в 1990 г. Эта партия, участвовавшая во всех выборах в республиканский парламент - Скупщину Сербии, насчитывает 9 тыс. членов. Своей программой она предусматривает защиту политического, культурного и экономического равноправия хорватов на территории Воеводины, установление контактов с хорватами в Хорватии, Румынии и Венгрии. После начала войны в Хорватии эта партия официально обратилась к республиканским властям Сербии с просьбой о предоставлении хорватам культурной автономии с самоуправлением. Эта идея не была поддержана и осталась без внимания.

По данным на середину 1995 г., в парламенте Воеводины есть один хорват. Он отмечает, что общая атмосфера, в которой сейчас живут хорваты достаточно спокойна, тогда как два года назад его выступления сопровождались свистом.

Скорее исключением, чем нормой жизни хорватов в Сербии является наличие двух религиозных школ в регионе и классов с преподаванием на хорватском языке в приграничном городе Суботица. Кроме того, в Суботице действует 4 хорватских культурных общества и 1 общество в Сомборе. Учреждено несколько организаций, активность которых направлена на проведение всевозможных культурных мероприятий: *Хорватский культурный центр "Буньевачко коло"*, *Буньевачка Матица, Католический институт культуры "Ivan Antunović"* в Суботице, *Хорватский культурно-образовательный центр "Матия Губец"* в Таванкуте, *Культурно-артистическое общество ""Владимир Назор"* в Сомборе[43].

Интересна ситуация с этнографическими группами *буньевцев* и *шокцев* в Воеводине. В прочих странах, где живут представители этих групп - в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Венгрии, - они однозначно считаются локальными группами хорватов. В Воеводине же буньевцы и шокцы поставили под вопрос такую идентификацию и заявили, что являются сербами-

католиками. По переписи 1991 г. 21 552 жителя края записались этническими буньевцами и 1 866 чел. - шокцами. Они учредили свою политическую организацию - *Буньевацко-шокскую партию*, создали два культурных общества в Суботице - *Obnoviteljska bunjevačka matica* и *Буньевский культурный центр*[44].

23 августа 1996 г. Республика Хорватия и СРЮ подписали соглашение о нормализации отношений. Исходя из Ст. 8 стороны гарантируют "сербам и черногорцам в Республике Хорватия и хорватам в СРЮ все права согласно международным нормам[45].

Вполне естественно, что в годы кризиса, который затронул и Воеводину, хорваты испытали на себе результаты межэтнической нетерпимости. В некоторых областях, особенно в городах, расположенных на границе с Хорватией, например, в Сомборе и Шиде, при обострении событий в бывших югославских республиках на хорватское население оказывалось давление. По сообщениям агентства Танюг, в июне 1992 г. в районе Срема (деревни Хрковци, Платичево, Никинци, Рума) отмечены случаи поджогов хорватских домов[46].

В этот период часть хорватских семей выехала на этническую родину, а их дома заняли беженцы из Крайны. Хорватские активисты Воеводины приводят сведения о сокращении числа лиц этой национальности в три раза. Согласно данным политической организации "*Демократический союз хорватов Воеводины*" с 1991 по 1994 г. 45 тыс. лиц этой национальности покинуло Воеводину и более 5 тыс. Черногорию. В СРЮ осталось около 150 тыс. хорватов[47].

Вместе с тем и многие молодые венгры покинули страну в поисках лучшей жизни, а также стремясь избежать службы в армии. Официальные данные об этом отсутствуют, но по подсчетам одной из политических партий венгров Воеводины, из этого региона за последние несколько лет мигрировало около 30 тыс. венгров[48]. Можно предположить, что имеет место отток представителей и других национальных меньшинств. Естественно, что в первую очередь уезжали наиболее образованные, молодые люди, что сказалось на культурном потенциале страны.

Вместе с тем, миграционные процессы в первой половине 90-х годов шли в двух направлениях: Воеводина не только теряла население, но и приобретала новых жителей. Будучи наиболее экономически развитой областью Югославии, житницей с прекрасными природными условиями, Воеводина всегда привлекала мигрантов из различных регионов бывшей Югославии, особенно из Боснии, Черногории и Косово. Поэтому естественно, что значительная часть беженцев последних лет предпочла обосноваться здесь, чему немало способствовала и политика сербского правительства. Точные данные отсутствуют, но по подсчетам специалистов от 150 до 200 тыс. сербов, покинувших Хорватскую Славонию в 1991 г., поселилась в Воеводине[49]. Новый приток беженцев был вызван событиями в Крайне, разыгравшимися в августе 1995 г. По официальным данным из 180 тыс. сербов, бежавших в Югославию, 117 тыс. выбрало Воеводину. Приезд такого количества лиц из областей, охваченных войной, потерявших дома, имущество, а часто и близких людей, принес много трудно разрешимых социальных и экономических проблем, изменил социальную и политическую структуру населения, а кроме того не мог не сказаться на межэтнических отношениях, этническом балансе, поддерживаемом в Воеводине еще со времен Австро-Венгрии.

Санджак

Возникновение новых государств на территории Югославии предопределило обострение многих межэтнических проблем. Среди них одна из трудноразрешимых - мусульманская. В самой Сербии живет более 300 тыс. славян-мусульман (3,2%), в Черногории они составляют 15 % населения, в целом по стране занимая по численности шестое место. Как уже отмечалось, большая часть славяно-мусульманского населения сосредоточена на юге Сербии и в пяти общинах Черногории в области Санджак (сербское название области - Рашка). Это политически активная часть населения, положение которого довольно сложное. После образования новых государств на пост-югославском пространстве мусульманский вопрос превратился в особую проблему, а началом войны в Боснии и Герцеговине, где мусульма-

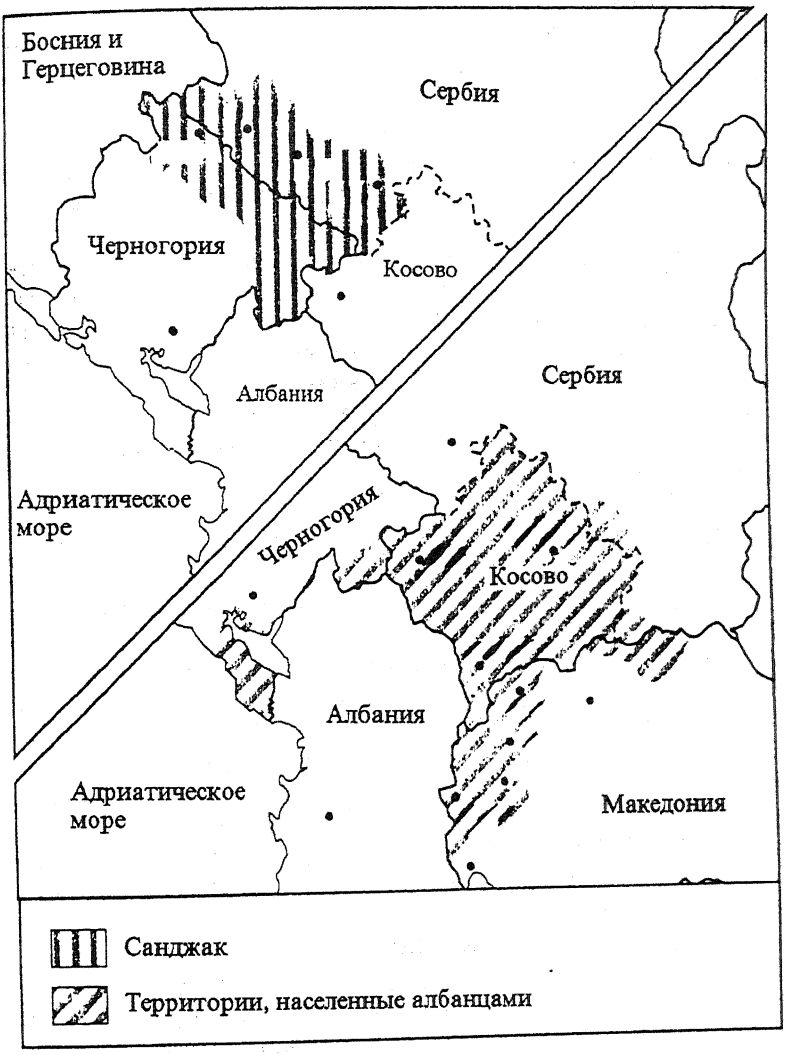
не являются одним из трех основных народов, борющихся за свои права, провозглашения там Республики Сербской и хорватского объединения Герцег-Босна была спровоцирована идея автономии Санджака.

Мусульманские политики Боснии и Санджака даже высказывались за аннексию этой области в пользу Боснии и Герцеговины. С прекращением боевых действий данная идея стала практически бесперспективной, хотя и ранее вряд ли представлялась реальной какой-либо политической партии. Тем более что во время войны в Боснии мусульмане Санджака не могли рассчитывать на ее поддержку из-за наличия более острых проблем в стране, вынуждены были обращать свой взор к сербским властям и идти с ними на компромисс.

Как и другие этносы Югославии, славяне-мусульмане с распространением многопартийной системы организовали несколько собственных политических партий. Наиболее влиятельная мусульманская партия СРЮ - "*Партия демократических действий*" под руководством Сулеймана Углянина - преимущественно функционирует именно в Санджаке. Ее политические интересы с момента создания в 1990 г. и до сегодняшнего дня претерпели значительные изменения. Первоначально она выступала за культурную автономию, затем требовала предоставления мусульманам специального статуса и дошла до сецессионистских устремлений. С обострением кризиса в стране партия отказалась от программы 1990 г., по ее инициативе в мае 1991 г. было сформировано *Мусульманское национальное Вече Санджака*, в 1998 г. переименованное в *Боснийское национальное вече*. В его задачи вменялось отстаивание интересов мусульман в Сербии. Несмотря на сопротивление союзных властей был проведен референдум по вопросу о политической автономии Санджака. Противоречия с режимом достигли своего апогея накануне декабрьских выборов 1992 г., когда партия призвала славян-мусульман подобно албанцам бойкотировать выборы в государственные органы[50].

Отказ от парламентской борьбы и интернационализация проблемы, выражающаяся в требовании рассмотреть статус мусульман Санджака в рамках международных Конференций по Югославии, стали отражением новой стратегии, сходной с ал-

Санджак и Косово

банской в Косово и Метохии. Способы политической борьбы мусульман приобрели и другие общие черты с поведением албанцев. При этом важно отметить, что албанский вопрос в Сербии уже давно не сходит с повестки дня, тогда как мусульманский стал обостряться лишь с распадом экс-Югославии. Косовские албанцы в этом государстве имели статус национального меньшинства, тогда как мусульмане рассматривались как народ. В новой Конституции СРЮ, принятой 27 апреля 1992 г., мусульмане перечислены уже наряду с другими меньшинствами. Факт "исключения" мусульман из числа народов новой Югославии ущемил их амбиции, поэтому стал всячески обыгрываться лидерами мусульман в дискуссиях о статусе региона.

Они сравнивали свое положение с судьбой сербов в Хорватии. В качестве контраргумента югославское руководство высказывало мысль о том, что восстание сербов было реакцией на сецессионистские устремления Хорватии, которые противоречили их желаниям, тогда как мусульмане Сербии превратились в национальное меньшинство не по вине Сербии, а из-за стремления Боснии и Герцеговины и других экс-югославских республик стать независимыми государствами.

Требование автономии Санджака было наиболее четко сформулировано в "*Меморандуме о предоставлении специального статуса Санджаку*", принятом в 1993 г. Согласно этому документу властные структуры края должны наделяться функциями государственной власти, предполагалось принятие собственной конституции, избрание парламента (скупщины), существование независимого судопроизводства, полиции. Мусульмане получали все права в области культуры, свободу вероисповедания, употребления языка (правда, не совсем ясно какого, т. к. мусульмане говорят по-сербски), использования национальных и религиозных символов. Кроме того, Санджак бы получил возможность независимых международных отношений в области экономики, культуры и науки. Высказывалась идея двойного гражданства и т. д.[51]

Меморандум был направлен на рассмотрение в скупщины СРЮ, Сербии и Черногории, но не вызвал одобрения властей, более того был тут же запрещен как текст, разжигающий национальную рознь и нетерпимость[52]. Позиция властей основы-

валась на том, что мусульмане могут пользоваться всеми правами наряду с гражданами других национальностей, а защита развития их культурных, религиозных и всех других отличий вполне может осуществляться в рамках уже имеющихся институтов, конституционных и законодательных решений. Мусульмане обвиняли власти в давлении на мусульманское население и тихую этническую чистку, в результате которой пятая часть мусульман покинула этот край[53].

Новое обострение отношений было связано с вынесением обвинения в октябре 1993 г. против 21 мусульманина, которым инкриминировалась попытка насильственным путем создать независимое государство Санджак. Их обвиняли в разработке планов военных действий, организации обучения лиц мусульманской национальности в армии Турции, проведении диверсионных акций и т. д.[54] Эти события происходили накануне выборов в республиканскую скупщину, когда было не ясно, станет ли Партия демократических действий участвовать в выборах. Несмотря на последующее общее решение их бойкотировать, в этот период стал все более очевидным раскол партии на "твердое и мягкое течение", вызванное разногласиями по ключевым вопросам. Одно течение выступало за присоединение Санджака к Боснии, тогда как другое рассматривало Меморандум лишь как основу для политических разговоров с югославскими властями[55]. Расхождение во взглядах вылилось в то, что возникло сразу пять партий с одним названием: ПДД, ПДД Санджака, ПДД Югославии, Настоящая ПДД, Истинная ПДД.

Вместе с тем, нужно отметить, что несмотря на плюрализм мнений среди лидеров Партии демократических действий, она по-прежнему остается самой влиятельной мусульманской партией в Югославии. С ней конкурирует Совет старейшин мусульман *Мешихат*. Другими партиями, объединяющими мусульман являются *Либеральная боснийская организация*, сосредоточивающая свое внимание на религиозном вопросе, и *Реформаторская демократическая партия Санджака*, объединяющая интеллигенцию, которая не выдвигает территориальных требований и выступает за рассмотрение мусульманских проблем в рамках существующей системы государственных отношений. Обе партии участвовали в выборах[56].

Политические партии санджакских мусульман имеют несколько различные взгляды на решение проблемы местного населения. ПДД Сулеймана Углянина выступает за специальный статус с широкими полномочиями, кроме того есть силы отстаивающие модель региональной автономии по европейскому рецепту. Что касается ситуации в Черногории, то там ПДД Черногории свое возвращение на политическую сцену республики конкретизировала поддержкой на президентских выборах Мило Джукановича и ориентирована на "легитимное и легальное" отстаивание интересов мусульман в этой республике[57].

В мае 1998 г. состоялся уже седьмой съезд Боснийского национального веча Санджака. Его председателем вновь был избран Сулейман Углянин. На съезде обсуждались направления будущей политики этой организации и было решено обратиться к центральным властям с предложением провести переговоры о статусе Санджака и населяющих его мусульманах. Велась дискуссия также о разногласиях с Мешихатом, которые проявились в подходах к исполнению религиозных обрядов, а на самом деле имели более глубокие корни и связаны с попыткой взять под контроль Боснийского национального веча эту религиозную организацию[58].

На отсутствие общемусульманского консенсуса по вопросу о месте и роли Санджака в новой Югославии указывают многие выступления мусульманской элиты. Положение усложняется тем, что боснийские мусульмане из тактических соображений не могут открыто поддерживать сепаратистские устремления санджакских мусульман, поскольку вынуждены, следуя желанию сохранить целостную Боснию и Герцеговину, высказываться против каких-либо изменений границ бывших республик Югославии. Весьма возможно, что боснийские лидеры после нормализации обстановки на своей территории пересмотрят свои взгляды на проблему этого сербского региона. Но скорее всего, мусульмане Санджака вынуждены будут смириться со статусом национального меньшинства в пределах Сербии, хотя и будут являться локальным большинством подобно венграм в Воеводине и албанцам в Косово.

Правда, уже после подписания Дейтонских соглашений этнический состав Санджака несколько изменился. Например, в

районе Буковица в начале 90-х годов проживало 186 мусульманских семей, а после завершения войны в Боснии здесь осталось лишь 24 из них. В 1997 г. процесс выселения мусульман из Санджака в Боснию продолжился. Этому способствовал тот факт, что около 10 тыс. сербов Боснии предложили им варианты обмена жилья, желая переехать в Санджак[59].

К этому следует добавить, что все санджакские партии и национальные объединения в 1996 г. официально приняли этноним "босняк", введенный ранее в 1993 г. в Боснии и Герцеговине, но не поддержанный властями Югославии[60].

* * *

Пример Югославии свидетельствует, что сецессионистские устремления возникают в случаях, когда этнос, являющийся меньшинством на уровне страны, составляет устойчивое большинство населения в каком-либо регионе. Таковыми являются в новой Югославии албанцы, венгры и мусульмане. Их проблемы представляются наиболее трудноразрешимыми и давними. Новыми, но болезненными и острыми оказались вопросы положения недавно возникших меньшинств. Прочие этнические группы, среди которых болгары, словаки, русины, турки, цыгане, не столь компактно сконцентрированы территориально и не так организованы политически, чтобы оказывать сколь-либо заметное влияние на политическую жизнь страны, а их проблемы носят маргинальный характер. Вместе с тем, официальные власти предпринимают попытки поддержать организации меньшинств и всячески показать, что в Югославии их права защищены на уровне наивысших международных стандартов.

Целый ряд универсальных принципов, связанных с меньшинствами, почерпнут из международного права. К ним относятся право на употребление родного языка, право на свободу вероисповедания, право на свободное изъявление своей национальной и этнической принадлежности и другие. При этом следует учитывать, что реальная ситуация в той или иной стране зависит от конкретной интерпретации этих положений, в результате чего складывается своя диспозиция в обеспечении прав меньшинств. Несмотря на огромные усилия, направленные на

создание в Югославии благоприятного климата для различных этнических групп, политической и моральной необходимостью является преодоление непонимания в межнациональных диалогах и отказ от привычных стереотипов по целому ряду позиций.

В целом течение югославского кризиса определяет государственную национальную политику, а также поведение национальных меньшинств и их партий, изменяет этапные цели и политическую стратегию обеих сторон. Будет ли продолжаться злоупотребление вопросом национальных меньшинств, станет ли он использоваться в качестве способа давления при проведении в жизнь различных политических идей или спокойно решаться зависит от целого ряда внутренних и внешних факторов. Не вызывает, однако, сомнения, что все усилия заинтересованных лиц должны быть направлены на то, чтобы война, с таким трудом остановленная в одних балканских регионах, не вспыхнула в других.

Таковы в настоящее время важнейшие внутренние этнические проблемы Союзной Республики Югославии. Но поскольку практически во всех вновь созданных югославянских государствах в межнациональные конфликты было вовлечено местное сербское население, СРЮ, не являясь непосредственным участником военных действий, оказалась, тем не менее, одним из главных действующих лиц в нынешнем балканском кошмаре.

Примечания

[1]Ustav SRJ. Beograd. 1992.
[2]Политика. 9. 07. 1994.
[3]Конституция СФРЮ. Белград, 1974.
[4]Устав Републике Србије. Београд, 1990. Члан 6.
[5]Tanjug. 3. 07. 1992.
[6]Данные переписей см.: Popis stanovništva, domacinstava i stanova 1981 // Statistički bilten. Beograd, 1982. br. 1295; Popis stanovništva, domačinstava, stanova i poljoprivrednih gazdinstava. 1991. Beograd; Savezni zavod za statistiku. Demografske oblike stanovništva Jugoslavije // Jugoslovenski pregled. Beograd, 1993. N. 3. S. 3-42; Teritorijalni razmeštaj naroda i nacionalnih manjina u SR Jugoslaviji // Yugoslovenski pregled. Beograd, 1994. N. 1.

[7]Сви Срби света. Београд, 1994. С. 27.
[8]Bulletin Commissariat for Refugees of Serbia. July-September. 1995. P. 9.
[9]Јовичић М. Уставни положај Косова // Косовско-Метохијски зборник. Београд, 1990. С. 381-389.
[10]Бэртон Д. Конфликт: теория человеческих потребностей. Лондон, 1990. С. 15.
[11]Helsinska povelja. Beograd, 1998. N. 7. S. 6.
[12]Democratic Processes and Ethnic relations in Yugoslavia. Belgrade, 1995. P. 11.
[13]Известия, 24. 06. 1992.
[14]Democratic Processes and Ethnic relations in Yugoslavia. Belgrade, 1995. P. 10.
[15]Новости. 4. 09. 1994. С. 7.
[16]Новости. 4. 09. 1994; Политика. 4. 09. 1994.
[17]Борба 31. 08. 1994.
[18]Илустрована политика. Београд, 24. 09. 1991. Бр.1716.
[19]Крстић В. Косово између историјског и етничког права. Београд, 1994.
[20]Истина о геноциду на Косову и Метохији. Отворено писмо Међународном удружену универзитетских професора и доцената светској, научној, културној и политичкој јавности // Политика. Београд, 10. 2. 1990.
[21]Maliqi S. The Least Desirable Place of Settlement. War report. London, 1995. N.36. P.16.
[22]Rexhepi I. Where Yugoslav Refugees are welcome // War report. N29. London, 1994. P. 10.
[23]Ibidem.
[24]Strazzari F. A Few Notes on Kosovo. // MINELRES moderator - a forum for discussion on minorities in Central&Eastern Europe. http://www..riga.lv/minerles/arhive.htm.
[25]Цит. по: Gorani D. Albanien Political Debate // War Report. Apr. 1996. P. 13.
[26]Strazzari F. Op. cit.
[27]Veselinov D. Autonomy // War report. London, 1995. N.31. P. 33.
[28]Human Rights Watch. 5. 03. 1998. // MINERLES. hrwnyc@hrw.org.
[29]Helsinska povelja. Beograd, 1998. N 7. S. 6.
[30]Михайлович М. Космет и албанский терроризм // Сербия в мире. Декабрь 1997. С. 40.
[31]Helsinska povelja. Beograd, 1998. N 7. S. 30.
[32]Новости. 11. 12. 1997.
[33]Новости. 4. 09. 1994. С.2.
[34]Борба. 25. 05. 1994; Новости. Београд. 4. 09. 1994. С. 2.

[35]Briza J. Manifestos for Autonomy // War report. London, N.38. 1995. P. 14; Борба. 15. 09. 1994. С. 12; 19. 09. 1994;
[36]Новости, 22.VI.1994. С.11.
[37]Regio. Budapest, 1994. P. 76.
[38]Tanjug. 17.03.1992.
[39]Tanjug. 04.12.1991.
[40]Report on Human Rights in Serbia in 1997. Belgrade, 1998. P. 130.
[41]Simić D. Studija o socijalnoj integraciji Roma. Niš, 1993.
[42]Report on Human Rights... P. 132.
[43]Report on Human Rights ... P. 117.
[44]Там же. С. 113.
[45]Там же. С. 49.
[46]Tanjug. 30. 06. 1992.
[47]Stantić J. No Schools and no Status // War report. No 57. 1998. P. 32.
[48]Ramac M. Serbs from all Lands in One Province // War Report. London, N.37. 1995. P.18.
[49]Ibidem.
[50]Lutovac Z. Decembarski izbori 1992 i nacionalne manjine // Gledišta. Beograd, 1992. N. 1-6.
[51]Memorandum o uspostavljanju specijalnog statusa za Sandžak. Novi Pazar, 1993.
[52]NIN. 26.8.1994. S.21.
[53]Politika. 23. 07. 1993. S. 12.
[54]Politika. 3. 11. 1993. S. 13.
[55]Lutovac Z. Muslimani u političkom životu SRJ // Sociološki pregled. 1994. N. 4.
[56]Там же.
[57]Helsinska povelja. Beograd, 1998. N 5. S. 26.
[58]Helsinska povelja. Beograd, 1998. N 6. S. 18.
[59]Helsinska povelja. Beograd, 1998. N 5. S. 27.
[60]Helsinska Povelja. Mart 1998. S. 29.

Часть III

ЮГОСЛАВСКИЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Конфликты в Европе (на 1995 г.)

Глава 14

РАСПАД ФЕДЕРАЦИЙ И ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

События последних лет показали, что этнические конфликты являются постоянным генератором международной напряженности. С ликвидацией раскола мира на военнополитические блоки исчезла питательная среда для региональных конфликтов, вызванных идеологическим противостоянием (Камбоджа, Никарагуа, Ангола и др.), но в мире стало распространяться новое поколение конфликтов, инициируемое отдельными этническими группами с целью изменения своего политического, культурного, языкового статуса. Территориальные споры, неудовлетворенность политическим положением, национальное неравноправие - эта взрывоопасная смесь питает многие региональные конфликты.

Если задачей европейского национализма в XIX веке, как отметил Дэн Смит, часто было создание более крупных политических образований с коллективной идентификацией, под единой политической администрацией, то сегодня большинство национальных движений преследует разделительные, а не интеграционные цели; для деятельности их нужны более мелкие образования[1]. Этносепаратистские движения на Западе (движения басков в Испании, католиков в северной Ирландии, бретонцев и корсиканцев во Франции) показали злободневность национальных проблем. С другой стороны, в странах Восточной Европы оживление национального самосознания очень быстро заполнило пустоту, возникшую с крушением идеологии социализма.

Национально-этническая идентификация оказалась наиболее сплачивающим стержнем в развитии массового политического сознания в условиях идеологического вакуума.

В настоящее время, как свидетельствуют исследования, проведенные в Институте анализа и управления конфликтами и стабильностью, только на территории бывшего СССР существует около двух сотен потенциально конфликтных ситуаций, нацеленных на перераспределение политической власти в новых независимых государствах, на изменение национально-государственного устройства этих государств, а, следовательно, способных стать этно-политическими конфликтами[2]. В каждом из новых балканских государств также выделяется по несколько "взрывоопасных" точек.

Несмотря на особенности каждого из имевших или имеющих место на территориях бывших СССР и СФРЮ этнических конфликтов, все они выражают собой активизировавшийся в Восточной Европе с середины 80-х годов процесс социокультурной, политической и экономической трансформации. Большая часть действующих в СНГ и на Балканах конфликтов принадлежит к категории преобладающих в периоды цивилизационных "сдвигов" внутренних (гражданских) конфликтов. Отдельные типы конфликтов имеют, на наш взгляд, общие истоки и закономерности, а особенности конфликтов проявляются как зависимость от конкретных исторических условий и специфики региона. Значительная часть этнических проблем вызревала в недрах СССР и СФРЮ, а с распадом этих государств активизировалась (например, в Югославии - проблема албанского населения и статуса автономий), другая, связанная с переделом границ и новыми диаспорами явилась следствием деления федерального государства на несколько частей. Межэтнические противоречия, имея в своей основе социально-экономические и политические корни, обострились в момент масштабных институциональных преобразований общества.

Для более четкого понимания сущности конфликтных процессов, протекающих в исследуемых регионах, необходимо обозначить противоречия, являющиеся движущими силами этих явлений.

Общие и специфические черты дезинтеграции

Среди множества сфер напряженности, способствовавших распаду Югославии, как государства в его прежнем составе особенно выделяются четыре:

1. переход от монолитного коммунистического (или, если сказать более осторожно, социалистического) самоуправляющегося общества к многопартийной системе;

2. переход к рыночной экономике и смешанным формам собственности перед лицом серьезного экономического кризиса при относительно высоком уровне внешней экономической задолженности;

3. обострение отношений между основными этносами, равно как и между многочисленными национальными меньшинствами;

4. разногласия по поводу того, быть ли Югославии федеративным или конфедеративным государством.

Сопоставление ситуации в постюгославских государствах с процессами, происходящими в постсоветском обществе, не случайно, так как последние события поучительны типологическим сходством. Распад СССР и кризис на Балканах протекали параллельно, одновременно шло становление новых независимых государств. Есть много похожего в их судьбах. Общим является социалистическое прошлое, существование в многонациональных федеративных государственных системах, включавших в себя несколько культурно-исторических и религиозных миров. Причины дезинтеграции и динамика кризиса во многом совпадают. Разумеется, есть и отличия, связанные не только с масштабами стран, но и с их историей, национальной и экономической структурой.

Надо иметь в виду, что в Югославии связи между отдельными федеральными единицами были менее давние и прочные. Не случайно столь широко распространено мнение об искусственном характере создания югославского государства в 1918 году.

Первоначально кризис в Югославии разворачивался в более мягкой форме, чем в нашей стране, так как были такие осо-

бенности, как система самоуправления, децентрализация управления народным хозяйством, экономическая самостоятельность отдельных регионов, более раннее, чем у нас, изменение роли партии в сторону ее невмешательства в конкретные экономические процессы. Кроме того, ситуация отличалась тем, что, во-первых, не было явного преобладания одной из республик над другими, а во вторых, происходило увеличение разрыва в уровне экономического развития отдельных республик. В Югославии система самоуправления и децентрализация страны способствовали росту местнических настроений и сепаратизма, которые в югославских условиях приобрели националистическую окраску, подогревали национализм. Ситуация в СССР отличалась тем, что существовала устоявшаяся практика вертикального подчинения периферии центру. И в то же время, как показали события, главный общий признак - наличие административно-командной системы в хозяйстве и политической жизни. Итог оказался схожим - национальная конфронтация и борьба за суверенитет.

Основой существования каждой из держав - советской и югославской - было наличие в странах единой на всей территории партийно-административной системы контроля над общественной жизнью, поэтому не удивительно, что с ее крушением, появлением плюрализма во взглядах и действиях, ослаблением центральной власти и введением демократических процедур данная основа была подорвана, в той или иной форме стала распространяться идея суверенизации.

Кризис в экономике также является одной из причин постановки вопроса об обретении суверенитета. Не случайно, что наибольшее стремление к отделению проявили именно самые развитые республики, как в СССР, так и в Югославии. С другой стороны, экономически отсталые регионы, заинтересованные ранее в существовании в рамках единого государства, с укреплением своего экономического положения стали меньше нуждаться в опеке центра, в то же время были склонны обвинять во всех невзгодах именно центр. Диалектика ситуации, как в СССР, так и в Югославии состояла в том, что до определенного этапа федеральные единицы были заинтересованы в объединении усилий, сплачивающей роли центра, что обеспечивало более

быстрый их подъем. В дальнейшем накопленный потенциал привел к усилению тяги к самостоятельности. Если посмотреть прагматично, то мы увидим, что произошел разрыв связей, основанных на старой командно-распределительной модели хозяйствования. Причиной же разрыва является не суверенизация, а распад административной схемы управления хозяйством. Суверенные настроения республик только подтолкнули, усугубили эти тенденции в экономике, но не спровоцировали их.

Причины возникновения тенденций сепаратизма и вспышек межнациональных трений при распаде государств прежде всего видят в социально-психологических факторах, а истоки этнических конфликтов связывают с ростом национального самосознания. Казалось бы концепция "столкновения цивилизаций" Самуэля Хантингтона[5], теоретически завершающая этот взгляд, может объяснить распад СССР и очень хорошо ложится на ситуацию в бывшей Югославии. Многообразие традиций и исторических условий, огромный этнический и культурный плюрализм бывшей Югославии не раз использовались в качестве разобщающего фактора самыми разными, как внутренними, так и внешними силами. То же самое справедливо и для несоизмеримо более крупного государства - СССР. Я не являюсь сторонницей концепции "этнической несовместимости", объясняющей этнофобией те или иные этнические конфликты. Во многих случаях в качестве этнических трактуются конфликты, имеющие в основе политические факторы. Главным стержнем большинства значимых, затяжных конфликтов также является контроль над ресурсами, борьба за право такого контроля. Мне бы хотелось подчеркнуть, что чрезвычайно сложная обстановка, сложившаяся на постсоветском и постюгославском пространствах, сопровождавшаяся в ряде регионов открытыми военными действиями, это прежде всего проявление комплекса тех глубинных противоречий политического, экономического, социального и этнического характера, которые десятилетиями накапливались в обществе. Безусловно, этнический параметр присутствует и генерирует многие кризисные ситуации в общественно-политических процессах.

Трактуя этнический конфликт достаточно широко, я придерживаюсь определения этого феномена, высказанного В. А.

Тишковым: "Под ним мы имеем в виду организованные политические действия, общественные движения, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых противостояние проходит по линии этнической общности"[4].

Вопрос о том, почему и в каких случаях в тех или иных регионах возникают очаги межэтнических противоречий, а в других, казалось бы не менее "конфликтогенных" точках ситуация остается спокойной является одним из трудноразрешимых для этнической конфликтологии.

Причину центробежных тенденций в СССР и СФРЮ следует искать в нарушении равновесия между центром и республиками, которое произошло после паралича власти центров, объединявших эти страны. Последующие события распада федераций показали очевидность этих фактов. Произошло перераспределение силы в пользу республик и было нарушено равновесие старой политической структуры. Возникла центробежная реакция, направленная на перераспределение власти в пользу республик за счет ослабевших центров. Так рождались межреспубликанские конфликты, которые стали межэтническими. Переплетение регионального и этнического факторов в кризисе усугублялось тем, что, как известно, в основе концепции государственного устройства СССР и СФРЮ лежал этнотерриториальный принцип.

Исходя из этого принципа, нация объединяла этническое сообщество, а не граждан страны. СССР, СФРЮ, Чехословакия имели этнофедеральную структуру, согласно которой территориальные административные единицы создавались на этнической основе (Белорусская ССР, Социалистическая республика Хорватия и т. д.) В таком случае как в СССР, так и в СФРЮ вопрос о суверенитете связывался с определенной этнической группой, члены которой и решали фундаментальные вопросы государственного управления и самоопределения. Ситуация осложнялась фактом русификации и сербизации стран, необходимостью разделения власти с федеральным центром, который ассоциировался с доминирующей этнической группой.

Взаимоотношениям между центром и республиками была придана этническая окраска. В этнокультурной сфере первона-

чально и проявился вертикальный раскол правящих элит, который затем перешел в политическую плоскость.

В условиях политического и экономического кризиса межэтническая дистанция увеличилась, число межнациональных конфликтов возрастало, в борьбе за обретение суверенитета во взаимоотношениях отдельных народов усиливалась напряженность. Национализм стал если не господствующей, то наиболее мощной силой в посттоталитарном обществе. Противоборствующие политические верхушки, независимо от своей партийной окраски, превратили национальный вопрос в элемент и козырь в своей борьбе за власть, не считаясь с его взрывоопасным характером. И в результате события вышли из-под контроля, привели к братоубийственным войнам и конфликтам, нередко затяжного и острого характера, гражданским войнам.

В СССР и СФРЮ практически одновременно осознали необходимость концептуального обновления национальной политики, важность кардинальных перемен и перестройки отношений с регионами. В СССР стало очевидным недостаточное внимание к приоритетам местных интересов, по сути "центр" сам подсказал республикам путь к суверенитету, т. к. для своего самосохранения решил поднять статус автономий, была выдвинута идея расширения полномочий республик, обеспечения реальной зависимости местных бюджетов от результатов хозяйственной деятельности, все это на деле способствовало ослаблению позиций России и других союзных республик. Данная политика не помогла избежать распада страны, но стимулировала конфликты, направленные на изменение статуса: Южной Осетии и Абхазии с Грузией, Приднестровья с Молдовой, Чечни с Россией.

В СФРЮ, напротив, полагали, что система самоуправления и децентрализация страны способствует росту местнических настроений и сепаратизма. Опыт показал, что чрезмерное увлечение хозяйственной и политической самостоятельностью республик наносило вред интересам федерации в целом, вело к нарушению связей между республиками. Одним из наиболее слабых звеньев в системе межреспубликанских отношений стала так называемая система взаимосогласования подчас весьма противоречивых интересов республик. Обстановка, сло-

жившаяся в Югославии в конце 80-х годов, характеризовалась многими признаками бессилия и парализованности федеративного руководства, потерявшего контроль над ситуацией в стране. Поэтому центральная власть считала необходимым пойти на ужесточение своей политики, в частности, поправки к Конституции, принятые в этот период, ограничили полномочия, которые имели автономные края в составе Сербии. Но это не принесло положительного результата, более того, вызвало недовольство не только со стороны автономий Косово и Воеводины, но и дало повод для резкой критики Сербии со стороны руководства других республик. СССР и СФРЮ действовали в противоположных направлениях, а результат тем не менее оказался один.

В то же время следует признать, что действия правительств обеих стран имели свою логику, но запаздывали по времени. Очевидно, что изменение статуса национально-государственного образования на определенном этапе может быть эффективным методом урегулирования конфликта. Своевременное повышение статуса Нагорно-Карабахской области до уровня автономной республики, Косово до уровня республики, предоставление сербам в Хорватии некоторой автономии позволили бы в значительной степени сгладить обострение, разрешить конфликт в более мягкой форме.

Но события развивались так, что с началом переходного периода были подорваны многие устоявшиеся доктрины. Одна из опасных ловушек заключалась в конституционно закрепленном праве наций на самоопределение вплоть до полного отделения. В прошлые годы любой намек на использование этого конституционного права рассматривался как антикоммунистическая деятельность, с ослаблением партийно-административного контроля создалась возможность для использования конституционно закрепленного права на суверенизацию. Трагедия состояла в том, что не были разработаны механизмы его реализации.

Проблема заключалась также в толковании представления, кто имеет право на суверенитет в случае распада федеративного государства. СССР прекратил существование с согласия всех республик, в Югославии же по этому вопросу не было

единодушного мнения. В принципе решение о признании внутренних границ государственными находилось в противоречии с югославской конституцией 1974 г. Так, если ст. 5 утверждала, что никто не может посягать на границы республик без их согласия, но ст. 1 вообще признавала право на самоопределение только за "государствообразующими нациями", а не за республиками[5].

Неизбежно встает вопрос, насколько легитимным был распад страны. Как известно, в 1991 г. "двенадцать" (12 членов ЕС) положили в основу мирного урегулирования проблемы два принципа. Во-первых, право югославских народов самим определять свое будущее должно было осуществляться в соответствии с нормами международного права, в том числе с нормами, относящимися к территориальной целостности государств. Во-вторых, ни одна односторонняя акция, в особенности с применением насилия не подлежала одобрению[6].

Комиссары-арбитры постановили, что наследницами распущенной федерации могут быть только бывшие федеральные республики. Именно они приобрели характер границ, защищенных международным правом. Логическим следствием стало лишение права на создание собственного государства сербами Хорватии и Боснии и Герцеговины, поскольку право на самоопределение не влечет за собой права на изменение границ, существовавших на момент провозглашения независимости. После этого виновницей неурегулирования конфликта все более явственно стала выглядеть Сербия. Это усугублялось тем, что сербы на территориях других республик лишились статуса "конституционного народа" и стали квалифицироваться как "меньшинства" со всеми вытекающими отсюда последствиями. Значит ли это, что "двенадцать" истолковали термин "народ" как соответствующий территории, а не этнической единице? Оливье Пэ, преподаватель Свободного Брюссельского Университета (ULB, Бельгия) делает вывод, что поскольку добиться независимости удалось только субъектам федерации, то можно считать, что "двенадцать" сформулировали определенные условия, необходимые для этого. К ним относятся: согласие признать своими границами внутренние границы; недвусмысленное волеизъявление население (референдум в масштабе всей федера-

ции); отсутствие нормального функционирования федеральных органов[7]. Можно согласиться с бельгийским ученым, что югославский пример - опасный прецедент для международного права.

Многие конфликты в экс-Югославии и на постсоветском пространстве находят объяснение в том, что в настоящее время в мире получили приоритет идеи самоопределения, а неприкосновенность границ, подтвержденная Хельсинкскими соглашениями, отошла на второй план. В результате усиления национального сепаратизма возникли горячие точки. Среди них открытые кризисные конфликты, регионы противодействия центру, регионы, инициирующие переход под юрисдикцию других государств (возникших в результате распада федераций).

Конфликты различны по степени своей интенсивности, но общей тенденцией является нарастание их масштабности и интенсивности. В отличие от первой волны конфликтов в СССР и СФРЮ, которые сводились к краткосрочным массовым беспорядкам (Алма-Ата, Фергана, Тбилиси - в СССР, Приштина - в СФРЮ), последующие конфликты представляли собой позиционное противостояние, находившее опору в политических общественных и национальных объединениях.

Типы этнических конфликтов

Исследование содержательной стороны конфликтов позволяет сгруппировать их в несколько категорий. Во-первых, это конфликты, которые ставят своей целью *обретение государственной независимости.* Такие притязания высказывались как самопровозглашенными республиками: Приднестровьем, Гагаузией, Сербской Крайной, Республикой Сербской, Герцег-Босной, так и автономиями: Чечней, Татарстаном, Абхазией, Косово. Сецессионистские тенденции имели место и в Татарстане до подписания договора о разграничении полномочий между федеральными и республиканскими властями.

В Закавказье, например, наиболее острыми являлись карабахский конфликт и грузино-абхазский. Границы Нагорно-

Карабахской автономной области были определены в 1922 году при установлении границ между Азербайджаном и Арменией. Поводом для нагнетения этно-политических конфликтов стало превращение административных границ в государственные. Грузино-абхазский конфликт возник после того, как Абхазия, добиваясь выхода из состава Грузии, приняла соответствующее решение в своем парламенте, что не признал грузинский парламент в качестве законного действия. Внутренний сепаратизм в Молдове, образование самопровозглашенных Приднестровской и Гагаузской республик привели к вооруженному конфликту в Приднестровье.

Опасный очаг дестабилизации представляет собой Чечня. Как известно, генерал Дудаев провозгласил полный суверенитет Чечни. Официальная позиция правительства России обосновывалась тем, что военные действия направлены на восстановление в соответствии с Конституцией территориальной целостности России, говорилось о криминализации власти в Чечне, необходимости восстановления разрушенной экономики, нормализации работы Северо-Кавказской железной дороги. Полтора года продолжалось кровопролитие, вызвавшее огромные человеческие жертвы, разрушения и потери.

Классическим примером этнического конфликта является боснийский конфликт. Но в основе его лежит не вражда между народами, а *борьба за земли*. В силу целого комплекса причин, прежде всего весьма пестрого этнического состава населения, смешанного его проживания и тяготения сербского и хорватского населения к "своим" республикам, кризис приобрел здесь драматичный характер. Его трагизм усиливался тем, что было поставлено под угрозу само существование этого государства, возможность проживания в полиэтничном сообществе.

В начале конфликта президенты Сербии и Хорватии вели переговоры о разделе Боснии и Герцеговины между своими республиками, это устраивало две этнические группы в Боснии и Герцеговине, но у мусульман не было соседнего государства, с которым бы они могли себя идентифицировать. Живя между двумя сильными соседями, мусульмане осознавали, что их республика сможет выжить только как полиэтничная страна. Независимость Боснии и Герцеговины была признана ЕС и США в

апреле 1992 г. Этим они пытались предотвратить ее распад, но избежать конфликта в его наиболее кровавом варианте не удалось. Противостояние (за редким исключением) шло по этническому принципу. Этнические чистки, создание этнически однородных территорий стало не результатом войны, а ее целью. Такой ход событий предвиделся аналитиками еще в период дебатов о судьбе СФРЮ, именно по этой причине Босния и Герцеговина (и в первую очередь мусульмане) не сразу поддержала идею дезинтеграции прежней Югославии, пыталась сохранить полиэтничную Югославию. Распад СФРЮ спровоцировал боснийский конфликт, но целый ряд этнических споров вызревал и существовал в недрах федеративных государств задолго до их исчезновения.

В Югославии, например, албанский вопрос, связанный с недовольством этого этноса своим положением и статусом, не сходит с повестки дня почти 20 лет. Притязания албанских лидеров в автономном крае Косово включают отделение региона от Сербии, либо юридическое, либо фактическое, т. е. путем получения широкой автономии, которая бы предоставила краю независимость. Ликвидация суверенитета автономных краев в 1990 г. привела к еще большей конфронтации между центральной властью и отказу от диалога. Своеобразной формой протеста стала самоизоляция албанцев из политической и общественной жизни страны. "Республика Косово" провела собственные выборы, приняла свои законы и провозгласила независимость. Албанское движение является мощной политической силой, с которой не могут не считаться сербские и федеральные власти.

Ситуации, при которых регионы поднимают вопрос о расширении своих административных полномочий, *повышении своего статуса*, являются довольно распространенным вариантом конфликтов на постсоветском и постюгославском пространствах. В случае, если территория не претендует на создание независимого государства, конфликт носит более мягкий характер. В России с таким требованием выступал, например, Уральский регион, в Югославии - автономный край Воеводина, Санджак (область, населенная славянами-мусульманами), в Ма-

кедонии - албанцы. В Хорватии политика регионализма проводится рядом партий и движений полуострова Истрия.

Еще один тип конфликтов возникает в результате *территориальных притязаний* соседствующих этносов друг к другу. Наиболее яркий пример такого конфликта осетино-ингушский. Конфликт прошел через кровопролитие 1992 года и носит непримиримый характер. Но, как отмечает П. В. Чернов, возник он искусственным путем, по причине непонимания центральными властями специфики северо-кавказских реалий. Под внешне благовидным предлогом возвращения незаконно депортированных народов на свою этническую родину было принято решение о переселении ингушей в Пригородный район Владикавказа, который уже давно был заселен осетинами, заново отстроен и обработан. Осетины начали активную подготовку к противодействию приезду бывших жителей. Эта ситуация привела к кровопролитию, которое оставило неизгладимый след в сознании как ингушей, так и осетин[8].

Соперничество клановых группировок и конфликт между таджиками и горными памирскими народами по поводу доминирования в общетаджикском масштабе лег в основу противостояния в Таджикистане. Этот конфликт имеет тенденцию перерастания в центрально-азиатский с вовлечением других стран региона.

Тесно связаны с этно-территориальными конфликтами *территориальные межгосударственные споры*, возникшие в силу превращения административных границ в политические. Хотя формально в них вовлечены государства, а не этносы, в условиях расцвета национализма они приобретают этническую окраску. Примером такого конфликта являются, несмотря на в основном добрососедские отношения, пограничные споры между Словенией и Хорватией. Они касались государственной принадлежности четырех селений на территории полуострова Истрия, входящих в состав Хорватии, но населенных словенцами, и морской границы в Пиранском заливе (Словения, располагая небольшим участком адриатического побережья, де-юре не имеет выхода к морю: его перекрывают Любляне территориальные воды Хорватии и Италии).

На постсоветском пространстве, например, не сняты с повестки дня территориальные претензии Эстонии к России, потенциально существуют, хотя и не актуализованы, проблемы коррекции границ России с Украиной и России с Казахстаном. Определенная напряженность в отношениях Украины и России связана с проблемой Крыма, российских баз на Черном море и проблемой раздела Черноморского флота. Эти споры решаются путем переговоров и согласований.

Естественно, наиболее опасными являются конфликты, переросшие в военные столкновения и войны. Но с точки зрения социальной психологии любая социально-политическая ситуация, в которой этническая группа недовольна своим положением и статусом, является конфликтной, даже если акции протеста носят мирный характер. К такого рода конфликтам могут быть отнесены варианты *ущемления интересов тех или иных этнических групп*, ограничения их гражданских прав, недовольство культурно-языковой политикой государств по отношению к национальным меньшинствам, политика "выдавливания" иноэтничного населения с той или иной территории и т. д. С этой проблемой в той или иной степени столкнулось большинство новых государств, возникших на постсоветском и постюгославском пространствах.

Острым вопросом, общим для постсоветского и постюгославского регионов конфликтогенным фактором является борьба вновь образовавшихся государств с русификацией и сербизацией культуры, образа жизни своих национальностей, с одной стороны, и сопротивление русских и сербов своему неожиданному превращению из "великой нации" в "национальное меньшинство" и "некоренное население"- с другой. Эта проблема возникла, практически, во всех вновь созданных государствах.

Например, определенная напряженность в межнациональных отношениях наблюдается в Казахстане, где русское население требует признать русский язык в качестве государственного и разрешить двойное гражданство. На северо-западе республики казаки даже высказывались за воссоединение России и Казахстана. Акции проявления межэтнической напряженности были в Эстонии, Латвии, где конфликты возникли по поводу гражданских прав русского населения. Даже в Словении,

наиболее благополучном постюгославском государстве, в 1995 г. Наблюдательный совет Хельсинкской группы сообщил об участившихся случаях нарушений прав человека, которые затронули в основном граждан бывшей Югославии - несловенцев. Наплыв беженцев из Боснии и Герцеговины, создающий дополнительные экономические и социальные сложности, вызвал распространение настроений типа "Словения для словенцев". В Македонии Союз сербов и черногорцев заявил, что по отношению к этим двум этносам нарушаются положения конституции, обеспечивающие всем этносам равные возможности.

Проблема новых диаспор является общей для постсоветского и постюгославского регионов. В странах СНГ и Балтии 17% русских и 15% титульных национальностей других новых государств оказались за пределами своих этнических родин. Эта ситуация уже конкретизируется в ряде конфликтных ситуаций. Наиболее остро стоит вопрос о ранее доминировавших этносах - сербах и русских. Но решаются они по-разному. В данном случае югославская трагедия преподнесла нам поучительный урок. Проблема положения сербского населения, оказавшегося за пределами Сербии, - один из наиболее серьезных конфликтных вопросов в балканском кризисе. Анализ событий приводит к мысли о том, что для сербов было бы более перспективно на каком-то этапе ориентироваться на обеспечение гражданских прав своей диаспоры, оказавшейся в новых государствах (с получением международных гарантий на этот счет), а не на уход их оттуда вместе с занимаемыми территориями, историческая судьба которых весьма сложна и неоднозначна. Именно такую позицию занимает Россия по отношению к своей диаспоре, хотя вопрос о их статусе в целом ряде стран и вызывает беспокойство.

Русские и сербы в начале 90-х годов столкнулись со сходными проблемами. В недалеком прошлом они были жителями единых государств и широко расселились по их территориям. Теперь же части некогда доминирующих этносов оказались на положении национальных меньшинств в суверенных государствах. После принятия вновь созданными странами законов о гражданстве, о государственном языке, о национальных меньшинствах, о мигрантах эти группы населения оказались

вынужденными приспосабливаться, адаптироваться, что сопряжено с большими в том числе психологическими трудностями. Перед ними встала проблема выбора гражданства, новой идентификации, овладения государственным языком, контактов с родственниками за границей. В результате суверенизации советских и югославских республик бывшие меньшинства - титульные этносы республик изменили свой статус и стали занимать доминирующее положение в органах власти и управления, в политических и социальных сферах жизни новых государств. Русские и сербы в свою очередь утратили привилегированное положение.

Статус русских и сербов нового зарубежья в разных государствах имеет свою специфику. Различия ситуаций определяются, с одной стороны, этнической политикой государства, где живут новые меньшинства (от ассимиляторской ориентации до политики культурного плюрализма), с другой же - уровнем межэтнического напряжения или конфликтности в регионе. Межэтнические трения и конфликты, субъектами которых оказались русские и сербы, различаются. Вместе с тем оба этноса, хотя и в разной степени, выступили одной из сторон в конфликтах.

Однако, историческая роль русской диаспоры в момент дезинтеграции СССР не была эквивалентна конфликтогенному потенциалу сербов, выступавших с ростом сепаратистских настроений в стране за целостность государства. После распада СССР русские компактно проживающие меньшинства в новых независимых государствах не проявили беспокойства, сопоставимого с волнениями сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине.

Контраст, например, между сильно русифицированной украинской нацией и устойчивым сопротивлением хорватов сербизации, как в довоенной Югославии, так и после Второй мировой войны объясняют характер протекания многих процессов, мирного существования русского меньшинства на Украине. Только в западной Украине русско-украинские отношения перекликаются в какой-то степени с сербо-хорватской неприязнью. На всей же остальной территории очевидна взаимная симпатия этих двух этносов друг к другу, что подтверждает, в

частности, продолжающаяся, несмотря на обострение российско-украинских отношений по вопросу о статусе Севастополя, Крыма, Черноморского флота, миграция русских из Средней Азии в Украину.

Обычно политологи сравнивают войну в Чечне с событиями в одном из постюгославских государств - Хорватии. Чеченский и хорватский конфликты роднит то, что они оба являются сепаратистскими, так как направлены на выделение частей территории государств в самостоятельные страны. Но если хорватский носит характер межэтнического, то чеченский олицетворяет собой противостояние региона и центра, а не двух этнических групп. При этом в обеих республиках почти третью часть населения составляют православные народы - в первом случае - русские, во втором - сербы. Примечательно, что провозглашение независимости этих территорий вызвало разную реакцию со стороны проживавших здесь представителей этих славянских этносов. Сербы после того, как Хорватия объявила о своей независимости, взялись за оружие. Как известно, выход Хорватии из состава СФРЮ без гражданской войны оказался невозможным ввиду сложности урегулирования положения сербского населения, составлявшего здесь в 1991 году 12% населения. Хорватско-сербские отношения обострились после конституирования Хорватией своего статуса свободного и независимого государства. Реакцией на это положение новой конституции явилось провозглашение в городе Книн - центре 10 общин с преобладающим сербским населением - автономной области сначала в составе Хорватии, а в 1991 году на основании референдума в качестве независимой республики, получившей название Сербская Крайна.

С другой стороны, провозглашение чеченской государственности практически не вызвало реакции со стороны местного русского населения. Ситуация не менялась и в ходе правительственной военной акции по восстановлению территориальной целостности России.

Здесь уместно будет вспомнить, что Россия, в лице своих политических руководителей являлась одним из инициаторов распада СССР. Они приветствовали эту акцию, апеллируя к исторической неизбежности распада имперских государств,

экономической пользе этого явления для российской экономики. В борьбе против союзной целостности был выдвинут тезис "берите столько суверенитета, сколько можете переварить". Этот тезис был на руку местной элите и способствовал укреплению ее позиций. Им воспользовался, в частности, Д. Дудаев, провозгласивший государственный суверенитет Чечни по отношению уже не к Союзу, а к России. После распада СССР поддержание этого лозунга оборачивалось против территориальной целостности России.

Антиимперский комплекс российской интеллигенции, составившей костяк демократической коалиции в годы перестройки, не изменил негативного отношения к русским в республиках Союза, которые ассоциировались с властью "центра" и всеми ее просчетами и ошибками. Позиция ведущей республики СФРЮ - Сербии - в период кризиса центральной власти была диаметрально противоположной. Она была яростным противником распада страны и выступала за целостность федерации. При этом как русские, так и сербы в республиках воспринимались одинаково, они ассоциировались с властью "центра" и всеми его просчетами и ошибками.

Россия и Сербия оказались вовлеченными практически во все внутренние конфликты в новых независимых государствах. Россия - поскольку она восприняла от Союза централизованные функции. Кроме того в силу дислоцированных за рубежом стратегических вооружений и воинских частей инициируются новые конфликтные ситуации. Сербия - в силу того, что практически во всех вновь созданных государствах на постюгославском пространстве в межэтнические конфликты вовлечено местное сербское население, - не являясь непосредственным участником военных действий, оказалась, тем не менее одним из главных действующих лиц в происходящих событиях.

Негативные последствия существующих конфликтов выходят далеко за пределы конфликтующего региона. Стабильность внутреннего и внешнего положения каждого из постсоветских и постюгославских государств невозможны без стабилизации в новых соседних государствах.

Этнические конфликты имеют целый ряд общих негативных последствий социального, экономического, демографи-

ческого и другого свойства. Следствием кризиса этнического характера оказывается изменение этнического состава охваченных конфликтами территорий в сторону их большей гомогенизации, миграционные потоки беженцев и переселенцев, изменение половозрастного состава населения, репродуктивного поведения, кризис института межэтнических браков, ухудшение межэтнической ситуации и криминализация обстановки в прилегающих к конфликтам территориях и в районах, принимающих беженцев, рост диаспоры за пределами регионов ее традиционного проживания и т. д.

Как свидетельствует опыт, реализация националистических программ чаще всего наносит ущерб конфликтующим сторонам и принимает иррациональный характер. Чаще всего проблему не удается решить и она загоняется вглубь. При этом взаимная неприязнь враждовавших этносов сохраняется на годы, лишь мешая достижению консенсуса.

Позволю себе высказать вывод, который считаю самым важным. Прежде всего, необходимо осознание того, что сила не может служить средством разрешения конфликта. Единственным разумным методом урегулирования и профилактики конфликтов является поиск компромисса между спорящими сторонами. В этом нас лишний раз убеждает как югославский, так и отечественный опыт.

Примечания

[1]Смит Д. Национализм и конфликт - идентификация и мир. Доклад. М., Московский центр Карнеги, 1996. С. 5.

[2]Медведев Н. П., Насинский В. Е., Скакунов Э. И. К концепции решения конфликтов в пост-советский период. Международные исследования. М., 1994. С.5

[3]Hantington S. The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order. N. Y.1966.

[4]Тишков В. А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения, т. 2, ч.1. М., 1992. С. 30.

[5]См. подробнее: Interethnic Conflicts and War in Former Yugoslavia. Belgrade. Institute for European Studies. 1992. P. 32-37; Пэ О. Процесс

международного признания бывших югославских республик - опасный прецедент для многонациональных государств // Международный опыт разрешения этнических конфликтов. Кн. 3. М., 1997. С 144.

[6]О декларации от 27 августа 1991 г. см. Europe. 1991. N 5555. Aout 29; Пэ О. Указ. раб. С. 144.

[7]Пэ О. Указ раб. С. 148.

[8]Чернов П. В. Северный Кавказ: источники противоречий. Конфликты и консенсус. М., 1995, № 6. С. 51.

Глава 15

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ИЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ? ПОИСК МИРНЫХ РЕШЕНИЙ

Как известно, мировое сообщество выработало свою позицию по политическому вопросу, лежащему в основе югославского кризиса, - а именно о праве субъектов федерации на провозглашение независимости. Роль международных посредников в урегулировании Балканского конфликта выходит за рамки данного исследования. Вместе с тем, хотелось бы подробнее остановиться не только на специфически югославских и общих чертах распада федеративных государств, но также коснуться международного опыта решения межэтнических проблем, поскольку он, с одной стороны, может оказать помощь в выходе из югославского кризиса. С другой же стороны, характер принятых на Балканах решений в дальнейшем неизбежно повлияет на правовые подходы к сходным проблемам далеко за пределами этого региона.

Этнические процессы в Восточной Европе и особенности положения этнических меньшинств

Полиэтничное, мультикультурное общество в значительной степени интегрируется с помощью государства. Для Европы это уже не только программа, но и реальность. В то же время расширение демократии предполагает вариативность культур, при которой расплываются, а не ужесточаются этнические гра-

ницы. В таком обществе каждая этническая группа имеет, с одной стороны, высокую степень политического самоопределения, а с другой - право на пропорциональное участие в центральной политической власти. Европейская интеграция в настоящий момент не дает в этом отношении поводов для оптимизма.

Кризис охватил ту сферу жизни общества, которая до недавнего времени считалась второстепенной, а именно отношения между государством как формой социальной организации общества и сетью сообществ, т. е. групп граждан, объединенных этническими, лингвистическими, религиозными и культурными узами. Еще 10-15 лет назад было привычно говорить о неизменяемости границ европейских государств. Именно под таким углом зрения оценивался "реализм" позиций тех или иных этнических меньшинств и разрабатывались политические проекты, направленные на обеспечение максимальной автономии меньшинств при соблюдении принципа неприкосновенности государственных границ. Но в течение нескольких лет все эти принципы были поставлены под сомнение.

Нельзя считать, что этнический вопрос взорвался в Европе только в результате кризиса социалистической системы. На Западе давно звучат требования о самоопределении. Среди кризисных районов - Страна Басков в Испании, Валь д'Аоста и Южный Тироль в Италии, Корсика во Франции, Северная Ирландия в Великобритании. Во многих странах Европы популярны сепаратистские движения, и все они имеют "этнический" характер, исходят из противопоставления себя другим этническим группам. "Этничность" не предполагает наличия программы и, тем более, политической концепции. Но при определенных обстоятельствах она может приобрести политическую функцию.

Новые тенденции в мировом развитии, процесс создания национальных государств в Европе, рост этнического самосознания актуализировали проблему права народов на самоопределение в контексте прав национальных меньшинств. Получившая распространение концепция "однонационального государства" в сочетании с рассмотрением этнических общностей в качестве субъектов правовых, политических и государственных отношений приводит к тому, что происходит деление населения

страны на "титульную" этническую общность и остальную часть населения. В условиях роста этнонационалистических идей народы, не имеющие собственного государственного устройства, а также этнические сообщества, живущие отдельно от большей части своего народа, стремятся к созданию своего государства или хотят присоединиться к государству-прародине, что становится проблемой для полиэтничных государств и для мирового сообщества в целом.

Проблема положения национальных меньшинств особенно обостряется в период распада империй и формирования национальных государств. В качестве кульминационных моментов могут быть отмечены 1914-1918 г. - первая мировая война и передел мира после ее завершения; 1960-е гг. - распад колониальной системы; затем - нынешний период трансформации социалистической системы.

Новая вспышка национализма и соответственно интерес к проблеме национальных меньшинств вызваны распадом СССР и восточно-европейского блока. Третий геополитический передел мира 1989-92 г. привел к объединению Германии и дезинтеграции СССР, СФРЮ и ЧСФР. Однако дробление этих держав не привело к созданию этнически однородных государств, они по-прежнему в той или иной степени культурно мозаичны.

Прогрессирующее движение по пути суверенитета, создание малых национальных государств породило новые трудности в межэтнических отношениях. При резком сокращении абсолютной и относительной численности лиц, принадлежащих к меньшинствам, в целом на континенте и в Европе особенно, когда регионы, свободные от меньшинств (менее 5% от всего населения), теперь охватывают 15 стран Европы вместо 6 в 1990 г., дробление стран на более мелкие образования привело к возникновению новых меньшинств. Их общее число (150) теперь в 1.4 раза больше, чем в 1910 г. (107), а в Центральной и Восточной Европе - в 1,5 раза (77)[1].

Процессы, происходящие в Восточной Европе, еще раз подтвердили, что национальные группы могут менять свой статус в зависимости от политической ситуации, и понятие меньшинства чаще употребляется не в количественном, а в политическом смысле. В результате суверенизации советских и юго-

славских республик титульные народы перестали жаловаться, что являются национальным меньшинством по отношению к доминировавшим русскому и сербскому этносам. Процесс борьбы за суверенитет привел к превращению меньшинства в большинство в своем национальном государстве, но способствовал образованию новых меньшинств, т.к. рассек государственными границами другие этносы на более мелкие группы.

Так, более 50 млн. граждан бывшего СССР живут вне государств, где они являются титульной нацией. Например, вне границ России живут более 25 млн. русских, вне границ Украины - 6,7 млн. украинцев, вне Белоруссии - около 2 млн. белорусов, вне Узбекистана - 2,5 млн. узбеков, вне Казахстана - 1,6 млн. казахов, вне Азербайджана - около 1 млн. азербайджанцев, вне Таджикистана - 1 млн. таджиков, вне Армении - 1,5 млн. армян, вне Татарстана - 5 млн. татар или 73% всех татар, живущих на территории бывшего СССР[2].

Каждый из этих этносов, являясь большинством в своей стране, поделен на 14 национальных меньшинств в других государствах, возникших из республик СССР. Так, новая украинская диаспора насчитывает 6,7 млн., из 14 украинских меньшинств 6 насчитывают более 100 тыс. каждое[3]. В результате раздела Чехословакии 300 тыс. словаков остались национальным меньшинством в Чехии, 50 тыс. чехов живут в Словакии[4].

На территории бывшей Югославии наиболее остро стоит вопрос о сербском населении, оставшемся за пределами СРЮ. В Хорватии к началу конфликта сербы составляли 12,2% населения и насчитывали 580 тыс. человек. Районы компактного проживания сербов простираются также и на другую бывшую югославскую республику - Боснию и Герцеговину.

Ситуация с новыми диаспорами в начале 90-х годов в Европе приобрела геополитическое значение, т. к. движение по пути создания национальных государств вызвало желание объединить как можно большую часть государствообразующей нации, исправить государственные границы и установить их по этническому признаку. Особую сложность для обеспечения стабильности в Восточной Европе представляет тот факт, что проблема национальных меньшинств главным образом связана с территориальным вопросом. Меньшинства стремятся к созда-

нию собственного государства или ставят цель присоединиться к государству-прародине. Они хотят реализовать право на самоопределение, политическую и территориальную автономию (подразумевается также и культурная) - именно то, что титульная нация в собственном государстве не спешит дать другим народам. В экстремальном виде это касается государств, образовавшихся в результате распада более крупных держав и находящихся в стадии становления.

В процессе государственно-социальной трансформации необходимо добиться равновесия между, с одной стороны, защитой прав меньшинств и, с другой,- обеспечением территориальной целостности государства, в котором проживает это национальное меньшинство. Сама по себе попытка провести административные границы по этническому признаку утопична, т. к. во многих регионах население этнически смешано, к тому же изменение границ ущемляет интересы соседних государств и часто приводит к военным конфликтам. На наш взгляд, кажется верным тезис о необходимости разграничить понятия *этнос* и *нация*. Если понимать нацию как "**многоэтничное по составу образование, основными признаками которой являются территория и гражданство**", тогда новые национальные государства будут строиться на основе общности согражданского, а не кровного родства[5].

Этнический фактор, положенный в Восточной Европе в основу современного государственного строительства, неминуемо вступает в противоречие с общегуманитарными принципами. Это осознали политические лидеры некоторых новых государств и стали постепенно отказываться от этнического национализма. В частности, Российская Федерация, где 18,5% (27.2 млн. чел.) не являются русскими, уже в Декларации о независимости /12 июня 1990 г./ провозгласила многонациональность основным принципом своего государства. В новой Конституции России, принятой 12 декабря 1993 г., республики определяются не как "*национальные государства*", а как "*государства*", из текста убрано провоцирующее конфликты положение о "суверенитете"[6].

Грузия, Армения, Украина и три прибалтийских государства: Эстония, Латвия, Литва считают себя национальными

государствами, что было поддержано результатами референдумов о независимости.

Как многонациональное государство определяет себя Югославия. Согласно ст. 8 Конституции СРЮ "власть принадлежит гражданам, а не народам". Национальные меньшинства обладают равными правами в государстве. Вместе с тем нужно еще раз отметить, что еще в прежней Югославии существовало официальное деление населения на *народы*, к которым относили южных славян, и *народности* (до 1963 г. *национальные меньшинства)*, классифицируемые как "**представители народов, основная часть которых живет в другой стране**".

При всем различии подходов к этнической сфере жизни в тех или иных странах национальные проблемы долго еще будут играть первостепенную роль в реформирующихся государствах Восточной Европы. Фундаментальными основами современного международного права являются, с одной стороны, суверенитет государства, с другой же - право на самоопределение народов, согласно которому все народы имеют право свободно определять, без вмешательства извне, свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие[7].

В этой связи вопрос о положении национальных меньшинств, обеспечении их прав имеет особое значение. Защита меньшинств должна базироваться на недопущении коллективной дискриминации и равных коллективных правах. Это позволит меньшинствам развивать свою самобытность, но не повредит процессам интеграции и даже ассимиляции, если национальное меньшинство этого пожелает. Это не вызывает сомнений. Проблема заключается в том, что собственно подразумевается под правом на самоопределение народа. В зависимости от толкования этого понятия находятся защита прав меньшинств и перспективы развития элементов, которые определяют этнические особенности (культура, язык, религия). На практике коллективное самоопределение сводится к развитию отличительных характеристик этнических групп в границах суверенных государств и включает в себя права на различные организации, образовательную политику, употребление родного языка, в том числе и в официальной сфере жизни. В другой плоскости

находятся вопросы, связанные с участием меньшинств как особой группы в политической жизни, что дает возможность более широкого представительства их интересов в органах управления.

Таким образом, защита прав национальных меньшинств должна обеспечить им равные с доминирующим этносом права во всех сферах жизни, но, с другой стороны, и создать благоприятные условия для сохранения их этнического своеобразия.

* * *

Неотъемлемой составной частью высокой политической культуры и утверждения прав человека являются правовые гарантии и ограждение интересов этнического меньшинства, цивилизованное решение проблем жизнедеятельности, сохранения культур и самобытности отдельных этнических групп. Практически в современном мире невозможно найти страну, в которой бы все население говорило на одном языке, исповедовало одну религию, имело одинаковые культурные традиции.

Положение этнических меньшинств во многих странах мира представляет собой одну из самых существенных социально-политических проблем. Более того, целая серия конфликтов, протекающих в наши дни, базируется на борьбе этой части населения за свои права. Устремления этнических меньшинств сводятся главным образом к реализации нескольких целей:

- борьба за равные права и недискриминацию (это базовое требование)
- предоставление групповых прав
- стремление институционализировать групповые права в рамках персональной автономии
- требование территориальной автономии и федерализма
- стремление к самоопределению и праву на отделение вплоть до полной политической независимости.

При том, что все эти цели формулируются в рамках основополагающих прав человека, многие вопросы остаются спорными и не имеют однозначного ответа. Межэтнические отношения - чрезвычайно сложная сфера общественной жизни.

Складываясь под влиянием особенностей исторического развития той или иной страны, этнического состава населения и других факторов, межэтнические взаимодействия во многом предопределяют формирующиеся в обществе экономические, социальные и политические контакты. Межэтнические отношения всегда конкретны, в каждой отдельно взятой стране имеют свою специфику и требуют регулирующей деятельности государства. "Гражданские права" же в значительной степени лишь являются абстрактным идеалом XX века.

Вместе с тем, мировая практика уже не одно десятилетие разрабатывает систему мер для обеспечения прав человека на основе принципов этнического равенства. В настоящее время можно говорить, что сложился международно-правовой институт прав и свобод этнических меньшинств. Характерной чертой большинства развитых западных стран является наличие долговременной национальной политики. В данной главе речь пойдет, главным образом, о европейских государствах в свете норм международного права и их частных позиций. Именно правовая доктрина этих стран внесла наибольший вклад в разработку понятийного аппарата и концепций. Кроме того, в Европе, по мнению Центра по правам человека ООН, работа над проблемой прав этнических групп и меньшинств продвинулась дальше, чем в остальных частях мира. Изучение государственно-правового опыта стран Европы в сфере регулирования межэтнических отношений имеет не только познавательное, но и прикладное значение, поскольку может сыграть полезную роль при решении межэтнических проблем в нашей стране, а также для выработки линии поведения по отношению к соотечественникам за рубежом.

Определение понятия национального и этнического меньшинства

Правовое решение положения национальных меньшинств является регулятором пограничных конфликтов и, кроме того, выполняет определенную функцию внутри государств со сложным этническим составом. Необходимо отметить, что само понятие "национальное меньшинство" весьма неоднозначно, и

документы международно-правового и международно-политического характера используют для его обозначения различные термины. Например, в принятой ООН Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него /1948 г./ употребляется термин "*национальные, этнические, расовые и религиозные группы*", в Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации /1965 г./ - "*расовые группы*", в Пакте о гражданских и политических правах /1966 г./ говорится об "*этнических, религиозных или языковых меньшинствах*", в Декларации ООН /1992 г./ о правах лиц, принадлежащих к "*национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам*", термин "*национальное меньшинство*" употребляется в Европейских документах и в документах ОБСЕ[8].

В международном праве до сих пор не существует общепринятой дефиниции национальных меньшинств и нет официального определения этого понятия, а также не решен вопрос о предпочтительности терминов "этническое" или "*национальное меньшинство*". Чаще всего под термином национальное или этническое меньшинство подразумевается **группа, являющаяся осколком этноса, отделенная государственной границей от остальной его части и вместе с тем выделяющаяся в стране проживания своими этническими характеристиками - языком, обычаями, культурой или религией.** При этом особо подчеркивается, что речь идет о численно значительной группе населения, которая хочет сохранить свои этнические особенности и члены которой являются старожилами в месте обитания, а не экономическими мигрантами последнего времени.

Документы ОБСЕ к "*национальным меньшинствам*" относят только граждан данного государства, исключают из их числа рабочих-иммигрантов последних десятилетий и подразумевают существование другого государства, являющегося исторической родиной меньшинства.

Наиболее распространенное определение этнического меньшинства, используемое в международной практике, было сформулировано Ф. Капоторти, Специальным докладчиком Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека ООН. Он предложил

под термином "*меньшинство*" иметь в виду "группу, численно меньшую по отношению к остальному населению государства и не занимающую доминирующего положения в нем, члены которой - граждане этой страны - обладают рядом этнических, религиозных или лингвистических особенностей, отличающих их от остального населения, и обнаруживают, по крайней мере имплицитно, чувство солидарности, направленное на сохранение своей культуры, традиций, религии и языка"[9].

Некоторые страны Европы сформулировали свои определения национальных меньшинств. Приведу примеры. Как записано в Австрийском федеральном законе "О правовом статусе национальных меньшинств" 1976 г. "Национальным меньшинством ... являются проживающие в отдельных частях территории Федерации и происходящие из этих мест группы австрийских граждан, для которых родным языком является не немецкий язык и которые составляют отдельную народность" (раздел 1, №1,2)[10].

По Закону " О правах национальных и этнических меньшинств Республики Венгрия" 1992 г. : "Национальными или этническими меньшинствами считаются все те этнические группы, которые живут в Венгрии не менее столетия и составляют многочисленное меньшинство среди населения страны, чьи члены имеют венгерское гражданство и отличаются от остального населения своим языком, культурой и традициями и которые проявляют осознание своей общности, направленной на сохранение такой общности и на выражение и защиту интересов своего исторически сложившегося сообщества" (ст. 1)[11].

В конституции Республики Словении 1991 г. и ее законодательных актах не употребляется термин "национальное меньшинство", а используется понятие "этническое сообщество". Под ним подразумевается часть конкретного этноса (нации), проживающая постоянно за пределами своего национального государства в иной этносреде и отличающаяся от нее этническими характеристиками" (см. ст. 1, 5, 64)[12].

Этническая группа, находящаяся на положении национального меньшинства в том или ином государстве может иметь различные социокультурные характеристики: быть малой частью крупного этноса, имеющего свое государство, быть час-

тью этноса, расселенного по разным странам, быть целостной группой, не имеющей своей государственности. В некоторых случаях к национальным меньшинствам относят также коренные народы и беженцев.

Необходимо особо отметить, что понятие "национального меньшинства" является не количественной, а политической категорией. Часто доминирующий этнос не намного численно превышает национальное меньшинство, а в ряде случаев и уступает ему.

Кроме того, неоднозначность подходов к дефиниции меньшинства, сложность этой проблемы выявляются уже при анализе численности этнических групп в странах исследуемого региона. Статистические данные, как правило, базируются на переписях населения, которые в значительной степени зависимы от государственной политики, имеют в основе различные критерии. Государство и прочие авторитеты определяют, какие этносы включить в список для переписи. В Европе, как впрочем и других регионах, в качестве манипуляции численностью лиц, принадлежащих к меньшинствам, использовалось отнесение к одной этнической общности нескольких, деление определенных этнических групп на более мелкие, создание новых этнических групп или отрицание реально существующих.

Ответ индивида часто зависит от того, как поставлен вопрос, и в ряде случаев носит субъективный характер. Одним из базовых критериев для определения этнической принадлежности может быть язык: материнский язык (по канадской формулировке), основной язык домашнего общения (по швейцарской формулировке). Но иногда он не совпадает с этническим самоопределением человека, поэтому этот принцип тоже не является панацеей.

Определение национальных или этнических меньшинств является дискуссионным еще и потому, что воспринимается излишне патерналистским и может оскорблять тех, к кому оно относится. Мы приносим извинения тем, чьи чувства этот термин задевает и подчеркиваем, что употребляем его в работе только в качестве категориального отличия.

Международно-правовое регулирование положения национальных меньшинств

Необходимо теоретически разграничить два уровня регулирования положения меньшинств: международный и внутригосударственный. Документы международного права различны. Одни из них являются универсальными, другие действуют на региональном уровне, третьи являются двусторонними соглашениями. Международно-правовые нормы защиты меньшинств включают в себя индивидуальные права, групповые права и объективные гарантии. Равноправие граждан государства, предоставление гражданских и политических прав без различия по расовому, этническому, языковому и религиозному принципам и другие виды гражданских свобод предусматривают правовую защиту не этнической группы, а индивидов, объединенных этническим происхождением.

После второй мировой войны в международном праве преобладало мнение, что гарантии всех личных прав автоматически означают защиту положения и интересов меньшинств. Осознание факта, что меньшинствам необходима специальная защита для обеспечения их права на самоопределение, что гарантии личных прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, недостаточно для сохранения их культурных особенностей, происходило постепенно. Концепция группового права, идея защиты меньшинств как сообществ укрепилась с конца 80-х гг. Проследим эволюцию подхода мирового сообщества к проблеме меньшинств.

Система их международно-правовой защиты начала активно формироваться в начале XX столетия в рамках Лиги наций. Хотя прецеденты международных правовых механизмов урегулирования положения отдельных групп населения, таких как религиозные меньшинства, были известны уже в XVII веке, вопрос равноправия малых народов особенно остро встал после первой мировой войны. Возникнув как часть Версальской системы, Лига наций ставила целью создание надежных механизмов обеспечения мира и безопасности в Европе. Целый ряд моментов правового регулирования положения меньшинств был

оформлен в документах Лиги и впоследствии получил развитие в современных международных актах. К ним, как отметил С. В. Соколовский, могут быть отнесены: национальное равноправие граждан государства, т. е. одинаковые гражданские и политические права без различия расы, языка или религии (принципы предотвращения дискриминации); гарантии пользования родным языком в судах; отсутствие государственных ограничений независимо от установленного официального языка, в отношении свободного пользования каким бы то ни было языком в частных и торговых отношениях, в религии, прессе, публичных выступлениях. Меньшинствам, наравне с другими группами населения, гарантировалось одинаковое право создавать за свой счет благотворительные, религиозные и общественные учреждения, школы и иные воспитательные заведения с правом пользования в них своим родным языком и свободно исповедовать в них свою религию, в отдельных случаях рассматривались вопросы административной автономии и самоуправления[13].

Многие другие международно-правовые акты также являются основополагающими в обеспечении прав меньшинств. В течение последних сорока пяти лет важнейшую роль в их разработке играет ООН. Отметим, что еще в 1947 году Комиссией ООН по правам человека был создан вспомогательный орган - Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, вместе с тем ООН в своих документах делает упор не на особые права меньшинств как сообществ, а на формальное равенство индивидов, общую защиту прав человека и запрещение дискриминации. *Всеобщая декларация прав человека* /1948 г./, хотя и не касается специально меньшинств, представляет собой один из базовых документов о правах человека в целом. Дискуссия по ее подготовке спровоцировала принятие Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции 217С/III/ под названием "*Судьба меньшинств*", которая подчеркивает, что ООН не должна оставаться равнодушной к этой части населения. В дальнейшем к разработке концепции правового положения меньшинств ООН не раз обращалась на своих форумах. В частности, определяющей основой универсальной защиты меньшинств является принятый ООН *Международный пакт гражданских и политических прав* от 1966 г., который может рас-

сматриваться как минимальный стандарт международного права, содержащий специальную статью о правах меньшинств:

"**В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком**"[14]. Этот документ декларирует права меньшинств, но не предлагает ничего конкретного для их обеспечения. Поэтому эффективность Пакта спорна и довольно скромна.

Поиску эффективных форм обеспечения прав меньшинств ООН стала уделять особое внимание в конце 80-х - начале 90-х годов. В 1992 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята *Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим. религиозным и языковым меньшинствам.* В документе изложены права меньшинств и их отдельных представителей (на самобытность, защиту со стороны государства, пользование своими культурой, языком, верой, создание своих объединений, свободные и мирные контакты через границы с гражданами других государств той же национальности, религии и языка, активное участие в решении вопросов, их касающихся и т. д.), а также обязанности государств (охранять самобытность меньшинств, создавать благоприятные условия для выражения и развития ими своей культуры, языка, религии, содействовать их полному участию в развитии данного государства, учитывать законные интересы меньшинств в своей внутренней и внешней политике и т. д.)[15].

Спустя год рабочая группа по коренному населению Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств разработала проект *Декларации по правам коренных народов.*

Интенсивность обращения к проблемам меньшинств в последние годы свидетельствует о возросшем внимании мирового сообщества к их положению. В значительной степени это было вызвано переменами, происходящими в Восточной Европе, и интересом к национальной проблематике более широкого плана. Авторитетные международные институты почти на каждом

своем форуме считали необходимым обсудить положение меньшинств и принять какую-либо декларацию о защите их прав. Как правило, эти документы не имеют принудительной силы с точки зрения международного права, не подлежат ратификации в парламентах, но обязывают государства политически и морально, поскольку подписываются их первыми официальными лицами и таким образом оказывают ощутимое влияние на различные сферы жизни.

Собственные механизмы защиты меньшинств ищут многие региональные организации, являющиеся важным субъектом международных отношений. Особенно преуспели в этом Европейские объединения. В частности, Совет Европы, созданный в 1949 г. в Страсбурге, играет главным образом культурную и политическую роль в разработке концепции Европейского сообщества. Свою политику Совет Европы претворяет в жизнь через Парламентскую Ассамблею, формирующуюся из представителей стран-участниц, Совет министров и Секретариат, а также учрежденные им Европейскую Комиссию по правам человека и Европейский суд по правам человека. "*Европейское соглашение о культуре*" было подписано в 1954 г., на сегодняшний день к нему присоединилось 41 государство. За работу Совета Европы в сфере образования и культуры, которая является одной из приоритетных сфер его деятельности, отвечает Совет по культурному сотрудничеству. Среди множества принятых ими постановлений и рекомендаций прямо касается защиты меньшинств *Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств* /1992 г./, ставшая фундаментальным документом, имеющим силу конвенции. В декабре 1991 года Европейским сообществом было одобрено *Руководство по признанию новых государств в Восточной Европе и СССР*[6].

В рамках Совета Европы была разработана *"Рамочная конвенция (европейская) о защите национальных меньшинств"*, которую 1 февраля 1995 г. подписало 21 государство Европы. Открытая для участия не только членов Совета Европы, конвенция должна вступить в силу после того, как 12 из подписавших государств сдадут Генеральному Секретарю Совета Европы ратификационные грамоты. Конвенция состоит из пяти секций: основные принципы, специальные принципы, толкование и

применение, контроль за осуществлением, заключительные положения.

Конвенция зафиксировала, что защита национальных меньшинств и лиц, принадлежащих к ним, "составляет неотъемлемую часть международной защиты прав человека и поэтому находится в сфере международного сотрудничества" (ст. 1). "Каждый человек свободен выбирать или не выбирать свою принадлежность к тому или иному национальному меньшинству, и лица, принадлежащие к меньшинству, могут пользоваться правами, изложенными в Конвенции, как индивидуально, так и в "сообществе с другими" (ст. 3).

Специальные принципы и права предусматривают равенство меньшинств перед законом и равную защиту с большинством населения страны, которое обязано "должным образом учитывать специфические характеристики" меньшинств, что не должно рассматриваться как акт дискриминации (ст. 4). Участники Конвенции обязаны "воздерживаться от осуществления политики и практики, направленных на ассимиляцию" меньшинств, и должны защищать их от этого (ст. 5), а также от попыток изменять этнодемографическое соотношение в населении местности, где проживают меньшинства (ст. 16). Им должны быть созданы благоприятные условия участия в культурной, общественной и экономической жизни, а также в государственно-административных делах (ст. 12, 15). В местах их традиционного компактного проживания язык меньшинства может быть официальным (ст. 10, 11).

Все эти принципы и права не должны противоречить основным принципам международного права и, в частности, "суверенному равенству, территориальной целостности и политической независимости государств" (ст. 21)[17].

Качественным скачком в подходе к защите меньшинств стали Конференции СБСЕ (с 1994 г. ОБСЕ). Первый раз министры иностранных дел всех европейских государств (за исключением Албании), а также США и Канады встретились в 1973 г., а через два года подписали заключительный документ этой встречи, известный как *Хельсинкский акт*. Руководители делегаций 35 стран закрепили в нем основные принципы СБСЕ: суверенитет государства, воздержание от применения силы, не-

рушимость границ, территориальная целостность государств, мирное решение споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, вероисповедания и убеждений, равноправие и права народов на самоопределение, сотрудничество между государствами и выполнение условий международного права. Было принято решение регулярно проводить встречи глав Европейских государств и обсуждать насущные проблемы. Важнейшее место практически на всех Конференциях занимал вопрос о меньшинствах. В процессе дискуссий вырабатывался подход СБСЕ к их положению.

Принципиальное значение приобрела Венская встреча /1986 г./, где впервые в международном документе была отмечена необходимость обратить внимание на групповой аспект существования национальных меньшинств. За национальными меньшинствами были признаны наряду с индивидуальными правами, права коллективного характера, выделены факторы, которые могли бы обеспечить существование национального меньшинства как сообщества. К ним отнесены следующие права: на свободу изъясняться в качестве представителя национального меньшинства; на сохранение и развитие этнических особенностей (культурных, языковых, религиозных), в том числе и путем создания культурных обществ, различных просветительных и религиозных организаций; беспрепятственные международные связи и некоторые другие.

Концепция СБСЕ по меньшинствам получила дальнейшую доработку на последующих встречах. В 1989 г. в Париже обсуждались случаи нарушения прав национальных меньшинств, отмечалась важность проблемы их положения для обеспечения мира, безопасности и сотрудничества в Европе. Вопрос защиты меньшинств, привлекая к себе все большее внимание на континенте, стал восприниматься как критерий обеспечения гражданских прав и свобод в отдельных государствах. Документы Венской и Парижской встреч перечисляют обязательства стран-участниц по отношению к меньшинствам, признают, что политические, экономические и социальные аспекты прав человека являются предметом заботы международного сообщества.

В Копенгагене /1990 г./ после подробного обсуждения вопроса о меньшинствах был принят специальный документ, в котором всесторонне раскрывается подход мирового сообщества и прежде всего СБСЕ к проблеме меньшинств и особое внимание уделяется их коллективным правам. При этом подчеркивается, что обеспечение защиты меньшинств должно соответствовать принципам равноправия и недискриминации граждан стран-участниц соглашения при уважении территориальной целостности государств. Таким образом представители национальных меньшинств призываются к лояльности и незлоупотреблению полученными возможностями. На этой конференции подчеркнуто возрастание в Европе роли неправительственных организаций и важность их диалога с официальными представителями отдельных стран.

Широкая дискуссия о проблемах национальных меньшинств развернулась на специальной встрече экспертов по национальным меньшинствам в Женеве /1991 г./. Участники обменялись мнениями по ряду практических вопросов, в частности, о законодательстве применительно к меньшинствам, международных способах регулирования сложных ситуаций и возможных формах сотрудничества. Обсуждались меры, которые бы могли благоприятствовать нормальной жизнедеятельности меньшинств, вопросы автономии, местного самоуправления и др.

Важнейшим итогом встречи на высшем уровне в Хельсинки /1992 г./ было учреждение в рамках СБСЕ поста Верховного комиссара по национальным меньшинствам, на которого возложена задача сбора объективной информации по вопросам меньшинств, оценки кризисных ситуаций в их наиболее ранней фазе и поиск путей предотвращения конфликтов. На встрече в Будапеште /1994 г./, когда СБСЕ был преобразован в ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), отмечалось, что в компетенцию этого авторитетного органа входит не только международная безопасность и сотрудничество, но и сфера внутреннего устройства стран-участниц. Вместе с тем подчеркивалось, что урегулирование положения меньшинств играет важную роль в обеспечении стабильности в Европе. Документы ОБСЕ, представляющие собой политические

решения, принятые путем консенсуса, представляют собой хорошую основу для развития добрососедских отношений в Европе.

Как мы видим, ОБСЕ (СБСЕ) подходит к вопросу о меньшинствах, как к чрезвычайно важной проблеме, и даже беглый анализ основных ее актов показывает, что эта организация разработала целую систему защиты меньшинств. Стандарты, выработанные ОБСЕ, лежат в основе многих более частных документов - соглашений между отдельными странами, законов и т. д. Важное место среди них занимают региональные проекты сотрудничества. Так, в 1991 г. Польша, Чехия, Словакия и Венгрия объединились в так называемую "Вишеградскую группу", в феврале 1993 г. Украина, Венгрия и Польша в г. Дебрецене подписали декларацию "О сотрудничестве наций и народностей", проживающих в Карпатском регионе.

Ряд принципов, определяющих взаимоотношения государства и меньшинства, выработаны в многосторонних и двусторонних договорах о сотрудничестве. Например, Австрия и Италия вскоре после окончания второй мировой войны договорились о положении немецкоговорящих граждан. Соглашение 1955 г. Между Данией и ФРГ предусматривает меры по защите немецкого населения Дании, которое официально признано меньшинством. Аналогичное положение имеет датское население в ФРГ[18].

В начале девяностых годов в Европе появился ряд двусторонних соглашений. Германия пописала соглашения о сотрудничестве и партнерстве со странами, в которых живет немецкое меньшинство - с СССР /9.11.1990/, Польшей /17.6.1991/, Венгрией /6.2.1992/, Чехословакией /27.2.1992/, Румынией /21.4.1992/. Польша заключила соглашения с Украиной /13. 10.1990/, Россией /16.10.1990/ и Литвой /13.1.1992/. Договор о принципах сотрудничества в области защиты прав меньшинств подписали Украина и Венгрия /13.5.1991/, Россия и Венгрия /11.11.1992/, Словения и Венгрия /6.11.1992/. Программы сотрудничества в области науки, культуры, образования были подписаны бывшей Югославией с Италией, Австрией, Венгрией.

Нужно отметить, что мотивы, которыми руководствовались те или иные страны при заключении этих соглашений, различны, равно как и неоднозначен их подход к вопросу о меньшинствах. Если попытаться проанализировать причины подписания недавних двусторонних соглашений между Германией и ее соседями, то во многом это объясняется, с одной стороны, стремлением стран Восточной Европы после объединения Германии дополнительно подтвердить нерушимость своих границ, с другой стороны, заботой Германии о своих меньшинствах в этих странах, стимулируемой желанием несколько ограничить приток немцев из диаспоры. Страны Балтии, а также Словения и Хорватия особое внимание уделяют положению меньшинств в том числе и потому, что, выполняя нормы мирового сообщества, облегчают себе возможность быстрого включения в него. Известно, что реальное положение меньшинств в этих странах гораздо хуже формально-правового. Что касается Венгрии, в значительной степени, внося изменения в Конституцию и принимая специальный закон о меньшинствах, она подавала личный пример странам, в которых живут венгерские меньшинства.

Основные направления политики государств в сфере межэтнических отношений

Документы ООН, Совета Европы, ОБСЕ политически и морально обязывают государства придерживаться разработанных этими организациями критериев, но не вмешиваются в системы государственных юридических норм. Многие вопросы по-прежнему остаются в компетенции отдельных стран. В Специальном исследовании ООН по расовой дискриминации в политической, экономической, социальной и культурной сферах (1971г.) выделены несколько разных подходов к положению меньшинств.

1. Ассимиляция базируется на идее превосходства доминирующей культуры, гомогенности страны за счет отказа от многообразия культур в пользу доминирующей.

2. Интеграция постулирует процесс, в котором многообразие элементов культуры комбинируется в единство, удерживая базовую идентичность. Интеграция предполагает гарантию

равных прав и возможностей для всех граждан независимо от их групповой принадлежности. Подобная официальная политика государства может, в принципе, быть интолерантной по отношению к некоторым меньшинствам. Как ассимиляция, так и интеграция могут отражать отношения доминации и субординации между большинством и меньшинством. Часто современная политика, особенно в странах— приверженцах идеи "плавильного котла", преследует цель интегрировать меньшинства в общество. Жертвенность большинства населения может при этом не соответствовать уровню жертвенности меньшинства: кто решает, какие характеристики группы нарушают или стесняют общее единство?

3. Фузия (слияние) представляет собой процесс, в котором две или более культур комбинируются и создают новую культуру, отличную от производных. Может быть, фузия является не столько политикой, сколько результатом. В любом случае она дает возможность для меньшей иерархии и большего равенства между вступающими в контакт культурами.

4. Плюрализм является политикой, которая направлена на объединение различных этнических групп, проповедует уважение и равенство. Но в полиэтничных обществах такая политика символизирует как разъединение, так и объединение, или разъединение внутри союза.

5. Сегрегация это политика, базирующаяся на убеждении в превосходстве доминирующей культуры при сохранении некоторых этнических групп в обособленном, несмешанном виде, но в иерархической позиции[19].

Формы закрепления особенностей статуса и каталог прав представителей этнических групп в странах Европы различны. На общегосударственном уровне можно выделить следующие виды актов внутреннего законодательства: *конституционные*, содержащие положения об охране прав иноязычных граждан или их групп; *законодательные*, связанные с предоставлением *автономного* статуса автономным единицам; *комплексные*, регламентирующие правовое положение либо всех иноязычных групп в государстве, либо конкретной группы; закрепляющие *отдельные аспекты* правового статуса иноязычных групп или предусматривающие специальные меры защиты в конкретных

сферах; нормативные, регулирующие правомочия граждан или сферы деятельности, но содержащие *специальные положения*, касающиеся представителей иноэтничных групп. Рассмотрим примеры регулирования статуса этнических меньшинств в государствах Европы.

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ МЕНЬШИНСТВ

Международными организациями не разработаны показатели, на основе которых устанавливается наличие национальных меньшинств на той или иной территории. Государство вправе отказаться от общепринятого определения меньшинства и даже объективно существующее национальное меньшинство рассматривать как часть этноса, обладающую специфическими культурными особенностями, исповедующую другую религию или имеющую какие-либо другие специфические черты.

Анализируя права и статус меньшинств, необходимо особо отметить, что в странах развитой демократии разграничивается понятие "этнос" и "нация". Нация понимается не как этническая общность, а как народ, проживающий на территории страны, национальное государство - как государство народа, населяющего страну. Понятие "национальное государство" не означает этническое государство, а имеет скорее общегражданское значение.

Об этом свидетельствует опыт многих стран. Например, любой гражданин Франции является французом, Испании - испанцем. Термин "национальность" употребляется, как правило, как синоним гражданства. Кстати, когда мы говорим о национальных символах - флаге, гербе, столице - мы имеем в виду не символы какой-либо одной этнической группы, а общенациональные (общегосударственные) символы. Общегражданские задачи подразумевают интеграцию населения, в том числе лиц, принадлежащих к этническим меньшинствам, в общество. Вместе с тем, они требуют особого внимания государства к себе.

Практически во всех развитых странах за последние десятилетия усилился интерес к этническим культурным ценностям. Для их развития и защиты создаются научные учреждения, ока-

зывается материальная помощь организациям, как государственным, так и частным. Действенным средством развития этнических культур и традиций является создание добровольных обществ, особенно землячеств и ассоциаций. Во многих странах признается их право на получение государственных материальных субсидий.

Считается общепризнанным, что государство обязано поддерживать развитие этнических традиций. В полиэтничных государствах проблема культуры в законодательстве проявляется в установлении гарантий равенства культур отдельных этносов и специальной защите культуры национальных и иных меньшинств. На наш взгляд, готовность и желание страны защитить и обеспечить интересы всех этнических групп, в том числе и малочисленных, являются показателем уровня цивилизованности общества.

Вообще говоря, в конституциях развитых стран обычно о правах национальных меньшинств специально не говорится. Иногда они освещаются опосредованно, при регулировании тех или иных аспектов жизни общества. Например, в федеральной Конституции Швейцарии записано, что союз имеет право законодательствовать по вопросам общеобязательной силы коллективных договоров и других соглашений между объединениями работодателей и служащих или рабочих в целях содействия миру в области труда, при условии, однако, что принимаются во внимание законные интересы меньшинств"[20].

Чаще всего в конституциях упоминается только о праве использовать родной язык. Например, Конституция Испании отмечает: "Богатство различных лингвистических особенностей в Испании является культурным наследием и пользуется особым уважением и защитой" (ст. 3).

Интересный опыт подхода к решению проблем меньшинств дает, например, Итальянская конституция. Ее принципиальные положения по этому поводу сводятся к следующему: 1. Полное признание юридического равенства всех граждан, независимо от национальности, расы и вероисповедания; 2. Признание существования лингвистических меньшинств (термин "этнические меньшинства" не был использован, так как считалось, что он несет на себе отпечаток расизма) и праве на

их защиту; 3. Возможность создания специальных региональных автономий, чтобы обеспечить права основных лингвистических меньшинств; 4. Полное уважение религиозного плюрализма, в том числе через признание (осторожное и противоречивое) различных религиозных конфессий как институционально значимых "социальных формирований".

Особую позицию занимает Франция, которая проводит политику непризнания национальных меньшинств и заявила, что ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, касающаяся меньшинств, не поддерживается Францией, поскольку в соответствии со ст. 2 Конституции эта страна неделима и "обеспечивает равенство перед законом всем гражданам, независимо от происхождения, расы или религии"[21].

Интересный материал дает исследование ситуации в странах Восточной Европы. Соответствующие параграфы о меньшинствах содержали все конституции социалистических стран. В ходе конституционных реформ они были еще раз уточнены и в ряде случаев конкретизированы. Отметим особо статью 68 Конституции Венгерской республики /1989 г./, статьи 24 и 25 Каталога основных прав и свобод, принятого Чехословацким парламентом в 1991 г. и до сих пор действующего в Чехии, статьи 61-65 Конституции Словении, статьи 33-34 Конституции Словакии. Конституцией Болгарии /1991 г./, напротив, не признается наличие меньшинств и запрещаются политические партии по этническому принципу. Польская Конституция, как и прошлая, игнорирует наличие меньшинств в стране[22].

Кроме общих положений о правах меньшинств, зафиксированных в конституциях, многие государства законодательно регулируют отдельные аспекты жизни меньшинств, прежде всего в сфере образования, употребления родного языка и политической активности (имеется ввиду административная организация и обеспечение прав на выборах в государственные органы).

Наиболее важными документами, разрабатывающими права этнических меньшинств, являются законы о меньшинствах, принятые, правда, лишь в части стран, где проживают меньшинства. В Австрии Закон о национальных меньшинствах гарантирует им охрану со стороны государства, целостность состава, уважение языка и народности. Граждане Ав-

стрии могут свободно входить в состав меньшинства, однако никто не обязан доказывать свою принадлежность к данной категории населения. В законе предусматриваются формы оказания государством финансовой помощи в целях сохранения самобытности и обеспечения прав, поддержания существования. В разделе 3 говорится, что министр финансов должен предусматривать в проекте бюджета федерации определенную сумму для поддержания меньшинств, причем отдельно организациям национальных меньшинств и отдельно территориальным организациям, для проведения различных мероприятий по плану, составленному Советом национального меньшинства. На территории, где представители меньшинства составляют четверть проживающих, предусматривается двуязычие топографических названий, а также использование языка меньшинства в качестве официального наряду с немецким в некоторых учреждениях[23].

Еще одна страна, в которой хорошо разработана система защиты меньшинств - Венгрия. В значительной степени это объясняется тем, что в ряде стран существуют венгерские национальные меньшинства. Обеспечивая права меньшинств в своей стране, Венгрия подает пример другим государствам, заботясь о своей диаспоре. Специальная глава венгерского Закона о меньшинствах посвящена самоуправлению меньшинств в сфере культуры и образования. Государство считает родной язык меньшинств, проживающих на территории Венгрии, фактором сплочения их сообщества, поддерживает по их желанию его преподавание в учебных заведениях. Ребенок в соответствии с решением родителей, может обучаться на родном языке или изучать родной язык, получая образование на венгерском языке. Законом не возбраняется и использование учителей, прибывающих из стран родного языка.

Одна из глав закона предусматривает условия пользования языком. В Государственном собрании депутат от национального меньшинства может пользоваться родным языком. Протоколы органов местного самоуправления ведутся на двух языках - венгерском и языке национального меньшинства. При этом государство в финансовом отношении обеспечивает реализацию прав меньшинств, выделяя средства для дошкольного и школьного обучения на родном языке и для деятельности орга-

нов самоуправления и общественных организаций. Законом предусматривается выделение правительством в течение двух бюджетных лет после вступления в силу закона по 500 млн. форинтов ежегодно в виде компенсационного лимита на дела национальных меньшинств. Из этих средств покрываются расходы органов самоуправления. Кроме этого, единовременно выделяются пособия от 60 до 15 млн. форинтов отдельным меньшинствам[24].

Латвия (19.3.1991), Литва (26.11.1989, уточнен 29.1.1991), Эстония (1993), Молдавия, Украина (25.6.1992), Белоруссия (11.11.1992), Хорватия (4.12.1991, дополнен 17.6.1992) также приняли законы о меньшинствах. Особую значимость имеют законы о языке, принятые в начале 1989 г. в Прибалтийских республиках, а затем в 1989-1991 гг. и всеми остальными республиками СССР. Законы о языке были также приняты Сербией (1991 г.) и Чехословакией (1990г.)

Изучение законов, принятых странами Европы, показывает, что они базируются на ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах и, говоря об индивидуальных правах, обращены к их коллективной силе. Специально же подчеркиваются коллективные права национальных меньшинств лишь в отдельных случаях. Так, в Декларации прав национальностей Украины говорится о национальной группе, ст. 12 латвийского Закона о меньшинствах гарантирует национальной группе право на сохранение национальной культуры, ст. 64 Конституции Словении представляет как личные, так и групповые права итальянскому и венгерскому меньшинствам[25].

Реально же групповые права могут реализовываться в случае, если национальное сообщество признается в качестве социального феномена и ему разрешается легализация организаций и объединений. Объективные гарантии личных прав дает их узаконивание на коллективном уровне. Например, согласно Венгерской конституции, Венгерская республика предоставляет защиту национальным и языковым меньшинствам, гарантируя им участие в общественной жизни, развитие их культуры, употребление родного языка, образование на нем и употребление традиционных этнических имен. Особо выделяются три вида коллективных гарантий, предоставляемых странами Европы

национальным меньшинствам: образование, употребление родного языка и представительство в органах власти. Решающую роль для сохранения этнического своеобразия меньшинств играет образование. (См. об этом ниже).

АВТОНОМИЯ КАК ФОРМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ МЕНЬШИНСТВ

Анализ нормативных актов западных стран позволяет сделать вывод о том, что в основе теоретических разработок межэтнических отношений и их конкретного регулирования в большинстве случаев лежит концепция автономии, которая используется для защиты интересов и обеспечения прав этнических групп. Сам принцип автономии хорошо разработан в мировой практике. Автономия как таковая имеет два основных аспекта: механизм распределения ресурсов и принцип самоуправления. Первый принцип был очень четко воплощен, например, в Законе Эстонской республики 1925 г. Этот закон предусматривал конкретный порядок формирования национальных общин: для конституирования общины необходимо было зарегистрировать 3000 чел., изъявивших желание стать ее членами. Каждая зарегистрированная община согласно этому закону получала из госбюджета часть выделенных на образование и культуру средств, пропорциональную ее численности[26]. Второй принцип - самоуправление - был установлен, например, Законом Латвийской республики о школьном самоуправлении 1919 г. Согласно этому закону депутаты Сейма от соответствующих этнических групп сами назначали руководителей специальных отделов школ Министерства образования, их работа финансировалась государством.

Выделяется несколько разновидностей концепции автономии. В отечественных исследованиях обычно используют двухзвенную типологию: культурно-национальная и территориальная. В западной литературе чаще встречается трехзвенная класификация, выделяющая три типа автономии: создание этнической группе или ее представителям условий для сохранения этнокультурного своеобразия на местном уровне; предоставление этнической общности определенных прав на общегосудар-

ственном уровне; предоставление определенной территории с учетом этнического состава населения тех или иных форм самостоятельности.

Благополучную модель регулирования положения национальных меньшинств представляет собой *территориальная автономия.* Она обеспечивает специальный статус региону, населенному национальным меньшинством, и, в какой-то мере, является государством в государстве.

Территориальная автономия представляет собой трактовку концепции местного самоуправления и подразумевает предоставление определенных прав административно-территориальным единицам на основании решения центральных государственных органов. Одной из особенностей региона, дающей возможность для получения таких прав является этнический состав ее населения. Как правило, правовое положение автономного образования регулируется специальным законом.

Территориальная автономия была классическим способом подхода к национальным проблемам в СССР, где национальные образования с ограниченной автономией создавались и для некоторых численно небольших этносов в отличие от республик, имевших более высокий статус. Аналогична концепция двух югославских автономных краев Воеводины и Косово, права которых, правда, были ограничены с принятием новой конституции. Хорватский Конституционный закон по меньшинствам /1991 г./ обещал статус автономии национальному меньшинству в случае, если бы оно составляло более 50% населения края, что касалось сербского населения, хотя позднее это положение не было воплощено в жизнь. По контрасту, Румыния отвергла реставрацию Венгерского автономного района, существовавшего с 1954 по 1968 г. Новая Конституция Болгарии запрещает создание какой-либо территориальной автономии.

Италия, Испания относятся к числу тех стран, где территориальные автономные образования занимают особое место. В частности, в соответствии с Конституцией Италии 1947 г. и Конституцией Испании 1978 г., крупнейшими административно-территориальными звеньями, наделенными максимальной самостоятельностью, являются области. Достаточно гибкий подход к этническим проблемам имеют статуты Каталонии,

Страны Басков и Галисии в Испании, а так же Сардинии, Сицилии, трех пограничных областей, населенных южными славянами, в Италии[27].

Великобритания по форме государственного устройства является централизованным, унитарным государством, имеющим свои особенности и элементы автономии. Этнический фактор вызвал необходимость реорганизации государственной структуры в силу компактного проживания шотландцев, валлийцев, ирландцев-католиков и активных национальных движений в стране.

Автономию некоторым своим регионам предоставили Дания, Финляндия. В Финляндии, например, территориальную автономию имеют Аландские острова, где проживают шведскоязычные(23000) и финскоязычные (1100) граждане[28]. Правовое положение определяется Актом об автономии Аландских островов (1991 г.), жители провинции имеют местное гражданство, особые меры направлены на сохранение здесь шведского языка (являющегося официальным) и специфической культуры.

В Дании автономный статус имеют Фарерские острова и Гренландия. Согласно Актам об автономии (1963 и 1978 г) специфичными являются особые права в сфере международных отношений и в области использования природных ресурсов[29].

* * *

Территориальная автономия может быть хороша для защиты меньшинств в определенных условиях, но ее действенность ограничена, т. к. может быть реализована только в случае компактного проживания национального меньшинства и его преобладания на этой территории. Однако, всего 47,7% или 10 млн. из 21 млн. представителей национальных меньшинств, имеющих свою автономию, живут в пределах своих собственных автономных образований. В Дагестане, например, совместно проживает 10 разных народов, в Воеводине венгерское меньшинство составляет лишь 17% населения. Эти данные показывают ограниченность возможностей территориальной автономии. Другой ее недостаток заключается в том, что она неизбежно порождает новые меньшинства, т.к. части более крупного

этноса на этой территории приобретают статус меньшинства по отношению к местному большинству.

Этих издержек не имеет экстерриториальная автономия. Одна из ее разновидностей - *корпоративная* автономия. В случае ее использования все граждане, проживающие на территории страны и принадлежащие к юридически признанной этнической группе, получают право на образование органов, представляющих их интересы на общегосударственном уровне. В Финляндии, например, существует Шведская народная ассамблея и Саамский парламент. В Австрии - Советы национальных меньшинств. Правда, эта форма автономии применяется в Европе достаточно редко.

Более известной является *персональная* или *культурная автономия*, предложенная почти сто лет назад Карлом Реннером и Отто Бауэром. Объект автономии в этом случае - этническая группа, рассматриваемая как ассоциация лиц, имеющих общие интересы в определенной сфере (например, в образовании). Такой путь урегулирования может оказаться действенным даже с дисперсными меньшинствами, т.е. персональная автономия используется в тех случаях, когда меньшинство рассредоточено по территории страны и не составляет большинства населения в каких-либо территориальных единицах. Вопрос о реализации предоставления прав свободно решают сами лица, принадлежащие к данной группе. Речь идет о создании государством возможностей для сохранения этнокультурного своеобразия, предотвращения ассимиляции. В максимальном объеме концепция персональной автономии предполагает право представителей этнической группы пользоваться достоянием своей культуры, исповедовать свою религию, использовать свой язык в частной и публичной жизни, создавать собственные ассоциации, поддерживать контакты с другими представителями этой группы, проживающими как в той же стране, так и за рубежом, иметь возможность изучать свой язык, историю, традиции и культуру своей этнической группы. Фактически все полиэтничные государства мира используют этот институт как основной или дополняющий систему федеративного устройства.

Но подчеркну, что несмотря на популярность идеи национально-культурной автономии в последние годы, практически

первым европейским государством, принявшим Закон о свободном развитии национальных и этнических групп и праве на культурную автономию стала Латвия (март 1991). Исследователи отмечают, что при всей важности этого закона, его недостатком является декларативность. Провозглашая права, закон не предусматривает никаких гарантий и процедур его реализации. В 1996 г. Закон о национально-культурной автономии был принят в Российской Федерации. Концепция трактует национально-культурную автономию гораздо шире, чем ее фольклорно-этнографический вариант. Предусматривается возможность, помимо образовательно-культурной деятельности любого уровня, права общинной собственности и самое важное - права на особые формы политического представительства (пока это определяется в форме Ассамблеи народов России) и законодательную инициативу.

Новые восточноевропейские законодательства делают серьезные шаги в направлении к рассмотрению концепций автономии. Понятие "культурная автономия" включено в Конституции Хорватии и Латвии, хотя более тщательный анализ текстов конституций показывает, что оно истолковывается в них поразному. В латвийском Законе о меньшинствах /март 1991 г./ говорится о праве национальной и этнической группы на культурную автономию, при этом закон различает объективные гарантии, предоставляемые индивидам, и права национальных групп на реализацию своих национальных потребностей. В частности, национальные меньшинства имеют право создавать культурные общества на свои средства (ст. 10.3). На основании закона в январе 1991 г. в Латвии был создан Консультативный национальный совет, который состоит из представителей национальных меньшинств. Каждая национальная группа делегирует в совет до трех человек, избираемых на территориальных конференциях, организуемых местными органами власти совместно с организациями меньшинств (ст. 4.2).

Конституция Хорватии 1990 г. (ст. 15.2) подходит к культурной автономии с позиций индивидуального права. И хотя конституционный закон 1991 г. определяет его как групповое право (ст. 5), уточнение его, конкретные меры предоставления

культурной автономии снова различают индивидуальные права и объективные гарантии.

В противоположность такому подходу, ст. 64.2 Конституции Словении 1991 г. предоставляет венгерскому и итальянскому меньшинствам право создавать на территории проживания органы автономии с наделением полномочиями управления. Правда, возможность реализовать это право достаточно ограничена, т. к. меньшинства численностью 8500 и 3000 человек вряд ли будут иметь достаточно организационной силы для выполнения подобных задач.

Правовое регулирование культурной самобытности народов

Следует отметить, что сложилось два основных подхода к решению проблемы этнических меньшинств - условно говоря культурный и политический, хотя они не могут существовать изолированно друг от друга. Подлинными гарантиями прав этнических меньшинств могут быть только гарантии политические, но в значительной степени реальным обеспечением прав меньшинств являются права в сфере культуры, воспитания, образования, традиций. В поддержании и развитии этнического самосознания именно культура и язык имеют решающее значение.

Поиск решений в образовательной и культурной сферах является все более насущным для Европы. Правовое регулирование вопросов культуры носит форму гарантий равенства культур и защиты культур этнических групп. Кроме того, поддерживается создание всевозможных обществ и учреждений культуры по этническому принципу.

В Бельгии, например, был подписан Пакт о культуре (1972 г.), целью которого было распределение средств на основе сотрудничества лиц, групп и организаций в сфере культуры. Его содержание было через год было воспроизведено в Законе "О гарантиях защиты идеологических и философских тенденций, обязывающих публичные власти в сфере культуры". Наиболее важным результатом применения этого закона должно было

явиться оказание государственной помощи всем этническим культурам без дискриминации.

В Основном законе Норвегии, например, закреплена обязанность властей создавать условия коренному саамскому населению для развития и сохранения языка, культуры и образа жизни.

Специальное внимание уделяется отдельным аспектам культурной жизни. Лингвистические проблемы самые "наглядные" в отношениях с меньшинствами. Поэтому в большинстве стран с многонациональным составом населения определяется правовой статус языков национальных меньшинств. Правовое регулирование охватывает вопросы, связанные с использованием языков меньшинств в официальных отношениях, в средствах массовой информации и, что обычно вызывает самые серьезные трудности, в системе обучения. В зарубежной практике языковая проблема решается разными способами.

Наиболее типичным государством, исходящим из принципа доминирования одного государственного языка является Франция. Значительно более гибкую позицию занимают Италия и Испания, конституции которых содержат статьи об охране языков национальных меньшинств. Финское законодательство четко определяет все права и обязанности национально-государственных отношений, оно устанавливает, что финский и шведский языки являются национальными языками, язык саами может быть использован в районах их проживания. Лингвистические проблемы регулируются Законом о языке, принятым еще в 1922 г.

Право на употребление родного языка тесно связано с проблемой альтернативного употребления родного языка в административной и судопроизводственной сферах. Как показывает практика, это право может быть в полной мере реализовано только в территориальных автономиях, примеры использования материнских языков в других случаях довольно ограничены. Здесь нужно разграничивать объективные возможности для официального употребления родного языка на уровне целого производственного или иного коллектива и формы регулирования, предоставляющие индивидуальные права пользования родным языком в административной и юридической сферах.

Например, принятые в последние годы в странах Восточной Европы законы позитивно решают этот вопрос, хотя некоторые ограничительные тенденции имеются в Словакии (закон о языке предусматривает употребление родного языка в административной сфере только, когда пропорция меньшинства превышает 20% населения региона), Румынии (по Конституции 1991 г. представители меньшинств имеют права, равные с иностранными гражданами, т.е. могут использовать свой родной язык только в случае, если не владеют румынским).

Первостепеннос значение для сохранения и развития любого народа является использование родного языка особенно при обучении детей. Это важно также для сохранения национальной идентичности молодежи, принадлежащей к меньшинствам. В Хартии прав человека ООН (ст. 26 & 3) сказано, что родители имеют преимущественное право выбора формы образования, которое будет дано ребенку. Но нельзя не отметить, что вопрос о языках, на которых ведется обучение, - это вопрос прежде всего политический. Отношение к национальной школе является показателем признания государством социального статуса этнических групп, а при определенных условиях сфера образования превращается в элемент противостояния между национальным меньшинством и государством. В отдельных странах существует мнение, что использование в процессе обучения нескольких языков ведет к ослаблению государства. В подавляющем большинстве стран современного мира законодательством закреплено право обучения на национальном языке. Но даже в наиболее развитых демократических странах реализация этого права наталкивается на серьезные трудности. Межкультурное образование идет рука об руку с образованием против расизма и дискриминации и предполагает образование в духе прав человека. Это обстоятельство необходимо учитывать при рассмотрении проблемы использования языков меньшинств в процессе обучения.

Возможны и довольно широко применяются несколько форм обучения в школе детей, принадлежащих к национальным меньшинствам. Нередко дети из национальных меньшинств обучаются в учебных заведениях, где преподавание ведется только на их родном языке. Часто обучение на родном языке

национального меньшинства сочетается с преподаванием ряда предметов на языке, которым пользуется большинство населения. Приведу несколько примеров из мировой практики.

В Финляндии предусмотрен целый комплекс мер, гарантирующих сохранение самобытности шведам и саами. Например, в соответствии с Актом о детских садах муниципалитеты должны обеспечить детям возможность посещать детские сады, где говорят на их родном языке. В соответствии с Актом о единой школе начальные школы создаются для не менее 13 учащихся, а средние при наличии 40-90 учащихся.

Межкультурный подход уже отражен в большинстве официальных образовательных программ, принятых шведским парламентом, датскими руководителями образования, итальянскими руководителями. На языковом уровне эта позиция принята в 1991 г. в Люксембурге.

Подобный подход был принят голландскими специалистами. Был выдвинут скоординированный план, результат тесного сотрудничества министерств по культуре, образованию и науке, социальному обеспечению. В 1981 г. парламенту были представлены принципы политики в области образования национальных меньшинств. В районе компактного проживания фризов преподавание на фризском языке ведется только в течение двух первых лет, во всех остальных классах преподавание ведется на двух языках. В силу малочисленности фризов для их успешной интеграции в общество знание второго языка объективно необходимо.

В Италии циркуляр Министерства образования в 1990 г. представил список основных направлений и ориентиров, намеченных в ходе работы Совета Европы и предложил их в качестве рекомендаций для учителей даже в тех школах, где нет иноязычных учеников. Циркуляр подчеркивает: "Интеркультурное образование выявляет смысл демократии".

В Австрии, например, Законом о школах провинции, где проживают хорваты, словенцы и венгры, предусмотрено, что язык меньшинства становится языком обучения, если не менее 70% населения района, обслуживаемого школой, составляют представители национального меньшинства. Когда меньшинство составляет от 30 до 70% населения, то в качестве языков

обучения должны использоваться два, при численности менее 30% преподавание ведется на языке большинства, но предоставляется возможность изучать родной язык (преподавание языка меньшинства обязательно, если по крайней мере 20 детей посещают занятия)[30].

В основном школы для меньшинств финансируются государством. Образование для меньшинств рассматривается как составная часть национальной системы образования. Следовательно, оно получает бюджетное финансирование, на которое имеет право с соответствии со своим местом в системе. Таков подход к финансовой проблеме стран, подписавших Европейское соглашение по культуре.

Вместе с тем, намечается тенденция к организации самими меньшинствами негосударственного образования. Преимущество этого типа образования заключается в большей степени автономии, чем в государственных школах.

Получение образования на родном языке в ВУЗе во многом отражает правовое положение народов и языков в государстве. Кроме того, это является особой проблемой для меньшинств, поскольку связано с обеспечением малочисленных народов специалистами высшей квалификации, владеющими их родным языком.

В странах Восточной Европы конституционные гарантии образования содержат Конституция Хорватии и ст. 14-16 Хорватского закона о меньшинствах, а также Конституция Венгрии. Остальные конституции говорят об индивидуальных правах на обучение на родном языке. Поскольку это право может быть осуществлено только в случае наличия учебных заведений, соответствующий пункт конституций может быть истолкован как предоставляющий официально установленные гарантии.

* * *

Таков круг вопросов, знакомство с которыми может быть, на мой взгляд, полезно для практического обеспечения жизнедеятельности диаспор, при выработке концепции благоприятного сосуществования различных этнических групп. Хотя и не во всех случаях опыт зарубежных стран является оптимальным, я

искренне надеюсь, что изложенные сведения помогут цивилизованному разрешению конфликтных ситуаций. В заключение хотелось бы отметить, что нужно проявлять понимание и терпение перед лицом очень сложной проблемы меньшинств. Время является важным фактором в формировании гражданской культуры и выработке политики, соблюдающей демократические правила. Взгляд на меньшинства должен быть направлен не в прошлое, но в будущее. Для этого необходимо избежать искушений ностальгии или санкций, направленных в прошлое.

Поднятые в данной главе вопросы затрагивают лишь часть проблем, касающихся взаимоотношений национальных групп и государств, в которых они проживают, проводимой правительствами национальной политики, регулирования положения меньшинств в многоэтничном сообществе. Различные аспекты жизни национальных меньшинств - правовая обеспеченность, особенности социального статуса, соотношение прав меньшинств и человека будут еще долго дискутироваться. Но на наш взгляд, общие принципы политики защиты меньшинств и концепции отдельных государств должны базироваться на выполнении нескольких условий:

1. Национальные меньшинства должны обладать всеми гражданскими, политическими, экономическими, культурными правами, которые имеет доминирующий этнос;

2. Национальным меньшинствам важно обеспечить условия, позволяющие сохранять и развивать культурные особенности, язык, религию и т. д.; в ряде случаев меньшинствам целесообразно представить определенные льготы;

3. Необходимо искать мирные пути демократического сосуществования различных групп в обществе, не допускать этнических конфликтов и военного решения спорных вопросов, ориентироваться на диалог.

Примечания

[1]Kolossov V., Treivish A. Dynamics of European minorities. Рукопись.
[2]Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991.
[3]ЦДАЖР України. Ф. Р.-2. Оп.13 - Спр. 7 734. Арк. 43,44.
[4]Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 155.

[5]Тишков В. А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад. М., 1993. С. 15.

[6]Подробнее см. Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 32.

[7]См. подробнее Абашидзе А. Х. Национальные меньшинства и право на самоопределение // Этнографическое обозрение. М., 1995. N. 2.

[8]Здесь и далее в случае отсутствия специальной сноски документы цит. по: Documents on Autonomy and Minority rights. Ed. H. Hannum. Dordrecht, 1993.

[9]Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. UN Doc... E/CN. 4/Sub. 2/384. P. 96.

[10]Национально-культурные автономии и объединения. Сборник документов, т. 3. М., 1995. С. 78.

[11]Там же. С. 127.

[12]Constitution of the Republic of Slovenia. Ljubljana, 1992.

[13]Соколовский С. В. Международно-правовые проблемы защиты меньшинств // Права и статус национальных меньшинств в бывшем СССР. М., 1993. С. 23.

[14]UN Doc... E/CN.4/ Sub.2/ 384. P. 96.

[15]Национально-культурные автономии и объединения, т.3. С. 189.

[16]A Selection of Texts from International and Regional Human Rights Instruments and other Documents. Lung. 1993.

[17]Framework Convention on Protection of National Minorities. 1995.

[18]Protection of minorities. N.Y., 1967. P. 31-34.

[19]См.: UN Special Study on Resial Discrimination in the Political, Economic, Social and Cultural Spheres. UN Publication, Sales No. 71.XIV.2.

[20]Конституции буржуазных государств Европы. М., 1982.

[21]Там же. С. 90.

[22]The Constitutions of New Democracies in Europe. Ed. P.Raina. London, 1995.

[23]Национально-культурные автономии, т.3. С. 78.

[24]Там же. С. 127.

[25]Там же. С.119,114; Constitution of the Republic of Slovenia.

[26]Национально-культурные автономии, т. 3. С. 55.

[27]Modeen T. The International Protection of Minorities in Europe. Abo, 1969. P. 166-174.

[28]Mynty K. The Protection of Persons Belonging to National Minorities in Finland. Turku, 1991. P. 3.

[29]Foighel I. Home rule in Greenland / Meddelleser om Greenland. Man and Society. Copenhagen, N 1. P. 12.

[30] См. Capotorty. F. Study of the Rights of Persons belonging to Ethnic, Religius and Lingvistic Minorities. N.Y., 1979. UN Sales No. E 78. XIV.1.

Новые балканские государства, 1995 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Довольно широко распространено мнение, как в постюгославских странах, так и за их пределами, что кризис на Балканах объясняется в основном противоречиями на этноконфессиональной почве. Мне хотелось бы подчеркнуть, что чрезвычайно сложная обстановка, сложившаяся сейчас в регионе, сопровождавшаяся открытыми военными действиями, - это прежде всего, проявление комплекса тех глубинных противоречий политического, социального, экономического и этнического характера, которые десятилетиями накапливались в югославском обществе. Внешне же, действительно, эти конфликты нередко сводятся к межэтническим трениям и противостоянию различных религий.

Анализ развития событий на пространстве прежней Югославии в 1990 -1995 гг., всего комплекса этносоциальных, этнополитических и этнокультурных факторов в жизни этого многонационального государства приводит к выводу, что этническая ситуация, обострение межреспубликанских отношений и межэтнических конфликтов в 80-90 гг., несомненно, являются важной причиной, но лишь одной (и причем не самой определяющей) составляющей югославского кризиса, который привел к распаду югославской федерации и длительной, кровопролитной гражданской войне.

Значительная часть этнических проблем вызревала во второй Югославии и с распадом страны активизировалась (например, проблема албанского населения и статуса автономий), другая, связанная с переделом границ и новыми диаспорами явилась следствием деления федерального государства на несколько частей. Межэтнические противоречия, имея в своей основе социально-экономические и политические корни, обострились в момент масштабных институциональных преобразований общества.

Как было отмечено, население территории, входившей в состав прежней Югославии сильно различается по этническому, религиозному, лингвистическому и культурному признакам. История этой части Европы имеет много специфического. Многообразие традиций и исторических условий развития, огромный этнический и культурный плюрализм не раз использовались в качестве разобщающего фактора самыми разными как внутренними, так и внешними силами. Со сложным историческим наследием вступила Югославия на путь своего возникновения, оно же в значительной степени осложнило постфедеративную реальность Балкан.

Сама по себе Югославия была отнюдь не искусственным творением, как это пытались и пытаются утверждать некоторые политики и аналитики, а выражением естественной тяги к объединению родственных народов. Конечно, необходимо учитывать, что эту тягу по-разному пытались использовать в своих интересах различные политические силы. Следует напомнить, что идея югославянства возникла в XIX в. как стремление к воссоединению этнически близких южных славянских народов для борьбы против господства на Балканах Австро-Венгерской и Османской империй. Созреванию этой идеи способствовало осознание того, что после распада этих империй небольшие национальные государства на Балканах вряд ли могли бы обеспечить себе самостоятельное существование.

Однако образование Югославии после первой мировой войны было осуществлено под знаком унитарной концепции. Появилась надуманная фикция "югославянской нации" как "троименного народа", к которому относились сербы, хорваты и словенцы, но лишь в качестве племен. Не признавались народами македонцы и черногорцы, не признавались и признаки, присущие мусульманам как этнической группе. Так называемая "первая" Югославия исчезла в горниле второй мировой и гражданской войны. Как следствие народно-освободительной борьбы родилась "вторая" - федеративная Югославия. Ключевой базой ее образования служило понимание того, что лишь совместными усилиями югославские народы могут выжить, сохранить свою независимость и самостоятельность.

Заключение

Общеизвестны большие результаты, достигнутые Югославией за сорок пять послевоенных лет в своем экономическом, социальном, культурном подъеме, укреплении международного авторитета страны. Следует признать, что внедрявшиеся в Югославии формы "самоуправленческого социализма", с одной стороны, способствовали смягчению ряда негативных явлений, отрицательно сказавшихся на развитии других социалистических стран, включая Советский Союз. Однако, с другой стороны, эти формы оказались чреваты и многими пагубными для судеб Югославии тенденциями, такими как автаркия, сепаратизм и национальный эгоизм. Это тем более характерно, что руководство федеративной Югославии нельзя было упрекнуть в отсутствии внимания к национальному вопросу. Было сделано многое для достижения ускоренного экономического и культурного развития ранее отсталых народов Югославии, обеспечения равноправного политического положения всех наций и народностей. К сожалению, и в этих вопросах возможности не успевали за потребностями, были допущены серьезные просчеты в социально-экономическом развитии, которые привели, особенно в конце 80-х гг., к усилению разрыва в темпах экономического развития и уровнях материального благосостояния населения отдельных республик и регионов страны.

Процесс дезинтеграции СФРЮ занял приблизительно два с половиной года и имел три стадии:

- дезинтеграция однопартийной системы к концу 1989 г;
- введение многопартийности и результаты парламентских выборов 1990-1991 г.;
- военные действия в Словении и Хорватии с июня 1991 г., а затем начало войны в Боснии и Герцеговине в апреле 1992 г. После этих событий о Социалистической Федеративной Республике Югославии можно было говорить лишь в прошедшем времени.

В чем же причины столь неожиданно быстрого и катастрофического распада федеративной Югославии в 1990-1991 гг? Думается, что, анализируя этот процесс, надо принимать во внимание ряд факторов.

- Серьезные экономические трудности, вызванные как внутренними диспропорциями, так и неблагоприятной для Югославии внешней экономической конъюнктурой, подорвавшей эффективность экономики страны и ее внешних связей. Отрицательно сказалась и чрезмерная зависимость Югославии от внешней экономической поддержки. Возможности ее традиционных кредиторов снизились. К тому же, в силу ряда факторов Югославия утратила для них прежнее политическое значение в качестве противовеса политической системе других социалистических стран. Югославия оказалась перед лицом острого дефицита в получении современных технологий, ноу-хау, сырья и оборудования, перед угрозой взлета инфляции и невозможности своевременных платежей по внешним долгам и получения новых кредитов.

В то же время югославская экономическая политика за 30-летний период привела к развитию специфических региональных позиций и интересов по отношению к центру, а также между отдельными республиками. Условия для суверенитета будущих национальных государств наметились уже в Югославии. Республики стремились создать свою экономику, транспортную систему, наладить зарубежные связи. Поскольку политическая организация регионов была этнически определена, экономические различия и катаклизмы выражались преимущественно в этнических терминах. Региональные отличия способствовали перцепции ущемления одного этноса другим.

- Недостроенность политической системы, кризис отношений между центром и федеральными единицами (а в Сербии - между республиканскими и краевыми органами), которые привели к резкому усилению дезинтеграционных явлений как в народном хозяйстве, так и в политической, да и в культурной жизни страны.

Федеративная структура Югославии создала квазигосударственные образования по этническому принципу. В то же время процесс согласования интересов республик, который имел место в последнее десятилетие существования Югославии, не только парализовал политические функции на федеральном уровне, но в 70-80-е годы вызвал противоречие между федерализмом и этнически определяемыми политическими различия-

ми. На уровне центра официальные власти неизбежно вынуждались к легитимизации своих функций в терминах республик, которые те представляли, а не в интересах всего государства.

На практике в Югославии этнический плюрализм существовал только на федеральном уровне, тогда как этнический эксклюзианизм преобладал в республиках. Это вело к гомогенизации населения и созданию атмосферы, в которой члены другой этнической группы на территории каждой из республик рассматривались как агенты "иностранных" интересов. В 80-е годы все народы страны развивали идеологию, опиравшуюся на исторические, экономические, социальные, геополитические, демографические и другие факторы, согласно которым утверждалось, что именно они являются жертвой югославского государства.

- Кризис и распад Союза коммунистов Югославии. Будучи уже длительное время пораженным пороками федерализма, именно к концу 80-х гг. он фактически потерял свои руководящие позиции в жизни общества. В результате политическая система СФРЮ утратила свой основной стержень, и ее механизм "пошел в разнос". Руководство СКЮ вроде бы постаралось остановить этот процесс, но проявило неспособность считаться с реалиями, отсутствие необходимой гибкости. Во всех республиках СФРЮ наметилась линия на самостоятельность партийных организаций. Дезинтеграция СКЮ и рост независимости республиканских союзов коммунистов способствовали антибелградским настроениям. Партийная элита, подобно другим структурам, выступала против общеюгославских устоев. В результате СКЮ перестал существовать. В то же время республиканские партийные органы оказались изолированными друг от друга, дискредитированными в политическом отношении и утратившими рычаги воздействия на ситуацию в своих республиках. Не принесли успеха и попытки их трансформации в организации социал-демократического типа.

- Рост национализма во всех республиках прежней Югославии на базе сепаратистско-автаркических тенденций, пропаганда тезиса о том, что лишь на базе самостоятельного государственного существования та или иная республика сможет решить свои проблемы, смыть с себя "грехи" социалистической

Югославии и получить поддержку со стороны международного сообщества (разумеется, имея в виду прежде всего экономическую помощь Запада).

В таких социально-политических условиях стала очевидной необходимость свободных выборов. Наиболее серьезной проблемой в этот исторический момент был вопрос о том, могут ли выборы в республиках быть организованы раньше федеральных. Парадоксально, но это был единственный пункт, по которому существовал молчаливый консенсус между конфликтующими сторонами. Хорватия и Словения не хотели федеральных выборов, поскольку опасались, что результаты окажутся в пользу демократической законности Югославского государства. Другие республики тоже не были готовы к проведению общефедеральных выборов. Когда стало ясно, что выборы возможны только в республиках, крах Югославии стал реальностью. А после их проведения в Словении и Хорватии (1990 г.) федеральный уровень власти был парализован.

Первые многопартийные выборы показали прежде всего, что националистическая идеология является преобладающей. Именно она лежала в основе событий 1989 г. Теперь же создание однонациональных государств стало целью реконструкции общества. Это привело к децентрализации полиэтничных федеральных государств, каковыми являлись СФРЮ и СССР.

В результате парламентских выборов, впервые после 1945 г. проводившихся на многопартийной основе, победили оппозиционные силы, которые по самой логике борьбы должны были выступать как антиподы, отрицатели прежних ценностей. Практически все они активно использовали в своих целях национальную идею, превратив ее в националистическую. В течение следующего после выборов года в четырех республиках из шести были приняты декларации о государственной независимости. Внутренние границы, ранее имевшие административный характер, превратились в государственные, отрезав часть населения (в основном ими оказались сербы) от своей исторической родины. Все эти процессы привели к распаду федеративной Югославии и к разгоранию межнациональных конфликтов, прежде всего в Хорватии и Боснии и Герцеговине.

Наконец, необходимо учитывать чрезвычайно важное значение внешних факторов для развития ситуации в бывшей Югославии. Что касается Запада, то первоначально он высказывался за целостность Югославии и нерушимость ее границ. Однако очень быстро эта позиция изменилась и было решено, что любая республика бывшей Югославии, которая заявит о своей государственной независимости, получит признание и поддержку. Так и было сделано в отношении Словении, Хорватии, а затем и Боснии и Герцеговины и Македонии. Тем самым был санкционирован распад Югославии. С другой стороны, совершенно без восторга было воспринято образование Сербией и Черногорией Союзной Республики Югославии.

Процесс создания новых государств на Балканах протекал болезненно и сложно, правовые и конституционные нормы решения подобных вопросов отсутствовали, на повестку дня встали всевозможные территориальные претензии, носившие характер межэтнических противоречий. Как было показано выше, югославский кризис развивался с севера на юг, причем с нарастающей интенсивностью и вовлечением в него все большего числа участников, в том числе внешних сил.

Сравнительно безболезненно прошло отделение Словении. Это объясняется целым комплексом причин, среди которых - автаркичность ее экономики, тесные связи с Западом, окраинное географическое положение на территории экс-Югославии и т.д. Среди факторов, облегчивших относительно спокойный выход из состава федерации был и тот, что эта страна отличается достаточно однородным этническим составом, в котором словенцы составляют около 90% населения. Остроты национального вопроса удалось избежать еще и потому, что сразу после провозглашения независимости, Словенским парламентом был принят Закон о гражданстве, по которому несловенцы имели право на гражданство на основании разрешения постоянного проживания. Более двухсот тыс. из них воспользовались правом жить в Словении, имея двойное гражданство.

Несмотря на незначительность несловенского населения, правительство этой молодой страны делает серьезные шаги по поддержанию и обеспечению прав этнических меньшинств. Об-

щие положения о правах этой группы населения зафиксированы в специальных разделах конституции, а также в нескольких законах, которые гарантируют "особые права" меньшинствам. Закон, кроме того, определяет статус и полномочия органов, представляющих интересы меньшинств. В соответствии с законом создаются органы самоуправляющихся национальных сообществ, отличные от местных советов. Закон вызвал одобрение итальянского и венгерского населения страны.

Но несмотря на меры по урегулированию положения различных этнических групп, принимаемые словенским руководством, Словении не удалось полностью избежать напряжения в области межэтнических отношений. Словенский политический спектр включает в себя и партии националистического толка. Словенская национальная партия на выборах в 1992 г. в Национальную ассамблею получила 12 мест из 18 возможных. Наплыв беженцев из Боснии и Герцеговины, создающий дополнительные экономические и социальные сложности, вызвал распространение настроений типа "Словения для словенцев". Смягченным вариантом этнической чистки стало выселение в принудительном порядке из своих квартир бывших офицеров югославской армии несловенской национальности.

Если в 1994 г. мировое сообщество считало, что с соблюдением прав человека в Словении все обстоит благополучно, то в 1995 г. Наблюдательный совет Хельсинкской группы сообщил о участившихся случаях нарушения этих прав, которые затронули в основном сербов и хорватов, а также других граждан бывшей Югославии. Понятно, что причина недовольства сербами связана с различием позиций постюгославских государств в Балканском кризисе. Словенско-хорватские же отношения были испорчены из-за пограничных споров.

До сих пор не решена государственная принадлежность четырех селений на территории полуострова Истрия, входящих в состав Хорватии, но населенных словенцами. Не урегулирован также спор с другим ближайшим соседом - Италией о демаркации границы, установленной после Второй мировой войны, когда полуостров Истрия отошел к Югославии, о компенсации ущерба итальянским беженцам, о праве итальянцев на преимущественную покупку недвижимости в Истрийском районе. Сло-

вения в свою очередь жалуется, что словенцы в Италии и итальянцы в Словении оказались в неравном положении. Вражда между Римом и Любляной привела к тому, что Италия активно препятствовала вхождению Словении в ЕС. Все это не отрицает, однако, быстрого продвижения Словении, самой экономически развитой республики бывшей Югославии, по пути демократических реформ при ярко выраженной тенденции к включению в западное сообщество.

В отличие от Словении, отделение другой республики - Хорватии без гражданской войны оказалось невозможно ввиду сложности урегулирования положения сербского населения, составлявшего здесь в 1991 г. 12%. Провозглашение независимости Хорватии поставило вопрос о судьбе сербского населения, проживавшего в ряде районов республики и не желавшего оказаться в изоляции от Сербии. В этих районах была создана самопровозглашенная Республика Сербская Крайна. Ожесточенные бои были приостановлены лишь с международным посредничеством и введением миротворческих сил ООН. Как известно, в конце 1991 г. после военных сражений было принято решение о специальном статусе Сербской Крайны и вплоть до мая 1995 г. в этом регионе с помощью "голубых касок" поддерживался хрупкий мир. В этот период можно было прогнозировать, что конфликт решится путем образования сербской автономии в рамках Хорватии. Но эти иллюзии были развеяны, и не последнюю роль в этом сыграли, как представляется, события в Боснии и Герцеговине. Летом 1995 г. после молниеносного наступления хорватской армии сербам удалось сохранить за собой лишь восточную часть территории Крайны.

По прошествии четырех лет войны сформировались три группы хорватских сербов. Первая и наиболее многочисленная группа - сербские беженцы из Хорватии (с 1991 г. около 450 тыс. сербов покинуло Хорватию). Вторая - сербы, оставшиеся в городах (100-150 тыс). И третья - сербы бывшего сектора "Восток". Перспективы для этих групп различны. Беженцы не имеют возможности вернуться, т.к. 60% их домов разрушено, а кроме того, существуют большие сложности с получением сертификатов о хорватском гражданстве и опасность преследований в Хорватии. Сербское население городов считает, что у них два вариан-

та поведения: покинуть страну, либо ассимилироваться под давлением политики хорватского правительства, занимающего достаточно националистическую позицию. Несмотря на то, что в 1992 г. был принят Конституционный закон о правах человека и о правах этнических объединений и меньшинств, два других закона - О покупке жилья и О собственности ограничивают права сербов.

Будущее же населения Восточной Славонии зависит от глобальных результатов сербско-хорватских отношений, от инициатив ООН и стран Запада. Загреб форсировал "мирную реинтеграцию" этого региона. Пока же в зоне конфликта практически не осталось районов со смешанным населением, одни из них покинули сербы, из других же почти 100 тыс. хорватских беженцев выселились в другие регионы Хорватии.

Последствия войны вызвали демографические перемены, но на изменение этнической структуры республики повлияли и некоторые другие факторы. Одним из достаточно серьезных является усиление итальянского влияния на Адриатическом побережье и в хорватской части полуострова Истрия. Жители этих областей стараются использовать открывшуюся перед ними возможность и получить итальянское гражданство. Хорватские власти обеспокоены широким проникновением итальянского языка и политикой регионализма, проводимой рядом партий и движений Истрии.

Возможным способом восстановления прежнего этнического баланса в Далмации и Истрии правительственные круги Хорватии считают переселение хорватов из Боснии и Герцеговины, Косово и Метохии, а также других неблагополучных областей. Отметим также, что на всей территории Хорватии ведется активная пропагандистская работа по восстановлению старых хорватских обычаев.

Масштабным и кровопролитным стал военный кризис в Боснии и Герцеговине, вызвавший прямую вовлеченность в него внешних сил в качестве участников боев на той или иной стороне и в качестве миротворцев. Война была спровоцирована политической стратегией, доминировавшей в Югославии в 80-е годы, и являлась следствием того политического идеала, к которому стремилось югославское общество. Эта стратегия вела к

абсолютизации проблемы национального суверенитета, а также параллельно ставила проблему территорий и границ. Она была инспирирована философией так называемой "ошибочности полиэтничного государства", которая приводит к убеждению в том, что мультикультурализм несостоятелен.

В Боснии и Герцеговине начался процесс, подобный политическому развитию в других республиках СФРЮ. Ее лидеры использовали тот же набор аргументов, что и руководители прочих республик. И они выбрали политическую стратегию "одна нация, одна культура, одна страна".

Но Босния и Герцеговина сама по себе является полиэтничным образованием. К тому же там, в отличие от других республик, не было политической силы, действовавшей в интересах всего населения. Очевидно противоречие между отказом от мультикультурализма и полиэтничного государства, каковым являлась СФРЮ, и желанием определенных кругов сохранить целостность Боснии и Герцеговины. Парадоксально, но в Боснии и Герцеговине под лозунгами национализма велась борьба за мультикультурализм.

В силу целого комплекса причин, прежде всего весьма пестрого этнического состава населения, смешанного его проживания (по данным 1991 г. мусульмане имели абсолютное или относительное большинство среди населения 48,6% общин, сербы - 33%, хорваты - 17,3%) и тяготения сербского и хорватского населения к "своим" республикам, этот кризис приобрел здесь наиболее драматичный характер. Такой ход событий предвиделся аналитиками еще в период дебатов о судьбе СФРЮ, именно по этой причине Босния и Герцеговина (и в первую очередь мусульмане) не сразу поддержала идею дезинтеграции прежней Югославии, пытались сохранить полиэтничную Югославию.

В марте 1991 г. президенты Сербии и Хорватии вели переговоры о разделе Боснии и Герцеговины между своими республиками, это устраивало две этнические группы в Боснии и Герцеговине, но у мусульман не было соседнего государства, с которым бы они могли себя идентифицировать. Некоторые мусульманские лидеры, правда, мечтали о превращении Боснии и Герцеговины в Исламскую республику, но это не имело шансов

на реализацию, поскольку мусульмане, несмотря на свое название, малорелигиозны, а кроме того не составляют и половины населения республики. Живя между двумя сильными соседями, мусульмане осознавали, что их республика сможет выжить только как полиэтничная страна.

Уже в декабре 1991 г. ЕС высказался о готовности оказать поддержку любой югославской республике, которая пожелает получить признание в качестве независимой страны. На референдуме в Боснии и Герцеговине 63% голосовавших высказались за независимость, сербское же население бойкотировало его. Лидеры трех национальных общин пришли к выводу, что выход из охватившего республику кризиса возможен лишь на путях раздела ее на три части в рамках государства Боснии и Герцеговины. Однако реализация этого плана была блокирована проблемами территориального раздела, план показал полную абсурдность строгого разделения по национальным границам. В апреле 1992 г. ЕС и США признали независимость Боснии и Герцеговины. Этим они пытались предотвратить ее распад. Не следует забывать, что Босния и Герцеговина была признана не как мусульманское, а как многонациональное государство. Сербская община заявила о провозглашении независимости Республики Сербской, несколько позднее хорватами была провозглашена Герцег-Босна.

Вскоре начался взаимный захват территорий. Противостояние (за редким исключением) шло по этническому принципу. Этнические чистки, создание этнически чистых территорий стало не результатом войны, а ее целью. Каждому второму жителю Боснии и Герцеговины пришлось покинуть свой дом. В какой-то степени это была война деревни с городом. Боснийские деревни преимущественно моноэтничны, тогда как в городах население смешанное. В работе рассмотрен ход событий в воюющей Боснии и усилия мирового сообщества по урегулированию кризиса. Война была прекращена в результате подписания Дейтонских соглашений. Они подтвердили существование Боснии и Герцеговины в ее прежних границах, но состоящей из двух частей - Мусульмано-Хорватская Федерация и Республика Сербская.

Будущее этой страны зависит от ключевых политических вопросов послевоенного устройства, социально-экономического восстановления. Но уже сейчас ясно, что Босния и Герцеговина далека от внутреннего единства, поскольку можно даже говорить о кризисе Мусульмано-Хорватской Федерации, а Республика Сербская вообще рассматривает "внутреннее разграничение в Боснии" как важную предпосылку ее движения к самостоятельности. Действительно, в проекте будущего функционирования государства предусматривались некоторые общие органы, такие как МИД и Министерство внешней торговли, но отсутствовали многие необходимые для страны атрибуты: единые территория, население, юрисдикция, армия. Сколь живучим будет государство Босния и Герцеговина покажет время.

В урегулировании ситуации успешно преодолены первые этапы - своевременно осуществлена передача территорий между двумя образованиями, осуществляется гражданская часть соглашения, проведены выборы в государственные органы.

Нужно полагать, что процесс возвращения беженцев растянется на долгие годы. Жители, покинувшие Республику Сербскую, и находящиеся на территории Федерации, скорее всего там и останутся. Не собираются возвращаться и сербы в Федерацию. Уже после подписания мира в республике продолжалась этническая чистка, примерами которой являются исход сербов из Сараево, разделение Мостара хорватами и мусульманами, попытка мусульманских властей Травника выселить из города хорватские семьи. Это свидетельствует о том, что Босния и Герцеговина будет представлять собой набор довольно однородных в этническом плане территорий. А потому итогом гражданской войны в Боснии станет негласный раздел страны между общинами. Этого, собственно, и добивались сербы, начиная в 1992 г. борьбу за собственный суверенитет.

К сожалению, нельзя было исключить, что следующими очагами обострения обстановки на пространстве бывшей Югославии могут стать Косово и Македония. В Косово межэтнические трения происходят уже на протяжении почти 20 лет.

Македония - единственная республика бывшей Югославии, сумевшая выйти из ее состава мирным путем. Но при кажущемся благополучии межэтнических отношений в стране, они

должны рассматриваться в широком региональном контексте, в комплексе, как звенья цепи греко-болгаро-албано-сербско-македонских отношений. Македония давно является яблоком раздора на Балканском полуострове, македонский вопрос - это призрак, бродивший по Европе до 1914 г., и он вновь может оказаться взрывоопасным. Судьба Македонии не безразлична соседним государствам. Греческие власти выступили с протестом против названия республики, поскольку оно совпадает с историческим названием одной из областей Греции. Это вызвало сложности с международным признанием Македонии. Не находит решения также многолетний спор между Македонией и Болгарией. Несмотря на то, что Болгария первой в мире признала новую соседнюю страну, причем под существовавшим названием, тень конфликта витает над отношениями этих двух государств. Болгария не имеет к Македонии территориальных претензий, но не признает македонцев в качестве отдельного этноса. Македонское правительство, понимая, что военные действия в этой южной республике могут приобрести международное звучание, пытается найти выход путем переговоров и компромиссов.

Официальная Македония придерживается принципа "Македонии как многонациональной страны" и пытается интегрировать национальные меньшинства в политическую систему. Национальные меньшинства в Македонии (албанцы, цыгане, турки, влахи, теперь еще и сербы) наделены всеми политическими правами. Вместе с тем, тяжелое экономическое положение и сложная международная ситуация подталкивают внутриполитическую обстановку к постоянной радикализации. Действия правительства критикуются как собственными македонскими националистами, так и представителями национальных меньшинств.

Македонский президент обвиняется в "распродаже Македонии", в потворстве увеличению численности мусульман. Активную позицию занимают албанцы. Они выступают с требованием предоставления им территориальной автономии. Также отрицательно сказалась на межэтнических отношениях конфликтная ситуация на постюгославском пространстве. В частности, довольно сильны антисербские и античерногорские на-

строения. Союз сербов и черногорцев Македонии заявил, что по отношению к этим двум народам постоянно нарушаются положения конституции, обеспечивающие всем этносам равные возможности. Вопрос о статусе сербов, признании их политической партии, согласии на предоставление возможности образования и получения информации на сербском языке был решен лишь в 1993 г. До сих пор не урегулированы отношения между сербской и македонской православными церквями.

Необходимо отметить, что в силу того, что практически во всех вновь созданных государствах в межэтнические конфликты было вовлечено местное сербское население, СРЮ, не являясь непосредственным участником военных действий, оказалась тем не менее, одним из главных действующих лиц в нынешнем балканском кошмаре. Более того, мировая общественность возложила именно на нее вину за кровавые события, потрясшие постюгославское пространство.

Вероятно, это связано с целым рядом причин, среди которых выделяются следующие: а) Сербию нередко идентифицируют с политикой, проводившейся ранее в общеюгославском масштабе союзным правительством и СКЮ; б) правящую ныне партию Сербии - Социалистическую партию и ее лидера С. Милошевича рассматривают как продолжателей политики СКЮ; в) Сербию обвиняют за участие в судьбах сербов, проживающих на территории других республик; г) провозглашение независимости и выход из федерации большинства составлявших ее ранее республик привел к тому, что Югославская армия фактически стала армией Сербии и Черногории; д) одна из главных причин - сербские националисты выдвигали идею "Великой Сербии".

Интересно, что сербское национальное движение в отличие от других республик формировалось не как атака на югославизм, а как защита целостности страны, в противовес сепаратистским выступлениям албанцев. Различие двух форм национализма состоит также в том, что в Хорватии и Словении он обрел форму антикоммунизма. В Сербии же антикоммунистическое национальное движение, во главе которого стоял Вук Драшкович, было довольно слабым. Оно не нашло широкой

поддержки населения еще и потому, что имело экстремальную форму.

Поэтому в период резкого кризиса 90-х г., когда дезинтеграционные процессы охватили экс-Югославию, лишь две ее республики последовательно выступали против распада страны - Сербия и Черногория. Когда распад Югославской федерации стал окончательным и был признан мировым сообществом, эти две республики создали федерацию. Возникла новая, теперь третья Югославия.

Черногория в значительной степени отождествляла свои интересы с интересами Сербии по историческим и этническим мотивам, руководство Черногории до последнего времени в целом занимало просербскую позицию. Но перед этой маленькой республикой стоят свои внутренние проблемы. Среди основных политических сил Черногории выделяются три течения: одно выступает за баланс между Черногорией и Сербией. Другое составляют те, кто считает, что черногорцы - это сербы, а значит надо просто к ней присоединиться. Третьи же выступает против ориентации на Сербию, за суверенитет и за конфедеративное устройство. Вопрос о месте Черногории в Югославии, о характере взаимоотношений в федерации является предметом широкого обсуждения.

Серьезной проблемой является конфликтность взаимоотношений Сербии с этническими меньшинствами. В работе подробно рассмотрены особенности югославской государственной политики в области прав меньшинств, движения в рамках этих групп и выдвигаемые ими требования. Наиболее серьезные проблемы, касающиеся положения этой категории граждан Югославии, связаны с тремя этническими группами: албанцами Косово и Метохии, венграми Воеводины и мусульманами Санджака, области пограничной с Боснией и распространяющейся на Сербию и Черногорию.

Ограничение суверенитета автономных краев в 1989-1990 г. привело к еще большей конфронтации между центральной властью и албанцами, их поляризации вплоть до взаимного непризнания и отсутствия диалога. Своеобразной формой протеста стала самоизоляция албанцев из политической и общественной жизни страны. Они не участвовали в выборах в госу-

дарственные органы, отказались от общепринятой в Сербии образовательной системы, хотя образование и велось на албанском языке. "Республика Косово" провела собственные выборы, приняла собственную конституцию и провозгласила независимость.

Албанское движение является мощной политической силой, с которой не могут не считаться сербские и федеральные власти. Тем более, что дальнейший ход развития событий в Косово показал, что с начала 1997 г. все активнее стала проявлять себя "Освободительная армия Косово", придерживающаяся тактики силового решения проблемы. Новая вспышка напряженности в первой половине 1998 г. привела к усилению военных выступлений косовских экстремистов. И пока удалось добиться лишь первых шагов по переводу конфликта на рельсы политического диалога между Белградскими властями и косовскими лидерами.

Важно также учесть, что косовский вопрос стал интернационализироваться, в частности, его стали использовать в качестве аргумента для решения других проблем и прежде всего при выработке стратегии в связи с положением сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине, затем уже в связи обострением ситуации в самом регионе. Как югославские лидеры, так и их оппоненты вынуждены говорить о выработке одинаковых условий для всех республик и этнических групп, т.е. как для сербов за пределами Сербии, так и для албанцев Сербии.

Межэтнические отношения в Воеводине относительно спокойны, хотя вопрос о современной автономии Воеводины, ее взаимодействии с республиканскими властями широко обсуждается общественностью. Идею расширения автономии высказывают многие партии, но практически никто из политиков не видит будущего этого края вне Югославии. Следует подчеркнуть, что концепция автономии Воеводины в большинстве случаев не носит этнического характера и предполагает региональное выделение, хотя некоторые круги говорят об автономии венгров.

Возникновение новых государств на территории Югославии предопределило обострение многих проблем. Среди них одна из трудноразрешимых - мусульманская, которая стала об-

остряться с распадом экс-Югославии. Лидерами мусульман СРЮ при решении вопроса о статусе области Санджак, где они составляют большую часть населения используется тот факт, что они являлись конституированным народом в прежней Югославии, а не национальным меньшинством. Они сравнивали свое положение с судьбой сербов в Хорватии.

В целом течение югославского кризиса определяет государственную национальную политику, а также поведение этнических меньшинств и их партий, изменяет этапные цели и политическую стратегию обеих сторон. Будет ли продолжаться злоупотребление вопросом меньшинств, станет ли он использоваться в качестве способа давления при проведении в жизнь различных политических идей или спокойно решаться, зависит от целого ряда внутренних и внешних факторов. Не вызывает, однако, сомнения, что все усилия заинтересованных сторон должны быть направлены на то, чтобы война, с таким трудом остановленная в одних балканских регионах, не вспыхнула в других.

Мировая практика в области урегулирования этнических конфликтов и политика различных государств в сфере прав национальных меньшинств свидетельствуют, что понятие "национальное меньшинство" является не количественной, а политической категорией. Часто доминирующий этнос не намного численно превышает национальное меньшинство, а в ряде случаев и уступает ему. Это особо подтверждается на примере экс-Югославии. Несмотря на гарантии равных прав, конституционно закрепленное деление населения страны на народы и народности создавало почву для недовольства последних. В связи с этим одной из целей борьбы национальных меньшинств (прежде всего албанцев) за свои права стало изменение их статуса в правовом устройстве как прежней Югославии, так и новых стран. Особенно принципиальным этот вопрос стал для этнических групп, ранее рассматривавшихся народами на всей территории государства, а теперь оказавшихся в статусе меньшинств за пределами основного массива расселения своего этноса.

Процессы, происходящие в Восточной Европе, еще раз подтвердили, что этнические группы могут менять свой статус в зависимости от политической ситуации. В результате суверени-

зации советских и югославских республик титульные народы перестали жаловаться, что являются национальным меньшинством по отношению к доминировавшим русскому и сербскому этносам. Процесс борьбы за суверенитет привел к превращению меньшинства в большинство в своем национальном государстве, но способствовал образованию новых меньшинств, т.к. рассек государственными границами другие этносы на более мелкие.

Этнический фактор, положенный в Восточной Европе в основу государственного размежевания, не привел, однако, к образованию моноэтничных государств. Большинство из вновь созданных стран обладает сложным составом населения. Осознав противоречие этнического национализма с общегуманитарными принципами, лидеры некоторых новых государств стали от него постепенно отказываться, определять свои государства как многонациональные.

Сама по себе попытка провести административные границы по этническому признаку утопична, т. к. во многих регионах население этнически смешано, к тому же изменение границ ущемляет интересы соседних государств и часто приводит к этническим конфликтам. На мой взгляд, кажется верным тезис о необходимости разграничить понятия этнос и нация. Если понимать нацию как "многоэтничное по составу образование, основными признаками которой являются территория и гражданство" (В. А. Тишков), тогда новые национальные государства будут строиться на основе общности согражданского, а не кровного родства.

Это не отрицает необходимости создания благоприятных условий для сохранения этнического своеобразия национальных меньшинств, обеспечения им равных с доминирующим этносом прав и даже предоставления некоторых льгот. Защита меньшинств включает в себя индивидуальные и групповые права. Необходимость функционирования первого варианта прав является практически общепризнанной. О второй же дискутируют. Правовое государство признает в качестве субъекта права гражданина, имеющего гарантии реализации своих этнокультурных и этно-языковых потребностей. ООН также в своих документах делает упор на формальном равенстве индивидов.

Вместе с тем, поиск эффективных форм защиты меньшинств вызвал потребность обратить внимание на групповой аспект их существования как необходимое условие стабильного положения в обществе. Это побудило к признанию за национальными меньшинствами прав коллективного характера. Такой подход стал распространяться в 80-е годы. Страны Восточной Европы предоставляют меньшинствам преимущественно три вида коллективных гарантий: образование, употребление родного языка и представительство в органах власти. Формы самоорганизации для защиты и самозащиты интересов своей национальности могут быть различны и включать в себя различные виды автономий и национально-культурных объединений.

Поднятые в этой работе вопросы затрагивают лишь часть проблем, касающихся взаимоотношений этнических групп и государств, в которых они проживают, проводимой правительствами национальной политики, регулирования положения меньшинств в многоэтничном сообществе. Различные аспекты жизни национальных меньшинств - правовая обеспеченность, особенности социального статуса, соотношение прав меньшинств и человека будут еще долго дискутироваться. Но на мой взгляд, общие принципы политики защиты меньшинств и концепции отдельных государств должны базироваться на выполнении нескольких условий:

Этнические меньшинства должны обладать всеми гражданскими, политическими, экономическими, культурными правами, которые имеет доминирующий этнос;

Этническим меньшинствам важно обеспечить условия, позволяющие сохранять и развивать культурные особенности, язык, религию и т. д.; в ряде случаев меньшинствам целесообразно предоставить определенные льготы;

Необходимо искать мирные пути демократического сосуществования различных групп в обществе, не допускать этнических конфликтов и военного решения спорных вопросов, ориентироваться на диалог.

Подводя окончательные итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть следующее:

Заключение

1. Значительная часть этнических проблем вызревала во второй Югославии и с распадом страны активизировалась (например, проблема албанского населения и статуса автономий), другая, связанная с переделом границ и новыми диаспорами явилась следствием деления федерального государства на несколько частей. Межэтнические противоречия, имея в своей основе социально-экономические и политические корни, обострились в момент масштабных институциональных преобразований общества.

2. Благодаря заключению Дейтонских соглашений удалось прекратить военные действия между конфликтующими сторонами. В этом смысле они стали шагом к миру, но прочный мир в регионе не установлен, поскольку компромисс, навязанный силой со стороны, не смог устранить глубинные причины, вызвавшие югославскую трагедию. Ни одна из бывших югославских республик полностью не удовлетворена Дейтонскими соглашениями, и это свидетельствует о том, что кризис загнан внутрь, но не исчерпан.

3. Вопрос о положении сербского населения, оказавшегося за пределами Сербии - один из наиболее серьезных конфликтных вопросов в балканском кризисе. Анализ событий приводит к мысли о том, что для сербов было бы более перспективно на каком-то этапе ориентироваться на обеспечение гражданских прав своей диаспоры, оказавшейся за пределами Сербии (с получением международных гарантий на этот счет), а не на уход их новых государств вместе с занимаемыми территориями, историческая судьба которых весьма сложна и не однозначна. Новые диаспоры, ранее бывшие доминирующими этносами, - общая проблема для постюгославского и постсоветского пространств. Но Россия отказалась от попытки объединить всех русских в одном государстве. Это позволило ей уберечься от многих кровавых столкновений. В данном случае политика России оказалась более дальновидной, а балканская трагедия преподнесла нам поучительный урок.

4. На заключительном этапе военного конфликта события развивались таким образом, что на первом плане и в центре внимания мирового сообщества оказался мусульманский фактор. Разумеется, он важен, но мусульмане отнюдь не являлись

большинством населения даже в Боснии и Герцеговине, а тем более на всем пространстве экс-Югославии. Основной осью внутриюгославского процесса на всем протяжении существования этого государства были сербско-хорватские отношения. А они оказались у "миротворцев" как бы на втором плане. Роль же мусульманского фактора в балканском конфликте была явно искусственно преувеличена. Боснийские мусульмане - славянского происхождения, сейчас же им прививается несвойственный этой части населения фундаментализм. "Зеленый пояс" этого региона: мусульманская Босния-Санджак-Косово-Албания весьма взрывоопасен и поэтому к нему следует относиться с большой осторожностью и не играть с огнем, поддерживая его боеготовность.

5. Следствием кризиса стала перегруппировка населения на территории экс-Югославии по этническому принципу, в зонах конфликта практически не осталось районов со смешанным населением. Резко сократилось число межэтнических браков. Возросла численность южнославянской диаспоры за пределами Балкан.

6. Заключенные между противоборствующими сторонами соглашения фактически закрепили административное деление по этническому признаку, хотя и предусматривают возвращение иноэтничных беженцев в свои дома. Вроде бы сохранив внешние границы новых государств, Дейтонские соглашения вместе с тем как бы легализовали этнические чистки внутри них, что чревато дальнейшей перекройкой этнической карты Балкан. Трудно поэтому сказать, как будут развиваться события после вывода сил НАТО с территории экс-Югославии (если он, конечно, состоится в ближайшие годы).

7. Федеративная структура, лежавшая в основе государственного устройства "второй Югославии", не изжила себя на постюгославском пространстве, а возродилась в виде таких объединений, как состоящая из двух субъектов Союзная Республика Югославия, Федерация Боснии и Герцеговины, а после Дейтонских соглашений и сама Босния и Герцеговина в международно признанных границах, включившая в себя Мусульмано-Хорватскую Федерацию, а также Республику Сербскую.

8. Уникальная ситуация могла бы сложиться в связи с положением Дейтонских решений о возможности вступления частей Боснии и Герцеговины в "специальные" (фактически - конфедеративные) отношения с соседними странами: Мусульмано-хорватской федерации с Хорватией, а Республики Сербской - с Сербией. Примеров такого рода в мировой практике вроде бы не было. Конечно, эта идея вызвала неприятие у боснийских мусульман, не имеющих в отличие от боснийских сербов и герцеговинских хорватов "запасной родины". Кроме того, мусульмане могут усматривать в этой идее скрытное возвращение к планам раздела Боснии и Герцеговины между Сербией и Хорватией. Но если бы подобный механизм смог функционировать и отвечать национальным интересам его участников, то полученный опыт бы приобрел более широкое, выходящее за рамки экс-Югославии звучание. Однако, последующие события показали, что мировое сообщество пошло по пути отступления от Дейтонских соглашений и поощрения централизации Боснии и Герцеговины.

9. События на Балканах подтверждают, что попытки решать сложные проблемы межэтнических отношений путем перекройки границ и создания любой ценой моноэтничных государств неизбежно ведут к войне, даже если это оправдывается благими намерениями "воссоединить разделенный народ" или защитить права национальных меньшинств. При этом обычно сторонники такого подхода обещают действовать исключительно мирными методами. Но жизнь показывает, что чаще всего подобных теоретиков бесцеремонно отодвигали в сторону практики (полевые командиры) и начинали "восстанавливать справедливость" силой оружия. Главной жертвой при этом оказывается мирное население, независимо от его этнической принадлежности.

10. К настоящему моменту можно выделить три этапа балканского кризиса: латентный, активный и восстановительный. Первый этап, при котором конфликт носил скрытую форму, начался до распада Социалистической Федеративной Республики Югославии. На этой стадии еще можно было изыскивать возможности для принятия конструктивных мер, способных предотвратить этнические взрывы. С распадом федерации раз-

разился широкомасштабный конфликт между этническими группами. Но исторический опыт свидетельствует, что после кровопролитных войн неизбежно наступает момент, когда противоборствующие стороны садятся за стол переговоров. Здесь им необходимо вспомнить, что возможно не только противостояние, в том числе по этническому принципу, но и кооперация при наличии общих целей и задач.

ETHNIC CONFLICTS IN THE POST-SOVIET AND POST-YUGOSLAV REGIONS: COMPARATIVE STUDIES

INTRODUCTION

Events of the last few years have shown that ethnic conflicts are a constant source of international interest. With the end of the cold war, regional conflicts provoked by ideological resistance have disappeared. There is now a new generation of conflicts, initiated by individual ethnic groups with the purpose of changing their political, cultural and language status, that has come to the center of the international arena. Territorial disputes, dissatisfaction of a political situation and national inequities have led to an explosive mixture that stimulates many regional conflicts.

The situation of European nationalism in the XIX century, as Dan Smith has noted, was frequently the creation of larger political formations, with collective identification and uniform political administration. Today the majority of national movements lead to separation as opposed to integration. This activity forms smaller political units[1].

Separatist movements in Western countries have shown the seriousness of national problems. Similaryly, in

the countries of Eastern Europe the revival of national self-consciousness has quickly filled the gap, that was created by the downfall of communist ideology. National and ethnic identification, turned out to become the most uniting element in the development of mass political consciousness, as a result of this ideological vacuum.

The radical political and economic transformations, which have taken place in Eastern and Central Europe, have caused the ethnic factor to become one of the decisive aspects in modern life. In the last few years, the mobilizing political role of "rebeling ethnicity", has disproved the modernization theory known as developmentalism. According to the theory of "nation building", it was predicted, that soon the ethnic self-consciousness would become an anachronism in the world of the industrial progress, and through the social and cultural process individual ethnic groups would gradually disappear, and the formation of a national integrating structures would soften ethnic distinctions and strengthen cosmopolitism[2].

Historical experience shows, that the national question has become the corner stone of social and political mobilization. The development of modern national statehood occurs, in the conditions of two contradictory tendencies. On one hand, growth of interdependence and integration of mankind, and on the other - the strengthening (amplification) of ethnic self-consciousness and the aspiration to save distinctive cultural features. This burst of ethnicity was a reaction of sorts, to the remains of traditional culture, preserved in the world, despite the processes of modern development.

Overestimation of the forces for state development and functioning, has resulted in a process of detailed reorganization of public relations. This transformation of the political system, and transition to the market economy, has

simultaneously captured the whole European region, of the "socialist"countries.

Deep changes in politics, economics, social welfare and ethnic identity have taken place in many spheres of the life of separate countries and, of the world community. Ethnic identity, that has arisen out of the ruins of the federation, captured these countries to the greatest degree. The transformation of the state system and the revision of state borders were the catalyst of many processes, involved in ethnic character. Among them is the migration of population, the change of the ethnic structure of countries and regions and the creation of new ethnic minorities. All young democratic formations, in the process of state and public transformation, pay large attention to the interethnic relations, but in many cases, as has turned out, it is not enough to stabilize them.

SELF-DETERMINATION AND THE DISINTEGRATION OF SOCIALIST FEDERATIONS

The new tendencies in the world development, the growth of ethnic self-consciousness, and the movement towards sovereignty has produced interethnic relation problems. As far as this national idea unites only a part of the community, it is opposed by other ethnic groups. Such direction of development is especially dangerous for states with a complicated ethnic structure. These difficulties have captured all young states, but have hit with the heaviest force on multiethnic countries. This situation is at the root of national unrest.

The creation of national self-consciousness and the cultural revival of ethnic groups, has become the central point of fundamental transformation. In spite of the large

positive emotional charge, these ideas have produced tensions on an ethnic, cultural, linguistic and religious basis. The inherent differences have increased the probability of dangerous conflict both among newly created states, and within them. This has become an important sphere of tensions on our planet.

As a result of the changes on the political map of Europe, and the disintegration of three federations (USSR, SFRY and CSFR) new states were founded. This phenomenon, certainly, had objective preconditions, which are very complex and varied. One of the key reasons for the disintegrative processes, is an aspiration of individual ethnic groups to realize their right to self-determination and to create a "nation-state". Newly created states, to a greater or lesser extent, base their concept of justice on an ethnic principle, though they admit to a polyethnic structure of society, proclaiming their state as having civil qualities.

Ethnic communities in many countries of the world, represent one of the most pressing social and political problems today. The urgency and pungency of this problem in the states, formed on the territories of the former states, USSR and SFRY, make it a number one priority in our days, and in the foreseeable future. It is the subject of constant attention and discussion for the legislative and executive authorities of different levels and for the mass media. The ethnic and minority question takes an important place on state negotiations of the former republics, in the agreements signed between them and on the accepted declarations and its applications.

The process of social transformation, potentially, has conflict. Even more dangers and disputable moments are present in the self disintegration of these states. The contradiction of the modern period, is a combination of the

principle of territorial integrity, stability of boundaries, European safety, and the right of nations to self-determination, which is the internationaly recognized legal norm.

The realization of the last one, has been stimulated by an aspiration to create monoethnic states. This tendency to divide (separate), proceeding from the ethnic principle, has provoked, in a number of cases, territorial claims, problems of ethnic minorities and other list trem. The dissolution of Czechoslovakia has passed, quiet and peaseful. In contrast to that, the destructive process of two federal states, the USSR and Yugoslavia, was rapid and dramatic. In a number of cases it was difficult to find the balance between ethnic territories and the political borders. Military action was not avoided in either state.

STATES IN TRANSITION AND ETHNIC CONFLICTS

In our day, as research conducted in the Institute of Analysis and Management of Conflicts and Stability (Moscow), testifies, there exists on the territory of the former USSR about two hundred potentially disputed situations, aimed at the redistribution of the political authority in the new independent states and on the process of change of state device in these countries, and hence, capable to turn into ethnic conflicts[3]. In each of the new Balkan states some "explosive" areas have been designated.

Despite the individual features of every ethnic conflict, which is taking or has taken place on the territories of the former USSR and Yugoslavia, all of them originally **express the process of social, political and economic transformation** of the East European contries in the

middle of the 80-s. Most of the conflicts, in SIC and in the Balkan region, belong to the category of internal (civil) conflicts. These have led to periods of civilizational improvements (changes,"shifts"). Different types of ethnic conflicts, in this author's opinion, have common sources and similarities, and the features of the conflicts, are displayed as being dependent on particular historical conditions and specific characteristics of a region. Most of the ethnic problems have escalated in the USSR and Yugoslavia, and with the disintegration of these states, they became confrontational (for example, in Yugoslavia - the problem of the Albanian population and status of autonomies). Some conflicts, connected with the changes of the borders and new diasporas resulted from the division of federal states into several parts. The ethnic contradictions, having their basis in social, economic and political roots, became strained during this period of increasing social transformations.

The process of conflict in the researched regions, would be better understood, if the contradictions, that are the driving forces of these phenomena, could be designated.

COMMON AND SPECIFIC FEATURES OF DISINTEGRATION

Comparison of the situation in the post-Yugoslav states with processes, occurring in the post-Soviet society demonstrates the similarities. The disintegration of the USSR and the crisis on the Balkan peninsula proceeded in parallel manner. The creation of new independent states took place simultaneously.There are many similarities present in their fates (destinies). The common features are the communist background and the development of the multi-

national federal state systems, which included different historical and religious worlds. The reasons for the disintegration and dynamics of these crises, coincide in many respects. There are differences, connected not only with the sizes of the countries, but also with their history, ethnic and economic structure. It is necessary to mention, that in Yugoslavia, the connections between separate federal units were younger and weaker. There was concensus of opinion on the artificial nature of the creation of the Yugoslav state in 1918.

At the very beginning, the crisis in Yugoslavia occurred in a softer form than in the USSR. There were such peculiarities as, the system of self-management, the decentralisation of the national economic managment, and the economic independence of separate regions. In Yugoslavia this had occurred earlier, than in the USSR, as the role of the communist party changed towardes non-interference, especially with regards to the economic processes. The situation in the two countries differed by several features. First of all, in Yugoslavia, there was no obvious hierarchy of one republic above the other, and second, the gap in the level of economic development, of the separate republics, was increaseing. In Yugoslavia the system of self-management and decentralisation of the country furthered local growth and a separational mood. In Yugoslavia, conditions had acquired a nationalistic colouring. The situation in the USSR differed, as there was the strong practice, of the vertical subordination of the peripheral regions to the centre. At the same time, as events have shown, these was a common administrative-command system in the economy and political life. The result has appeared to be similar - ethnic confrontation and the struggle for sovereignty.

Summary

The basis of both states existence - Soviet and Yugoslavia - was the party-administrative system of control over social life, united for the whole territory. Therefore it is not surprising, that with its wreck, the occurrence of pluralism in the opinions and actions of political leaders and civilians, the led to the introduction of democratic procedures and the dissolution of central authority. The idea of soverenity began to spread.

One more reason for the aspiration for sovereignty, was the economic crisis in these states. It is not by the accident, that the most advanced republics had the strongest desire to branch off, both in the USSR and in Yugoslavia. On the other hand, economically backward regions, which were previously interested in the existence within the uniform states, as soon as their economic situation had become better, stopped to require the trusteeship of the central athorities and, at the same time, began to accuse the center for all their failures. The dialectics of the situation in both countries, consisted in the fact, that up to a certain stage, the federal republics were interested in the uniting of their efforts, in the joining (rallying) role of the centre, that would provid them with a faster rise in the standard of living. Later this accumulated potential, resulted in the striving of independence for these regions. Looking pragmatically, one could see, that there had taken place a gap in communications (connections) based on the distributive model of managing. The reason of this gap was not the sovereignty movement, but the disintegration of the administrative system managing the economy. The sovereign presence, in the republics stimulated these tendencies in the economy, but had not provoked them.

The occurrence of separatist tendencies involved in the processes of state disintegration and the flares of interethnic tensions, caused scholars to see first, the social

and psychological factors of the ethnic conflicts, that are connected to the growth of a national self-consciousness. It would seem that Samuel Huntington's concept of "clash of civilizations " which theoretically explains this sight, can delineate very well the disintegration of the USSR and the situation in the former Yugoslavia[4]. A variety of traditions and historical conditions in the huge ethnic and cultural pluralism of the former Yugoslavia, at times were used to explain the destructive factors by different forces, internally and externally. This can be applied to the larger state - the USSR. The concept of " ethnic incompatibility ", as the explanation of the conflicts origin is not supported by this author. In many cases, conflicts, based on political factors, are treated in the same way as ethnic conflicts. The main reason in the majority of significant long-drawn-out conflicts, is that these is a struggle for the right of **control over resources**. The author would like to emphasize, that the extremely complex conditions, formed in post-Soviet and post-Yugoslav areas, and accompanied, in a number of regions, by military actions, occurred because of the political, economic, social and ethnic contradictions, which accumulated in these societies.

In East-Central Europe the most significant provocative factor for ethnic revival, was the principle of state building. The Marxist-Leninist view of nations is based on the ethnic principle. It defines members of a nation as an ethnic community, not as citizens of a state.

The USSR, Yugoslavia and Czechoslovakia had an ethno-federal structure, according to which, territorial administrative units were identified with a particular nation (the Belarus Soviet Socialist Republic, the Croatian Socialist Republic, etc.). Each titular group attained a privilaged standing in its home republic and was offorded this special

jurisdiction in sociocultural, economic and political life. Robert Hayden has identified it as constitutional nationalism[5], it could be also called territorial nationalism. In the case of the Soviet Union and Yugoslavia, sovereignty resided with each particular ethnic group, the members of which, were the only ones who could decide fundamental questions of state form and identity.

This situation was complicated by russification and serbization of these countries and the necessity to share the leadership by the dominant of the federal authorities. These were identified with the dominant ethnic groups. Territorial nationalism was the main reason why the economic modernization and democratisation of the society developed in parallel, with the nationalist movements.

The reason for the centrifugal tendencies in the USSR and Yugoslavia should be viewed as an infringement of balance between the centre and the republics, and the paralysis of the centres' authority, which had previously united these countries. The subsequent disintegration of the federations is the evidence of these facts. There has been a redistribution of forces, for the benefit of the republics, and the balance of the old political structure was upset. This centrifugal reaction, directed on the redistribution of the authorities for the benefit of the republics, accounted for the weakening of the centres. This produced conflicts between republics that were interethnic. The regional and ethnic factors were interlaced and aggravated by the fact, that the concept of the state of USSR and Yugoslavia was based on the ethno-territorial principle. At that moment, the relations between the centre and the republics acquired an ethnic colouring. It was precisely in the ethno-cultural sphere, that the vertical split of the ruling elites was originally displayed, and this fact was carried over into the political realm.

Summary

In these conditions of political and economic crisis, the interethnic differences increased. The number of ethnic conflicts grew, and the intensity of the struggle for sovereignty, amplified difficult relations between the ethnic groups. Nationalism had become the most powerful, if not the prevailing force, in society today. The contradictions of the political elites, irrespective of their party, had transformed the national question, into their struggle for authority. Its explosive character had not been considered. As a result the events went out of control, producing civil wars and conflicts that were, in some cases, persistent and merciless in character.

Almost simultaneously in the USSR and Yugoslavia, it was realized that the necessity of the conceptual updating of their respective national policies, including general changes and reorganizations of relations within the regions was critical. In the USSR, the insufficient attention to priorities of local interests, and the fact that "the centre" itself had been promoting in the republics, the way to an increase in autonomy of the republics for its own self-preservation, opened to the sovereignty. The idea of the expansion of the republics by the authorities was introduced, and maintenance of real dependence of the local budgets, from the results of economic activity, was put forward. All these ideas, in reality, promoted positions to pacify Russia and other federal republics. These ideas did not help to avoid disintegration of the country, but stimulated the conflicts, directed due to the change of status: between South Ossetia and Georgia, Abkhazia and Georgia, Pridnestrovje and Moldova, Chechnya and Russia.

It was believed in Yugoslavia, opposite to the USSR, that the system of self-management and decentralising of the country would promote the growth of local moods and separatism. The experience had shown, that

the excessive responsibility of economic and political independence of the republics would harm the interests of federation as a unit. It was conducted to the hindrance of the communications (connections) between the republics. The so called "system of the coordination of the republic interests" (at time rather inconsistent) had become the weak link in the system of the inter-republic relations. The situation inYugoslavia, at the end of the 80's, was characterized by powerlessness and paralysis of the federal goverment. It lost control over the situation in the whole country, therefore the central authority, regarded it, as a necessity, to make its policy more rigid. In particular, the amendments to the constitution, that were legislated during this period, had limited power, as there were two autonomies already, the republic of Serbia - Kosovo and Vojvodina. Thay did not bring a positive result, moreover, it had displeased not only the autonomies, but also had given the other republics an opportunity for sharp criticism of Serbia. The USSR and Yugoslavia acted in opposite directions, but nevertheless, the result had been the same.

It should be recognized, that the actions of both governments had their logic, but were, perhaps, too late to bring a positive result. At a certain stage changing the status of the ethno-state formation may have become effective in conflict prevention. To increase the status of the Nagorno-Karabakh region up to the level of an independent republic and Kosovo to the level of a republic, and granting the Serbs in Croatia, a kind of autonomy, may have been able, to a large degree, smooth the aggravation, and to lessen the probability of a confrontational situation.

The political conflicts between the federal and republican elites, took place between 1989 and 1991 in all three socialist federations. According to their constitutions, the republics were sovereign political units and had many

attributes of independent states. The events developed, in such a manner, that during the transition period, many old doctrines were destroyed. The Constitutional right of nations to self-determination and the right to secede into full political independance was considered dangerous. Previously, any hint of actualising this constitutional right was considered as anti-communist activity. The right for sovereignty became possible to realize, only with the easing of the party-administrative control in these countries. The tragedy rested in the fact that, the gears of its realization were not developed.

TYPES OF ETHNIC CONFLICTS

The causes of ethnic conflict can looked at from many different angles. This author incorporates the concept of ethnic conflicts with wide view and is a proponent of the definition of this phenomenon, as stated by Valery Tishkov: "We mean by ethnic conflict, organized political actions, public movements, mass disorders, separatist statements and civil wars, in which the resistance passes on the line of ethnic units".[6]

It is one of the most unsolvable questions for students of ethnic conflicts, why and in which cases, does the hotbed of interethnic tensions rise in one region, and not in another, where it would seem to have similar conflict problems.

Many conflicts in ex-Yugoslavia and in the post Soviet space, found their explanation in the priority for the right of self-determination, when the invialability of borders, confirmed by the Helsinki agreements, had moved to the second plan. New hot points in the world are a result

of strengthening of separatist movements. Among them are the ethnic conflicts, regional struggles against federal powers and local transition initiatives under the jurisdiction of states (in some cases arisen as a result of the disintegration of the federation).

The conflicts vary in intensity, but their general and common tendency is to increase. Contrary to the first wave of the conflicts in the USSR and Yugoslavia, which were reduced to short-term mass disorders (Alma-Ata, Fergana, Tbilisi - in the USSR, Prishtina - in Yugoslavia), the current conflicts, finding support in the political, public and national associations are more protracted.

With research of these conflicts, they can be grouped in simular categories. The first designation is: striving for **state independence**. Such claims were stated by self-proclaimed republics: Pridnestrovje, Gagauzija, Srbska Krajna, Republic Srbska, Herceg-Bosna, and also the former autonomies: Chechnya, Tatarstan, Abkhazia and Kosovo.The tendency for secession of the republic of Tatarstan was present, before the agreement of the delegation of power was signed between the federal and republican authorities.

For example, in Transecaucasus, the sharpest conflicts were in Nagorno-Karabakh and Abkhazia. The borders of the Nagorno-Karabakh were determined in 1922, by the establishment of the borders, between Azerbajan and Armenia. The reason for the escalation of these ethno-political conflicts, was the conversion of the borders from the administration to the state. The conflict between Georgia, and its autonomy Abkasia, had commenced after Abkasia had achieved secession from Georgia. It had accepted the appropriate decision in its parliament, but that action had not been recognized to be legal by the Georgian parlament. As a result of the internal separation in

Moldova, and the formation of the self-proclaimed republics of Pridnestrovje and Gagausia, armed conflict began in this region. The dangerous epicentre of destabilization was Chechnya, it had proclaimed, at this time, complete sovereignty. The official position of the Russian government seemed justified by the explanation, that the military actions were directed towards restoring the territorial integrity of Russia, pursuant to its Constitution. As well as, the criminalisation of the authority in Chechnya, and the necessity to restor the destroyed economy, needed for the normal function of the North Caucasus railway. The consequence of this situation was senseless bloodshed and huge human sacrifices, destruction and loss.

Conflict can also arise in situations when a dominant group in one state is **separated from conationals making up a minority in another state**. The classical example of ethnic conflict was the Bosnian conflict. Their were a complex number of reasons for this. First the multiethnic structure of the population and the mix of the Serbian and Croatian population, who were living in or returning to "their" republics. The crisis in that region had acquired a dramatic character. The tragedy was amplified by the fact, that the existence of this state, residing as a multiethnic community was delivered under threat. In the beginning of the conflict, the Presidents of Serbia and Croatia, met to discuss the section of Bosnia and Hercegovina, that was between the two republics. This was to arrange for two of the ethnic groups, in Bosnia and Hercegovina, but the Muslims did not have state near by with which they could be identifed. Living between two strong neibours, the Muslims realized, that their republic could survive only as a multiethnic country. The independence of Bosnia and Hercegovina was recognized by EC and USA in April 1992. In this way, the superpowers tried to prevent its

disintegration, but it was not able to avoid conflict in its bloodiest version. The standoff (with very few exceptions) was based on the ethnic principle. Ethnic cleaning, the creation of ethnic territories had become not only the result of the war, but its purpose. Such course of events was anticipated by the analysts during the debates on Yugoslavia's fate. It was for this reason that Bosnia-Hercegovina (and Muslims first) did not support the idea of the disintegration of the former Yugoslavia in the very beginning of the crises and tried to save a multiethnic Yugoslavia. The disintegration of Yugoslavia had provoked the Bosnian conflict, but the number of ethnic disputes that existed mushroomed in both federal states, long before its disappearance.

In Yugoslavia, for example, the Albanian question, connected with the discontent of this ethnic group, with its position and status, did not change from their agenda for more than 15 years. The claims of the Albanian leaders in Kosovo, including the branch of the region from Serbia or granting more autonomy and independence to this region. The liquidation of the sovereignties of Vojvodina and Kosovo in 1990, resulted in greater confrontation between the central authority and the Albanians. They felt polarized under mutual unrecognition and failure (refusal) of dialogue. The self-isolation of the Albanians, from the political and public life of the country, had become their peculiar form of their protest. Meanwhile "The Republic Kosovo " had conducted its own elections, accepted laws and proclaimed independence. The Albanian movement was the powerful political force, with which Serbian and the federal goverment, had to consider.

The situation, when **regions raise a question of expansion of their administrative authorities and increase of their status,** is the common characteristic of

conflicts, in the post Soviet and post Yugoslav space. In this case, the territory, did not have any pretentions to create an independent state. The conflict is usually less volatile. In Russia, for example, this had occurred in the Ural republic, in Yugoslavia - Vojvodina autonomy, Sandzak (the area, populated by Slav Muslims), and in Macedonia - Albanians. In Croatia the policy of regionalism was carried out (conducted) by several parties and movements of the Istria peninsula.

Another type of conflict results from the **territorial claims of neighbouring ethnic groups** that are close to each other. The best example of such conflict is among the Ossetians and Ingushes. The conflict has passed through bloodshed in 1992 and had an unconciliatory character to it. The reason for it was quite artificial, the misunderstandings of the North Caucasus specific realities, by the central authorities. Having a well intentioned pretext, to return one of the deported nations, into its ethnic homeland, it had accepted the decision to the resettle the Ingushes into the Prigorodni region of Vladikavkaz, a land which had been already settled by Ossetians for a long time. They had rebuilt it and cultivated this area. The Ossetians had started active preparation for a counteraction to the arrival, of the former inhabitants. This situation led to bloodshed, and has left an indelible trace in the consciousness of both the Ossetians and Ingushes[7].

The basis of these problems in Tadzikistan was the rivalry of klan groups, and the conflict between the Tadziks and the mountain Pamir ethnic groups **on the dominant positions in the state**. This conflict tended to grow in Central-Asia and attracted other countries in the region.

Territorial interstate disputes, **the problem of the determining borders** arise by the virtue of the conversion of the administrative borders into the political ones and are

closely connected with ethno-territorial conflicts. Though in this case, formal states, not ethnic groups, are involved in the conflicts, with the conditions of nationalism, they become ethnic colouring. The example of such conflict is, despite basically good relations, occuring on the borders between Slovenia and Croatia. The concerns of the state fitting four villages on the territory of the Istria peninsula, which where governed by Croatia, but settled by Slovinians, so as marine border on the Pirania gulf (Slovenia, disposing with the small site of the Adriatic coast, does not have the access to the sea, because it is blocked by the territorial waters of Croatia and Italy).

In the post Soviet space, for example, territorial claims of Estonia to Russia and the problem of the correction of borders between Russia and Ukraine, Russia and Kasahstan are still on the agenda. The certain intensity, in the Russia - Ukraine relations is connected to the Crimea problem. Russian naval bases are on the Black sea and these is the problem of the division of the fleet. These problems are solved by the negotiations and the coordinations.

Naturally, the most dangerous and bitter conflict, evolved into military collisions and wars. But from a psychological point of view in every social situation, when an **ethnic group is not pleased with its position and status,** there is conflict, even if the expression of the protest have a peaceful character. Various infringements, of certain group interests, such as restriction of minority civil rights, discontent in cultural and language policy of states and the policy of population "crowding" in some territories, could be classified as this type of conflict. The majority of new post Soviet and post Yugoslav states had such problems.

The dominant conflictive feature, which is common for post Soviet and post Yugoslav regions, is the **change**

of status of dominant ethnic groups. The new states struggled against Russian and Serbian features that were part of the culture and way of life. This led to the the resistance of Russians and Serbs, because of their unexpected conversion from " the great nation " into a "national minority " and the "nonaboriginal population ".

The increasing intensity in the interethnic relations could be seen in Kazakhstan, where the Russian population requested recognition of the Russian language from the state and had to ask to be permitted to have dual citizenship. On the North-West of the republic, the Kossaks acted for the unity of Russia and Kasahstan. Estonia and Latvia, had their share of inter-ethnic conflicts, that arose from the problem of the civil rights of the Russian population. Even the Council of Helsinki, in 1995, had noted, that in the most successful post Yugoslav state, Slovenia, there were cases of infringement of human rights. This included basically all citizens of former Yugoslavia that were non-Slovinians. The inflow of the refugees from Bosnia and Hercegovina, created additional economic and social complexities. This was followed by the spread of the mood expressed by, "Slovenia for Slovinians". In Makedonia "the Union of Serbs and Montenegrians" had declared, that the Constitution, ensuring equal opportunities to all ethnic groups, was lax in relation to them.

The **problem of new minorities** is common for post Soviet and post Yugoslav regions. It appeared that after the collapse of the USSR, 17 % of Russians and 15 % of the representatives of leading ethnic groups in the countries of SIK and Baltic region, were living outside their ethnic homelands. This situation was expressed in a number of conflicts. The most complicated, is the question about the previously dominant ethnic groups, - the Serbs and Russians. This was solved in a different way. In this

case the Yugoslav tragedy is a useful lesson for all of us. The problem of the status of the Serbian population outside Serbia is one of the most serious points of conflict in the Balkan crisis. The analysis of events shows it was more advantageous for Serbs to be guided, at this particular stage by maintenance of civil rights for their diaspora, to be rendered new states (with reception of the international garanties for them), instead of aid from Croatia and Bosnia together with the occupied territories, the historical destiny of which is rather complex and ambiguous. Just such position has Russia, according to its diaspora, although the problem of its status in some post Soviet countries causes anxiety.

Russians and Serbs at the beginning of the 90's experienced similar problems. Recently the inhabitants of the unified states had settled widely throughout their territories. Now, segments of dominant nations, appeared to be in the position of national minorities in the sovereign states. After the acceptance of the laws on citizenship, state language, national minorities, and on migration, these groups had to adapt to a new situation. That was inundated with the serious difficulties, not the least being psychological ones such as their new identification, the choice of citizenship, learning of state languages, and retaining contact with relatives abroad. As a result of the state sovereinty of the Soviet and Yugoslav republics, the so called "title"ethnic groups of the federal republics, which were at the same time minorities in the USSR and Yugoslavia, had changed their status and had taken the leading positions in the bodies of power and management, in the political and social spheres of life in the new states. Russians and Serbs had lost their privileged positions.

The status of Russians and Serbs in the different states had a unique specific character. The distinctions of

these situations were defined (determined) by the ethnic policy of the states, where the new minority lives (from assimilation up to the policy of the cultural pluralism), and by the level of the interethnic pressure or conflict interactions within the region. The interethnic frictions and conflicts, distinguished the relationship between the Russians or Serbs and their neighboures.

However, the historical role of the Russian diaspora at the time of the USSR disintegration, did not equal the conflict potential of the Serbs. It balanced between the growth of the separatist mood and the idea of state integrity. After the disintegration of the USSR the Russian minorities, even those living compactly in the new independent states, had not displayed any anxiety, compared to the unrest of Serbs in Croatia and Bosnia-Hercegovina.

For example, the contrast between the high level of russification of the Ukraine nation and the steady resistance of the Croats to the Serb influence, both before and after the Second world war, could explain the character of many processes. This was still peaceful existence of a Russian minority in the Ukraine. Only in the Western Ukraine, were Russian - Ukraine relations some times comparable to the hostility of the Serbs and Croats. In the rest of the territory there were friendly relations with the two conquered ethnic groups. This is confirimed, in particular, by the fact that the migration of Russians from Central Asia to Ukraine was very popular, despite the Russian - Ukraine disputes on the status of the Black sea fleet.

The war in Chechnya has usually been compared to the events in one of the Post Yugoslav states, Croatia. The Chechen and Croat conflicts were simular, due to the fact that they both had separatist tendencies and lobbied directly for parts of the states' territory to become an inde-

pendant country. The difference is that the Croat conflict had an interethnic character, and the Chechen conflict was based on the resistance of the peripheral region against the centre, not of two ethnic groups. Thus in both republics the Orthodox groups made up almost a third of the population - in one case the Russians and in the second, the Serbs. It is notable, that the proclamation of independence of these territories, was followed by different reactions of the Russians and the Serbs, who lived in this region. As is known, the separation of Croatia from Yugoslavia without civil war, was impossible because of the complexity of changing the status of the Serbian population, which in 1991 was 12 % of the population. The Serbs had taken up their weapons. The Croat - Serbian relations became problematic after Croatia had proclaimed its status as a free and independent state with its own Constitution. The reaction to this rule in the new situation was the proclaming of autonomy by the city Knin, the centre of 10 communities with a prevailling Serbian population, firstly in the structure of Croatia, and in 1991 on the basis of a Referendum to become an independant republic, which received the name Srbska Kraina.

On the other hand, the proclaimation of the Chechen republic as an independent state, had not drawn any reaction from the local Russian settlement. The situation was not changed even during the government military action to restore the territorial integrity of Russia.

It is pertinent to remember, that Russia, on behalf of its political chiefs, was one of the main initiators of USSR disintegration. They welcomed this outcome, succumbing to its historical inevitability and of the disintegration of the empire. There was an economic advantage from this action for the Russian economy. In the struggle against the Soviet Union the thesis " Take as much sover-

eignty as you want"was put forward. This thesis was good for the local elites and promoted the strenghtening of its positions. The advantage had taken, in particular, by Djohar Dudaev, who proclaimed sovereignty of Chechnya not only to the Union but to Russia as well. After the disintegration of the USSR the support of this slogan worked against the territorial integrity of Russia.

The Russian intellectuals, who were the main democratic force in the years of "perestrojka" (reorganization), were against the imperialistic idea, but that had not changed the negative attitude towards Russians in the republics of the Union, as they associated the authority in the "centre" with all its miscalculations and errors. The position of the leading republic of SFRY - Serbia - during the crisis of the central authority was diametrically opposed to this disolution. It was this strong opponent of the disintegration of the country that had acted for the integrity of the federation. Thus Russians and Serbs in the republics were perceived the same, as they were associated with the authorities of the "centre", its mistakes and errors.

Russia and Serbia have appeared to be involved in practically all internal conflicts in the new independent states. Russia - because it received, from the USSR its centralized functions, more new disputed situations initiated by the fact of its strategic arms and military presence in different areas. Serbia was not an official participant of the military actions, but nevertheless, by the virtue of the situation, the local Serbian population in practically all new states in the post Yugoslav space, were involved in the ethnic conflicts, and it has appeared, to be one of the main acting people in the occurring events.

CONCLUSION

The negative consequence of these existing conflicts, is felt far beyond the regions in conflict. The stability of the internal and outside situation in the post Soviet and post Yugoslav states, is impossible without the stabilization of the neighbouring states.

The ethnic conflicts have had a number of common consequences in the social, economic, demographic spheres of life. The consequence of the ethnic crisis is to change the ethnic structure in the territories covered by conflicts, in the direction of increased homogenization. It follows that the migrational flow of refugees and immigrants will change the gender and age structure of the population, its reproductive behaviour, an increase of the institution of mixed marriages and will lead to the deterioration of the interethnic situation and crime in the territories involved in conflicts and, in the regions accepting refugees, as there will be growth of the minority population.

As experience testifies, the realization of nationalist programs usually damage the conflicting parties and promotes irrational behaviour. The problem has not been solved. Mutual hostility of ethnic groups will occur for years, interfering with the achievement of consensus.

In summary I want to state a conclusion, which might be the most important. First of all it is necessary to realize that force can not serve as an instrument of conflict resolution. An unique and reasonable method of the settlement and preventive maintenance of ethnic conflicts, is the search of a compromise between the parties in dispute. It could occur in Yugoslavian, as it has with post Soviet experience.

NOTES

[1]Dan Smith. Ecology, Poverty and Conflict. Oslo, 1994..

[2]Karl Deutsch. Nationalism and Social Communication. 2 nd ed. Cambridge: MIT Press, 1966.

[3]N. P. Medvedev, V. E. Nasinsky, E. A. Skakunov. To the concept of the conflict decision in the post - Soviet period. International studies. Moscow, 1994, P.5.

[4]Hantington S. The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order. N. Y.1966.

[5]Robert M. Hayden. Constitutional Nationalism in the Formarly Yugoslav Republics. Slavic Review. Vol.51, No 4. Winter 1992, P.655-656.

[6]Valery Tishkov. Ethnic conflict in the context of social theories. Social conflicts: examination, forecasting, technology of resolution. Moscow, V. 2, No.1, 1992, P. 30.

[7]P.V. Chernov. North Caucasus: sources of the contradictions. The conflicts and consensuse. Moscow, 1995, No. 6, P. 51.

Научное издание

Марина Юрьевна Мартынова

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС: НАРОДЫ И ПОЛИТИКА

ЛР № 065741 от 13. 03. 1998 г.
Подписано к печати 10. 07. 1998. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 30 Уч.-изд. л. 54,5
Тираж 200 экз. Заказ 96

Типография ГПИБ
101, Старосадский пер., 9

